ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

В. П. ПУСТОВИТ

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА ЛЮБВИ
(История гибели первого Анадырского ревкома)

Зимой 1919—1920 гг. на Чукотке, входившей в состав Охотско-Камчатского края, произошли кровавые события. Согласно советской историографии, они развивались по следующей схеме: защитники трудового народа под руководством большевика Мандрикова свергли колчаковскую администрацию, это не понравилось местным богатеям-реакционерам, те произвели переворот и пустили «в расход» весь Анадырский ревком. Как пелось в известной революционной песне: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Такая интерпретация анадырских событий восходит к двадцатым-тридцатым годам XX в. Краткое описание этих событий дал в 1932 г. камчатский краевед Ф. Л. Слободчиков. Перечислив лозунги ревкомовцев (оказание моральной помощи борющемуся пролетариату на материке, уничтожение частной торговли, спекуляции и мародёрства, замена их нормированным обменом), он выделил побудительные мотивы реакционеров-переворотчиков: «Классовый враг-спекулянт зачуял, что наступает решительный момент борьбы с восставшим трудовым народом, что молодая коммуна несёт для него серьёзную угрозу его паразитическому существованию, что наступает конец спекуляции и грабежу» [1].

По Слободчикову, выступление против анадырских ревкомовцев началось под покровом плохой погоды 2 февраля 1920 г. «Свирепствовала сильнейшая пурга, всякое живое существо прекращало движение... Не видно ни зги. Это давало возможность врагу подойти незамеченным и окружить здание коммуны. Когда началась канонада, т. Мандриков... всё ещё думал избежать кровопролития и послал в качестве парламентёра свою жену. Но это не помогло. Ни на какие переговоры не шли. Обманутые коммунары выводились из здания поодиночке на речку Казачку и там зверски расстреливались...» [1].

Ф. Л. Слободчиков располагал списком погибших коммунаров. Мандриков Михаил Сергеевич (псевдоним Безруков Сергей Евстафьевич), большевик, член Всероссийского Учредительного собрания, в 1918 г., по прибытию из центра во Владивосток, взят

под стражу представителями администрации Колчака, просидел в тюрьме до июня 1919 г. Приговорённый к смертной казни, бежал с помощью своих товарищей на Камчатку, затем на Чукотку. Берзин Август, латыш. В Анадыре появился под фамилией Хван. Титов Василий Титович, радист. Гринчук Семён, рабочий, бежал от колчаковской мобилизации в 1919 г. Фесенко Игнатий. Мальсагов Якуб, осетин, приехал в Анадырь из Америки в 1919 г., член ревкома. Вальтер Аренс, уроженец Шлезвиг-Голштинии (Германия), рабочий, прибыл на Чукотку тоже в 1919 г. и тоже из Америки, откуда бежал от мобилизации в интервентские войска. Булат Александр Игнатьевич, литовец, секретарь ревкома, ранее «батрачил у спекулянта». Бучин (Бучек) Василий Павлович, милиционер. Галицкий Мефодий, рабочий, в Анадыре жил с 1914 г. Кулиновский Николай, камчадал, служил в милиции [1].

Слободчиков называет ещё одного коммунара — Михаила Куркутского, который во время переворота находился в районе и «не возвращался оттуда до ареста убийц летом 1920 г.» [1].

На сегодня по уточнённым данным известны десять ревкомовцев: М. С. Мандриков, А. М. Берзинь, А. Т. Булатов, М. Ф. Галицкий, С. И. Гринчук, В. Аренс, В. А. Клещин, Н. К. Кулиновский М. П. Куркутский, И. Фесенко. Из них остались в живых двое: Куркутский и Клещин. Михаил Павлович Куркутский (умер в 1938 г. от туберкулёза), чуванец, большевик-интернационалист, впоследствии председатель Бельского сельсовета на Чукотке. Василий Андреевич Клещин (умер в 1973 г.), раненный в руку при нападении на ревком, скрывался сначала у друзей в тундре, потом ушёл к охотникам на р. Великую. В августе-сентябре 1920 г. он написал несколько писем следственной комиссии Камчатского облисполкома, просил вызвать как свидетеля. Не вызвали. На Отечественной войне Клещина контузило. Награждён орденом Красной Звезды.

Примечательно, что пять из десяти ревкомовцев с оружием в руках защищали советскую власть ранее на материке: Куркутский в качестве командира заградотряда, Берзин — интернационального отряда латышей, а Булатов, Галицкий и Гринчук были красноармейцами [2].

...Петропавловск долго оставался в неведеньи относительно событий в Анадыре. Правда, 11 января 1920 г., на второй день существования в столице Камчатки новой революционной власти, председатель Анадырского уездного совета Мандриков и секре-

тарь совета Булат (Булатов) телеграфировали: «С 16 декабря отрезаны от всего мира, но твёрдо верим в неизбежный ход событий, который должен привести к всеобщему взрыву против Колчака на Камчатке. 18 декабря перехватили телеграмму, подписанную Червлянским (колчаковский управляющий Камчатской областью. — *В. П.*), который требовал нашей смертной казни, но он опоздал... В настоящее время приступили к практической деятельности. 31 декабря отправлен отряд на нартах в Белую и Марково. В последних числах января отправляем на мыс Дежнёв» [3].

17 января Временный военно-революционный комитет получил ещё одну телеграмму от тех же лиц: «...Фома Гладюк, подпись которого на воззвании (ВВРК к населению. — *В. П.*), запрашивает частной телеграммой отстранённого Учватова о здоровье контрреволюционера Громова. Действия эти необходимо расследовать, и с точки зрения Анадырского революционного комитета, такие лица опасны для революции. Вообще все ваши воззвания не убеждают нас в понимании вами интересов трудящихся» [4]. 19 января 1920 Анадырь отчитал Петропавловск за непролетарскую революционность: «...Все ваши распоряжения копируются из постановления Временного правительства февральской революции 1917 г., вы забыли элементарные принципы Советской власти. Товарищи, необходимо, наконец, убедиться, что власть Советов есть власть только трудящихся. Мирная коалиция с мародёрами и спекулянтами неизбежно ведёт к буржуазному толкованию революции» [5].

Сами анадырские революционеры действовали решительно, не поступаясь классовыми принципами. Упомянутая выше телеграмма управляющего Камчатской областью Н. Н. Червлянского заставила Маловечкина и его единомышленников форсировать события. Часом «Х» стало четыре по полудни 16 декабря 1919 г. «Берзиню, Галицкому, Булатову, Фесенко, Вальтеру Аренсу и некоторым другим под руководством Мандрикова было поручено провести разоружение милиции. Этой операцией и начинался переворот в Анадыре», — вспоминал полвека спустя участник событий В. А. Клещин. «Это было, конечно, небезопасно. Милиционеров насчитывалось человек пятнадцать. Во главе их стоял опытный колчаковский офицер Д. Д. Струков. И всё же группе революционеров удалось провести операцию хорошо, без выстрелов, без жертв. Милиционеры были разоружены, от каждого была взята расписка, что они не будут выступать против власти Советов. Начальник милиции Струков был арестован» [6].

Радиостанцию, по словам Куркутского, захватили Булат, Бучек, Мальсагов, Кулиновский, Титов. Фесенко и Аренс взяли под стражу секретаря управляющего Анадырским уездом Толстихина. Сохранился рассказ Евдокии Павловны Ивановой, жены управляющего Громова: «16 декабря к нам на квартиру, мы помещались в казённом доме, пришли Берзинь и Кулиновский. Было семь часов вечера. Берзинь сказал мне, чтобы я вышла из комнаты, я вышла в кухню и в окно заметила, что наш дом окружён вооружёнными людьми... Вскоре привели в наш дом и мирового судью Суздалева. Суздалев ночевал в нашем доме, а на другой день его и Громова перевели в квартиру Суздалева: там пробыли они два дня, а затем их перевели в арестное помещение» [7]. Я. И. Мальсагов, В. Т. Титов, С. И. Гринчук, М. Ф. Галицкий заняли радиостанцию.

17 декабря 1919 г. в доме мелкого коммерсанта Тренёва состоялось собрание граждан Анадыря. На нём была избрана следственная комиссия в составе председателя — комиссара охраны Берзиня, члена Тренёва и секретаря Титова. Проанализировав в течение двух суток «факты контрреволюционной деятельности» Громова, Толстихина, Суздалева и Струкова, комиссия решила обсудить их на общем собрании жителей 20 декабря. В протоколе этого собрания значится: «...приговорили их к смертной казни» [8]. Расстреляли всех, кроме Струкова. Вне Анадыря, насколько мне известно, мандриковцы уничтожили ещё двоих («купцов-мародёров»). Итого пять жертв большевистского переворота. Однако белый «Камчатский листок» за 14 мая 1922 г. даёт иную цифру: «Анадырские товарищи из тридцати человек взрослого населения вывели в расход семнадцать...»

В первую же неделю своей деятельности Анадырский ревком не избежал разногласий. И. Фесенко выступил против начальника радиостанции Учватова как ярого контрреволюционера, а также предложил немедленно отобрать личное огнестрельное оружие у всех ненадёжных лиц. Другие ревкомовцы предпочитали повременить с этим хотя бы до конца декабря, в итоге так ничего и не было сделано.

Вечером 24 декабря 1919 г. А. М. Берзинь записал в дневнике: «У нас опять публика волнуется и шумит из-за пустяков. Моё мнение такое, что местные коммерсанты довольно трусы. Они боятся делать заговор, что мы их застанем так, что им тоже будет туго. Если останется Колчак, то он их всех повесит, а если они

меня с т. Мандриковым расстреляют, тот тогда, если будет во Владивостоке переворот, их большевики расстреляют» [9].

По инициативе Мандрикова и завпрода Гринчука ревком объявил о ликвидации долгов населения Чукотки русским и иностранным купцам. А долги эти, между прочим, составляли около полумиллиона рублей золотом. Жители с. Марково 22 января 1920 г., по докладу вахтёра казённого магазина В. М. Чекмарёва, постановили: «Все долги, числящиеся до свержения Колчака, уничтожить».

Спустя два года, в период красно-белого противостояния на Камчатке, Чекмарёв станет одним из наиболее активных ларинских отрядников, а затем, после возвращения облнарревкома в Петропавловск, начнёт работать в органах новой власти. А ещё через три года, 21 апреля 1925 г., губернский следователь Е. М. Крайзельман напишет уполномоченному Дальневосточной контрольной комиссии РКП(б): «В “Полярной звезде” было объявлено, что Чекмарёв подал заявление о вступлении в партию... По поводу этой персоны я хочу сказать следующее. В моём производстве было дело об убийстве Анадырского уревкома в 1919 (?! — *В. П.*) году, которое в настоящее время передано во Владивосток в Губсуд. По делу видно, что было убито одиннадцать человек. Из показаний отдельных лиц выявляется, что Чекмарёв во время похорон, их хоронили ночью, снимал с трупов всё, что было на них ценное. Чекмарёв объясняет, что на него говорят со злобы, и что он не был в Анадыре в этот момент. Считаю, что раньше, чем пропустить его в партию, нужно проверить его и его действия в Анадыре.

Проверяя анкету и биографию Чекмарёва во время перерегистрации членов профсоюзов на Камчатке, я пришёл к убеждению, что он, находясь на службе в Кранштате в чине унтер-офицера, в 1918 г. бежал оттуда на Дальний Восток, а потом на Камчатку. Он же показывает, что его эвакуировали из Питера во Владивосток. Эти два момента я считаю более существенными, требующими особой, тщательной проверки. Кроме этих двух моментов я лично считаю, что Чекмарёв примазывается к нашей партии из личных выгод, а по духу он совершенно чужд нашей идеологии» [10].

...13 января 1920 г. на общем собрании граждан с. Белая была проведена резолюция о национализации имущества коммерсантов. Её подписали председатель Бельского Совета Падерин, секретарь Совета Кабан, комиссар охраны Берзинь, комиссар Белой и Марково Куркутский. В двадцатых числах января Мандриков телеграфировал в Петропавловск: «Со времени появления здесь двух

капиталистических рыбалок, владельцы которых, руководствуясь только алчной наживой, каждый год перегораживают устье р. Анадыря, оставляя тем самым всё население Анадырского края на произвол судьбы, последствием которого является голод. Вот что пишут товарищи из Белой об эксплуатации Малковым, Свенсоном и К°, которые за отсутствием рыбы сделали жизнь бедноты сплошным кошмаром...

Революционный комитет стоит на страже интересов только трудящихся и объявляет, что рыбалка Сооне, расположенная близ поста Ново-Мариинска на правой стороне р. Анадыря, рыбалка Грушецкого и К° на левом берегу поступают в полное достояние Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Дальнейшая ловля рыбы будет производиться совместно с трудовыми камчадалами сёл Марково и Белой в рыбной секции при Совете» [11].

На весть о национализации рыбалок, пишет тот же автор, коммерсанты отреагировали припрятыванием рыболовных принадлежностей, как-то: неводов, катерного горючего. И. Фесенко, в прошлом моторист катера, внёс на рассмотрение Анадырского ревкома вопрос о национализации всех запасов бензина, керосина и горюче-смазочных материалов. Более того, Фесенко потребовал, чтобы ревком срочно отобрал у купцов керосин и смазочные масла, свёз их на склад и поставил охрану. Остальные члены Анадырского ревкома считали, что всё это следует сделать ближе к весне.

24 января в Петропавловск в адрес ВВРК ушла ещё одна телеграмма за подписью Мандрикова и Кулиновского. Она гласила: «Жители Марково и Белой в отчаянном положении. За отсутствием рыбы целыми нартами погибают собаки. Плохая охота, недоступные цены на товары лишают население возможности получать продукты от купцов, которые наживаются под пляску смерти, царящей вокруг. Приезд товарищей встречен как спасение. Единственный выход — национализация в Марково всех крупных спекулянтов, что и делается по воле трудящихся» [12].

Комиссаром Анадырской радиостанции поставили радиста В. Т. Титова. Через некоторое время ревком распорядился снять охрану с объектов на радиостанции. Считается, что это развязало руки «замаскированному колчаковцу» Учватову. Способствовала заговору против ревкома и отправка части колчаковцев на Угольную — во владения коммерсанта Рыбина.

Рыбин добивался включения в ревком группы новых рабочих с «Угольной» под предлогом создания «социалистической коали-

ции». Заговорщики внушали им: мол, какая это рабочая власть без рабочих, надо пополнить Совет, тогда хозяевами будете вы, а не коммунисты. Ревком с этим решил повременить.

«Опытные политиканы коммерсант Бирич, артельщик Рыбин, коммерсант Тренёв, рыбопромышленник Грушецкий действовали хитро... Так, по посёлку были пущены слухи о готовящемся “красном терроре”, о “снижении цен на пушнину”, об “отказе в снабжении населения через казённый склад”, о “повышении цен на продукты” и т. д... Высылка ревкомом бывшего начальника колчаковской милиции в Анадыре Д. Д. Струкова на шахту “Угольную” усилила там позиции контрреволюции. Именно на шахте “Угольной” и был выработан план вооружённого нападения на ревком» [13].

...В конце февраля 1920 г. в Петропавловске узнали, что Анадырский уездный совет «переизбран», председателем стал Рыбин, членами — Пчелинцев, Чумаков и Качур, и что «в связи со свержением колчаковской власти 16 декабря и переизбранием Совета 8 февраля с. г. были человеческие жертвы» [14].

С началом навигации 1920 г. Марковский Совет снарядил в Анадырь вооружённый отряд в составе В. Чекмарёва, Д. Каморного, М. Куркутского и других. 20 июля отрядники высадились на берег. Пошли к зданию ревкома.

«Ужасная картина предстала нашим глазам, — рассказывал Чекмарёв. — Окна здания со стороны Казачки и дома Бессекерского были выбиты во время обстрела ревкома. Обшивка стен из оцинкованного волнистого железа зияла тысячами отверстий из пулевых пробоин. Крыша зданий была, как решето... В помещении мебель была перевёрнута. В комнате, где был убит Титов, на полу чёрные пятна крови. Кровь виднелась и в канцелярии ревкома, где застрелился Фесенко...» [15].

Летом из областного центра на Чукотку выехала следственная комиссия Камчатского облисполкома во главе И. И. Гапановичем. Пароход «Томск» пришёл в Анадырь 13 августа. На следующий день общее собрание жителей приняло решение немедленно выдворить из Анадыря всех, уличённых в расстрелах.

В материалах научного симпозиума, состоявшегося в Анадыре 22—23 декабря 1969 г. и посвящённого 50-летию образования Анадырского РВК, можно прочесть: «Выбор Камчатским облисполкомом кандидатуры Гапановича в качестве официального представителя областной народно-революционной власти на Чукотке

нельзя признать удачным, ввиду его политических взглядов. Гапанович был антисоветчиком, правым эсером...» [16].

В одной из книг об анадырских революционерах проводится мысль, что «коммуна», то есть ревком, состоящий из коммунистов, был ядром Анадырского Совета, некоторых его беспартийных членов контрреволюционеры не тронули. В подтверждение этой мысли приведены выдержки из допроса Гапановичем Р. П. Михалёва 31 августа 1920 г.:

— Кто был на собрании, где было решено перебить коммуну? «Это было в доме Тренёва, там были Исупов, Рыбин, Чумаков, Герасимовский, Тренёв, Струков, Пчелинцев, Петрушенко, Еремеев и Соколов. Я тоже был...»

— Кто настаивал на убийстве коммуны вместо передачи её властям? «Первым закричал Рыбин, Чумаков, Еремеев, Тренёв, Струков и Соколов».

— Почему убили двух остающихся коммунистов вместо задержания? «Дабы скрыть за собою следы» [17].

Между тем на Чукотке во время анадырских событий в большевистской партии состояли лишь Мандриков и Берзинь. Остальные ревкомовцы числились «сочувствующими».

27 августа 1920 г. Еремеев, один из активных участников февральского расстрела, «явился на пост (полное название посёлка, где происходили основные события, Пост Ново-Мариинск, ныне г. Анадырь. — *В. П.*) ночью». Его хотели арестовать, но он открыл стрельбу и скрылся в неизвестном направлении. 29 августа были взяты «организатор расстрелов Пчелинцев и исполнитель Юсупов». Той же ночью преследователи заняли рыбалку, где прятался Еремеев. Однако он снова сбежал. На сей раз к тунгусам [18].

Активное участие в антиревкомовском перевороте принимали торговцы В. Д. Пчелинцев, В. И. Рыбин, В. Петрушенко и другие. Кто они и как появились на Чукотке? Доктор исторических наук Б. И. Мухачёв считает их бывшими старателями-золотоискателями, приехавшими в Анадырь ещё до революции. «Поиски золота у них были безуспешными. Но зато они поняли, что здесь можно хорошо нажиться на “мягком золоте”, организуя скуп пушнины с применением спиртных напитков. К 1917 г. они уже успели сильно разбогатеть и стать фактическими хозяевами Анадыря. Именно этим объясняется, что в 1918 г., когда в Анадыре был организован первый Совдеп, руководство в нём захватили торговцы. Председателем Совдепа стал Пчелинцев. Совдеп этот заявил о непризнании Совнаркома.

Во время свержения колчаковской власти в Анадыре торговцы рассчитывали, что на выборах они, как и в 1918 г., войдут в Совет и снова будут править в посёлке и в уезде. Постановление ревкома о недопущении к выборам эксплуататорских элементов выбило у них почву из-под ног. Национализация товаров лишила бы их окончательно влияния на население. И торговцы решили выступить против ревкома» [19].

3 сентября 1920 г. в Петропавловск в числе арестованных были отправлены участники убийства ревкомовцев Бессекерский и Герасимовский, оказавшие сопротивление властям. Как выяснилось, они, к тому же, оказались мародёрами: ограбили убитых при первом перевороте в декабре 1919 г. Газета, выходящая в Петропавловске, сообщала: всего по этому делу арестовано восемь человек, один выслан; освобождён из-под ареста Сукрышев; по-прежнему ещё не разыскан главный убийца Еремеев; в областной центр на пароходе «Томск» следуют Учватов, Калинда и Шустов, «последний самовольно» [20].

«Участники расстрела ревкомовцев были арестованы, — говорится далее в материалах юбилейного симпозиума, — но виновность их с юридической точки зрения Гапановичем доказана не была... Часть важных документов в деле отсутствует. Отсутствует, например, документ о баллистической экспертизе, организованной Чекмарёвым, Гроссом, Куркутским. Гапановичем не была проведена эксгумация трупов зверски убитых ревкомовцев...» [21].

Предварительные результаты работы комиссии И. И. Гапановича, не избежав неточностей в фамилиях, предал гласности печатный орган Камчатского облисполкома в октябре 1920 г. Вот эта публикация: «Последовательные перевороты в Анадыре зимой 1919—1920 внесли в жизнь нашей области элемент здесь до сих пор или не известный, или, во всяком случае, мало замечавшийся: поразительное ожесточение борющихся, приведшее к избиению трети населения п. Ново-Мариинского, где развернулись эти события. В связи со случившимся арестовано восемь человек: Тренёв, Рыбин, Пчелинцев, Исупов, Чумаков, Петрушенко, Герасимовский, Бисерский, которые сейчас доставлены на пароходе “Томск” в Петропавловск. По делу производится особой комиссией расследование, которая точно выяснит степень виновности отдельных лиц.

Общий ход событий представляется в таком виде. В середине декабря 1919 г. группой приезжих и местных рабочих с Михаилом Мандриковым, бывшим членом Учредительного собрания во главе, был совершён переворот, причём были арестованы

агенты прежней власти Громов, Толстихин, Суздалев. Переворот был поддержан также местными коммерсантами, которые в Анадыре являются противниками всякой власти, мешающей им обделывать свои дела. Коренное население отнеслось к произошедшему пассивно.

Вскоре пролилась первая кровь: были расстреляны арестованные, причём приговор был вынесен общим собранием граждан поста Ново-Мариинска. Позже в другом селении на р. Белой последовало убийство купца Малкова при обстоятельствах не вполне ясных. Наконец, в середине января 1920 г. при попытке бежать был застрелен купец Смирнов, арестованный в связи с расследованием убийства в бухте Кресты, к которому был причастен его племянник и компаньон. В этих расстрелах и убийствах, хотя не вполне ясно, но замечается рука некоторых местных коммерсантов, неожиданно проявивших симпатии к коммунистам и весьма заинтересованных в том, чтобы убрать своих крупнейших конкурентов.

Когда дело было сделано, надобности в революционном комитете не оказалось, тем более что Мандриков собирался проводить советскую программу не на словах только, но и на деле. Принудительные работы на Угольной, в которых должно было принять участие всё население по очереди, были поняты нетрудовым элементом как "каторжные работы". Прекращение частной торговли также не могло улыбаться коммерсантам при всём их сочувствии советской системе.

Случай со Смирновым послужил поводом к назревшему восстанию. Группа граждан, пригласив на помощь рабочих с Угольной, подготовила план восстания, раздала оружие, распределила силы. В тот же день был убит секретарь революционного комитета Булатов, на другой день началась перестрелка между несколькими домами на посту и управлением, где находился комитет, во время ея в управлении были убиты из числа комитета Титов и Фисенко.

Через некоторое время Мандриков и его товарищи сдались. При сдаче произошло некоторое замешательство, при котором из сдавшихся был убит Гритчук и ранен Клещин, а через два дня они были расстреляны на реке Казачке. Кроме Мандрикова, погибли Кулиновский, Бучек, Голицкий, Волтер.

Захватившие власть лица организовали охрану, которая дней через десять задержала возвратившихся из Белой последних мандриковцев Березина, Мальсагова, которые также были убиты.

Новый совет с Рыбиным во главе, имея в своём составе главных деятелей убийств, был поддержан местными коммерсантами и жителями поста, коренные жители заявили протест против убийств. Совет, прикрываясь крайне левыми лозунгами, занял довольно стройное положение относительно Петропавловска, явно не считаясь с областным комитетом, не имея поддержки в коренном населении. Совет к приходу парохода "Ставрополь" распался и сейчас заменён уездным комитетом из лиц, не причастным ни к каким расстрелам и убийствам — ни первым, ни вторым.

Прибывшая в Анадырь администрация начала расследование обо всём случившемся из середины декабря и арест предполагаемых виновников, кроме немногих лиц, скрывшихся в Америку. Главный убийца, стрелявший даже в женщин, весьма опасный Еремеев, скрылся и, несмотря на все попытки, задержан не был. Сейчас он убит при столкновении с местной охраной, старавшейся его захватить» [22].

Дальнейший ход событий восстановил историк Н. А. Жихарев: «Народно-революционные власти на Камчатке достаточно объективных материалов следствия не получили и решили отправить всё дело и участников контрреволюционного переворота, в том числе, во Владивосток, а там из-за недостаточного обоснования их виновности они вскоре были освобождены и некоторые из них вернулись обратно в Анадырь» [23]. Кое-кто мог осесть в Петропавловске. Среди его жителей 1922 г. встречается фамилия — Бессекерский — с указанием рода и места деятельности — «плотник на Кошке».

После окончательного установления советской власти в Охотско-Камчатском крае вновь поднимается вопрос о наказании убийц. В протоколах Камчатского губбюро за 1923 г. имеются две записи на эту тему. Одна с упоминанием Тренёва и Юсупова (пр. № 9 от 27 апреля) представляет собой постановление, суть которого — «затребовать материал от прокуратуры» и выяснить, возможен ли разбор этого дела на месте, то есть Камчатгубревкомом.

Другую запись (пр. № 12 от 16 июня 1923 г.) привожу целиком: «2. О Тренёве и Журове (участниках Анадырского массового убийства). Тринёва и Исупова, в целях социальной защиты, из-под стражи освободить. Учватова, принимавшего участие в числе прочих в Анадырских убийствах и находящегося на о. Беринга, арестовать и доставить в Петропавловск. Тренёва, Исупова и Учватова со всем делом направить во Владивосток с остальными участниками Анадырского убийства, находящихся на материке» [24].

Следствие, а затем и суд над ними состоялся 3 апреля 1924 г. во Владивостоке. Распорядительное заседание судебной коллегии Приморгубсуда, уголовного отдела, рассмотрев дело № 349 в четырёх томах «Об убийстве председателя и членов Анадырского ревкома, поступивших от старшего следователя т. Ватчикова на прекращение», вынесло постановление: «Дело производством прекратить, меры пресечения отменить» [25]. Это объяснялось, опять-таки, недостаточностью доказательной базы комиссии 1920 г. во главе с И. И. Гапановичем. Замешанные в расстреле ревкома вновь не понесли наказания. Биссекерский, Желтухин, Матвеев и Петрушенко в 1929—1930 гг. преспокойно разгуливали на свободе [26]. Их видел Д. Ф. Завалей, свидетель по делу анадырского коммерсанта Григория Ивановича Хаустова [27]. Правда, есть сведения, что в начале 1930-х гг. Матвеев, Бессекерский и Желтухин были преданы суду коллегии ОГПУ. В отношении Юсупова известно только то, что, по предположению НКВД, он в конце 1938 г. проживал во Владивостоке [28].

Итак, по истечении десяти лет с момента убийства ревкомовцев ОГПУ вновь привлекает к ответственности его участников, в том числе Ивана Флорентьевича Львова, 1899 г. р., уроженца чукотского посёлка Марково, камчадала, крестьянина-единоличника, имевшего на момент ареста (1933 г.) семью из пяти человек. Вместе с другими жителями Сероглазки он в 1918 г. свергал советскую власть в Петропавловске [29].

В 1919 г. Львов переместился на Чукотку. «Я ехал в Анадырь, — рассказывал он на допросе 1 апреля 1933 г., — не простым работником, а белым милиционером, верней полицейским при Толстихине. Со мной ехали такими же полицейскими: с Сероглазки Черных Николай Алексеевич (сидит здесь), налычевский Крючков Иван, петропавловский Аксёнов... Спустя недели две пришёл второй пароход, на котором приехали в помощь Толстихину для управления... Громов, Суздалов, Куликовский, Берзин, Мандриков...» [30].

Здесь требуется уточнение: делегат II областного съезда, учитель Усть-Камчатского приходского училища Иннокентий Михайлович Громов приказом комиссара Камчатской области от 31 октября 1918 г. был утверждён товарищем председателя отдела народного образования. В мае следующего года он — исполняющий обязанности управляющего Петропавловским, а через месяц Анадырским уездом [31].

«По приезде всех перечисленных в Анадыре образовалась белая власть, — продолжает И. Ф. Львов, — я уже к тому времени служить в полиции у Толстихина бросил и работал сначала у Свенсона (американский торговец. — *В. П.*), а потом перешёл к Тринёву, так как он больше платил» [32]. О том, что он был каюром у Хаустова, по словам последнего, Львов не упоминает. Кстати, приводимое ниже начало его допроса несколько противоречит тому, что было процитировано: «Весной 1919 г. стали набирать людей для службы в белой милиции. Я не желал служить вообще... сел на первый отходящий на Чукотку пароход и уехал, остановился в Анадыре и поступил служить рыбаком к Свенсону. Одновременно со мной тем же пароходом в Анадырь ехал для установления колчаковской власти представитель от колчаковцев местный казак Толстихин Иннокентий» [33].

«Таким образом, к апрелю колчаковская власть оформилась окончательно, просуществовала до декабря 1919 г., а в декабре красные... с Мандриковым свергли ставленников колчаковской власти и организовали Анадырский ревком. Вношу ясность: Мандриков и Берзин, впоследствии ставшие активными организаторами ревкома, приехали в Анадырь в числе колчаковцев и уже в Анадыре перешли на сторону красных, то есть советской власти» [34].

Это не согласуется с утверждением современного автора Е. Рожкова, что Мандриков устроился вахтёром продовольственного склада и в таком качестве при довольно заурядной внешности он вряд ли мог понравиться местной замужней красавице Елене Бирич (в девичестве Чернец).

О красоте Елены Дмитриевны, пишет Рожков, в былые времена и теперь ходят легенды. Посмотреть на «солнечную женщину» чукчи приезжали в Ново-Мариинск из глубинки, усаживались у крыльца дома и часами ожидали её появления. До нас дошло описание этой женщины: белое славянское лицо, зелёные глаза, каштановые волосы, гибкий стан. Она, судя по поступкам, была умной, волевой и решительной. Её связь с Мандриковым стала известна всем после переворота, когда он сделался главным начальником Чукотки. Внимательно рассматривая «каноническое» фото Мандрикова, не поспоришь с физиономистом, предположившим, что тот был волевым, решительным, тщеславным, не великого ума, с повышенной сексуальностью.

«Переворот произошёл 16 декабря 1919 г., а уже в конце декабря на заседании ревкома член этого комитета моторист Фесенко

настаивал, чтобы Мандриков бросил свою сожительницу... которая, подобно княжне, погубившей Степана Разина, погубит и Мандрикова, и весь ревком. (Такого же мнения, считает Жихарев, придерживался и Берзинь. — *В. П.*)

Позже Фесенко был изгнан из ревкома. Возможно, разногласия в ревкоме насчёт сожительства Мандрикова с красавицей Бирич и послужили причиной слухов о том, что жена богатого коммерсанта стала насильно любовницей большевика Мандрикова. Среди рабочих Угольных копей ходили слухи, что большевики Ново-Мариинска, захватив власть, отбирают чужое имущество, чужих жён и готовятся с награбленным уехать в Америку» [35]. Почему в Америку? Ну, во-первых, до неё — рукой подать, а во-вторых, просочились они именно оттуда. Доля правды в том была: по сведениям Ф. Л. Слободчикова, как уже говорилось, двое из них — Я. Мальсагов и А. Вальтер — действительно прибыли на Чукотку из Северо-Американских Соединённых Штатов.

Магаданский автор А. Соргев называет Мальсагова, Мандрикова, Берзина и Галицкого гастролёрами революции, заявляя, что они начали устанавливать новую светлую жизнь с расстрелов. «После расстрелов представителей дореволюционной администрации (а точнее, колчаковской. — *В. П.*)... ревком занялся грабежом русских и американских коммерсантов. Торговый агент, гражданин США (неправильное обозначение тогдашнего государства. — *В. П.*) Макларен отказался продать ревкому свои товары по цене в десять раз меньше обычной и стал первым при советской власти заключённым тюрьмы Ново-Мариинска».

В связи с этим краевед приводит предупредительную запись в документах старой администрации относительно Я. Мальсагова: отбывал тюремное заключение в Америке за вооружённый грабёж. Там же имелась аналогичная запись насчёт М. Галицкого, судимого за конокрадство.

Вторую жертву — соотечественника Маклярена Мормона Мартинсона — ревкомовцы «отправили на принудительные работы в п. Марково» [36].

Прервём, однако, современное толкование событий «советским вкраплением». 20 января 1920 г. президиум Марковского Совета постановил: «Мартинсона на службу не брать, а выдать ему из склада норму продуктов, и плату за взятые продукты истребовать от компании Свенсон» [37]. «Бывшего белогвардейского офицера, торгового агента американца Свенсона» Мартинсона, отказавше-

гося подчиниться Совету, последний в самом деле принудил «как врага народа» к общественным работам.

После решения Совета он сдал по акту наличные деньги и по требованию красных дал подписку не покидать без разрешения Совета Марково и не подрывать советскую власть агитацией и слухами. «При неисполнении сей подписки согласен принять все меры наказания, предвиденные Революционным Трибуналом...» [38]. Кроме этого, по предложению Берзиня, Марковский Совет наложил пятипроцентный сбор на доходы Свенсона в пользу местного бюджета.

А. Соргев продолжает: народная власть реквизировала товары Олафа Свенсона — продолжателя дела своего отца Хаббарда, который основал меховую фирму в Сиэтле и активно торговал с Чукоткой. Среди чукчей первым экспроприированным оказался Аренкау, «чьё имущество забрал Август Берзин, заключив несчастного в тюрьму в посёлке Марково. Берзин же хотел взять заложников из числа жителей Ново-Мариинска и расстреливать их по мере надобности (до Чукотки он расстреливал людей в Хабаровске)» [39].

Когда в конце июня 1933 г. чекисты арестовали ещё одного участника анадырских событий «со стороны контрреволюции» И. Н. Перепечко, ему шёл пятьдесят третий год. Жил Иван Николаевич тогда уже в Апуке на Камчатке. А на Чукотку он приехал тридцатилетним, демобилизовавшись в чине младшего унтер-офицера. Сначала поработал на промыслах рыбопромышленника Грушецкого, затем подрядился на разведку золотых россыпей в районе реки Белой...

Хозяйство Перепечко в период коллективизации советская власть определила как середняцкое. Лодка и рыболовные сети — всё, что он имел до и после 1917 г. Семья состояла из жены и четверых детей. Был Перепечко малограмотным, где и когда учился, в анкете арестованного не указано.

Вспоминая своё анадырское житьё-бытьё (1910—1922 гг.), Перепечко подчёркивал, что специально торговлей не занимался. Просто, уходя на охоту, он, как и другие, брал с собой излишки продовольствия (муку, крупу, сахар, чай) и обменивал их у чукчей на пушнину — лису, оленьи выпоротки, пыжики...

«После свержения царской власти в 1919 г. к нам приехали колчаковцы...» [40]. Имеется описание их приезда: «В середине сентября 1919 г. на рейде Анадыря стал пароход Доброфлота “Томск”, прибывший из Владивостока через Петропавловск.

У причала собрались почти все жители посёлка. Был среди них и Вальтер Аренс. Он наблюдал, как хлебом и солью встречали Бесекерский, Желтухин, Бирич представителей власти Колчака, которых доставили с парохода первым катером. Он видел, как высаживались другие пассажиры. И среди них, возможно, он заметил высокого, лет тридцати двух мужчину в фетровой шляпе, в меховом пальто и резиновых сапогах. Его вполне можно было принять за нового коммерсанта. А через несколько дней, зайдя в казённый магазин, Аренс мог увидеть, как этот “коммерсант” ловко торгует за прилавком, отпуская различные товары посетителям» [41]. Это был Мандриков.

Перепечко показал на допросе в ОГПУ: «Власть Колчака существовала очень немного и в конце 1919 г... была расстреляна революционным комитетом, во главе которого стоял некто Мандриков. Имея членов ревкома двенадцать человек... Причиной расстрела революционного комитета было то, что ревкомом без всякого ведома были расстреляны два коммерсанта Смирнов и Малков» [42]. Склады последнего в с. Белая были забиты продовольствием, но цены купец держал высокие, брал за товары не деньгами, а пушниной и золотом. И, как следствие, — «единодушное требование людей — “убить Малкова”. Стихийный взрыв негодования, лютой ненависти к купцу-мародёру не смогли сдержать ни Берзинь, ни Куликовский, ни Куркутский. Ревкомовцы посовещались, устроили Малкову допрос, затем единодушно поддержали требование собрания. Поздно вечером Малкова расстреляли» [43].

Такого предписания Берзинь не получал, но арестовывать коммерсантов-противников совласти и их имущество «объявлять народным достоянием, присоединяя его к народной продовольственной организации», он право имел, согласно удостоверению, подписанному председателем Анадырского совдепа Мандриковым и секретарём Куркутским.

Что касается второго расстрелянного коммерсанта — Смирнова, то советские исследователи убеждены, что он был арестован 20 января 1920 г. как один из организаторов заговора против ревкома. Поводом к его аресту было привезённое чукчами из Крестов письмо, где сообщалось об убийстве Л. Ф. Киселёва. Об этом человеке рассказали на симпозиуме 1969 г. учёные-историки Е. Ф. Ольшевская и Б. И. Мухачёв: «У залива Креста находится могила Киселёва Лаврентия Фёдоровича. Киселёв был направлен на Чукотку как уполномоченный большевистского Камчатского областного Совета. Ему поручалось организовать

на местах Советы и разъяснить населению сущность Советской власти. В Ново-Мариинск он прибыл 4 июня 1918 г. Ознакомившись с положением дел на месте, он принял меры для реорганизации Анадырского Совета торговцев в настоящий орган Советской сласти. Он добился положительного решения о сборе пушного налога с торговцев, как русских, так и иностранных. Завершить работу по созданию Советов на Чукотке ему помешал контрреволюционный переворот в Петропавловске в июле 1918 г. Погиб Л. Ф. Киселёв трагически в заливе Креста от рук торговцев» [44].

Ревкомовец И. Клещин вспоминал: «Мандриков хочет видеть это письмо, приходит к Смирнову, стучит. Смирнов не хочет пустить в квартиру. Через несколько времени открыл дверь. Мандриков говорит: “Где письмо с Крестов?” Смирнов дал письмо. Письмо было подозрительным. Тогда он был приглашён в комитет для допроса... Когда у Смирнова при обыске обнаружили 65 патронов... спросили: “Что у вас патронов много в карманах?” Он молчал. Потом Мандриков вызвал Булата, Галицкого. И они пошли на квартиру Смирнова делать обыск» [45].

Из допроса Перепечко в 1933 г.: «Против расстрела Смирнова и Малкова стали коммерсанты Тринёв, Петрушенко, Сукрышев, Калинда, Учватов, Бессикерский, Желтухин, Львов и я, Перепечко. Мы говорили, что, если это революционный комитет, то так делать не должен без ведома общего собрания граждан и суда не должен производить никаких расстрелов, и мы решили этот революционный комитет переизбрать и выбрать новый комитет, поставив его работу в определённые рамки. О переизбрании революционного комитета было донесено председателю ревкома т. Мандрикову, которым было заявлено, что я власти не отдам до тех пор, пока вы не перешагнёте наши трупы. После такого заявления председателя ревкома Мандрикова всё купечество и я, и рабочие угольных копей стали на страже и внимательно следить за тем, чтобы ревкомитет не производил никаких арестов, если кого арестует, то требовать освобождения» [46].

А. Соргев упоминает о вооружённом сопротивлении коммунистам под началом бывшего фельдшера Черепахина, сплотившего вокруг себя обворованных и ограбленных. Его небольшой отряд (куда входила также американка Микаэла) отбивал, по словам краеведа, товары у ревкомовцев и даже освобождал с боями населённые пункты Чукотки. И всё это длилось на протяжении нескольких месяцев. Потом командир отряда погиб [47]. Непонятно,

о каких месяцах идёт речь, если доподлинно известно, что ревком просуществовал не больше шести недель.

В советской краеведческой литературе упоминается фельдшер Черепахин, который занимался не лечением больных, а привозил в Марково разные товары, «особенно спирт, и продавал втридорога, вместо денег брал пушнину» по самым низким расценкам. 22 января 1920 г. Марковский Совет постановил «всё имущество, принадлежащее Черепахину, национализировать в пользу бедного населения бесплатно» [48].

Перепечко говорит, что Смирнов и Малков были расстреляны вечером в первых числах января 1920 г. и в ту же ночь состоялось собрание, созванное коммерсантами Тринёвым, Бессекерским, Лучининым, Сукрышевым, Юсуповым, Струковым, Перепечко, Соколовым, Чумаковым, Миколевым, Рыбиным, Еремеевым и Подголевским.

«Всего на собрании присутствовало сорок шесть человек. Собрание проходило в доме Бессекерского. Перед началом собрания мы выставили по Анадырю свои посты по наблюдению за зданием ревкома... было установлено, что ревкомитет переносит оружие из склада английской (видимо, оговорка. — *В. П.*) фирмы Свенсона в здание Народного дома, где он и размещался.

На собрании коммерсантов, части служащих и рабочих угольных копей обсуждался вопрос: какие меры принять к революционному комитету. Я, Перепечко... внёс предложение такого содержания: что революционный комитет нужно взять на выморозку с таким расчётом, чтобы ревкомитет сдался живым, так как в то время был сильный мороз, за углём для топки здания ревкому нужно было выходить на улицу, а на улице у нас стояли посты, которые ожидали их выхода из здания.

Наше собрание продолжалось всю ночь и часов до десяти утра, и вдруг ниоткуда часов в десять утра оказались выстрелы. Мы... выбежали из дома Бессекерского на улицу, начали стоящих на посту спрашивать, кто стреляет, постовые также отвечают, что откуда ведётся стрельба, заметить невозможно. Через минут десять-пятнадцать, когда стрельба участилась, участники собрания, в том числе я, Перепечко, заметил, что стрельбу ведут из дома радиостанции по Нардому, где размещался ревкомитет, и тут же заметно, что ревкомитет, в свою очередь, также открыл стрельбу по радиостанции. Из толпы лиц, выбежавших на улицу... открыли огонь, то есть стрельбу, по ревкомитету гражданин Еремеев и Подгольский» [49].

До обстрела ревкома на крыльце треневского дома был убит А. Т. Булат (Булатов), который расклеивал по посёлку решение ревкома о сдаче населением Анадыря нарезного оружия. Считается, что стрелял Д. Д. Струков из соседнего дома, где жил Бессекерский. Оттуда же, согласно советским источникам, и начался обстрел: в коридоре этого дома имелись специально проделанные бойницы. Те же источники утверждают: стреляли по зданию ревкома и с чердака дома Учватова, а в домах Сукрышева и Петрушенко также сидели вооружённые люди. План заговорщиков был прост: окружить здание со всех сторон и не позволить ревкомовцам держать оборону.

Используемая Е. Рожковым дата этих событий традиционна: «Утром 31 января 1920 г., на пятнадцатый день мятежа, по зданию, где находились ревкомовцы, был открыт огонь из винчестеров. В здании в это время находилась и Елена. Во время стрельбы она спряталась за кирпичную печку, вытолкнув оттуда одного спрятавшегося ревкомовца. Вести переговоры с коммерсантами с белым флагом Мандриков послал именно Елену Бирич. Он не пошёл сам, не послал никого из своих подчинённых. А в здании находились восемь мужчин, бывших солдат, участников боёв. Посылая “любимую” женщину, Мандриков верил, что в неё стрелять не будут? Возможно, она сама пошла под пули? Семь месяцев спустя, давая показания следственной комиссии, жена убитого радиста, ревкомовца Титова, Анна Титова обронила страшную фразу: “...была отправлена жена Мандрикова с белым флагом по направлению к Сукрышеву, над ней там надругались”. Заговорщики находились в доме Сукрышева и стреляли оттуда. Впоследствии распространились слухи, что Елена Бирич была подсадной уткой в стане ревкомовцев. Будто она передавала коммерсантам все секреты ревкомовцев. Какие секреты? Ведь в составе ревкома был коммерсант Тренёв, который позже встал в ряды заговорщиков» [50].

По прошествии полувека в Анадыре показали спектакль, посвящённой ревкому, где Е. Бирич была выставлена обольстительной самкой. В постсоветское время в чукотском эфире прозвучала радиопьеса с диаметрально противоположной Еленой — хрупким романтическим созданием, раздавленным грубой революцией.

Е. Рожков убеждён, что «такую сильную, волевую женщину, решившуюся идти под пули, вряд ли заставишь силой стать любовницей... Если отбросить политическую кровавую чехарду, которая разыгралась на берегу Анадырского лимана в 1920 г., когда

было расстреляно шестнадцать человек, то чисто по-человечески волнует яркая любовь между красавицей Еленой Бирич и отпетым бунтовщиком, революционером-большевиком Михаилом Мандриковым. Те три десятка дней, что судьба подарила этим двум мужественным людям, были наполнены сомнениями, кровью, но, видимо, были и самыми счастливыми в их жизни» [50].

В рассказе И. Н. Перепечко белый флаг есть, а красавицы Елены Бирич нет. «Стрельба продолжалась всего не более одного часа, после чего революционным комитетом на крыльце здания, в котором находился ревком, был выброшен белый флаг. Как только был выброшен белый флаг ревкома, то Рыбин написал записку и послал с одной женщиной (фамилию которой я не знаю, но знаю, что она проживала на квартире на радиостанции) председателю ревкома Мандрикову, которому было предложено, чтобы ревкомитет выходил из здания по одному с поднятыми руками вверх без оружия и шли к дому Бессекерского, так и было сделано.

К дому Бессекерского пришло ревкома всего пять человек, остальные два человека во время стрельбы были убиты и три человека, выбежавшие из здания во время стрельбы, были ранены. Сдавшиеся члены ревкома в количестве пяти человек во главе с Мандриковым были тут же арестованы и посажены в тюрьму, которую охранял я лично, Перепечко Иван Николаевич, попеременно с Пчелинцевым и Зубковым. В тюрьме арестованные члены ревкома сидели всего два дня, после чего были переведены в дом Бессекерского для производства дознания.

Допрос производила выбранная комиссия, в которую входили колчаковец Соколов, Михалёв и Рыбин. Остальных трёх человек не знаю. Комиссии было поручено во время ведения допроса дать свои заключения, какие меры предпринять к арестованным членам ревкома, которая отказалась внести свои решения по делу арестованных... и дело было передано на решение общего собрания селения Анадыря. Числа 8—9 января днём было собрание в доме Тринёва... не помню, как было дело — дано предложение, так как я в это время отсутствовал — что арестованных членов ревкома пять человек нужно расстрелять. Данное предложение было проголосовано единогласно» [51].

По словам И. Н. Перепечко, на это собрание пришло от пятидесяти до шестидесяти анадырцев. Часть их он помнил, и их фамилии значатся в протоколе допросе 17 июля 1933 г.: «Тринёв — коммерсант, в 1928 г. служил во Владивостоке; Соколов — заведующий цинковым складом колчаковского правительства, где

проживает, неизвестно; Пчелинцев Василий — углекоп и рыбак, в 1926 г. работал в Совгавани, недалеко от Николаевска-на-Амуре; Петрушенко — коммерсант, по слухам, проживает в Анадыре и работает рыбаком; Рыбин — мелкий торговец, в 1927 г. служил в одном из комбинатов г. Владивостока; Михолёв — мелкий торговец, служил во Владивостоке; Сукрышев — моторист катера, в 1927—1928 гг. служил мотористом в Тиличиках... Подгаевский — сторож рыбалки Грушецкого, в 1924 г. проживал в Анадыре; Лучинин — коммерсант, где проживает, неизвестно; Чумаков — печник, углекоп, в 1926 г. я лично видел его в г. Владивостоке, работал в союзе печников; Львов — чем занимался, мне неизвестно; Калинда — служащий радиостанции, где проживает в данное время, мне неизвестно; Клюкин — сторож радиостанции в Анадыре, где проживает в настоящее время, не знаю; Желтухин — мелкий торговец, по слухам, проживает... в Анадыре; Щеглюк — прошлое мне неизвестно, он был приезжий, в 1926 г. видел лично во Владивостоке... Сократ — служащий радиостанции в Анадыре, работает в настоящее время в Анадыре; Редров — занимался мелкой торговлей, проживает в Анадыре; Никитин — рыбак, в данное время... в Анадыре; Кочур — служащий радиостанции в Анадыре, в 1924 г. видел во Владивостоке, а где проживает... не знаю» [52].

Некоторые из перечисленных лиц фигурируют у Н. А. Жихарева как «трудящиеся», выразившие готовность сразу же после захвата власти ревкомом помогать ему в охране общественного порядка. «Это Зубков — рабочий, охотник, рыбак, русский по национальности, старожил Анадыря. Глушков — охотник, камчадал, местный житель. Кузьминский — рыбак, местный житель, чуванец, член Анадырского совета. Никитин — охотник, рыбак, местный житель, чуванец. Чумаков — охотник, местный житель, камчадал...» [53].

Этой их готовности, сообщает далее историк, предшествовало ревкомовское совещание 19 декабря 1919 г., куда пригласили представителей «пролетариата», а именно: Зубкова, Глушкова, Подгаевского, Кузьминского, Нацибулина, Чумакова, С. Шарыпова, Никитина, Сократа, Пчелинцева, Джека, Назарова, Рыбина, Цори [53].

...В ОГПУ Перепечко вспомнил ещё одного участника собрания, где единогласно решили расстрелять ревкомовцев, — углекопа Еремеева, объявленного летом 1920 г. главным убийцей. О себе Иван Николаевич сказал так: «Я... когда голосовали за расстрел,

не был, я стоял на посту, охранял всё время арестованных в доме Бессекерского и у тюрьмы... но я лично также был за то, чтобы расстрелять арестованных пять человек, именуемых себя членами ревкома» [54].

После окончания собрания, продолжает Перепечко, «часов в девять вечера арестованные были выведены из дома Бессекерского, которые были обмануты под предлогом отправки их в тюрьму, и все присутствующие на собрании повели их по направлению, дойдя до речки (Казачки, в самом селении. — *В. П.*), по арестованным... был открыт огонь залпом, так как все присутствующие имели оружие — винчестера. Я... в арестованных не стрелял по причине того, что у меня не было винчестера, а только наган, взятый у убитого члена ревкома во время перестрелки» [55].

А у И. Ф. Львова, осуждённого в 1934 г. к высшей мере наказания по делу «Автономная Камчатка», винчестер, в отличие от Перепечко, имелся. «Я лично, — заявил он, — дал по ревкомовцам два выстрела, в кого мои пули попали, не знаю... Нами были расстреляны числа 10-го февраля 1920 г. следующие члены Анадырского ревкома: Мандриков, Берзин, Волторов, Куликовский, остальных фамилий не знаю, всего... десять человек» [56].

В одной из анкет Истпарта (комиссии по истории Октябрьской революции 1917 г. и компартии) указан другой день гибели ревкома. «...2 февраля 1920 г. в пять (вечера. — *В. П.*) во время перевода из штаба в тюрьму на льду Казачки раздался залп, и Мандриков с тт. Кулиновски, Бучек, Галицким, Волтером, Гринчуком были убиты... т. Мандриков сказал, что вам отомстят, другие же упали...» [57]. Что касается бывшего угольщика Гринчука, работавшего ранее у Рыбина, здесь явная неточность. Он умер в больнице, раненый выстрелом в живот, когда ревкомовцы с поднятыми руками вышли из своего здания и двинулись к дому Бессекерского.

Кто не удержался, чтобы сразу расправиться с пленным, установить не удалось. Версия историка Н. А. Жихарева: Семён Гринчук как завпрод занимался учётом товаров коммерсантов, проводил в жизнь ревкомовское решение о национализации рыбалок, вводил контроль над ценами; похоже на месть [58].

«Мандрикова, — пишет Е. Рожков, — расстреляли, по сути, на глазах Елены. Хотя ни её бывший муж, ни свёкор в расстреле не участвовали, но стреляли знакомые, бывшие друзья» [59]. Однако тот же Львов называет в первом ряду Бирича, правда, без имени-отчества, и непонятно, кто это — то ли муж Елены Трифон, то его

отец Павел Георгиевич (степень их родства с известным на Дальнем Востоке рыбопромышленником Х. П. Биричем не установлена).

Львов не говорит, как Перепечко, что расстреливали «всем коллективом». Он перечисляет тех, кто стрелял, пофамильно. «В расстреле участвовали Рыбин и Тринёв — руководители, далее — Бирич, я, Львов, Калинда Михаил, Беляев (живёт в Америке, его имя Василий), Лучинин, живёт в Никольске-Уссурийске, Зубков в Петропавловске работает в озерновских аковских складах, Матвеев, Петрушенко Василий Максимович в 1929 г. жил в Никольске-Уссурийске, после 1929 г. оба были в Анадыре. Петрушенко арестован ОГПУ в 1931—1932 гг., Желтухин... в 1932 г. Магонин Иннокентий Павлович живёт в Анадыре. Учватов Иван работает на радиосвязи, но где не знаю. Клинин... живёт в Петропавловске по Ленинской улице. Рыбин Пётр Васильевич в 1922 г. выехал во Владивосток, Бирич скрылся в Америку, Калинда живёт в Петропавловске, работает на радиостанции. Тринёв Иван Дмитриевич в 1930 г. жил во Владивостоке» [60].

Перепечко: «После расстрела ревкома сейчас же трупы людей были убраны, участниками расстрела была вырыта общая могила, и в этот же вечер люди были захоронены» [61]. Львов: «...трупы убирали я, Львов, и Магонин Иннокентий Павлович на Анадырское могилище» [62].

...7 февраля 1920 возвращавшиеся на нартах из командировки комиссар охраны Чукотки Берзинь и его помощник Мальсагов, а также делегат от Марково Борисов при въезде в Анадырь были обстреляны из винчестеров. «Опытный Борисов упал в снег. Полагая, что это какое-то недоразумение, упали в снег Берзин и Мальсагов. Стрелявшие схватили их, отобрали оружие, посадили под арест. Днём 8 февраля был учинён им допрос, а вечером... их расстреляли...» [63]. Произошло это по пути в тюрьму, всего в нескольких десятках шагов от дома Бессекерского, где их содержали под стражей. При эксгумации перед перезахоронением ревкомовцев в сентябре 1969 г., у Берзиня, помимо пулевого отверстия в спине, было обнаружено также несколько тяжёлых рубленых ран — причём посмертных. Надругались над его телом, по утверждению местных жителей, Д. Д. Струков, Н. М. Соколов и американец Рудольф Рули [64]. Мальсагов, обернувшись на выстрел в товарища, получил пулю в живот. Их обоих и Гринчука (он — единственный, кто «удостоился» гроба) погребли в одной могиле отдельно от других ревкомовцев.

«Нет сомнения, что стреляли из близкого расстояния и, по всей вероятности, неожиданно. Так было расстреляно большинство членов ревкома», — докладывал на симпозиуме руководивший эксгумацией Чукотский окружной прокурор В. М. Зайцев. «Если процесс эксгумации Берзина, Мальсагова и Гринчука не представлял особой сложности, так как грунт состоял в основном из песка, гравия и сухой пористой почвы и захоронение было неглубоким, то извлечение тел остальных... Мандрика, Титова, Вольтера, Фесенко, Галицкого, Бучека, Булата и Кулиновского было сопряжено с трудностями.

Углубившись более метра в землю, мы обнаружили группу обледенелых трупов, уложенных друг на друга в беспорядке, вмёрзших в грунт. Товарищи, привлечённые для этого, действовали кирками, ломами, лопатами. И всё-таки отделить один труп от другого было невозможно. Посоветовавшись, мы решили использовать пожарные машины. С помощью тёплой водяной струи работа пошла быстрее. Их удалось освободить от мёрзлого грунта и льда.

В могиле они располагались в таком порядке: сверху лежало три трупа, под ним — четыре, внизу — один. Одеты в зимнюю одежду. На большинстве она сохранилась хорошо... Парфентьев и Синицкая (участник погребения ревкомовцев и старейшая жительница посёлка. — *В. П.*), указав на лежавшего с правого края вторым, заявили, что опознают в нём М. С. Мандрикова: по светлорусым волосам, по сохранившимся усам, крепкому телосложению, высокому росту и одежде.

...Мандриков был одет в кухлянку, китель зелёного цвета. Под кителем — свитер серого цвета. Брюки — тёмно-серого цвета, на ногах торбаса. Китель, брюки и свитер сохранились и даже не потеряли своей прочности, цвета. Китель передан в окружной музей. На четвёртом пальце левой руки Мандрикова обнаружен золотой перстень, который также передан в музей.

Экспертами установлено, что у Мандрикова входное огнестрельное ранение располагается со стороны спины у нижнего края правой лопатки. Выходное огнестрельное ранение расположено на передней брюшной стенке на уровне рёберной дуги справа. В глубине огнестрельной раны Мандрикова обнаружена ткань одежды.

Булат, Титов, Вольтер, Бучек, Фесенко, Галицкий, Кулиновский были подвергнуты внешнему осмотру... Черты лица, кожные покровы, волосы на голове сохранились. Ушные раковины, кончики носа остались без повреждения. Но, находясь длительно время под давление грунта, тела получили некоторую деформацию. Каких-либо повреж-

дений на лицах и телах погребённых ревкомовцев, кроме огнестрельных, мы не установили. Не установили также признаков, которые бы свидетельствовали о том, что тела таскались и поедались собаками, как об этом пишут некоторые историки.

...В процессе осмотра одежды погибших ревкомовцев из группы Мандрикова были обнаружены их личные вещи и предметы. У многих найдены носовые платки. У Титова — комиссара радиостанции — квитанции телеграмм, адресованные в Москву, Петропавловск, Мильково и прочие места, разбитый мундштук, спички. У Вольтера — патрон от огнестрельного оружия американского образца, нагрудной крестик, курительная трубка, ремень. У Галицкого — зажигалка, у Бучека — монета иностранной чеканки, карандаш» [65].

«После расстрела пяти человек ревкома, точно не помню через сколько дней, — вспоминал Перепечко в ОГПУ, — было собрано собрание в Народном доме, где был выбран Совет, куда вошёл Рыбин — мелкий торговец, был председателем Совета, и секретарём Совета был избран Биричев, сын очень богатого купца» [66].

К тому времени относится письмо Т. Бирича Рыбину, в котором он спрашивает, «достаточно ли будет постановления Совета относительно товаров коммерсантов... как гарантии им о своих товарах». Они, считает Бирич, могут пожелать «что-нибудь более фундаментальное, чем постановление» [67].

«Рыбинский “совет” восстановил полную свободу торговли, сборов долгов с населения, повысил цены на товары» [68].

«Выбранный нами комитет был поставлен в работе в определённые рамки, — утверждал Перепечко, — крупные дела разбирать на общем собрании, а мелкие решать самому... Всего этот совет продержался пять месяцев, то есть с января по май включительно и по прибытию парохода был избран новый комитет, куда вошёл председателем комитета некто Сошин. (Шошин, бывший матрос. — *В. П.*) С Анадыря я уехал в 1922 г. в г. Владивосток, как было дальше, не знаю.

Виновным себя в расстреле не считаю, потому что расстрелянные пять человек, именующие себя членами ревкома во главе с Мандриковым, это был не ревком, а какая-то банда разбойников, которые хотели ограбить казну, и в настоящее время я, Перепечко, не верю, что это был ревком» [69].

...Тема гибели революционеров «в борьбе за рабочее дело» на Чукотке привлекала многих деятелей литературы и искусства. Произведения создавались в самых различных жанрах. Перу

Алексея Власова (г. Петропавловск-Камчатский) принадлежит поэтический реквием «Первый ревком» [70]:

Крылом победы прошумят года,
не о могиле я и не о смерти,
не о цветах я и не о рассвете,
который им не встретить никогда.
Не о студёной красоте зари.
Их будут долго ждать сердца и пашни,
напрасно ждать, уж не пройдутся парни
под ясным сводом северной земли.
Но это ли, ответь мне, пораженье?
Они преодолели тлен вдвойне,
как преодолевают притяженье
ракеты, уходящие к Луне.

В платке снегов река Казачка,
и в грудь, как камни, пуль прибой.
Казачка, что же ты, землячка,
их не прикрыла там собой?..
Нет, нет, река не виновата
Как будто жар, как будто стон,
от солнца утра до заката
в ней лики огненных времён.

— Никто не уложит вас в гроб тесовый,
никто не наденет рубашку чистую, —
в церковь матери тропкой сонной
отпевать идут коммунистов. —
Ночи чёрные, ночи-вороны
подкосили им ноги старые.
Во какой земле спят спокойно
наши детушки — комиссары?..
Не дойти нам до их могилы.
Нам дойти б лишь до той земли,
мы бы плачем их не будили,
а тихонечко рядом легли.
Что ж вы, сосны, с вестями поздно?
Как, скажите, погибли они?
И ответили сосны: — Как сосны!
Несгибаемы и стройны!
К ним рассветы сходят со знамени,
но лежат они, как снопы.
Мать-Чукотка, прикрой глаза им!
Это тоже твои сыны!

Горы, как древние кобзари.
Знамя на снег не уронено.
Его, высокое до зари,
к нам донесли эскадроны.
Золотом не подкрашено,
как правда оно. Как синь.
Мы, новой эпохи граждане,
не видели павших в полынь.
Но эту ненависть
и эту любовь
мы верно проносим с тобой.
Потомки!
Слушайте эту историю,
чтоб вы её вновь передали потом,
как знамя,
вручил нам которое
Чукотский первый ревком.

Голубые звёзды не погаснут
в их глазах за сотни-сотни лет.
Продолжает заседание
красный революционный комитет.
Распахнув гигантские шинели,
комиссары Севера поют.
В тишине, как голубые ели,
вот они в крутых ветрах идут!
След по следу, по тропе Свободы,
по седым сугробам января.
В песню! Через годы, через воды
светлой речки у Анадыря.

...Архивные уголовные дела репрессированных по политическим мотивам, содержат данные о дальнейшей судьбе некоторых участников расстрела ревкома. Сероглазкинский камчадал Николай Алексеевич Черных (родился в 1887 г.) в конце декабря 1934 г. получил три года исправительно-трудовых лагерей «за принадлежность к контрреволюционной организации». Он характеризовался как «жандарм-каратель, член военно-полевого суда при белых» [71].

Уроженец Петропавловска Михаил Николаевич Калинда (родился в 1893 г., из крестьян, образование низшее) с 1915 г. работал в почтово-телеграфном ведомстве, в 1925 г. — мотористом

на радиостанции в Анадыре. Привлечённый по ст. 58-9 УК РСФСР, он умер через два месяца после ареста — 24 марта 1933 г. Реабилитирован постановлением УКГБ по Камчатской области от 25 апреля 1958 г. [72].

И. Н. Перепечко осудили в ноябре 1933 г. за контрреволюционную агитацию и пропаганду к десяти годам лишения свободы. Но просидел он много меньше. Почему? Ответа на этот вопрос в приведённых ниже «освободительных документах» нет. «19 июля 1936 г. Начальнику 2-го отдела Дальлага НКВД — здесь копия: Камч. ОУ НКВД Петропавловск. Препровождается выписка из протокола Тройки УНКВД ДВК от 17 июля 1936 г. на Перепечко Н. И. — на исполнение. Такового немедленно освободить. Исполнение сообщите. Нач. УСО НКВД ДВК Завьялов, И/инспектора Штырлин». «Перепечко И. Н. досрочно освободить в порядке директивы В/суда и Прокуратуры СССР № 61» [73].

Примечательно, что ещё до постановления Тройки по его делу, именно: 9 июля Н. И. Перепечко обратился в финчасть 8-го отделения Дальлага НКВД с заявлением, чтобы ему отдали совзнаки на сумму 1 123 рубля, отобранные при аресте. Квитанцию, оговорился он, у него похитили на этапе в 7-м отделении вместе с вещами. НКВД перевёл деньги на тюрьму. Остаток после погашения задолженности «по заборам в ларьке» составил 965 руб. 77 коп. и в сентябре 1935 был зачислен как невостребованный в доход Дальлага [74]. О возврате денег Перепечко сведений нет. В 1951 г. он был объявлен во всесоюзный розыск как подпадающий под действие директивы МГБ и Прокуратуры СССР №66/241 «СС» от 26 октября 1948 г. Результаты розыска неизвестны [75].

16 сентября 1992 г. заместитель прокурора Камчатской области А. И. Зуев утвердил заключение по материалам дела № КУ-743, составленное его заместителем советником юстиции В. П. Клименко. В документе говорится: «...Решение о расстреле членов Анадырского ревкома было принято общественностью г. Анадыря в ответ на действия ревкома, расстрелявшего без суда и следствия, без ведома местных органов самоуправления граждан Смирнова и Малкова с последующей конфискацией их имущества для нужд ревкома. На требование общественности дать отчёт за свои действия, предревкома и другие его члены ответили отказом и приняли меры к своему вооружению в целях не допустить своего смещения путём переизбрания.

Участие Перепечко выразилось в том, что он так же, как и другие участники собрания, проголосовал за то, чтобы не допускать

обеспечения ревкома топливом и принудить таким образом сдаться, непосредственного участия в расстреле не принимал, хотя был согласен с этим решением, так как Мандриков и другие по существу являлись бандитами... На Перепечко И. Н. распространяется действие п. “б” статьи 3 Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. “О реабилитации жертв политических репрессий”» [76].

...В изложенных нами событиях до сих пор много неясного. Помимо всего прочего, мы не знаем, куда делась после гибели Мандрикова Елена Бирич. По словам старейшей жительницы Анадыря Аграфены Синицкой, она вместе с мужем и Струковым бежала за океан на шхуне Свенсона «Поляр Бэр». Ходили слухи, будто она в 1930-е гг. вернулась на родину, но была схвачена чекистами и сгинула в колымских лагерях. В августе 1920 г. чукотские власти получили запрос из Нома (Аляска) относительно личности анадырских беглецов для оформления им американского гражданства. Мужа Елены Бирич Трифона в том списке не было. Зато был Иван Клещин. Под этим именем жил его брат Василий — раненый член ревкома. Может быть, он передал паспорт кому-то из беглецов и тем самым купил себе жизнь? Тогда провалы в его памяти в мае 1970 г. при встрече с историком Н. А. Жихаревым объясняются не только контузией и дряхлостью.

История не сохранила вещественных доказательств существования Е. Бирич. Ни портрета, ни даже лоскутка платья, — сожалеет Е. Рожков. «В музее хранится лишь её кольцо, снятое с обледеневшей руки её возлюбленного. Всего лишь кольцо...» [77]. Вот и тут опять загадка. Или, вернее, — догадка, бросающая тень на отношения красного «сорвиголовы» и первой красавицы Чукотки. Злые языки говорят, будто кольцо ему было «подарено вместе с пальцем», намекая опять на кровь. Человеческая зависть бессмертна. Но и над любовью не властно время...

Когда этот очерк уже готовился к печати, обнаружились новые документы, имеющие косвенное отношение к ревкомовской истории. Оказывается, статья Слободчикова об Анадырском ревкоме в «Камчатской правде» стала причиной серьёзного политического разбирательства с привлечением органов госбезопасности. Дело в том, что пакет классово верных лозунгов коммунаров в газетной публикации венчала фраза: «беспощадная борьба против туземцев» (туземцами тогда называли коренных жителей Севера, в том числе чукчей). Обрабатывал статью тридцативосьмилетний заведующий массовым отделом газеты «Камчатская правда»

В. Н. Добронравов-Смельский, журналист с высшим (правда, юридическим) образованием. В его биографии имелось два тёмных пятна: отец при старом режиме являлся чиновником Иркутского окружного суда, а сам он служил писарем высшего разряда в 14-м артдивизионе колчаковской армии.

11 июня 1933 г. судебная Тройка ПП ОГПУ ДВК сослала Виктора Николаевича Смельского на три года в Западную Сибирь [78] по ст. 58 п. 13 УК РСФСР: «Активная борьба против рабочего класса и революционного движения на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны».

В 1932 г. был посажен корректор «Камчатской правды» В. А. Жезлов, но совершенно за другое. Жизнь Василия Алексеевича изобиловала авантюрными историями. После восьми классов учился в авиашколе, потом комиссарил в Курской ЧК. В 1922 г. обвинялся в хранении без соответствующего разрешения десяти ручных гранат и двух килограммов тротила. В Полтаве судился «за оскорбление личности». В 1931 г., проживая в Жупаново, присвоил выброшенные на берег с потерпевшего кораблекрушение японского парохода «Минг-хао» матрас, подушку и циновку. Выслан в Петропавловск. Там завербован ОГПУ под кличкой «Камчадал», однако «задание не только не выполнил, но дезорганизовал работу», хотя информацию поставлял. В 1932 г., за двадцать дней до публикации в газете злополучной статьи, В. Жезлову дали три года. В 1934 г., однако, выпустили. Подобно ревкомовцу Клещину, он воевал в Великую Отечественную, заслужил четыре правительственные награды. И где только ему не приходилось бывать за свою неспокойную жизнь! Кстати, в 1929 г. занесло в Анадырь. Работал в экспедиции «Союззолото». Продержался недолго: был выслан пограничниками, поскольку грозился убить руководителей экспедиции... [79].

Прошлое Фёдора Лукича Слободчикова на момент скандальной публикации не внушало подозрений. Впрочем, особых заслуг перед советской властью у него тоже не было. Родился в 1897 г. в Коряках (в пятидесяти километрах от областного центра) в семье середняка — рыбака и охотника. Окончил Петропавловское высшее начальное училище и двухгодичные педагогические курсы. В 1918—1919 гг. учительствовал в своём в селении. На Первом чрезвычайном Петропавловском съезде избран членом президиума исполкома. Работал в комиссии по борьбе с контрреволюцией. При белых скрывался — «всё время находился на охоте». «В 1922 г. при выступлении партизан, — писал Слободчиков, —

оказывал им помощь в передвижении и т. д. В партизанах не участвовал». До 1925 г. вновь преподавал у себя в школе. Затем по 1928 г. (год вступления в партию) — уполномоченный Камчатского окрревкома по туземным делам, по август 1929 г. — секретарь окрисполкома, после чего председатель Восточно-Корякского (Карагинского) РИКа и одновременно до октября 1931 г. — секретарь райкома ВКП(б). В момент публикации статьи «Незабываемые страницы. Анадырская коммуна» Ф. Слободчиков работал в областной рабоче-крестьянской инспекции. Спустя четыре месяца в марте 1933 г. занял должность секретаря Петропавловского горсовета [80].

В том же году прошёл чистку ВКП(б). Товарищи по партии «чистили» его основательно. Вопрос: «Почему не пошли в партизаны после службы в ЧК?», то есть после работы в комиссии по борьбе с контрреволюцией. Ответ Слободчикова явно рассчитан на неосведомлённость «чистильщиков» (людей приезжих) относительно партизанского периода и политической обстановки тех лет: «С апреля по июнь 1920 г. здесь была непонятна власть на материке. Причины были из-за оторванности от партии. Связь с ними после имел». Вопрос: «За что брат исключён из колхоза?» Ответ: «Был исключён, но ошибочно». Вопрос: «Как отдали дом — добровольно или нет?» Ответ: «Добровольно». Вопрос: «Какое социальное положение жены?» Ответ: «Дочь рабочего, бывший батрак в имении Пензенской губернии, вышла замуж за учителя, какой был офицером» [81].

В марте 1942 г., работая помощником председателя облисполкома, Ф. Л. Слободчиков исключался из партии как арестованный органами НКВД [82], но в мае того же года восстановлен в связи с прекращением дела [83]. В 1957 г. он в соавторстве с И. Махоркиным написал большую часть сборника «За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.)». Хотя Чукотка, как уже говорилось, входила в состав Камчатской области, в книге об анадырских событиях ни строчки. За исключением подписи к фотографии аккуратно подстриженного молодого мужчины в костюме, белой рубашке и при галстуке: «М. С. Мандриков. Председатель Чукотского ревкома. Зверски убит колчаковцами феврале 1920 г.» [84].

ИСТОЧНИКИ

1. *Слободчиков Ф.* Незабываемые страницы. Анадырская коммуна. — Камчатская правда. — 1932. — 7 нояб.

2. Бессмертие Чукотского ревкома. — Магадан, 1972. — С. 60.

3. Известия Временного Камчатского областного военно-революционного комитета. — 1920. — № 3. — 14 янв.
4. Первый ревком Чукотки (1919—1920 гг.). Сб. документов и материалов. — Магадан, 1957. — С. 37.
5. Там же. С. 41.
6. Революцией рождённые. — Магадан, 1977. — С. 161.
7. Там же. С. 39.
8. Первый ревком Чукотки... — С. 26—27.
9. Там же. С. 64.
10. ГАКК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.
11. Революцией рождённые... — С. 103—104.
12. Там же. С. 104.
13. Там же. С. 215—216.
14. Известия Камчатского областного военно-революционного комитета. — 1920. — № 40. — 29 февр.
15. Борьба за Советскую власть на Чукотке (1919—1923). Сб. документов и материалов. — Магадан, 1967. — С. 51.
16. Бессмертие Чукотского ревкома. — Магадан, 1972. — С. 62.
17. Революцией рождённые... — С. 226.
18. Известия Камчатского областного исполнительного комитета. — 1920. — № 190. — 4 сент.
19. Бессмертие Чукотского ревкома. Материалы научного симпозиума, состоявшегося в г. Анадыре 22—23 декабря 1969 г., посвящённого 50-летию образования Анадырского уездного ревкома — первого органа Советской власти на Чукотке. — Магадан, 1972. — С. 45—46.
20. Известия Камчатского областного исполнительного комитета. — 1920. — № 192, — 8 сент.
21. Бессмертие Чукотского ревкома... — С. 62.
22. Известия Камчатского областного исполнительного комитета. — 1920. — № 213. — 6 окт.
23. Бессмертие Чукотского ревкома... — С. 63.
24. ГАКК. ОФ. Д. 3. Л. 23.
25. Бессмертие Чукотского ревкома... — С. 63.
26. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 193. Л. 17.
27. Там же. Д. 1780. Л.6.
28. Там же. Д. 2296. Л. 173.
29. Там же. Д. 2255. Л. 97.
30. Там же. Д. 2263. Л. 219.
31. Камчатский вестник. — 1919. — 6 июня.
32. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 2263. Л. 219об.
33. Там же. Л. 219.
34. Там же. Л. 220.
35. *Рожков Е.* Загадочная красавица Чукотки: [электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rojkov.narod.ru/rasskazy/krasa.htm/.
36. *Соргев А.* Первые жертвы коммунизма на Чукотке. — Экспресс-хроника. — 1997. — № 23. — 6 июня.
37. Первый ревком Чукотки... — С. 49.

38. Первый ревком Чукотки... — С. 54—55.
39. *Соргев А.* Указ. соч.
40. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 25.
41. Революцией рождённые... — С. 159.
42. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 25.
43. Революцией рождённые... — С. 102.
44. Бессмертие Чукотского ревкома... — С. 85.
45. Первый ревком Чукотки... — С. 81.
46. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 25.
47. *Соргев А.* Указ. соч.
48. Революцией рождённые... — С. 62.
49. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 26.
50. *Рожков Е.* Указ. соч.
51. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 26.
52. Там же. Л. 27.
53. Революцией рождённые... — С. 47.
54—55. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 27.
56. Там же. Д. 2263. Л. 220.
57. Первый ревком Чукотки... — С. 101.
58. Революцией рождённые... — С. 216.
59. *Рожков Е.* Указ. соч.
60. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 2263. Л. 220.
61. Там же. Д. 3317. Л. 27.
62. Там же. Д. 2263. Л. 220.
63—64. Революцией рождённые... — С. 68.
65. Бессмертие Чукотского ревкома... — С. 74—78.
66. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 27.
67. Первый ревком Чукотки... — С. 73.
68. Революцией рождённые... — С. 73.
69. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 27—28.
70. *Власов А.* Утро Земли. Стихи. — М.: Советский писатель, 1980. — С. 102—104.
71. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 2695. Л. 35.
72. Там же. Д. 3520. Л. 50.
73. Там же. Д. 3317. Л. 57—58.
74. Там же. Д. 62.
75. Из тьмы забвения... Книга Памяти жертв политических репрессий Камчатской области. — Тверь, 2010. — С. 225.
76. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 44.
77. *Рожков Е.* Указ. соч.
78. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 1950. Л. 31.
79. Там же. Д. 95. Л. 5—6, 109—110.
80. Там же. Ф. П-13. Оп. 6а. Д. 9. Л. 208—209.
81—82. Там же. ОФ. Д. 320. Л. 165.
83. Там же. Д. 321. Л. 23.
84. За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.). Сб. статей. — Петропавловск-Камчатский, 1957. — С. 44.

В. П. ПУСТОВИТ

КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ: КТО ЕСТЬ КТО

Данная работа является дополнением к помещённым в первом и пятом выпусках «Вопросов истории Камчатки» очеркам «Противостояние». Помимо обширного биографического материала, она содержит новые, ранее не известные факты истории Камчатки XX в. В основу исследования легли архивные документы бывшего Центра документации новейшей истории Камчатской области (ЦДНИКО), хранившиеся в фондах 2, 19, 44, 45, 800 и 1199 Государственного архива Камчатской области (ГАКО) и Камчатского краевого объединённого музея (ККОМ).

Как чувствовали себя красные партизаны в начале ноября 1922 г., получив известие о том, что белая власть оставила Петропавловск? Готовились к реваншу за своё прошлогоднее бегство? 28 октября 1921 г. — день вынужденного прощания со столицей Камчатки — хорошо запомнился В. М. Чекмарёву, одному из партизанских командиров: «В этот день с утра было солнечно и тепло, хотя стояла глубокая осень. Но ни тепло, ни солнце не радовали нас. Хотя мы и понимали, что не могли вступить в открытую борьбу с белогвардейцами, но всё же уходили из города с тяжёлым чувством».

Оправдываясь перед высоким партийным начальством, И. Е. Ларин в докладной записке «Работа РКП на Камчатке», датированной мартом 1923 г., отмечал: «Оставаться в городе было невозможно. Милиции насчитывалось двадцать человек, половина которой была пассивна. Ближайшее население отнеслось пассивно, так как обещание ОНРК о прибытии Кларка с подкреплением и продовольствием не оправдалось. Положение было нетвёрдое...» Из его же письма начальнику Камчатского губотдела ОГПУ И. Я. Ломбаку от 13 октября 1923 г. следует, что после ухода в сопки «атмосфера для ОНРК была слишком тяжёлая» из-за населения, «частично перешедшего на сторону противника», а «самое главное гнездо контрреволюционного элемента, поднявшего голову», находилось в долине реки Камчатки [ЦДНИКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 34. Л. 109—109об.].

В очерках «Противостояние» рассказывалось о сложных отношениях ОНРК с представителями населения города и близлежащих селений накануне партизанской эпопеи. Тогдашние трения и конфликты были ещё свежи в памяти людей в первые ноябрь-

ские дни 1922 г. «Сопочник» С. А. Селиванов не мог забыть, как портовый грузчик Ф. М. Гурьянов призывал арестовать ОНРК и всех коммунистов «и бросился с кулаками на т. Фролова. Но, благодаря тому, что мы были вооружены, а также в то время к нам присоединились рабочие, нам удалось их разогнать. После чего было несколько человек арестовано — Хайрюлина и другие». Трудно понять, каких рабочих имеет в виду Селиванов. Ларинская докладная даёт представление о примерной численности городского пролетариата на текущий момент (вряд ли эта цифра 1923 г. сильно разнилась с 1921 г.): «в г. Петропавловске рабочих имеется человек десять, и то занимаются охотой и рыбной ловлей».

В эту десятку наверняка входил К. А. Штрандман, который «оказывал содействие партизанским отрядам на Камчатке», а точнее, как указывалось в представлении его к медали «За отвагу» в 1967 г., «передавал сведения, прятал связных, снабжал медикаментами». 1917-й Штрандман встретил кондитером, однако продление отсрочки от армейской службы получил уже как специалист по паровому отоплению. В 1925 г. Константин Александрович трудился монтёром, к 1936 г. «вырос» до заведующего горводопроводом, но тогда же и лишился этой должности по бездеятельности и пьянству. С членством в ВКП(б) он расстался в 1929 г. — помимо халатности, непосещения собраний и несвоевременной уплаты взносов, его упрекали в дружбе с «зелёным змием», что им категорически отрицалось.

Проходя свидетелем по делу Ф. М. Гурьянова, Штрандман привёл случай рубежа 1920—1930-х гг.: «Однажды я шёл на пристань и проходил мимо собравшихся извозчиков, среди которых Гурьянов говорил, что мы возим муку для коммунистов, они всё жрут, а нам дают мякиши, раньше собак и то лучше кормили, вот до чего мы дошли...» У Ф. М. Гурьянова при обыске в 1931 г. изъяли сорок советских серебряных полтинников и «сорок с чем-то полтинников царской чеканки», но эти деньги, оправдывался Фёдор Михайлович, принадлежали супруге, а он о них не знал — «жена могла от меня об них скрыть, так как я часто выпиваю».

Акция эта была широкомасштабной. Её непосредственный участник С. Я. Ким рассказывал спустя без малого шестьдесят лет: «...что касается приспешников белых, их было единицы. Среди них был и коммерсант кореец Ли Яков... выслан из Камчатки в 1931 г., у него при обыске на коновязи во дворе его дома, в котором я делал обыск, под столбом коновязи нашёл американские и австралийские доллары, японские иены и другие драгоценности,

а у доверенного Чурина и К° Проскурякова под полом изъял две керосиновые банки серебряных монет 1923 г. Это было также в 1931 г., а Проскуряков также был выселен из Камчатки... Так называемая “валютная операция” проводилась, в основном, в 1931 г. под руководством начальника 60-го погранотряда (он же руководитель ОГПУ. — *В. П.*) Коваленко».

Похожая история произошла с бывшим городским головой фотографом Е. А. Колмаковым. По словам хозяина, в его доме чекисты обнаружили «46 или 47 рублей мелкого серебра и золотые вещи». При встрече он пожаловался думцу 1922 г. М. К. Соколову, что у него отобрали серебряную монету, полученную за изготовление фотоснимков, да вдобавок ещё таскали в ГПУ. Всё это, как выразился Колмаков, порождает недовольство, и нет «никакой симпатии к этой власти».

...Весной «сопочного» 1922 г. И. Е. Ларин писал: «За неимением средств трудно что-либо сделать, лишь усиленной медленной настойчивостью и силой можно что-либо сделать». Иван Емельянович сетовал на незначительное количество у партизан финансовых, материальных и иных средств. (Оружие и продовольствие, заблаговременно вывезенные из города, — не в счёт.) «Всего нами при эвакуации из города было взято три тысячи сто рублей 14 копеек. Затем конфисковано 62 соболя (в дневниковой записи от 3 апреля у него иная цифра: 67 плюс четыре выдры и одна лисица. — *В. П.*). На эти средства пришлось вести борьбу до сентября 1922 г.».

Письмо Ларина Савченко, датированное 29 декабря 1922 г. [ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1259.], позволяет говорить также об одной тысяче долларов золотом и 954 иенах, которые были получены 27 октября 1921 г. под расписку председателем ОНРК от уполномоченного Союза кооперативов Камчатки М. С. Черняева. В письме кооператоры обвиняются в отказе выдать партизанам кукули по причине якобы их отсутствия. Это противоречит показаниям Черняева на допросе в ГПУ 17 апреля 1923 г., где он признал наличие кукулей, малахаев, кухлянок и торбасов и утверждал, что тогда же сообщил об этом должностным лицам, в том числе Н. П. Фролову, «и некоторые члены Комитета брали торбаса... брал торбаса Лукашевский и другие».

Как быть с остальными товарами Союза кооперативов, обсуждалось на секретном совещании в доме Ларина с участием М. П. Славского, председателя Союза кооперативов Камчатки Г. Г. Кондратьева и члена правления И. Д. Грызлова. Решено

было выдать фиктивное обязательство фирме «Сайденберг и Виттенберг», гарантирующее долг «всеми ценностями Союза, как в Петропавловске, так и в области».

4 января 1922 г. особоуполномоченный Приамурского правительства Х. П. Бирич издал приказ о передаче всех дел Союза кооперативов Камчатки областному продовольственному отделу. 6 марта представители Союза кооперативов передали по акту заведующему хозяйством при областном управлении Ф. Шатинскому семь пудов пороха (стоимость пуда 420 руб. золотом), хранящегося в пороховом погребе на перешейке Никольской горы. 6 апреля при осмотре погреба старшим милиционером А. Дьячковым и Г. Кондратьевым в присутствии понятых Василия Петровича Но и Тимофея Карловича Александрова «оказалось два ящика с порохом целые и один взломан, пороху только в нём было шесть банок, два маленьких ящика с динамитами-капсулями и, кроме того, несколько ящиков подмоченного пороха...» В конце июля 1922 г. пороховой погреб перешёл в ведение военной милиции (начальник есаул Чешкин), а в октябре взлетел на воздух...

Содержание некоторых ларинских документов партизанского периода раскрывают в «Камчатской правде» за 8 августа 1969 г. Г. Травин и Н. Ильенко: «6 июля 1922 г., например, он выдал своему соратнику документ о командировании Савченко в область с чрезвычайными полномочиями — информировать население о политическом положении, инструктировать волостные и сельские комитеты, контролировать продналог и т. д. Любопытен и другой документ, подписанный Лариным. Адресован он уполномоченному ОНРК при штабе отрядов Савченко. Ларин писал, что для заготовки продовольствия и для приобретении оружия разрешалось часть конфискованной пушнины продать на сумму 20 тысяч рублей. «Расходование этих сумм предлагается вести штабу под вашим контролем...»

13 июля 1922 г. М. И. Савченко-Славский информировал Ларина: «Пушнину не продал, так как у “Гудзон-Бея” обещают мало денег, но у нас был задаток за проданную соль и моих 200 руб. Всё это в сумме 1 200 руб. мы посылаем. К следующему приезду людей у нас будет наличности до трёх тысяч иен, а если удастся продать рыбу, то и больше. Муку хотим фиктивно запродать местным жителям, с тем, чтобы в любое время мы могли этой мукой воспользоваться. Если не помешает издыхающая меркуловщина, то мы здесь извлечём довольно значительные средства. Беда только, что Коробко слишком слаб для такого рода работы и как бы не

пострадало наше Большерецкое дело после моего отъезда. В Японии нами заказано 10 шт. юфтовых кож конских, 3 шт. новых телефонных трубок, дюжина угольных пластин для трубок, порошок и медный купорос. Всё это будет привезено в Усть-Большерецк часла 18-го с/м».

Связь у партизан являлась наиболее уязвимым местом. Ведь штаб отрядов располагался недалеко от Петропавловска, а ОНРК и его председатель И. Е. Ларин в основном в сотне километров от него — в с. Начики. Этой проблеме, главным образом, было посвящено его письмо штабу от 22 февраля 1922 г. «Необходимо во что бы то ни стало установить связь штаба с Комитетом, для чего предлагаю следующее: 1) Поставить телефон, который снять на маяке или колонии прокажённых… и установить время переговоров. Телефон включить в верхний тигильский провод, по которому можно говорить без элементов за счёт линии. В случае, если нельзя достать телефон, можно достать одну трубку, которая устанавливается так же: один конец к проводу, другой в землю, и работает за счёт линии. Кроме телефона, необходимо сообщить в любое время дня и ночи азбукой Морзе, работая концами обрезанных проводов — сообщая ими все новости и сведения, начиная с 9 часов вечера (см. рис. № 1), если нельзя сообщать с того места, где обрезаны провода ввиду опасности, тогда можно в другом любом месте присоединить к проводам проволоку и работать как концами (см. рис. № 2). Наконец, 3-й способ, более трудный, но самый лучший для нас это: заткнуть в землю кусок железа и верхним тигильским проводом прикасаться так, чтобы, как и в предыдущих случаях, получались тире — точка, точка — тире, точка — точка — тире — азбука Морзе, хотя этот способ тем хорош, что в то же время мы можем слушать, что говорят по фонопору. (Важные и секретные донесения передавать шифром, так как будут слушать по всей линии.) Телефоном и проводами работать с 9 часов вечера. Самое главное — это установить с Вами связь. Иначе трудно и не так спокойно работать. Примите все меры и средства к установке телефона, и приступить немедленно к работе концами проводов в первый же вечер, когда придёт командируемый к Вам товарищ, и в тот же вечер сообщите Ваш взгляд на позыв съезда…»

Кто непосредственно «работал с проводами»? Конечно же, не бывший при Ларине секретарь ОНРК М. П. Щербаков, хотя именно он с возвращением совласти несколько месяцев занимал должность завотделом управления и связи. Вообще-то о его дореволюционном прошлом известно мало. Из крестьян Пермской губер-

нии. С шестнадцати лет работал на железной дороге. В 1915—1918 гг. — на военной службе. До Камчатки жил в Охотске — был членом-секретарём уревкома и Охотской ревтройки.

Представитель Приморского обкома РКП(б) П. В. Мусорин, прибывший в Петропавловск во второй половине 1921 г., сообщал во Владивосток о непотребном поведении камчатских партийцев, в том числе руководителей, и в качестве примера приводил члена ОНРК и РКП(б) с 1917 г. М. П. Щербакова, что попался ему на улице пьяным в форме японского офицера.

К этому факту, сдаётся, имеет прямое отношение то место из ларинской докладной «Работа РКП на Камчатке», где упоминается Мусорин: «За время борьбы с меркуловщиной спрятанные в тайге дела-анкеты, печать и вообще всё делопроизводство были кем-то выкрадены, о чём был составлен акт, представленный Примгуббюро, в котором указано подозрение на одного из членов организации — Мусорина — который за агитацию и разложение отряда предан суду и сидит сейчас во Владивостокской тюрьме».

Михаилу Павловичу Щербакову в период созыва весной 1922 г. II Чрезычайного Петропавловского уездного (партизанского. — *В. П.*) съезда было лет 27, но выглядел он старше своих лет, телосложение имел крепкое, рост — средний. «Хорошо грамотный. Хороший организатор. Среди партизан пользовался авторитетом». Так его охарактеризовал товарищ по партии П. Г. Ивашкин-Ларичев. Правда, Петру Глебовичу показалось, что Щербаков страдает излишним самолюбием, но, однако, твёрд характером и убеждениями. 31 августа 1923 г. общее собрание Петропавловской городской организации РКП(б) объявило ему — члену губревкома — строгий выговор без занесения в личное дело с предупреждением, что будет исключён из партии, если не прекратит пьянствовать. В октябре 1923 г. Щербаков назначен представителем по делам Камчатского губревкома во Владивостоке, 13 ноября вместе с Богомоловым автоматически выбыл из состава губревкома, а в январе 1924 г. был уволен. После учёбы в Дальрыбвтузе вырос до заместителя управляющего Дальморзверпрома, Кработреста. Затем работал на Украине. Умер пятидесятисемилетним.

Командующий всеми партизанскими отрядами ОНРК уроженец Тульской губернии Василий Дмитриевич Богомолов начал жить своим трудом с восемнадцати лет в 1905 г. Называл себя великороссом и рабочим из крестьян. Образование: церковно-приходское училище и экономико-кооперативные курсы при Владивостокском народном университете (1918—1919 гг.). Трудился

на чугунно-литейном заводе Густав-Листа, красильной фабрике Суряева в Москве и консервном заводе Демби в Усть-Камчатске. С 1909 по 1912 г. служил в унтер-офицером в 5-м Сибирском полку (г. Никольск-Уссурийск). Будучи делегатом I Камчатского областного съезда от Нижне-Камчатской волости, избран в состав областного комитета. Член первого областного Совета. В 1918—1919 гг. — на кооперативной работе. До апреля 1920 г. — председатель Усть-Камчатского ревкома. В августе того же года — член правления Союза камчатских кооператоров. В отрядах ОНРК с февраля 1922. Был кандидатом компартии в 1920 и 1924 г. Рекомендация П. Г. Ивашкина-Ларичева для вступления в ВКП(б) дана в 1930 г. (По другим данным, Богомолов — член партии с 1928 г.) С окончательным установлением соввласти на полуострове назначен завгубкомхозом. В апреле 1925 г. РКИ предлагает отстранить его как проявившего нераспорядительность и безынициативность при выправлении порученного ему участка работы, в результате чего образовались «полнейший хаос и полнейшая халатность». Следующая его должность — продавец Петропавловской фактории. В 1931 г. переехал на Северный Кавказ и там вскоре скончался.

Среди тех, кому ещё даёт характеристику П. Г. Ивашкин-Ларичев (в воспоминаниях, посвящённых II Чрезвычайному Петропавловскому уездному съезду), — Арсений Лукич Бурнатов, 1897 г. р., из крестьян, до и после революции чернорабочий и канцелярист, образование — сельская школа и фельдшерские курсы: «Общительный. Трудолюбив и скромный. Принимал участие в работе съезда, а по окончанию вступил в партизанский отряд ОНРК, в котором также проявил себя как один из исполнительных и дисциплинированных бойцов и пользовался уважением товарищей». В 1924—1925 гг. А. Л. Бурнатов — управляющий Петропавловской таможней, заворготделом и заместитель секретаря губревкома.

Н. П. Фролов, предшественник Богомолова в должности командующего партизанскими отрядами, в 1929—1931 гг. занимал пост председателя Петропавловского горсовета, несмотря на компромат, собранный на него чекистами. Кроме данных о его работе в 1918 г. вышибалой дома терпимости, у них имелись также сведения иного характера. Их изложил в совершенно секретном письме председателю Камчатского окрисполкома В. Ф. Богатырёву начальник Камчатского окружного отдела и погранотряда ОГПУ М. Краузе 2 января 1928 г. Согласно данным этого ведомства,

в 1923 г. при содействии Фролова и Богомолова Викула Попов открыл в Петропавловске на средства комхоза столовую «Коммунальная», весь доход от которой шёл исключительно ему. «В 1924 г., якобы по рекомендации тов. Фролова, гражданин Попов с целью избежать налогов организовал кооперативную пищевую артель, в которую вошло несколько неимущих граждан "пайщиками без пая" и два бывших торговца-китайца. Председателем артели являлся гражданин Попов, фактически являясь хозяином предприятия и эксплуататором рабочих, именовавшихся членами артели. Когда от последних поступила жалоба Прокурору, гражданин Попов ликвидировал артель, выдав членам её по 50—70 руб.

В 1926 г. гражданин Попов на имя своей жены открыл столовую с крепкими напитками, причём разрешение на торговлю вином получил благодаря содействию гражданина Фролова, так как в Камчатском окрревкоме, якобы, имелось принципиальное решение прав на торговлю крепкими напитками никому не давать. В настоящее время гражданинн Попов наживает большой капитал, главным образом, продажей спирта на вынос и произвольного разлива, что по его правам воспрещается. Милиция и фининспекция на это внимания не обращают. Несмотря на большой заработок, гражданин Попов принимает меры к тому, чтобы "работать", совершенно не платя налогов, так, например, он подал заявление тов. Фролову (председателю Добровольного общества «Друг детей») с предложением открыть столовую с крепкими напитками от имени общества, которая была бы сдана ему, Попову, в аренду, и на таких же условиях открыть хлебопекарню, мясную и бакалейную торговлю и биллиардную.

В беседе с населением гражданин Попов по поводу намеченного спекулятивного плана говорит: "Николай Павлович (тов. Фролов) меня поддержит". Покровительство тов. Фролова спекулянту Попову местным населением расценивается как участие первого в деле второго, причём указывается на то обстоятельство, что тов. Фролов часто бывает в гостях у гражданина Попова, и в эти часы последний столовую закрывает. Имеются также разговоры о том, что гражданин Попов состоит у тов. Фролова сотрудником Угрозыска на жаловании 100 руб. в месяц, которое остаётся в пользу тов. Фролова, якобы имеющего 15—20 тысяч личных сбережений. Указанные сведения нами проверяются». Письмо начальника ОГПУ носило характерное название «О гражданине Фролове». В 1932 г. В. С. Попов пару месяцев находился под следствием по ст. 58-10 УК РСФСР; постановлением полномочного представительства

ОГПУ Дальневосточного края дело было прекращено, а сам он освобождён.

В 1930 г. Н. П. Фролов подавал в отставку, однако бюро окружкома партии её не удовлетворило. На следующий год его откомандировали в распоряжение крайкома ВКП(б), а тот — направил на учёбу в Москву. Дальнейшая судьба Николая Павловича описана в книге историка А. П. Пирагиса «От нагана до компьютера». После окончания Высших курсов советского строительства при Президиуме ВЦИК вплоть до ареста в 1938 г. Фролов работает в Наркомфине РСФСР. Последняя занимаемая им должность — начальник Пробирного управления (госконтроль за соответствием ювелирно-бытовых изделий из драгметаллов узаконенным пробам). Наряду со служебным вредительством и связями с врагами народа Тухачевским и Блюхером, его обвиняют в гибели партизанского отряда. Затем — девять лет УсольЛАГА и столько же ссылки в Кокчетавской области. Реабилитирован в 1956 г. Через десять лет Н. П. Фролову установили персональную пенсию союзного значения. Прожил он без малого восемьдесят три года. Примерно столько же, сколько длился до революции век его земляков — калужских крестьян.

И. Е. Ларин ценил Николая Павловича как способного и старательного подручного. Считал (1926 г.), что он, «хорошо разбирающийся в вопросах, всегда сознающий важность выполняемой работы», инициативный работник, который умеет подбирать кадры и руководить ими, разве что «недостаёт общей развитости и грамотности».

Н. П. Фролов в 1929 г. сменил на посту председателя горсовета И. Е. Ларина. Последний с декабря 1922 г. постепенно опускался по служебной лестнице: зампредгубревкома, председатель окресткома и, наконец, председатель Камчатской окружной контрольной комиссии ВКП(б). В этой должности он пробыл меньше года. Его сняли за «правооппортунистскую практику» в ноябре 1930 г., а 18 января 1931 г. президиум той комиссии, которую он недавно возглавлял, поставил в повестку дня вопрос «О члене ВКП(б) т. Ларине И. Е.». Хотя Иван Емельянович признал ошибки (и среди них — что «для солидарности» с членами прежнего бюро окружкома поставил свою подпись под негативной оценкой работы директора АКО Гольдберга; именно из-за этого конфликта и было в очередной раз разогнано камчатское партийное руководство), от него требовалось развёрнутое покаяние, чего участники собрания так и не добились.

Член президиума окружной контрольной комиссии, помощник начальника погранотряда по политической части т. Цапов сказал: «Ларин говорит не то, что нам нужно от него, он признаёт какие-то “небольшие ошибки”... когда на деле был правый оппортунист». Ларин подал реплику: «Передёргиваешь!» Цапов: «Ларин, не мешай. Я понимаю, что говорю». Ларин: «Много ты понимаешь...»

Справка. Цапов Николай Авксентьевич, 1901 г. р., образование низшее (четыре класса высшего начального училища), подчёркивал, что — «великорусс». В феврале 1920 г. — секретарь правления культурно-просветительского общества «Просвещение», используемого революционерами при власти А. В. Колчака в качестве ширмы для подрывной работы. В том же году вступил в РКП(б).

Из протокола комиссии 1929 г. по чистке партии. «Цапов: “Пью редко, случайно”. Вопрос: “С кем пьёшь, с партийными или беспартийными?” Цапов: “Пить одинаково нехорошо с теми и с другими”. Краузе (начальник Камчатского окротдела ОГПУ): “Знал т. Цапова в 1923 г. как военкома школы пограничной. В то время положение на границе, в связи с организационным периодом в погранвойсках, было серьёзно и, руководя в это время школой, т. Цапов имел хорошие отзывы”».

Следует отметить, что вопрос насчёт выпивки возник не случайно. Газета «Полярная звезда» ещё 17 июня 1923 г. писала: «Сотрудниками милиции составлен протокол на гр. Н. Цапова за появление в присутственном месте в пьяном виде. Таким порядком наша милиция заставит многих бросить “хановать”». (Что означало это слово, приходится лишь догадываться.)

Прокурору И. Т. Невесенко не понравилось поведение Цапова на президиуме окружной контрольной комиссии. Он заявил, что, несмотря на то, что все кругом знакомые, попав в такое положение, любой растеряется. «Выступление Цапова получилось придиркой ко мне, что и я примиренчески отношусь к правому оппортунизму. Цапов, если будешь так реагировать на правые политические ошибки, то и ты оппортунист... Разберём, кто больше заслужил перед революцией, тогда и ты не меньше примиренец. Я говорю, что если Ларин искренне выступал, то можно сделать оценку».

Цапов: «А что Ларин сказал по существу о признании своих ошибок?»

Невесенко: «Ничего не сказал. Значит, ему надо дать возможность свои мысли изложить письменно».

тигильский провод по которому можно говорить без
элементов за счет линии.

В случае если нельзя достать телефона можно поставить одну трубку которая устанавливается также один конец к проводу другим в землю и роботает за счет линии.

Кроме телефона необходимо сообщить в любое время дня и ночи азбукой морзе роботая концами обрезанных проводов – сообщая нам все новости и сведения, начиная с 9 часов вечера [см Рис. № I] если нельзя сообщить с того места где обрезаны провода ввиду опасности тогда можно в другом любом месте ~~[illegible]~~ присоединить к проводам проволоку и роботать как концами ~~[illegible]~~ ~~проводов~~ (см. Рис. № 2

Наконец 3й способ более трудный – но самый лучший ~~[illegible]~~ это заткнуть в землю кусок железа и верхним проводом прикасаться – так что бы как и в предыдущих случаях получилось азбуке морзе – хотя этот способ тем *) хорош что в это же время мы можем слушать что говорят по фонопору (~~[illegible]~~)

Телефоном ~~[illegible]~~, и провода роботать с 9 час. вечера –

Самое главное это установить с Вами связь. Иначе трудно и не так спокойно работать.

Примите все меры и средства к установке телефона и приступите немедленно к работе концами проводов в первый же вечер когда прибудет командируемый к Вам товарищ

*) P.S. Военные и секретные донесения передавайте шифром ~~[illegible]~~ как этот ~~[illegible]~~ по всей линии

Рис. № I

Вашо за роботой ...

хакко мэа?

Рис. № 2

В этом случае концы обрезанных проводов должны быть разведены –

Вид с боку

провол. разрез

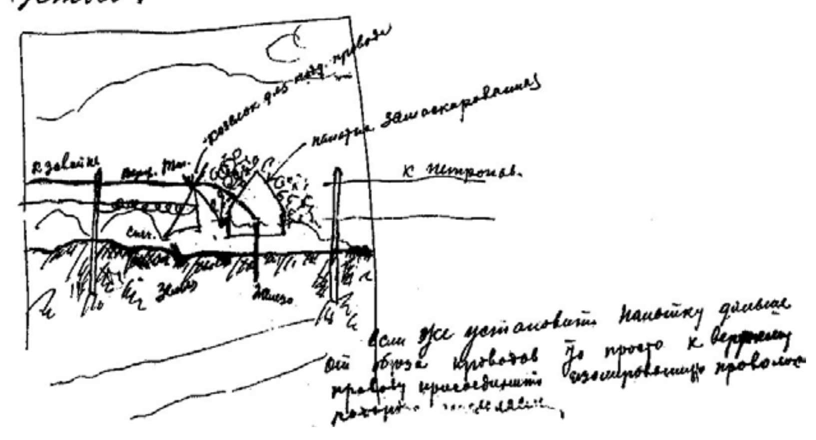
Фрагмент письма И. Е. Ларина штабу партизанских отрядов

вались, потом предоставить нам нет
право голоса на съезде промышленно
трудового союза и компартии и какое
совещательное или решающее, а осло-
ли [?] предоставить с совещательным
голосом. Затем мне необходимо ста-
тистических сведений насчет волостей
если привезли бумаги и дела то там
у меня есть.

~~Напишите подробно~~ ~~[illegible]~~ пере-
дайте на словах или цифре положе-
ние отряда, продовольствия и т. далее
количество и пост. — Доставлялась ли мука
и разные продукты. Относительно расслед-
ования [?] передаю на словах.

По слухам из Козыревска только что
сейчас полученным — там идут слухи от якун-
цев [?] торгующих и других что 400 чукчей или
коряков других инородцев двинулись в неизвест-
ное место — по всей вероятности к Гижиге

Сейчас же получили известие от Ко-
зыревска, что Машихин ехать в Мильково
отказался а уехал по направлению к
Устью.

от 22 февраля 1922 г. (ГАКК. Ф. П-28. Оп. 1. Д. 5. Л. 30об.—31)

Прокурора поддержал товарищ Ларина по партизанству, член президиума окружной контрольной комиссии П. Г. Ивашкин-Ларичев: «Я Ларина знаю семь лет, безусловно, Ларин постановкой сегодня в таком разрезе вопроса о нём обижен, это и не даёт ему сказать то, что он думает, — это я знаю из характеристики Ларина — откровенно говорю, что Ларин нервный в высшей степени, так как он это больше переживает в себе, надо дать ему его мысли изложить письменно, иначе он не объяснит, или получится так, что сегодня скажет одно, а завтра заявит, что я говорил не то, что думал, не так выразился».

С обоими выступающими не согласился Н. А. Цапов: «В контрольной комиссии ВКП(б) по делу Ларина выявилось нехорошее настроение. Характеристика Ивашкина не в пользу тов. Ларина. Нездоровыми являются ссылки товарищей на седину, на заслуги, как будто из-за старых заслуг можно прощать теперешние политические ошибки».

«Я говорю, что признаю свои ошибки, что Вы от меня требуете. Здесь получается, что хотят приклеить человеку, ну и клейте», — разгорячился Ларин.

Президиум окружной контрольной комиссии расценил поведение Ларина «как солидарность с прежним право-оппортунистическим руководством», отметив при этом, что «т. Ларин отделался формальным признанием своих ошибок, не признал их право-оппортунистической сущности». Контрольный парторган предупредил коммуниста Ларина: дальнейшая игра в молчанку будет квалифицироваться отстаиванием прежних позиций и с ним поступят в соответствии с решением XVI съезда ВКП(б) о несовместимости правых взглядов с пребыванием в рядах партии.

Через три месяца Иван Емельянович вручил секретарю Петропавловской организации ВКП(б) Козлову заявление о выходе из партии, приложив к нему партбилет. От беседы отказался. Из протокола общего закрытого собрания ячейки при ОИКе 29 апреля 1931 г.: «Ларин сообщил, что эти решения он очень долго обдумывал раньше осенью и только убеждения тов. Ивашкина удержали его от этого шага. После переговоров через Голованова послано было извещение с просьбой явиться на бюро, и всё-таки Ларин на бюро не явился. Бюро было вынуждено разобрать заявление без т. Ларина. Далее тов. Козлов зачитывает заявление Ларина. Мотивами выхода из партии Ларин выставил: 1) больное состояние (он умер в Подмосковье в 1980, дожив до девяноста лет. — *В. П.*), 2) политическую отсталость и 3) усталость общая».

Ларинские мотивы собрание не удовлетворили. Тем не менее, оно «единогласно при одном воздержавшемся» (Киселёв, новый начальник окротдела ОГПУ) постановило снять Ларина с партучёта в ячейке как добровольно выбывшего из членов ВКП(б)...

Однако в личном листке по учёту кадров Печоро-Илычского заповедника (Коми АССР), где И. Е. Ларин работал в 1934—1937 гг. директором и в 1946—1949 гг. заместителем директора по хозчасти, собственноручно им вписано: состоял в партии с июня 1917 по июнь 1939 г. и «по состоянию здоровья механически выбыл». Значит, восстановился. И, скорее всего, будучи слушателем Всесоюзной плановой Академии им. Молотова при Госплане СССР. Ведь до заповедника он некоторое время трудится ответственным секретарём парткомиссии Петрозаводского района Кировской железной дороги.

Иная дата прекращения членства в компартии указана в послевоенной служебной характеристике Ларина: «(механически выбыл из рядов партии в 1943 г.) сейчас беспартийный... национальность русский, работает в заповеднике с 1946 г. К работе относится добросовестно, дисциплинированно, безукоризненно честен. Участия в общественной жизни коллектива слабое (не член профсоюза, не член потребительской сельской кооперации, в выборных органах не состоит). Над повышением деловой квалификации работает. Авторитет в коллективе имеет. Морально устойчив — поведение в общежитии достойное советского человека».

Прервёмся, чтобы сообщить два ранее неизвестных факта биографии И. Е. Ларина. Один из них относятся к весне, второй — к осени 1929 г. Ларин входит в оргбюро для борьбы с алкоголизмом и в двухнедельный срок вырабатывает «директивные указания на места». Окрбюро ВКП(б) ходатайствует о награждении его орденом Красного Знамени за выдающиеся заслуги в борьбе за советскую власть на Камчатке. И, прежде всего, за руководство красными партизанами. Сам И. Е. Ларин так писал об этом: «За время борьбы с бандами Бирича и Бочкарёва, то есть с 28 октября 1921 г. по 10 ноября 1922 г., независимо от занимаемой должности председателя ОНРК, состоял начальником партотряда, начальником штаба и уполномоченным ОНРК при штабе отрядов его имени».

Далее в характеристике, предположительно 1948 г., значится: «Исключительная физическая слабость, по состоянию здоровья последний год в командировки не выезжал, может работать только на месте. Директор госзаповедника Н. Зорин» (к тому

времени И. Е. Ларин прожил немногим более половины отпущенного ему срока). Материалы по И. Е. Ларину в бытность его работы в Печоро-Илычском заповеднике представил научный работник из Елизово А. Н. Никаноров, исследователь паратунских событий 1922 г. Вопреки легенде, возникшей после разоблачения культа личности Сталина, И. Е. Ларин политическим репрессиям не подвергался. В 1935 г. его привлекли к судебной ответственности за удорожание строительства кордона в Джелалабадском Киргизском заповеднике и присудили к одному году исправительных работ путём вычетов из зарплаты.

Ларин был «рабочим из крестьян». Автобиография 1923 г. даёт представление о том, как он «выбивался в люди». Жили они в деревне Ванино Рязанской губернии. Отец — Емельян Никитич — землепашец, занимавшийся отхожими промыслами (жестяные и плотницкие работы), умер, оставив жену и троих детей без средств к существованию. Старшему Ивану тогда исполнилось четыре, брату — три года, а сестре — два месяца. В шесть лет поступил в сапожную мастерскую, откуда его забрал дед по матери, отдал в сельскую школу, а потом в ремесленное училище, «каковое и успешно окончил, как по общеобразовательным предметам, так и по слесарному ремеслу.

В последние годы учения познакомился с кружком революционеров, порвал с религиозными предрассудками. В том же 1906 г. переехал во Владивосток, где с ноября по апрель 1907 г. работал в качестве слесаря на машиностроительном заводе Суворова. С апреля 1907 по июнь 1908 работал в военном порту, в железокотельной мастерской, слесарем. В период работы в военном порту состоял членом профсоюза металлистов и членом кружка Р.С.Д.Р.П., котором был избран старостой. В то же время ходил в Народный дом на лекции по политэкономии, гражданскому праву, геологии, черчению, другим предметам».

«После октябрьских событий 1907 г., — пишет далее И. Е. Ларин, — когда были разгромлены профсоюзная и партийная организации, кружок распался, так как партийным товарищам — руководителям кружка — пришлось бежать. (Некоторые авторы утверждают, что Ларин вместе с В. Шумяцким и А. Ворониным принимал участие в восстании военных моряков, поддержанных портовиками, но это не тот эпизод, о коем Иван Емельянович предпочитал бы умалчивать. — *В. П.*).

8 июля 1908 г., ввиду сокращения штатов в военном порту, в числе шести человек перекочевал в Петропавловск-на-Камчатке, органи-

зовав артель (на коммунистических началах). Артель просуществовала два года. В артели этой я работал слесарем и рыбаком».

И. Е. Ларин, как и полагается в такого рода документах, краток. «Камчатская правда» за 1 мая 1977 г. рассказывает об этом периоде с его слов более подробно: «Товарищу Ларина срочно нужно было исчезнуть подальше от владивостокской полиции. Ларин отдал ему и билет, и паспорт, и рабочий инструмент. Сам он уехал на Камчатку. Уговорил его на отъезд слесарь Азарков. Пришла тому мысль организовать рабочую коммуну. Впятером сошли они с парохода.

И Азарков, и другой затейщик коммуны Воронов носили не свои имена. Оба числились в розыскных списках за участие в революционной деятельности. С виду от нелегальной активности они отошли — охота, рыбалка да мастерская в Петропавловске, где берутся за всё — от ремонта ружей до жестяных поделок. Но занята была коммуна и делом, которое властям понравиться никак не могло. Пароходы Добровольного флота после вояжа по дальневосточным портам непременно заходили на Аляску. На пароходы во Владивостоке садились и люди, для кого бесчисленными судами, свирепствовавшими по России, уготован был смертный приговор или в лучшем случае годы каторги. Многим революционерам оставался один выход — эмиграция.

Под видом мирной рабочей полукоммуны-полуартели существовал и нелегальный промежуточный пункт, облегчавший эмигрантам тяготы бегства на чужбину. Чтобы беспрепятственно сойти на берег на Аляске, а потом перебраться в Сан-Франциско по иммиграционному закону нужно было предъявить береговым властям сто долларов, совсем неимущих американцы на берег не пускали. Порой одна-единственная стодолларовая бумажка по несколько раз кружила между пароходом и берегом в разных, так сказать, обличиях. Купюра разменивалась по несколько раз, чтобы придирчивые чиновники не заподозрили обмана.

Коммуна просуществовала до 1910 г. Министерство внутренних дел — видно, полиция прознала про хитрость эмигрантов, — запретило заходы пароходов на Аляску. Одним из последних пароходов уехал Азарков. Ларин уже знал его настоящую фамилию — Будрис».

С августа 1910 по июнь 1916 г., продолжает И. Е. Ларин, «служил в Камчатском областном правлении, в строительном отделе, с перерывами, занимая должности: чертёжника, десятника, техника школьно-строительной комиссии. В последней должности

был командирован в 1915 г. на Чукотский полуостров для постройки школ. В период службы в областном правлении, в 1913 г. участвовал в качестве фотографа в научной поездке магистра ветеринарных наук Грюнера на Карагинский остров по изучению оленеводства. В 1913 г. женился на Дарье Петровне Поповой, в том же году родился сын, в 1915 г. родилась дочь».

До конца 1917 г. И. Е. Ларин — на военной службе (рядовой) сначала во Владивостоке, а потом с пополнением местной воинской команды едет в Петропавловск. Краеведческая литература утверждает: на пароходе, по пути на Камчатку, большевик (вступил в 1917 г. в столице Приморья) Ларин распропагандировал сослуживцев и, опираясь на них, вместе другим революционером из солдат — А. Олейником-Топорковым — совершил переворот. Первое время руководил Петропавловским городским, а затем областным совдепом.

Летом 1918 г. И. Е. Ларин поехал на конференцию председателей совдепов в Хабаровск, но не доехал. Во Владивостоке в ночь на 29 июня произошёл антисоветский переворот. С июля 1918 г. Иван Емельянович жил на острове Попова у члена Владивостокского Совета А. А. Воронина, которого в декабре арестовала белая контрразведка, а Ларина не тронула, так как не знала его в лицо, а документы у него были на имя Н. Чаплинского — бывшего правителя канцелярии камчатского губернатора.

И. Е. Ларин перебазировался во Владивосток, стал обитать в рабочей и Нахальной слободках под фамилией Сойкина. Состоял в профсоюзе грузчиков. В октябре 1919 г. поступил в частную автомобильную мастерскую, «где до свержения розановщины работал слесарем». Со 2 марта 1920 г. Ларин — уполномоченный Камчатского военно-революционного комитета во Владивостоке. 1 мая того же года выезжает на Камчатку, чтобы вновь стать первым лицом в области. Известно, что аналогичное задание в 1917 г. И. Е. Ларин получил от партийных вожаков Приморья, в частности называют фамилию председателя Владивостокского совдепа А. Я. Нейбута, который в числе других политэмигрантов возвратился из Северо-Американских Соединённых Штатов. Швейцарский поток врагов исторической России возглавлял Ульянов-Ленин, американский — Бронштейн-Троцкий.

Точных сведений, кто снарядил товарища Ларина на Камчатку в 1920 г., нет. Вскоре по приезду он становится председателем облисполкома, переименованного затем в облнарревком...

Иван Емельянович не преувеличивал своей роли в организации и деятельности партизанских сил ОНРК. И всё-таки приказы отдавал не он один. «Командиру 4-го отряда. Согласно Вашего требования посылается Вам для отряда 1) кожи подошвенной полкожи, 2) свечей только 5 штук дополнительно фунта 4 пошлём с Брагиным, 3) чаю одну плитку табаку-манчжурки и 4) бумаги и спичек немного, сколько имелось. Денег в отряде нет, сахару привезли один пуд, но он ещё в Аваче. Кроме того посылается немного воску, жил для шитья, иголок и немного оружейного масла. За одеждой отправляюсь в Завойко. Вместо расчётов с жителями оставить старосте под расписку выданного Вам соболя, деньги в скором времени будут уплочены, для чего я приду сам или пошлю людей.

Не допустимо не выполнять распоряжений: Личкуна и Миничева немедленно же отправить в одно из селений для работы, так будет поступлено и с остальными задержанными. После освобождения Рябикова и других арестованных Личкун и Миничев смогут идти куда захотят — в отряд или домой, а в настоящих условиях оставлять их в отряде немыслимо. Боевое распоряжение посылается отдельно. *М. Савченко-Славский* и командующий отрядами *Фролов*. 30/V-22 г.»

Ещё один арестованный, а вернее захваченный, партизанами житель Петропавловска Ф. В. Сусметов в июле 1918 г. ходил с оружием в руках свергать совдеп. Не переменил своих убеждений и после ноября 1922 г., заявляя, что при царе народу жилось в двадцать раз лучше. Умер Фома Васильевич в концлагере «Воркутинстроя» в 1943 г. В тех же краях, между прочим, где и главный ликвидатор бочкарёвцев Г. И. Чубаров. О проводнике Чубарова в 1923 г. известно лишь то, что им являлся местный житель Пётр Петрович Абакумов и он был жив в конце 1960-х гг.

В другом приказе (см. главу «Делая городу террор...» в первой части очерков «Противостояние») упоминалась Халактырка. Нечто новое о её положении в то время сообщил Алексей Григорьевич Сахаров, свидетель по делу А. И. Дьячкова, подозреваемого в вылавливании партизан белыми: «В селении Халактырка два раза проходили отряды белых. В 1922 г. в составе отрядов было человек пятнадцать-семнадцать. В первом отряде, второй отряд в составе пятидесяти человек был в середине августа 1922 г. Случаев захождения в Халактырку одиночных офицеров не было, ибо, по-моему, они бы боялись зайти сюда. Дьячкова Александра в с. Халактырка не было, и никто его здесь не видел, если бы кто

из партизан видел Дьячкова с офицерами в Халактырке, то после нашего прихода, то есть после прихода партизанского отряда (в котором я был месяцев девять) в г. Петропавловск, с ним бы тогда разделались».

Два комсомольских служебных документа, посвящённых этому селению, несколько разнятся друг с другом. 1925 г.: «...в шестнадцати верстах от города находится деревня Халактырка. Жители этой деревни составляют большую часть камчадал, до некоторой степени народ тёмный и находится под влиянием религиозного дурмана...» 1926 г.: «У населения прямой религиозности и верования нет, а просто привычная обрядная сторона таковой, ячейка в этом отношении работу проводить воздерживается, за исключением помещения небольших бытовых статеек в стенгазете».

Более религиозным, судя по информационной сводке окротдела ОГПУ от 16 апреля 1927 г., было население столицы Камчатки: «Уничтожение старой церкви — здания бывшей церкви в Петропавловске, продажа церковного амбара и перенесение сарая на детскую площадку породили в среде верующих сильное негодование. Особенно недовольны остались верующие после того, как церковная утварь, в том числе старые иконы, были милицией выброшены на улицу. На заявление ими претензии к начальнику гормилиции, последний заявил: «Эту сволочь нужно сжечь вместе с вами» [ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 33. Л. 34.].

Начальником райгормилиции был тридцатитрёхлетний Кирилл Авраамович Куксенко. До 1918 г. он служил присяжным счётчиком в Казначействе. С осени 1921 г. — староста Петропавловской сельхозфермы, передавал красным партизанам, по его словам, «сведения о неприятеле» и уволился оттуда, как только белые начали подозревать его. Та же сводка ОГПУ 1927 г. называет Куксенко бывшим вахмистром местной жандармской команды, который мало сведущ в милицейском деле «и держится на службе при содействии и дружбе с начальником окрадмотдела ОРК Фроловым».

...Представление о личности партизана А. Н. Пересыпкина дополняют документы 1923 г., в том числе докладная Богомолова на имя ответственного секретаря Камчатского губбюро РКП(б) В. М. Кручины. Во Владивостоке Пересыпкин, работая председателем профсоюза грузчиков, «присваивал суммы, поступавшие из разных источников, не проводя сумм по книгам», вымогал у разных лиц и организаций средства якобы для партизан и политзаключённых, а на самом деле в свою пользу; после свержения

колчаковщины пролез в Госполитохрану, участвовал в обысках, благодаря чему обогатился деньгами и золотыми вещами; во время японского выступления бежал из Владивостока вместе с женой, прихватив с собой довольно крупную сумму, а по миновании опасности вернулся в город, рассказывал о своих подвигах. Председатель Далькрайкома большевик П. М. Никифоров поверил Пересыпкину, выдал ему документы и проездные на Камчатку.

Там он вступил в компартию, втёрся в доверие и некоторое время даже был председателем Петропавловской организации РКП. В Усть-Камчатске, по словам В. Д. Богомолова, Пересыпкин выдавал себя за высшее начальство, пьянствовал, обещал устроить учительницей М. К. Дроздович при условии, что она «отблагодарит его женскими ласками». Зимуя на Командорах, продолжал пить, изнасиловал тринадцатилетнюю девочку (заявление местных жителей об этом похищено вместе с другими партдокументами в тайге в «сопочный период»).

«Как только были получены сведения о выезде белых на Камчатку, резко изменил поведение. Начал пьянствовать открыто, пьяный исполнял служебные обязанности, почти открыто брал взятки, например, при конфискации на пароходе “Томск” спирта не отобрал у одного из спекулянтов и получил за это костюм и шляпу. Всё это Пересыпкин делал вполне сознательно с определённой целью: добиться, чтобы его уволили и исключили из партии, после чего он смог бы свободно удрать — спасать шкуру, так как белые приближались.

Во время наступления революционных отрядов на Петропавловск, когда все жители Налычевской волости примкнули к отрядам, Пересыпкин вынужден был тоже вступить в отряды, но, будучи в отрядах, ежедневно приставал к членам штаба с просьбой под разными предлогами отпустить его на время, чего неоднократно добивался. Когда штаб напомнил Пересыпкину о героических подвигах и назначил его командиром 4-го отряда, предложив искупить вину самоотверженной работой, Пересыпкин... не только ничем не проявил себя, но систематически разлагал отряд и постепенно создал такую обстановку, что большую часть отряда пришлось распустить. Будучи начальником 4-го отряда, не выполнив боевого приказа об отвлечении сил белых к радиостанции, бросил в горах свой отряд и с десятком бойцов пришёл к 1-му и 2-му отрядам на ферму, где вёл себя вызывающе, косвенно угрожая всем четвёртым отрядом, который, как он выражался, “больше численностью, чем ваши отряды”. Во время

боя на ферме бросил своих людей, винчестер и шапку и убежал в Халактырку...»

О том, какое значение документам смутного времени придавала советская власть, говорит 5-й пункт постановления Камчатского окрревкома «О состоянии архивных материалов округа и работе архивного бюро» от 16 ноября 1926 г., где содержалось требование «привести в порядок и описать в первую очередь дела партизанских отрядов, затем все фонды 1917—1921 гг.», а потом уже остальные по степени их важности. Тем не менее, эта работа была поставлена слабо, что отмечает бюро обкома ВКП(б) 13 декабря 1935 г. Райкомам даётся указание «немедленно приступить к сбору материалов по истории революционной борьбы на Камчатке за период 1917—1923 гг., связаться с участниками партизанского движения на Камчатке, камчатскими коммунистами и старыми советскими работниками на предмет получения от них воспоминаний о партизанской борьбе».

Уполномоченному Истпарта Ф. Л. Слободчикову поручено «при поездке в Пенжинский и Тигильский районы... собрать материал о партизанской борьбе с белобандитами в 1921—1923 гг.», а комиссии по подготовке пятнадцатилетия советской Камчатки включить в план работы концентрацию, обработку и изучение материалов о революционной борьбе. Партгруппе при облисполкоме следует наладить работу облархива, выделить и передать в Истпарт партизанский архив за 1917—1923 гг.

М. И. Савченко-Славский, 1897 г. р., командированный летом 1922 г. в столицу Дальневосточной республики Читу, по пути заехал в Шанхай и в докладе советскому полпреду Иоффе «О положении на Камчатке» срыв боевых операций партизан против белого Петропавловска списал на «высадку японского десанта». После чего эта версия утвердилась в исторической литературе как реальный факт.

В 1922—1923 гг. бывший председатель Петропавловского уездного комитета большевистской партии руководит Камчатским губревкомом. С новым партруководителем губернии он общего языка, видимо, не нашёл. У Д. С. Бузина за полтора месяца общения с ним создалось мнение, что он «самоуверенный, замкнутый, эгоистичный... политически отсталый». Вдобавок, «за длинный четырёхлетний период тяжёлой работы на Камчатке стал физически больной, с нервно раздражительными вспышками характера, зачастую преходящими в нетактичность, влияющую на продуктивность работы целого учреждения».

Но не надо забывать, что, к тому же, за плечами у Савченко был солидный стаж революционера. В 1909—1913 гг. он работал в Юзовской организации РСДРП, подвергался арестам и ссылкам. С нарымской административно-политической ссылки в 1915 г. бежал в Петроград. В 1917 г. вступил в Красную гвардию, принимал активное участие в февральском и октябрьском переворотах. На Камчатку попал из Приморья, где работал в правительственной комиссии по разгрузке Владивостокского порта. В 1921 г. сменил Пересыпкина на посту руководителя Петропавловской большевистской организации. А когда в 1922 г. был направлен в Читу, его замещал П. Г. Ивашкин-Ларичев.

В 1924 г. М. И. Савченко-Славский навсегда расстаётся с Камчаткой. До 1930 г. учится в Ленинградском политехническом институте на стипендию Камчатского губревкома, затем работает директором промышленных предприятий, в том числе в Сибири, там в 1937 г. ему вменяют «связи с контрреволюционерами, врагами народа Немовым, Фельдманом, отрыв от партии, зажим критики, нечуткое, высокомерное отношение к запросам рабочих и вредительское строительство заводского корпуса». Тюрьма обошла Савченко-Славского стороной. Отделался исключением из ВКП(б) и пятнадцатилетней киргизской ссылкой. Жена тут же отказалась от него; перед тем они потеряли ребёнка. В ссылке Михаил Иванович трудится в геологоразведке, после реабилитации в 1954 г. — старшим инженером завода пирометрии. Умер в Ленинграде 23 июля 1969 г.

Михаила Ивановича Савченко нет среди камчатских партизан, представленных руководством края в сентябре 1929 г. к государственным наградам «в ознаменование приезда Правительственной комиссии». Возглавляет эту группу, естественно, Ларин, которого характеризуют «как первого организатора партийной организации» на Камчатке, хотя официально им считался М. И. Савченко-Славский, а на самом деле — расстрелянный белыми в 1922 г. А. И. Бабкин-Байкалов. Под вторым номером также представляемый к высшему ордену страны — Красного Знамени — «Ляко (туземец). Коряк Восточно-Корякского района, быв. Карагинский, с. Тяличики, кандидат в члены ВКП(б), активный работник тузсовета... выдвиженец в тузРИК, в 1922 г. принимал активное участие в ликвидации белогвардейской гижигинской бочкарёвской группы. Во время стычек с белыми ликвидировал двух белых офицеров и одного *генерала* (курсив мой. — *В. П.*)». Непонятно, что это за генерал. Неужели Н. А. Поляков?

Боевой приказ № I

Членам Петропавловской Уездной организации Рос. Ком. партии (большевиков)

От имени Всероссийского Центрального Комитета комун. партии все члены Петропавловской Уездной организации Р.К.П. (большевиков) – объявляются мобилизованными, которым предлагается принять самое активное участие в осаде г. Петропавловска и охране дороги по тракту лежащему по направлению к сел. Завойко – в рядах отрядов Камч. Обл. Нар. Рев. Комитета. Члены партии должны своим примером увлечь рядовых членов отряда не взирая на болезни холод и голод.

В отношении подчинения члены партии наравне с рядовыми членами отряда беспрекословно подчиняются штабу отряда и уполномоченному Облкома – действия которых контролируются через своих членов входящих в штаб.

За нарушение означенного приказа будет доведено до сведения Центрального Комитета партии на предмет привлечения к суду Военно-Революц. Трибунала членов нарушивших означенный приказ

По уполномочию Всер. Центр. Ком. партии, член Камчат. ревкома [illegible]

1 марта 1922 года

Начико

Предком. чрезв. Камч. Обл.

Боевой приказ И. Е. Ларина членам № 1 членам Петропавловской уездной организации РКП(б) от 1 марта 1922 г. (ГАКК. Ф. П-28. Оп. 1. Д. 5. Л. 34)

3 - К.Ф.

Сов. Секретно.-

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КАМЧАТСКОГО О.Р.К.
Тов. БОГАТЫРЕВУ.

КОПИЯ: Секретарю Камч. Окружкома ВКП/б/
Тов. КУЗНЕЦОВУ.-

О гр-не ФРОЛОВЕ.-

По имеющимся в Камч. Окр. ОГПУ сведениям, содержатель столовой в гор. Петропавловске гр. ПОПОВ Викул начал свою деятельность в этом отношении в 1923 году открытием, при содействии тов. тов. ФРОЛОВА Н.П. и БОГОМОЛОВА В. на средства Комхоза столовой под названием "Коммунальная", весь доход от которой шел исключительно ПОПОВУ. В 1924 г. якобы по рекомендации тов. ФРОЛОВА, гр. ПОПОВ с целью избежать налогов, организовал кооперативную пищевую артель, в которую вошло несколько неимущих граждан "пайщиками, без пая" и два быв. торговца - китайца. Председателем артели являлся гр. ПОПОВ, фактически являясь хозяином предприятия и эксплоататором рабочих, именовавшихся членами артели. Когда от последних поступила жалоба Прокурору, гр. ПОПОВ ликвидировал артель, выдав членам ее по 50-70 рублей.

В 1926 году гр. ПОПОВ на имя своей жены открыл столовую с крепкими напитками, при чем разрешение на торговлю вином получил, благодаря содействию гр. ФРОЛОВА, т.к. в Камч. ОРК, якобы, имелось принципиальное решение - прав на торговлю крепкими напитками никому не давать.

В настоящее время гр-н ПОПОВ наживает большой капитал, главным образом продажей спирта на вынос и произвольного разлива, что по его правам воспрещается. Милиция и фининспекция, на это внимания не обращают.

Несмотря на большой заработок, гр. ПОПОВ принимает меры к тому, чтобы "работать", совершенно не платя налогов, так например, он подал заявление тов. ФРОЛОВУ /Пред. ДОДД/ с предложением открыть столовую с крепкими напитками от имени ДОДД, которая была бы сдана ему, ПОПОВУ в аренду и на таких же условиях открыть хлебопекарню, мясную и бакалейную торговлю и биллиардную.

В беседе с населением гр-н ПОПОВ по поводу намеченного им спекулятивного плана, говорит: "Николай Павлович / тов. ФРОЛОВ/ меня поддержит".

Покровительство грв. ФРОЛОВА спекулянту ПОПОВУ местным населением расценивается, как участие первого в деле второго, при чем указывается на то обстоятельство, что тов. ФРОЛОВ часто бывает в гостях у гр-на ПОПОВА и в эти часы последний столовую для посетителей закрывает.

Имеются также разговоры о том, что гр-н ПОПОВ состоит у тов. ФРОЛОВА сотрудником Угрозыска на жаловании в 100 руб. в месяц, которое остается в пользу тов. ФРОЛОВА, якобы, имеющего 15-20 тысяч рублей личных сбережений.-

Указанные сведения нами проверяются.-

Начальник Камч. Окротдела и ПО ОГПУ
/ К р а у з е /

Помначальника Отряда по СОЧ
/ Ю х н о /

Уполномоченный
/ Недбайло /

Информация о Н. П. Фролове от 2 января 1928 г.
(ЦДНИКО. ОФ. Оп. 1. Д. 60. Л. 2)

В принятом 6 января 1928 г. постановлении заседания № 1 Агитпропколлегии окрбюро ВКП(б) по докладу П. Г. Ивашкина-Ларичева говорилось: «1. Большинство камчатских партизан осталось в округе. Значительное количество из крестьянской части их оторвалось от общественной жизни, некоторые и вовсе морально опустились.

2. Основной целью работы среди партизан считать: а) вовлечение их в общественную и советскую работу на селе, оторвав по возможности от исключительно личной обыденной жизни; б) приближение их к партии и вовлечение в партию лучшей части из них; в) популяризация опыта партизанской борьбы за советскую власть на Камчатке; г) военизация партизан как базы для военизации всего населения.

3. Руководство этой работой возложить на окрсовет Осоавиахима и окрвоенкомат, а проведение её на месте на партячейки, поставив следующие задачи: а) точный учёт всех партизан, в том числе и участвовавших в партизанских отрядах на материке, а также принимавших участие в движении женщин; б) через персональные товарищеские письма связаться с партизанами в районах и связать их с партячейками; в) вовлечь всех партизан в Осоавиахим; г) на местах расположения погранзастав работу с партизанами проводить при участии последних; д) при организации кружков военных знаний вовлекать в них в первую очередь партизан; е) провести для всех партизан подписку газет “На страже”; ж) провести вечера воспоминаний, собраний партизан...»

В 1929 г. окрбюро принимает постановление, в котором констатируется, что плановой работы с бывшими партизанами не было, и вся она возлагается, опять-таки, на ячейки ВКП(б) и Осоавиахим.

Постановлением президиума Камчатского окрисполкома от 6 ноября 1931 г. красным партизанам установили льготы: 30—50-процентная скидка (в зависимости от зарплаты) за жильё; половинная плата за воду и электроэнергию; бесплатная медицинская помощь. Детям партизан предоставлялось право первоочерёдного приёма во все учреждения дошкольного воспитания бесплатно.

В 1933 г. при партчистке главы АКО Б. И. Гольдберга выступил беспартийный Медведицын: «Я на Камчатке с 1914 г. и провёл всю гражданскую войну здесь. Партизанские льготы, данные партией, АКО игнорирует. Мне предъявили за холодную со щелями квартиру плату и за то время, когда я был на материке во Владивостоке. Сейчас дали немного подходящую квартиру после

семи месяцев мук. Это всё получается потому, что за спиной Гольдберга сидят и руководят чужаки».

С 1932 г. некоторые из партизан начинают мелькать в информационных и агентурных сводках ОГПУ. В Жупаново это — Михаил Иванович Бакланов. Кулак. Активист-антисоветчик. «Никакого участия в партизанском движении не принимал, не имеет на то никаких подтверждающих документов, за исключением того, как нами установлено, что Бакланов случайно пробыл два дня в партизанском отряде». Ефим Кузьмич Ноздрин из Кроноцкого заповедника. «Антисовдеятельность Ноздрина аналогична во всех формах и методах контрреволюционным действиям Бакланова, возглавляемым бывшим белогвардейцем Шварцем». Ноздрин, как и Бакланов, были взяты на переброску продуктов в партизанский отряд, откуда по истечению двух дней ушли. Однако, если Бакланов отсутствовал в списке партизан (1928 г.), составленном партийными органами, то Ноздрин там был, подобно Степану Евдокимовичу Мореву.

На Морева чекисты собрали довольно обширный материал. На Камчатке с 1912 г. Нанялся к рыбопромышленнику Шабалдаеву в Жупаново. По окончанию сезона остался в заповеднике рыбачить и охотиться, «а в 1921 г. вступил добровольцем в военный революционный отряд, принимая участие в действиях против него (?! — *В. П.*)». По окончанию партизанского движения выехал в Акмолинскую область, имея при себе 5 000 денег и 2 000 иностранной валюты. Занялся коммерцией. В Акмолинске у него было конфисковано два вагона пшеницы. После неудачного коммерческого оборота Морев приехал обратно на Камчатку, поступил в сельхозартель с. Островная, пробыл там один год, заработал свыше 1 000 руб. и был исключён из артели за антисовагитацию. С 1926 г., найдя себе партнёра — чуждого элемента, отправился в Кроноцкий заповедник и занялся охотой. Привёз оттуда пять соболей и «предназначил их для отправки в Японию». Далее С. Е. Морев предстаёт участником секретного совещания враждебных классово-чуждых элементов, где обсуждалась в подготовке «нелегального крестьянского съезда на Камчатке, который бы предъявил ультиматум Советской власти».

Делясь впечатлениями от делегатов действительного, а не мифического съезда 1922 г., созванного ОНРК, П. Г. Ивашкин-Ларичев писал: «Морев С. Е. — русский, средних лет. Он ещё в селе Колыгирь вступил в партизанский отряд, и на принадлежащей этому селению, проживающему коммуной, нарте он совместно

с т. Щербаковым проводил работу по заданию Облнарревкома среди населения Западного побережья Камчатки. Тов. Морев очень энергичный человек, исполнительный, к сожалению, не обладает достаточной грамотностью, но выступления его на Чрезвычайном съезде были толковыми и призывающими к активным действиям против белобандитов».

В партизанском списке № 2, составленном Камчатским окрбюро ВКП(б) в 1928 г., помимо Морева и Ноздрина, пофамильно перечислено 38 партизан (как здравствующих, так и ушедших на тот момент из жизни): «Бохняк — убит на ферме; Богомолов — Петропавловск; Бурнатов — Петропавловск; Дедков — материк; Давыдов — убит на ферме; Дигай — моряк, с. Ленино; Дыптан — Колыгирь; Елизов — убит; Ким Трофим — Петропавловск; Кобцев — Островная; Колесников — Колыгирь; Король-Ситоле (Королёв П.) — Петропавловск; Косицын И. — Островная; Костиков Николай — утонул; Крупенин Василий — Сероглазка; Львов Марк — Халактырка; Макаренко — Петропавловск; Макаров — Колыгирь; Ни Николай — Петропавловск; Папенко — самоубийство; Пересвет-Солтан — Петропавловск; Ревенко — утонул; Редькин Иван — Жупаново; Пересыпкин — Жупаново; Сахаров Алексей — Халактырка; Семёнов — Усть-Камчатск; Ситенкин — Колыгирь; Слободзян — Колыгирь; Спевак Д. — Островная; Стародубцев Антон — утонул; Трухин — Владивосток; Тушканов А. — Владивосток; Тушканов Л. — убит на ферме; Фёдоров Шура — на материке; Филонович (Филькович) — в России; Эль (Эм) Владимир — здесь; Антон Хит (Хат) — здесь; Курилов Костя — на материке».

Дополнительно в этот список «присоединившихся при выступлении на Петропавловск» были внесены: Каспер — Владивосток; Малахов — Владивосток; Рыжкин — Жупаново; Сипякин — Колыгирь; Шустов — Петропавловск.

В списке № 1 (тоже 1928 г.) «Ушли из Петропавловска» насчитывалось, подобно ивашкинскому 1964 г., 23 человека. Только вместо Зорина, Флетчера и Чекмарёва туда попали Войцешек, Метальников и Кравченко.

Последний раз партийное руководство области вплотную занималось бывшими партизанами в январе 1933 г. Отчитывалась комиссия по их проверке. Направленность соответствующего постановления сильно отличается от документов 1920-х гг.: «Поручить комфракции облоргкомитета в крайисполкоме пересмотреть вопрос о награждении вычищенных из красных партизан... Про-

сить Контрольную комиссию рассмотреть дело коммунистов, присвоивших себе партизанство...»

Родившийся в 1905 г. в селе Воскресенском Тобольской губернии Георгий Андреевич Чужих своё двадцатисемилетие встретил табельщиком «Водстроя», работая перед тем подручным слесаря. Образование он к тому времени получил «ниже среднего», жил в своём доме в Петропавловске по ул. Таможенной, 59, имел жену и, по-видимому, ребёнка. В 1922 г. партизан Г. А. Чужих грозился прикончить городского голову Е. А. Колмакова, в 1924 г. был судим, но оправдан по делу об убийстве своего отца. 8 августа 1924 г. ответственный секретарь Камчатского губбюро РКП(б) Д. С. Бузин направил начальнику губотдела ГПУ И. Я. Ломбаку «вещдоки» из области искусства с запиской: «При сём препровождено два рисунка некоего Е. Зуева, выбывшего в с. Елизово, при чём обращаю Ваше внимание на содержание рисунка № 2, носящего политический характер. Автор рисунка намеревался вывесить его на видном месте, но знающий Зуева служащий колхоза гражданин Чужих (молодой) не посоветовал ему сделать это и доставил рисунок мне. Рисунок № 1 прилагаю как доказательство рисунка № 2». В 1925 г. Г. А. Чужих с рекомендацией Н. П. Фролова был принят в кандидаты РКП(б).

В марте 1932 г. Георгий Чужих показал в ОГПУ на главу единственного в Петропавловске семейства староверов. «Матвеева я знаю с самого моего детства. До революции Матвеевы имели свой дом и хозяйство, с начала войны (империалистической) приблизительно до 1926 г. Матвеевы варили брагу, за что их неоднократно штрафовала Петропавловская милиция. В 1921—22 гг., когда в Петропавловске были белые, Матвеевы имели с последними связь, к ним зачастую ходил некто Бойко и многие другие белые, которые носили им различные вещи. Красных партизан они в то время боялись и даже боялись пускать свой скот в общее стадо, из которого партизаны брали себе скот петропавловских богачей.

Когда белые ушли, а белый Бойко был арестован, Матвеевы носили ему передачи и всё время поддерживали с ним связь, это я знаю точно, так как часто передавались передачи во время моего дежурства. Всё время Матвеевы пользовались наёмной рабочей силой, конечно, исподтишка, чтобы не платить в соцстрах и т. д. В 1928 г. Матвеевы продали свой маленький домик и купили гораздо большой, в котором они сейчас живут...»

Неграмотного грузчика Илью Никитича Матвеева, хотя он и ругал втихомолку совласть, ОГПУ выпустило за отсутствием

данных, необходимых для привлечения его к ответственности по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда и агитация).

С бывшим кандидатом в гласные Петропавловской городской Думы А. И. Кобцевым этого не произошло. Он в 1922 г. перебежал на сторону партизан, но пустил по городу слух о насильственном пленении. Г. Чужих охотно рассказывал чекистам и об этом человеке. «Кобцев с парламентёрами от городской Думы приехал в партизанский отряд, чтобы последние сдались без боя контрреволюционному правительству Бирича. Мы их направили в с. Авача, в штаб партизанского отряда, но они в с. Авача не поехали, а выехали в с. Елизово, где созвали собрание камчадалов с предложением о выступлении с тыла против партизан».

Андрей Иванович подтвердил это, но добавил: «Я передал планы командования белых, по которым они хотели окружить и уничтожить партизан». К красным он ушёл, находясь в другой поездке. На следствии 1923 г. по «Думскому делу», отвечая на вопрос, кем и с какой целью Кобцев был послан «в пос. Наволочную» (правильно — Налычево. — *В. П.*), гласный Н. П. Косыгин сказал: «...управой для того, чтобы узнать, жив ли офицер Лукомский, так как в то время на “Свири” сидели арестованные, и сказано было Управе, если узнаете и убедится Кобцев, что Лукомский жив, то будут освобождены, так как Управа и Дума хлопотали об освобождении арестованных, но Кобцев уехал и больше не вернулся, так как его задержали. Кобцев был послан без ведома и согласия Думы, что Управа не имела права делать. Дума не знала, из каких средств уплачивалось на содержание семейства Кобцева».

Кандидат в гласные Е. Бандурин заявил, что Думе вообще не было известно о выдаче пособия его семье, а командировал Кобцева в партизанский стан не кто иной, как Бирич.

Арестованный в 1938 г. А. И. Кобцев поведал о себе следующее. Родился в бедной крестьянской семье, состоящей из семнадцати душ. Отец, мать, восемь братьев и семь сестёр. Детей с девяти лет отправляли в батраки. Сам он три года получал у богача по шесть руб. за каждые двенадцать месяцев. В 1913 г. призвали на военную службу. Попал в 1-й Владивостокский артиллерийский полк. Определили кладовщиком в гараж автомобильной команды, где в 1916-м познакомился с революционерами Шумяцким и И. Е. Лариным. Демобилизовавшись в 1918 г., жил на квартире Иосифа Семёновича Березовского в 10-й Рабочей слободе. В мае того же года прибыл на пароходе «Сишан» вместе с японскими рабочими в Бечевинку, а в октябре — в Петропавловск.

В 1919 г. он — опять во Владивостоке, но уже на нелегальном положении: купил за 500 руб. два паспорта на имя Сойкина и Кулакова, один — Ларину, другой себе. Некоторое время И. Е. Ларин скрывался у него на квартире. Затем Андрей Иванович вновь отправляется на Камчатку.

«По распоряжению Ларина, я и Майтов поселились на р. Островной, где не было ни одной души жителей. Тов. Ларин содействовал, чтобы был у нас продовольственный резерв... 15 июня 1921 г. я получил письмо от тов. Ларина срочно прийти в Петропавловск. Я пришёл. 25 июня в доме тов. Ларина было небольшое собрание, где присутствовали: Ларин, Фролов, Ларичев-Ивашкин, Савченко-Славский. На этом совещании мне было поручено заготовить двадцать тонн рыбопродукции для военно-революционного отряда и двадцать тонн собачьего корма. Что мною было выполнено. 21 октября 1921 г. я пришёл в Петропавловск сообщить, что продукция заготовлена.

Телеграмма получена от Бочкарёва — экспедиция вышла. Тов. Ларин передаёт мне некоторые документы и попросил спрятать в безопасное место в моей квартире, что мною и было сделано.

В октябре месяце в 21-м году город покидают. Мне дают задание работать с благонадёжными товарищами в лагере белых. В ноябре месяце 1921 г. пришла карательная экспедиция. Стали аресты среди рабочих. Многие товарищи шли ко мне советоваться, что делать. Мой совет — бежать в сопки, иначе спасения нет. Казаков Р. М., Петров, Фёдоров в двенадцать ночи были отправлены в сопки. Прожил я пятнадцать дней в городе, узнал неприятельские посты, а также получил сведения от тов. Колегова, какие силы охраняют радиостанцию. Собранный мною материал я отправил в партизанский отряд...»

О том же самом свидетельствовал в 1964 г. И. Е. Ларин: «Кобцев по нашему заданию оставался в городе и распространял наши воззвания к солдатам и матросам белых, а также имел связь с нашей разведкой».

20 декабря 1921 г., рассказывал А. И. Кобцев, начальник полиции Дельсаль оцепил его дом, произвёл обыск. «При обыске ничего не обнаружили. Все документы и воззвания, и пакеты консулам были закопаны в снегу. Через три дня роздал их надёжным товарищам, а к японскому и китайскому консульствам прикрепил на кнопках... В первых числах февраля военно-революционный штаб вручает мне 1 000 долларов для содействия семьям находящихся в отряде. Кроме того, вести нелегальную работу».

И. Е. Ларин: «В начале 1922 г. Кобцев из города вышел и вступил в наш отряд в качестве командира отделения разведки. Принимал участие в боевых операциях».

А. И. Кобцев: «С марта я стал работать в отряде. Работал больше в разведке. Принимал участие в боях — обстреле радио. Моя разведка была обстреляна с парохода “Свирь”, жертв не было, как с моей стороны, так и неприятельской. Второе участие — фермерское событие. Командование наших командиров было неправильное и паническое. Я бешено набросился на начальника штаба тов. Фролова, выругал яво. Дал команду бежавшим партизанам не отступать ни на шаг. Через тридцать минут после перестрелки в числе пятнадцати человек я и тов. Елизов заняли ферму. Неприятель отступил. Свидетели этому — Офицеров из Петропавловска, Селиванов Сергей (Ключи)… После поражения фермерского события перевыборы командования. Мне предложили принять командование, но я категорически отказался, так как дело обстояло плохо с продовольствием…»

И. Е. Ларин: «В августе 1922 г. Кобцев был организатором снабжения партизанского отряда».

Через сорок с небольшим лет Н. П. Фролов, говоря о Кобцеве, назвал его членом 4-го отряда, командиром которого был В. М. Чекмарёв. «Помню один случай, — заметил Николай Павлович, — когда вместе с Кобцевым один раз ходил в город, и заходили на его квартиру. Жена Кобцева снабдила нас продуктами и сообщила некоторые сведения». А вот М. П. Савченко-Славский, всё в том же 1964 г., отзывался об Андрее Ивановиче по-иному. «В этой Думе было сильно влияние эсеров, и Кобцев поддерживал их. Возможно, что он состоял в партии эсеров… Относительно связи Кобцева с партизанами… ничего сказать не могу».

26 января 1939 г. Военный трибунал Краснознамённых пограничных и внутренних войск ДВО по Камчатской области присудил А. И. Кобцева, 1892 г. р., уроженца с. Серовка Рыльского уезда Курской губернии, жителя с. Островная, беспартийного, с двухклассным образованием, имеющего жену, дом и собачью упряжку, каменщика по специальности, к десяти годам лишения свободы по 58 п. 1-а ст. УК РСФСР.

Партизаны люто ненавидели особоуполномоченного Приамурского правительства Х. П. Бирича и главу Петропавловской военной администрации генерала Н. А. Полякова. Последнему на владивостокском процессе (1923 г.) инкриминировалась распра-

ва с пленными, взятыми в Охотске осенью 1921 г. Но не столько ему самому, сколько его конвою, в состав которого входили: есаул Алексей Иванович Васильев, подъесаул Алексей Андреевич Захаров, сотник Пётр Фёдорович Болотов, прапорщики (в списке имя неразборчиво) Георгиевич Прудников и Николай Павлович Воинский, подхорунжие Пётр Волков и Николай Краснов, вахмистры Яков Коликов и Фёдор Водопьянов. Известна судьба только одного из них: Краснов убит в бою с партизанами на Петропавловской сельхозферме...

Самым болезненным для партизан вопросом весны 1922 г. был обмен их парламентёра И. В. Рябикова на полковника Лукомского. Имя-отчество, даже инициалы полковника неизвестны, как, впрочем, и степень родства или её отсутствие с одним из «быховцев — участником корниловского «мятежа» — генерал-лейтенантом Генерального штаба. Между тем Г. Панкратов и Н. Селецкий в документальной повести «И день настал» (Петропавловск-Камчатский, 1980) называют его Станиславом Денисовичем; однако у них и Бирич — Харитон Павлович, а не Хрисанф Платонович...

Обмен, на котором настаивали белые, не мог состояться, так как Лукомский был мёртв. Убивает полковника в той же повести предатель из числа отрядников некий Баскин Кузьма Кондратьевич, бывший правый эсер — лицо целиком вымышленное. Авторы делают каюром Лукомского также не существовавшего в действительности «туземца» Нутамхита, связанного с партизанами.

Ивашкин пишет об унынии и даже парализации активности делегатов II Чрезвычайного Петропавловского уездного съезда при известии об аресте Рябикова. «Мною тогда наблюдалось, что некоторые делегаты съезда в своих дружеских обменах мнениями по поводу ареста тов. Рябикова высказывались, что наш боевой пост, руководимый тов. Пересыпкиным, захвативший в плен в феврале месяце белогвардейского полковника Лукомского, опрометчиво и необдуманно тогда поступил, не приняв всех мер к тому, чтобы доставить в партизанский штаб его живым, как говорится у военных "добыть языка". Тов. Пересыпкину и находившимся с ним товарищам надо было использовать все меры предосторожности, проявить хладнокровие, но не дать возможности Лукомскому проявлять действий к самозащите и к побегу, при которых он был уничтожен. Во что бы то ни стало надо было доставить Лукомского живым в штаб партизанского отряда, находившегося в то время в селении Халактырка».

Но тот же Ивашкин в другом месте пишет, что Лукомского уничтожили при сопротивлении, то есть, надо полагать, во время пленения. А что же каюр полковника Е. С. Самсонов? Он после гибели пассажира удерживался в партизанском стане вплоть до ухода белых из областного центра. «Полярная звезда» за 25 марта 1923 г. сообщала: «Гражданин г. Петропавловска Самсонов передал в дар войскам... пять аршин старого красного сукна, за что штаб войск (отряда 5-й Краснознамённой армии. — *В. П.*) выражает свою признательность». После этого Евлампий Самсонов не прожил и четырёх лет. 28 декабря 1926 г. окружной финотдел принял постановление № 15 «о сложении недоимок с гражданина Самсонов(ич)а по уравсбору в сумме 12 руб. 86 коп. за смертью...»

Конечно, если бы убийство Лукомского не повлекло мученическую смерть Рябикова, вряд ли оно выглядело столь загадочным, а свидетельства о нём были такими противоречивыми. Другое дело — теракт в отношении начальника военно-политического розыска подпоручика П. Д. Пояркова. Этим «актом возмездия» гордились. Как и непосредственным исполнителем Григорием Трухиным.

Его присутствие в районе убийства полковника в середине февраля 1922 г. отмечено парламентской делегацией, отправившейся с миротворческой миссией в стан красных. В докладе главы делегации В. И. Артюхина городской Думе есть такое место: «На шестой версте от города по Завойкинской дороге нас встретил пост из лиц партии комитета, в числе коих был некто Трухин, по слухам будто бы убитый как хищник, но в действительности оказавшийся живым...»

Известно, что Григорий Трухин в 1923 г. работал в только что образованном Камчатском ГПУ, в 1924 г. — начальником Анадырской волостной милиции, а в 1925 г. — руководил Марковским волревкомом. 13 декабря 1926 г. Григорий Филиппович Трухин, 1892 г. р., осуждён Особым совещанием при коллегии ОГПУ (без указания статьи УК РСФСР) к лишению права проживания в ряде городов СССР. Входил ли в этот список Петропавловск? Если нет, то сообщение «Полярной звезды» от 24 апреля 1927 г., вполне возможно, касается интересующего нас человека. Газета писала: милицией составлен протокол на граждан Трухина, Киселёва, Тарасова и Сыркина за нарушение ими правил охоты; административный отдел окрревкома наложил на каждого из них штраф 50 руб.

Но недаром председатель следственной комиссии при губернском ревтрибунале Г. Н. Трухин подписывался «Трухин 2-й». Значит, существовал однофамилец. Некоторые партизаны (Н. П. Фролов,

А. И. Козырин) в своих воспоминаниях называют убийцу подпоручика Пояркова и руководителя нападения на пароход «Томск» с целью захвата катера Григория Трухина *Тимофеем*.

В 1942 г. органы госбезопасности прекратили дело в отношении Трухина Петра Ивановича, 1900 г. р., уроженца Тамбовской губернии. Из справки, составленной сотрудником КГБ 24 октября 1955 г.: «По делу "Автономная Камчатка" Трухин известен как открыватель нефти на Камчатке (пропущено *установить*. — *В. П.*)... является ли он тем Трухиным, который проходит по делу "Автономная Камчатка", также не представляется возможным». По неподтверждённым сведениям, открытие нефтяного месторождения принадлежит Трухину в паре с Фёдоровым. А Фёдоров как раз был коллегой Г. Трухина и по следственной комиссии конца 1922-го — начала 1923-го года, и по губотдела ГПУ.

Что касается нефти, то в отчёте Камчатского окрбюро ВКП(б) за апрель-ноябрь 1927 г. значится: «...налицо имеются все благоприятные объективные условия для промышленной разработки нефти в Кроноках: качество нефти хорошее, площадь, занятая ею, достаточно большая, условия выгрузки и стоянки судов благоприятные... Уже несколько лет подряд ассигновываемые геолкому средства на её разведку каждый год расходовались на другие надобности, и вопрос с нашей нефтью оставался открытым. В нынешнем году повторилась та же история, и работающая разведпартия была снаряжена на средства частника Люри, работающего на японские капиталы. Это обстоятельство (роль частника), а также чрезвычайно поверхностная работа разведывательной партии, к тому же снабжённой совершенно непригодным инвентарём, приобретённым также в Японии, не исключает подозрений об экономической контрреволюции и японском шпионаже...»

Моя версия гибели Лукомского изложена в первой части «Противостояния» и докладе «Посылая на верную смертью...», прозвучавшем на XXI Крашенинниковских чтениях в 2004 г. Недавно я нашёл ей новое подтверждение. 26 января 1939 г. на заседании военного трибунала по делу Кобцева бухгалтер областного суда Г. А. Чужих заявил: «Стоя в секрете, я поймал Лукомского, который здесь же был расстрелян» [ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 91. Л. 59.]. Он не уточнил, кем. Нет этого и в его статье «От Колыгиря к Петропавловску» в «Камчатской правде» за 11 июля 1947 г.:

«Небольшая группа осталась на тракте заслоном. Поручив мне вести наблюдение за дорогой, мои товарищи ушли ставить палатки. Вскоре я задержал идущую из города нарту. У пассажира,

оказавшегося белогвардейским полковником Лукомским, были найдены секретные документы, из которых выяснилось, что в Петропавловске создан карательный отряд. Лукомский ехал реквизировать у населения нарты для переброски карателей в Тигиль, где они должны были “усмирять” коряков, поднявшихся против белогвардейцев». Не будем опровергать явную неправду: карательный отряд, восставшие коряки...

Автор упоминает о гибели старшего брата Петра в Петропавловске от рук белых, но опускает при каких обстоятельствах: задержанный по подозрению в убийстве трёх арестованных офицеров (в 1920 г.), он пытался бежать из-под стражи. Видимо, желание отомстить за брата и привело Г. Чужих в партизанский лагерь.

...Тигильская телеграфистка Мария Степановна Рябикова (в девичестве Дюпина, 1901 г. р.) передавала партизанам сведения «о движении белых в сторону Петропавловска». В 1924 г. она вышла замуж за ровесника погибшего мужа П. Г. Охапкина, работавшего до революции продавцом. Павел Гаврилович приехал на Камчатку в 1921 г. «Наш Усть-Камчатский отряд, в котором я был с сентября по 25 декабря 1922 г. председателем воен-совета, — писал он в своей автобиографии, — имел задачей не допускать высадки белогвардейского десанта в Усть-Камчатск... В боевых операциях, будучи в партизанском отряде, я не участвовал». В 1923 г. занимал различные малозначимые должности в губревкоме, затем в течение года руководил Гижигским уревкомом. С 1927 г. — заведующий торговыми операциями Петропавловского кооператива. В 1930 г. перешёл в Интегралсоюз и трудился там вплоть до его ликвидации в 1933 г. Некоторое время жил в Большерецке: опять кооператив и опять торгоперации. Арестовали Охапкина в конце ноября 1941 г., когда он работал начальником штатного отдела облфинотдела. Присудили к расстрелу (ст. 58 ч. 2 УК), но потом заменили десятью годами лишения свободы.

Отец Марии Степан Афанасьевич Дюпин за нелюбовь к советской власти, связь с белыми и ностальгию по дореволюционной России был выслан органами ОГПУ ещё в 1933 г. В 1960-е гг. М. С. Рябикова жила во Владивостоке. От Охапкина имела двоих детей: Лию (1924 г. р.) и Юрия (1925 г. р.).

Алексей Тимофеевич Коробко в период партизанской борьбы контролировал почтовую и телеграфную корреспонденцию, проходящую через Большерецк, держал связь со штабом по телефону. Кроме того, писал он, «в мою обязанность входило реализо-

вать имущество Центросоюза и Союза камчатских кооператоров западного побережья, снабжать отряды продовольствием, патронами и обмундированием, собирать пожертвования для бойцов».

К революционной работе — распространению прокламаций — черниговский крестьянин А. Коробко приобщился рано, с пятнадцати лет, как только начал столярничать. С возникновением угрозы ареста уехал на Дальний Восток. Призыв на воинскую службу застал его строящим казармы на Русском острове. Бежал на Камчатку, однако отправлен обратно. Волей-неволей пришлось отдавать долг родине, причём дважды, даже повоевать в Первую мировую на Юго-Западном фронте.

В 1918 г. А. Т. Коробко вновь очутился, уже в третий раз, на Камчатке, но вскоре был выслан на материк как член Петропавловского горсовета. Вернулся. Опять арестовали и опять выдворили. Теперь просидел во владивостокской тюрьме восемнадцать суток. После просоветского переворота 1920 г. в пятый раз появляется на Камчатке. Поначалу столярничает у Чурина, затем переходит на работу в органы власти. (Между тем в местной газете промелькнуло сообщение, что 26 сентября 1920 г. облисполкомом были приняты меры к спекулянту А. Т. Коробко.) 28 октября 1921 г. завхозчастью ОНРК член компартии Коробко уходит в сопки партизанить.

Кроме него в списке Ивашкина (1964 г.): 1) М. И. Савченко-Славский — председатель уездного комитета РКП(б), 2) И. Е. Ларин — председатель ОНРК, коммунист, 3) М. П. Щербаков — секретарь ОНРК, делегат от Охотского уезда на IV областной съезд, коммунист, 4) П. Г. Ивашкин-Ларичев — заместитель председателя Трудового союза рабочих и служащих, коммунист, 5) И. И. Елисеев — служащий ОНРК, коммунист, 6) И. Ф. Черепанов — начальник почтово-телеграфной конторы, коммунист, 7) П. В. Мусорин — представитель Приморского обкома РКП(б), 8) Н. П. Фролов — начальник народной охраны (милиции), коммунист, 9) А. С. Лукашевский — член ОНРК, беспартийный, 10) В. М. Чекмарёв — делегат от Анадырского уезда на IV областной съезд, беспартийный, 11) П. И. Шлыгин — член ОНРК, беспартийный, 12) В. И. Семёнов — заведующий информбюро и типографией ОНРК, беспартийный, 13—14) С. М. Докало, Мандебура — милиционеры, коммунисты, 15—21) А. Глухарёв, И. Горбенко, В. Д Зорин, П. И. Метальников, Кутьин, Старцев, С. Селиванов — милиционеры, беспартийные, 22) И. И. Флетчер — член ОНРК, беспартийный.

В начале июня 1922 г. А. Т. Коробко участвовал в бою на сельхозферме и был легко ранен в левую ногу. По восстановлении

совласти, в 1923—1924 гг., он — начальник Уэленской милиции, смотритель казённых зданий в Петропавловске, в 1925 г. — начальник Дранкинской волостной милиции. До июня 1927 г. возглавлял Карагинскуюраймилицию. Согласно сводке ОГПУ, в момент приезда погранзаставы говорил корякам: «Вы меня мало слушались, так теперь приехали ГПУ и привезли с собой такую машину, что от вас ничего не останется». В 1926 г. секретарь окрревкома П. В. Проскуряков так отзывался о Коробко: «Вспыльчив, рассеянный, не умеет осознать своих ошибок, мало развит, малограмотен, слабо ориентируется в окружающем. К самостоятельной советско-административной работе не пригоден».

Продолжая жить в том же населённом пункте, работал в системе народного образования. В ноябре 1927 г. А. Т. Коробко сделал доклад о национальной политике партии на собрании ячейки ВКП(б). Сообщил, что нацменьшинства страшно притеснялись при царе, испытывая двойной гнёт «русской и своей буржуазии». Далее на протяжении всего доклада Алексей Тимофеевич ни разу не употребил слова *русский*. Да оно было и без надобности: совласть декларировала заботу обо всех нациях бывшей Российской Империи, за исключением одной, благодаря которой остальные не исчезли с лица земли как этнос.

...Другой партизан, выбившийся в конце 1922 г. в губернские прокуроры, В. Ц. Пересвет-Солтан очень быстро опустился до помощника бухгалтера губерского финотдела, но и тут вскоре аттестационная комиссия забраковала его по причине профнепригодности. В конце 1920-х гг. Валентин Цезаревич попал в число совслужащих, на коих собирается компромат. «Личность Пересвет-Салтана загадочная, он выдаёт себя за фельдшера, агронома, офицера царской армии, за электротехника и спеца по приготовлению табака. Салтан тесно связан с крайне религиозным семейством, в доме которого проживает поп Леонтий, и Салтан возмущён всякими выявлениями по адресу религии. Как работник Салтан негодный, еле разбирается в латыне. К советской власти относится явно враждебно».

В том же документе «партизанский доктор» В. Ц. Пересвет-Солтан характеризуется как медработник. Он «вызывает целый ряд справедливых нареканий со стороны младшего персонала» не только из-за всяческих грубостей. Так, «во время работы комиссии по проверке наличности аптсклада на 1/X 1927 года с целью обнаружить недостачу Пересвет-Салтаном большая часть меди-

каментов принималась не на вес, а на глаз. В результате в наличии оказалось больше, чем числится, рублей на 800. Что в приёмо-сдаточную ведомость не вошло, так как позднее Лукашевским был найден серный эфир на лицо не значавшийся в ведомости... Был случай, когда Пересвет-Салтан приказал сторожу Пашковскому завернуть в бумагу маленькую из жёлтой меди лампочку-ночник и унёс её домой. Во время приёма медикаментов и врачебного имущества из Японии и Дальмедторга в одном из ящиков оказалась разбитой банка для перевязочных материалов, вторую банку при раскупорке нечаянно разбил Лукашевский, а третью банку Пересвет-Салтан унёс домой, пометив в акте приёмки за № 19 три банки разбитыми».

Присвоил он, отмечается в характеристике, и большую чугунную ступку с пестом. «Имеющимся спиртом нагаленовы препараты в 1927/1928 финансовом году Пересвет-Салтан пользовался взаимообразно, не пополняя до 1/X—28 г. Был случай продажи одной бутылки спирта Бурнатову, деньги которого не приходовались, мотивируя, что вместо проданного купит спирт. Производимая продажа за деньги медикаментов и врачебных пособий ведётся без официального объявления продаваемого и его цен. Введённые вначале талонные книжки для покупателей в пользовании прекращены, чем достигается бесконтрольная продажа и приходование поступающих сумм».

По прошествии десятилетий персональный пенсионер республиканского значения П. Г. Ивашкин-Ларичев писал историку М. П. Стельных: «Про тов. Пересвет-Солтан я хорошо помню лишь то, что эта фамилия у него псевдоним, но он по ней женился на Ульяне Ивановне Косыгиной и уехал в Ленинград».

В. М. Чекмарёва можно назвать баловнем судьбы. Биография у него была весьма благонадёжной по тем временам: из крестьян, до 1917 г. — чернорабочий, балтийский матрос, секретарь Пензенского Совета, председатель Кустанайского военревкома; в 1918 г. после ранения приехал в Анадырь, в 1920—1921 гг. — секретарь Марковского волостного Совета, Анадырского нарревкома. В 1922 г. в партизанах, то ли командир отряда, то ли начальник разведки (точно установить не удалось ввиду противоречивости архивных документов).

В книге Б. И. Мухачёва «Борцы за власть Советов на Камчатке», изданной в 1977-м (год смерти персонального пенсионера союзного значения Чекмарёва в Кустанайской области), о дальнейшей судьбе бывшего партизана сказано скупо, по-деловому:

«После гражданской войны — на советской и хозяйственной работе на Чукотке». В качестве дополнения заметим, что через несколько месяцев после возвращения партизан к мирной жизни у В. М. Чекмарёва отобрали портфель завподотделом коммунального отдела Камчатского губревкома за пьянство и даже заключили в тюрьму для отбывания наказания [Полярная звезда. — 1923. — 13 апр.]. К 1925 г. он несколько «выправился», поскольку принят, наконец, в кандидаты партии, трудится в Анадыре на советской работе, быстро вырастает до зампреда райисполкома, но затем вдруг превращается в хозяйственника. Явное понижение.

Из доклада райоторга А. А. Хорошавцева на закрытом собрании кандидатской группы ВКП(б) 14 ноября 1927 г.: «Каждое его посещение Уэлена сопровождается пьянством, благодаря которому торговля ведётся из рук вон плохо... Особенное поведение т. Чекмарёва на праздновании десятой годовщины Октября заставило прибегнуть к уговариванию его, чтобы он не показывался в пьяном виде и покинул бы совершенно зал, однако ничего не действовало, и пришлось предупредить его арестом через милиционера — но и это не помогло, и он продолжал в зале строить из себя шута, заставляя этим самым отрываться туземцев от сцены и следить за тов. Чекмарёвым... Инцидент т. Чекмарёва с врачотрядом... тоже построен на пьяном настроении, созданном от чересчур большого количества выпитой браги собственного производства».

Этот и другие инциденты привлекли внимание народного следователя по Камчатскому округу Золотарёва, вынесшего 2 февраля 1929 г. специальное постановление в отношении «души партизанского движения» (определение И. Махоркина и Ф. Слободчикова): «8 ноября 1927 г. гражданин Чекмарёв, занимая должность заведующего Дежнёвской факторией Дальгосторга, будучи в нетрезвом состоянии, явился в 6-й врачебный пункт Крайнего Севера, вёл себя грубо и вызывающе с сотрудниками пункта и приставал к ним с гнусными предложениями, заведующего гражданина Макеева обзывал эсером и бывшим офицером без всяких к тому оснований и угрожал пристрелить его. 6 апреля 1928 г., прибыв по делам службы в с. Яндагай, взял у завфакторией гражданина Антонова пять бутылок вина и распил их у себя на квартире. Вечером этого же числа вновь явился к гражданину Антонову и потребовал угощения. Получив бутылку портвейна, тут же выпил её, охмелев окончательно, стал произносить брань по адресу гражданина Антонова и его жены. Последняя вынуждена была уйти из квартиры, а муж ночью искать её по селению.

17 апреля гражданин Чекмарёв вновь прибыл в селение Яндагай. Увидя гражданина Антонова, сидевшего в нарте и собиравшегося ехать из села, приказал каюру оставаться на месте, а затем предложил гражданину Антонову следовать за ним для производства какого-то допроса. В ответ на отказ названного гражданина исполнить это странное требование, пытался увести его силой и в заключение пообещал пристрелить, "как собаку". (Вспоминается любимое изречение Чекмарёва в изложении камчатских журналистов Г. Панкратова и Н. Селецкого: «Багор им в печёнку!» — *В. П.*) 1 мая 1928 г., будучи также в нетрезвом состоянии, целясь в учителя Прокофьева из револьвера, угрожал пристрелить его за то, что он сообщил начальнику милиции о его, Чекмарёва, пьянстве карточной игре "в 501"».

Прибыв 2 мая 1928 в с. Дежнёво, начальник Чукотской милиции нашёл факторию закрытой, говорится в постановлении следователя. Оказалось, что накануне Чекмарёв учинил пьянку с совслужащими из туземцев. А когда узнал о приезде начальника милиции для изъятия у него огнестрельного оружия, попытался наброситься на него с ножом, но был обезоружен чукчами. Американский нож и револьвер системы «кольт» № 243381 следователь Золотарёв приобщил к делу в качестве вещественных доказательств. Но уголовное преследование В. М. Чекмарёва прекратил в июне 1929 г. «за отсутствием состава преступления».

В советские времена партбилет, помимо всего прочего, являлся своего рода охранной грамотой. Коммунист не мог быть привлечён к уголовной ответственности или арестован без санкции партийных органов, обычно всё это происходило после исключении из партии. Членам партии прощалось многое (в крайнем случае — «выговорёшник» или «строгач») из того, за что беспартийные наказывались по всей строгости закона. А пьянство в СССР вообще не считалось тяжким грехом, не то, что в старой России. Приставание по выпившему делу к чужим жёнам и другим женщинам с «гнусными предложениями», даже если ты семейный, — на это в 1920-е годы зачастую просто закрывали глаза.

В. М. Чекмарёв имел жену и шестерых детей, в том числе троих у себя на родине, откуда в 1918 г. двинулся на «край земли»; ему тогда шёл двадцать шестой год... Вторая, северная, супруга Василия Михайловича Матрёна была моложе его на восемь лет. Родилась она в селе Маркове Анадырьского уезда в семье мелкого торговца, рано потеряла родителей. Закончила два класса высшего начального училища в Петропавловске. Вышла замуж за

Чекмарёва на Чукотке, в 1921 г. вместе с ним перебралась в областной центр. «В том же году, — писала она, — по занятии белобандитами Петропавловска подвергалась репрессиям и благодаря приследовании за мужа я убежала к нему в сопки, где и родила, по возвращении из сопок живу с мужем, веду домашнее хозяйство».

И всё же не за пристрастие к «зелёному змию» и не за свои пьяные выходки Чекмарёв в 1930 г. вылетел из ВКП(б), хотя хулиганство ему, конечно, зачлось. Как довесок. В конце 1927 г. он присвоил имущество бывшей фирмы «Феникс», зимой 1928 г. — двух песцов (продав их «частным образом») плюс три сотни налоговых сумм. Обвинялся он товарищами по партии «в незаконном взятии» 600 руб. казённых денег, а также «в халатности». Однако в официальной характеристике 1926 г., подписанной секретарём окрревкома П. В. Проскуряковым, присутствует не только негатив: т. Чекмарёв «…умеет приобрести симпатии населения (хотя не всегда дозволенными с точки зрения этики приёмами), серьёзную самостоятельную работу поручать нецелесообразно; его работу нельзя выпускать из поля зрения. Резко отрицательным его качеством является страсть к собиранию и распусканию сплетен… Энергичен и вынослив, каковые качества на севере абсолютно необходимы. Такие работники пользуются авторитетом туземного населения».

Население Тигиля считалось кулацким, однако обследование 1927 г. показало: зажиточных хозяйств — четыре, середняцких — тридцать семь, бедняцких — пятьдесят четыре. 4 февраля 1928 г. выездное заседание Камчатского окрбюро ВКП(б) приняло кандидатами в партию участников «ликвидации белобандитов Бочкарёва» сорокалетнего Попова Леонида Фёдоровича и Чертовского Павла Макаровича, двадцати пяти лет. По случаю десятой годовщины Красной Армии члены Тигильского отряда решили оформиться в группу старых партизан гражданской войны, что и сделали на собрании 21 февраля 1928 г. Присутствовало двенадцать человек. Председательствовал А. Юшин, секретарил Чертовский.

23 февраля 1929 г. комфракция Камчатского окрисполкома высказалась за поддержку ходатайства Тигильского райисполкома перед ВЦИКом о переименовании района в Рябиковский. Но из этой затеи ничего не получилось. Видимо, не утвердила Москва. В том же году, между прочим, Далькрайисполком амнистировал всех бывших красных партизан за исключением привлечённых по политическим 58-й и 59-й статьям УК РСФСР. В камчатскую комиссию по просмотру списка подлежащих частичной

амнистии вошли председатель ОИКа В. Ф. Богатырёв, секретарь окрбюро ВКП(б) Н. Д. Зыкин, начальник ОГПУ М. А. Краузе, начальник окрмилиции Н. П. Фролов и Петропавловский нарсудья Ф. М. Кротких.

16 июня 1930 г. женщины Тигиля постановили выселить из райцентра «кулацких растратчиков» Сократа Юшина, Алексея Флетчера, а также Василия, Николая и Иннокентия Косыгиных. 30 июня 1930 г. общее собрание граждан села Сопочного постановило «расстрелять и сожечь все свои иконы». Председательствовал Иван Ильич Данилов, тридцатиоднолетний рыбак-охотник, имевший восемь ездовых собак и лошадь, принятый на следующий год кандидатом ВКП(б). Секретарём собрания был Иван Семёнович Трапезников, на пять лет моложе Данилова, тоже бедняк и тоже живший охотой и рыбалкой. В отличие от бесскотинного и безземельного председателя, он имел одну корову, полдесятины сенокосных угодий. 14 февраля того же года проверочный комитет по чистке членов и кандидатов Тигильской ячейки ВКП(б) исключил из партии молодого коммуниста инструктора Интегралсоюза Иннокентия (Митрофановича) Миронова за то, что он «в 1929 г. устроил новоселье с попом и молебствованием».

В 1931 г., использовав как повод массовый падёж коров, быков и лошадей в Сопочном, Утхолоке, Морошечном и Ковране, чекисты арестовали девяносто шесть жителей (по одному за каждую павшую колхозную скотину). Им инкриминировалось участие в «контрреволюционной, шпионско-вредительской и повстанческой организации». Так возникло пресловутое «Тигильское дело», положившее начало массовым политическим репрессиям на Камчатке. В числе расстрелянных по этому делу значатся Василий Васильевич Косыгин, Василий Яковлевич Ласточкин, Прокопий Егорович Суздалов, среди заключённых в концлагерь — Николай Васильевич Косыгин. К условному наказанию приговорили Александра Романовича Ласточкина, к высылке Алексея Ивановича Флетчера. Кое-кто, подобно Семёну Васильевичу Моисеенко и Андрею Васильевичу Сновидову, был освобождён.

Согласно материалам следствия, все, перечисленные выше, являлись красными партизанами. 30 сентября 1929 г. Камчатское окрбюро ВКП(б) ходатайствовало о награждении ряда борцов за власть Советов на Камчатке правительственными наградами. В списке представленных к ордену Красного Знамени П. Е. Суздалов, командир Утхолокского отряда, принявшего участие в ликвидации «Тигильской бочкарёвской группы».

Новые сведения о самом Бочкарёве не так давно предал гласности историк Б. И. Мухачёв. Оказывается, главный «беляк» Охотско-Камчатского края — незаконнорожденный. Запись о появлении его на свет 21 августа 1892 г. (по старому стилю) сделана в метрической книге Верхне-Уссурийской Ильинской церкви. Мать будущего начальника Северного Экспедиционного отряда — дочь умершего казака Уссурийского казачьего дивизиона посёлка Графского (в двух километрах от современного Дальнереченска) Назария Даниловича Бочкарёва «девица Анна». Фамилию «Бочкарёв» также носили восприемники Валериана Ивановича. По одним сведениям, он служил на Камчатке у рыбопромышленника Х. П. Бирича катерным командиром, окончил мореходную школу, плавал помощником капитана парохода «Енисей» и перед объявлением Первой мировой войны уехал в Петербург в высшую мореходную школу. Другой источник утверждает, что в 1912 г. учился во Владивостокском мореходном училище. Курса не окончил. С началом войны Бочкарёв принят в армию. В 1917—1918 гг. служил офицером на кораблях Сибирской флотилии. После подавления революционной смуты воевал у атамана Калмыкова.

Есть версия, что Бочкарёв и его подчинённые сожгли в паровозной топке члена военного совета Приморского революционно-демократического правительства Лазо, а также его сподвижников Луцкого и Сибирцева, отомстив за расстрелянных весной 1920 г. у станции Хор в районе Имана пленных офицеров. Бочкарёв был арестован правительственной милицией и доставлен во Владивосток. Переворот 26 мая 1921 г. круто изменил его судьбу...

Однако вернёмся к камчатским партизанам. Красноармеец 90-го Камчатского губдивизиона ГПУ (уроженец с. Коряки) Пётр Полуэктович Слободчиков писал о себе, подавая заявление в партию: «В 1922 в конце августа я пошёл в партизан. И где мы стояли один месяц в Начиках ввиду того что было невозможно делать наступление на город петропавловск у нас не было лыж и т. д. Но через несколькое время услыхали что из города петропавловска уехала шайка белобандитов Но мы через неделю пошли в город Петропавловск причём я был в партизанах до 23 декабря 1922...» На общегородском партсобрании 19 марта 1924 г. П. П. Слободчиков был принят в кандидаты РКП(б) с шестимесячным стажем. А 12 апреля 1927 г. Камчатское окрбюро ВКП(б) согласилось с заключением уполномоченного Дальневосточной контрольной комиссии и просило Далькрайком утвердить исключение Слобод-

чикова из рядов партии за неоднократные случаи пьянства и совершение церковных обрядов.

В камчатских архивах мне так и не удалось обнаружить данные о многих партизанах, которые выполняли особую работу: совершали непосредственно террористические акты, задерживали мирных жителей, «экспроприировали» у них скот, а сразу после возвращения ОНРК привлекались к арестам и обыскам, охране заключённых. Часть этих «тёмных лиц» вскоре ушла из жизни или выехала за пределы Камчатки. «Полярная звезда» писала 19 мая 1927 г.: «По имеющимся в городской милиции сведениям, граждане Косыгин, Ревенко и Саваченко при поездке на небольшом катере в Кроноки за соболем попали в большой шторм и погибли. В качестве доказательств этого говорят следующие факты: жители селения Жупаново нашли выброшенные ими кукули, а также некоторые части мотора (то есть катера. — *В. П.*)». Мнение А. П. Пирагиса: подавляющее большинство в партизанских отрядах ОНРК составлял криминальный элемент.

Как уже отмечалось, некоторые партизаны попали под молох репрессий. Халактырский житель Алексей Григорьевич Сахаров получил десять лет лишения свободы. Илларион Акимович Куряков отсидел вместо пяти три года и вышел в 1937 г., был потом награждён медалью «За самоотверженный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Своё обращение к Председателю Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову оказать материальную помощь он обосновал тем, что в лагере являлся ударником, но пенсию получает только за сына, погибшего на войне, а ему самому собес отказал, «так как это давно было». С данным вопросом, по-видимому, связано подтверждение Лариным и Фроловым в 1958 г. заслуг И. А. Курякова «в качестве красного командира партизанского отряда селений Тихой, Николаевки и Микижи». В том же году, что и Куряков, досрочно освободился из Дальлага С. Е. Морев. А вот И. Ф. Голованову не повезло. Он был расстрелян.

Доживший до пятидесятилетия освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов Алексей Степанович Пузырёв в интервью «Камчатской правде» (17 октября 1972 г.) произнёс: «В 1922 г. мы освобождали Петропавловск». Посчитаем это сенсационное сообщение оговоркой. Родился Пузырёв в 1895 г. на Алтае. В 1964 г. жил в областном центре на ул. Красная Сопка, 46, кв. 23. В начале 1920-х гг. служил милиционером...

Владимир Иванович Семёнов был на год старше Пузырёва. Он приехал на Камчатку в 1918 г. В 1920 г. избирается секретарём

Усть-Камчатского ревкома. Затем его взяли в ОНРК. Осенью 1921 г. Семёнов, как уже отмечалось, заведовал типографией. В отряде ОНРК он был рядовым бойцом партизанской заставы, состоявшей из десяти партизан «для отражения выхода из города белогвардейцев, имевших целью занять ближайшие селения».

Там с 21 мая 1922 г. выходила партизанская газета. П. Г. Ивашкин-Ларичев: «Мне диктовал... Семёнов, и мы с ним редактировали и обрабатывали телеграммы от сельских и волостных нарревкомов с протестами по поводу ареста белобандитами Иллариона Васильевича Рябикова. Надо сказать, что у нас не было стола, на котором можно было бы печатать и склеивать листы, пишущую машинку приходилось ставить на пень спиленной берёзы и, сидя на свёрнутом кукуле, печатать газету. Трудности ещё заключались в том, что лето 1922 г. на Камчатке было очень дождливым. Бывало, стоишь у костра — один бок сохнет, а другой мокнет от дождя. В такую сырую погоду не до печатанья. А перестанет дождь — досаждал гнус.

Порядочное количество листов копировальной бумаги у нас было красного цвета. Отпечатанные через эту копирку номера газет были очень красивыми и символичными. Это была и по форме и по содержанию "Красная газета". Газета распространялась среди партизан и жителей селений Завойко, Авача, Паратунка, Халактырка. Отдельные номера нелегально доставлялись в Петропавловск».

В середине 1960-х гг. на месте партизанской заставы на одиннадцатом километре Елизовского шоссе участники всесоюзного авторалли «Родина» установили камень-памятник с соответствующей надписью.

В 1972 г., отвечая на вопросы «Камчатской правды», П. Г. Ивашкин-Ларичев скажет: «Состояние здоровья не позволило мне жить на Камчатке, откуда я выехал в январе 1923 г., но, спустя несколько лет, как только почувствовал себя лучше, снова вернулся и работал председателем Камчатской окружной страховой кассы... Очень хотелось учиться. Моё желание удовлетворили, окончил Высшую школу профсоюзного движения. Война застала в Новосибирске. Добровольцем отправился на фронт, завершил войну в 1945 г. в Румынии».

В июле 1922 г. Семёнов вместе с А. С. Лукашевским (умер своей смертью в 1937 г.) выполнял поручение ОНРК по организации Усть-Камчатского партизанского отряда и сбору пожертвований для закупки продовольствия и снаряжения...

Прожил Владимир Иванович Семёнов восемьдесят лет. Был награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Но вот в КПСС вступил поздно — в 1960 г. С этого момента он — желанный гость на мероприятиях общественно-политического характера. К примеру, 10 февраля 1962 г. старый партизан удостоился высокой чести открыть предвыборное совещание представителей трудовых коллективов области. Присутствующие в зале единогласно поддержали выдвижение кандидатами в депутаты советского парламента руководителей партии и правительства Н. С. Хрущёва, А. И. Микояна, Д. С. Полянского, Г. И. Воронова, а также командующего Дальневосточным военным округом Я. Г. Крейзера и известного рыбака Камчатки Н. В. Сотникова.

25 октября 1982 г. в областном драматическом театре состоялось заседание общественности Петропавловска по случаю шестидесятилетия освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев. Докладчик, первый секретарь обкома КПСС Д. И. Качин, в заключение сказал: «Мужественными борцами за установление Советской власти на Камчатке, замечательными организаторами, пламенными большевиками показали себя И. Е. Ларин, А. С. Олейник, *П. М.* Маловечкин, Г. М. Елизов, *М. И.* Рябиков, В. М. Чекмарёв и многие другие». (Курсив мой. — *В. П.*)

В 1992 г., когда я зарабатывал на хлеб журналистикой, возникла идея сооружения монумента всем погибшим на территории Охотско-Камчатского края в ходе военно-политической борьбы 1918—1923 гг., независимо от их политических убеждений (как это сделано в Испании). В 1993 г. руководство нашей газеты подготовило по моей просьбе письмо на имя губернатора Камчатской области. В нём говорилось: «Посылая Вам номер “Камчатской правды” от 13 марта с. г. со статьёй журналиста В. Пустовита “Не меч, но мир”, надеемся, что она заинтересует Вас не только как читателя, но и как должностное лицо. Предложение автора соорудить в Петропавловске памятник жертвам гражданской войны достойно рассмотрения органами власти. Нынешнее, чреватое катаклизмами, время подтверждает его актуальность».

Кого я подразумевал под «жертвами гражданской войны»? Погибших *со стороны красных* — чукотского большевика Лаврентия Киселёва (1918 г.), председателя Укинского сельсовета Самуила Левченко (1919 г.), солдата местной команды Николая Лобова, анадырских коммунаров Михаила Мандрикова, Вальтера Аренса, Августа Берзиня, Александра Булатова, Иосифа Бучека,

Мефодия Галицкого, Семёна Гринчука, Николая Кулиновского, Якуба Мальсагова, Василия Титова, Игнатия Фесенко (1920 г.), Георгия Елизова, Иллариона Рябикова, Иосифа Бохняка, Войцешека, Бориса Давыдова, Леонида Тушканова (1922 г.), командира разведгруппы Василия Зенкова, военкома Михаила Гаврилова, красноармейцев Кузьму Строта, Никиту Кузнецова, тигильского партизана Николая Федотова (1923 г.); *со стороны белых* — начальника Анадырского уезда Иннокентия Громова, его секретаря Толстихина, мирового судью Суздалева (1919 г.), подпоручиков Д. Колышкина, Ивана Семёнова, прапорщика Михаил Охрименко, охотский отряд полковника Широких (1920 г.), старших урядников И. Езерского, В. Зайцева, урядника Феоктиста Власова, подхорунжего Николая Краснова, фельдшера Константина Торбеева, подпоручика Павла Пояркова, полковника Алексеева, генерала Фёдорова, поручика Родионова, старшего урядника Фролова, младшего урядника Бржанского, вахмистра Долбочкина, рядового Латыпова (1922 г.), капитана Константина Грундульса, полковников Шевчунаса, Зазулевского, Фиалковского, генерал-майора Никиту Полякова, полковника Валериана Бочкарёва и погибших вместе с ними в Наяхане (1923 г.).

К числу жертв, думается, следует также отнести чукотских коммерсантов Малкова, Смирнова (1919—1920 гг.), чиновника Александра Бабкина-Байкалова и педагога Павла Сусляка (1922 г.).

13 марта 1924 г. Камчатское губбюро РКП(б) утвердило состав комиссии по изысканию средств на сооружение памятника погибшим в борьбе за советскую власть на Камчатке во главе с председателем губревкома М. П. Вольским. В неё вошли: И. Е. Ларин, В. Ц. Пересвет-Солтан, В. Д. Богомолов, И. Ф. Черепанов. Три года спустя в комиссию вместо выбывших Вольского и Черепанова ввели члена окрревкома Попова и Шлыка. О Попове сведений не обнаружено. Демьян Спиридонович Шлык в то время являлся завагитпропом и членом окрбюро ВКП(б). Во второй половине 1930-х гг. работал председателем облсовета Осоавиахима. В 1936 г., несмотря на двукратное предупреждение горкома и обкома о запрещении ужинов с выпивкой, свёл семейный вечер начсостава запаса «к коллективной попойке со спиртом и вином» и получил строгий выговор по партийной линии. Выезжая в районы области, напивался до потери сознания; видимо, позволяло здоровье, да и возраст тоже — родился в 1902 г. Д. С. Шлыка исключили из ВКП(б) в 1937 г., вменив ему в вину

развал работы и связь с врагами народа. Тем не менее, в 1940 г. он оказывается снова в руководителях — заведующий отделом коммунхоза облисполкома...

Сколько потом ни планировали соорудить монумент погибшим красным партизанам (последний проект середины 1980-х гг. — на берегу Авачинской губы впритык к Театральной площади), всё в конце концов свелось к каменной глыбе на сопке Зазеркальной. Из-под этой глыбы даже десять лет спустя, в 1987 г., торчал стальной трос, с помощью которого то ли затаскивали, то ли устанавливали её.

Н. П. Фролов не дожил до его открытия вышеуказанного «памятника». Его последняя попытка вспомнить события почти полувековой давности датируется 1968-м годом. Я имею в виду всё то же «Сказание о красных солдатах и матросах, победивших белых генералов и адмиралов в борьбе за Советскую власть на Камчатке». Связывая появление поста на 6-й версте с ларинским приказом № 1, Фролов на месяц вперёд передвигает известный «инцидент с беляком». Он пишет: «...около города был задержан полковник Лукомский. Полковник пробирался на север к Бочкарёву для координации совместных с ним военных действий в области. В перестрелке он был убит. Высланная по следу Лукомского боевая разведка под началом подхорунжего Унинского позорно бежала, побросав оружие и патроны...»

О данной победе другие партизаны не упоминают. Скорее всего, мы имеем дело с фантазией, подобной «бою» у селения Авачи. Много любопытнее рассуждения Н. П. Фролова о статусе красных партизан. «Партизаны — это гражданская боевая группа сопротивления на территории, полностью оккупированной врагом. Естественно, что партизаны не имеют правового иммунитета воюющей стороны, коль скоро война официально объявлена. Партизан в плен не берут — их расстреливают.

Мы воевали на своей территории против оккупантов, захвативших г. Петропавловск-на-Камчатке, которые считали себя регулярными войсками белогвардейского "правительства" во Владивостоке. Власть облнарревкома под флагом РСФСР распространялась на всю Камчатку, поэтому о создании бесправных партизанских формирований не могло быть и речи. Предвидя от этого всевозможные международные конфликты, обнарревком принял решение о создании "иррегулярных" воинских формирований на добровольческих началах, которые полностью правомочны на театре военных действий, так как они равнозначны регулярным государственным армиям.

В этом решении облнарревкома проявилась подлинная государственная мудрость коммуниста-политика И. Е. Ларина. Вооружённые силы Камчатки, сформированные для борьбы с белогвардейскими войсками, получили своё официальное наименование: Добровольческие революционные отряды Камчатского облнарревкома, сокращённо ДРОКО. Формирование отрядов и командование ими... было поручено мне — Н. П. Фролову».

Однако фроловское «официальное наименование» партизан, как и его аббревиатура, не встречается ни в советской бюрократической практике, ни в краеведении. Слово же «сопочники» — как называли людей Ларина местные жители — с годами забылось.

...В начале ноября 1922 г. красные партизаны готовились к встрече с населением Петропавловска после годовой разлуки — встрече отнюдь не радостной с обеих сторон. «Перед вступлением в город отряд остановился на сельскохозяйственной ферме. Здесь областной наррeвком, партийная организация, руководители партизанского отряда провели некоторые подготовительные мероприятия. Было составлено воззвание к трудящимся по случаю окончательного освобождения Петропавловска. Со всеми партизанами побеседовали и призвали их соблюдать в городе строжайшую дисциплину. Комендантом Петропавловска назначили Н. П. Фролова.

10 ноября наш отряд строем, с красным знаменем впереди, с революционными песнями направился в город. По пути отдали честь нашим товарищам, погибшим в бою около сельскохозяйственной фермы. У их могилы мы сначала замерли в молчании и склонили наше боевое знамя, а затем спели “Вы жертвою пали в борьбе роковой...”»

Так виделось это событие по прошествии десятилетий П. Г. Ивашкину-Ларичеву. Возможно, что-то им упущено, что-то наоборот «приращено». Ведь любые мемуары обречены на субъективизм. То же самое касается архивных документов. Зачастую часть их отсутствует, а имеющиеся в наличии явно односторонни...

Задача истинного историка чисто реставрационная: собрать воедино свидетельства исследуемого времени, вычленить наиболее существенное и со своими замечаниями (ничего не навязывая) донести до читателя. Если у того возникнет целостная картина эпохи — исследователь достиг своей цели.

А. А. СМЫШЛЯЕВ

НАЧАЛО КАМЧАТСКОЙ АВИАЦИИ

«Товарищи! Вносите трудовые гроши в местное казначейство на текущий счёт № 200 на создание воздушного флота!» Такое неожиданное для обывателей объявление появилось в июне 1923 г. в камчатской газете «Полярная звезда».

Что тут началось! Газета запестрела списками людей, сдавших деньги: «Картакай — 10 иен, Стецюк — 10 иен, Ошев — 3 иены, Борейша — 2 иены 75 сен, Хабаров — 1 иена 50 сен...» Даже известный путешественник и писатель В. К. Арсеньев, находившийся в это время на Камчатке, сдал 61 рубль 80 копеек.

«Ударная задача — создать воздушный флот!» С такой передовицей вышла «Полярная звезда» 5 августа 1923 г. Отдельно и крупно было набрано: «Брошенная с аэроплана 17-пудовая бомба опрокидывает дредноут, 7,5-пудовая бомба в 17 минут топит крейсер. Бомба в 4,5 пуда топит подводную лодку. Подводные лодки с самолёта видны, так как вода сверху кажется прозрачной».

Горожанин М. Артамонов сочинил на эту тему стихотворение:

Огненный день возгорится
Между лазурных высот.
Выше, стальные птицы,
Дерзкий свершайте полёт!

Было решено, что аэроплан, построенный на собранные камчатцами деньги, будет называться «Первый камчадал».

К концу года деньги были собраны, самолёт построили, но... не для Камчатки. Он и не планировался для Камчатки, просто вся страна дружно строила свой общий воздушный флот. И жители полуострова в этом активно участвовали, одновременно мечтая о том дне, когда и в их небе появятся стальные птицы.

Весной 1926 г. в Петропавловске был построен первый планер, и любитель-планерист Ломбак поднялся на нём со льда Култучного озера. То-то было восторга! А сколько зависти в глазах мальчишек!

Летом того же года один из пароходов привёз малюсенький самолёт Ю-13 с пилотом О. Кальвицем. Самолёт совершал прогулочные полёты над городом и к ближайшим природным достопримечательностям. Позже самолёт увезли.

В 1931 г. в Петропавловск прилетал знаменитый американский лётчик Чарльз Линдберг, совершавший своё воздушное кругосветное путешествие.

В то время прибрежные воды Сахалина и Камчатки полностью контролировались японскими кораблями. Чтобы покончить с таким унизительным положением, правительство Советской России решило дислоцировать на этих территориях по одной эскадрильи морской авиации, полк которой базировался во Владивостоке. В ноябре 1933 г. двенадцать самолётов вылетели на Камчатку. После трудного перелёта одиннадцать из них прибыли на место. Так полуостров впервые получил собственную авиацию.

Возглавлял прибывшую эскадрилью Михаил Иванович Пармичев. На Камчатке эскадрилья получила наименование 2-го пограничного авиаотряда (1-м отрядом стали называть сахалинский).

«Прибытие наших самолётов на Камчатку было отмечено вручением Красного знамени нашему вновь созданному погранотряду, — писал автору из Санкт-Петербурга участник тех событий, бывший лётчик отряда Алексей Владимирович Кувшинников. — Участники перелёта были отмечены почётными грамотами Камчатского областного и Петропавловского горрайонного комитетов ВЛКСМ. Эту свою грамоту я храню как память о том трудном и историческом перелёте. Помимо меня свидетелями тех лет являются: Балясников Виктор Александрович, бывший лётчик отряда, ставший впоследствии командиром авиаполка, сформированного на базе нашего отряда, далее — Козлов Григорий Михайлович, который был заместителем начальника штаба отряда...»

Но прибыли тогда сугубо военные самолёты, а жители Камчатки хотели иметь ещё и гражданский флот. А потому чуть раньше, в том же 1933 г., газета «Камчатская правда» предложила приступить к сбору средств для приобретения собственных самолётов. Камчатцы с готовностью откликнулись на этот призыв. Президиум облисполкома в своём постановлении № 13 от 1 августа 1933 г. отмечал:

«1. Одобрить инициативу редакции “Камчатской правды” по сбору средств на создание собственной гражданской авиабазы на Камчатке.

2. Учитывая значительную активность масс и организаций в деле помощи созданию авиабазы, считать необходимым организовать общественный комитет по сбору средств и созданию гражданской авиабазы на Камчатке при редакции газеты “Камчатская правда”. Председателем утвердить редактора Л. С. Никольского.

Предложить комитету немедленно приступить к работе...» [1].

Через год, 18 августа 1934 г., над Петропавловском закружил долгожданный самолёт. Это был У-2. Имя ему дали «Камчатская

правда». Управлял самолётом военный лётчик-пограничник Василий Дмитриев. Его показательный полёт с элементами высшего пилотажа восхитил камчатцев. Буквально сразу же по инициативе первого секретаря обкома ВКП(б) В. А. Орлова в городе был создан аэроклуб, и самолёт «Камчатская правда» был передан ему.

Примерно в то же самое время начальник АКО Иосиф Александрович Адамович, давно и серьёзно мечтавший о создании своей «промышленной» авиации, приобрёл самолёт-амфибию Ш-2 и привёз его на Камчатку. Это был маленький моноплан с цельнодеревянным фюзеляжем-лодкой и отечественным мотором М-11 в сто лошадиных сил. Зато летать он мог на расстояние до 1 300 километров, что делало его в те годы очень популярным. Кроме того, Адамович договорился о доставке в Петропавловск в течение года ещё трёх, более мощных, самолётов Р-5, а московская контора АКО завербовала для работы на Камчатке шестерых авиаторов: пилотов И. И. Макарова, Д. С. Жигалова и А. А. Гожева, борт-механиков А. А. Ткаченко и Е. М. Гузенко, а также авиатехника П. И. Пушкина. Вскоре они прибыли на полуостров, из них был образован авиаотряд АКО. Начальником отряда назначили И. И. Макарова.

Морозным утром 25 января 1935 г. весь личный состав авиаотряда прибыл на взлётное поле для подготовки первого вылета своего единственного Ш-2, который при лыжно-колесном варианте мог подниматься с суши. Авиатехник Петр Пушкин подробно и восторженно описал это событие в газетной заметке, поэтому у современников есть возможность прочесть её в подшивках «Камчатской правды» и ощутить торжественную и волнующую обстановку того далёкого утра.

В первый полёт отправились Макаров и Ткаченко. Они увезли в Усть-Большерецк почту. Жители этого селения встретили самолёт митингом. Вернуться в Петропавловск Ш-2 смог только на следующий день. А уже через сутки он отправился в Жупаново.

Начальник АКО И. А. Адамович в это время находился в Москве. Его заместитель П. М. Никитиных писал ему об этих событиях 22 февраля из Петропавловска:

«На Ш-2 лётчик Макаров сделал ряд блестящих рейсов. Но он может это делать только один с механиком, взять же никого не может. Макаров летал в Ключи, Усть-Камчатск, Большерецк и Жупаново. Кстати, сейчас сидит в Жупанове — нет горючего. Я вынужден был с бензином послать специальную нарту, чтобы его вытащить. Зимние полёты — великолепное средство связи, но

только надо разных мощных самолётов, и поэтому скорейшая доставка занаряженных нам Р-5 — самая насущная задача» [2].

Кстати, самолёт Ш-2 — это двухместная модификация амфибии Ш-1, которую известный советский авиаконструктор В. Шавров создал у себя на квартире в 1928 г. Более тридцати лет Ш-2 исправно служил на всех просторах СССР и был незаменим при перевозках почты и мелких грузов, а также для наблюдений с воздуха. Этот самолётик вытеснили только вертолёты, появившиеся в массовом количестве в 1960-х гг.

А в том, 1935-м, году несмотря ни на что полёты на Ш-2 продолжались относительно регулярно. Весной, когда стало совсем плохо с запасными частями, бортмеханик Е. М. Гузенко отправился за ними во Владивосток. До его возвращения в течение мая-июня авиаторы обходились самоделками. Особенно мучились с ремонтом и регулировкой капризного мотора.

В июне во Владивосток прибыли для АКО долгожданные самолёты. Правда, это были не обещанные Р-5, а два самолёта МБР-2. Для их перегона командировали Макарова, Георгиевского и Ткаченко. Приказом по АКО от 7 июля 1935 г. авиаторам предписывалось один самолёт отправить на Камчатку пароходом, другой же собрать и вылететь на нём в Петропавловск.

Вместе с самолётами во Владивосток прибыл авиаинженер Васильев. Под его руководством производилась сборка новых машин. 10 августа экипаж, взяв с собой Васильева, на самолёте с бортовым номером МП-1-57 вылетел в Хабаровск. Оттуда направились в Николаевск-на-Амуре. Погода не благоприятствовала перелёту. Шли на высоте 300—400 метров сквозь туман и дождь. Ориентировались с большим трудом, поэтому приходилось то и дело снижаться и осматривать незнакомую местность.

Далее маршрут лежал в Нагаево (нынешний Магадан). Макаров спешил. Ему непременно хотелось прибыть в Петропавловск в день авиации — 18 августа, чтобы своим прилётом сделать камчатцам подарок. Надо сказать, что его расчёты оправдались с точностью до одного часа.

В тот день в Петропавловске проводились небывалые торжества. В парке культуры и отдыха на Никольской сопке прошла массовка. Перед камчатцами выступили с торжественными речами председатель горсовета Потехин, первый секретарь обкома ВКП(б) В. А. Орлов, начальник АКО И. А. Адамович, начальник Камчатского ОГПУ А. П. Лев. В своей речи Орлов предложил занести в книгу знатных людей Камчатки командира 2-го погра-

ничного авиаотряда, добровольного начальника городского авиаклуба лётчика Пармичева. Люди его поддержали.

Затем в небе заурчали моторы, и шесть самолётов, держа строй, несколько раз пролетели над городом. С одного из них впервые на Камчатке был произведён показательный прыжок военного парашютиста Афанасьева. В тот день Афанасьев прыгал дважды, причём второй раз — на поверхность Култучного озера.

Примечательно, что именно в момент касания парашютистом воды из-за Мишенной сопки, «блестя на солнце белым фюзеляжем, вылетела новая, невиданная на Камчатке машина.

— Макаров! Макаров! — раздались возгласы» [3].

Так в городе появился новый самолёт АКО. Его торжественной встречей очень удачно завершился камчатский праздник авиации в 1935 г.

Какие это были счастливые для лётчиков и всех камчатцев дни! В сентябре 1935 г. авиаотряд АКО имел уже три самолёта. Личный состав пополнился лётчиком М. О. Загуляевым и бортмехаником С. И. Ивановым. Авиаторы были готовы летать много и далеко. Адамович планировал по завершении навигации в Охотском море использовать их для регулярной связи с рыбозаводами западного побережья и нефтепромыслом в Воямполке. Все с нетерпением ждали «больших» полётов. Но именно в это время у авиаторов неожиданно пошли неудачи.

Приказ по АКО № 524 от 14 сентября 1935 г. точно зафиксировал начало тех неудач:

«Согласно личному докладу начальника авиаотряда т. Макарова, 12.09.35 в 11 часов утра при пилоте Жигалове и бортмеханике Ткаченко повреждён мотор самолета МП-1-57. При перегреве мотора в воздухе выведены из строя поршни. Приказываю: 1. Отстранить от работы пилота Жигалова и борт-механика Ткаченко. 2. Назначаю аварийную комиссию...

Заместитель начальника АКО *Г. Д. Торопов*».

Причина аварии заключалась в том, что техник и бортмеханики использовали случайные марки масел из-за отсутствия нужных. Командир отряда Макаров оправдывал подчинённых, объясняя их действия тем, что они были вынуждены эксплуатировать самолёты на любом масле, так как от них требовали полётов любой ценой.

Неизвестно, какие выводы собирался сделать из этого случая заместитель начальника АКО Г. Д. Торопов, но неожиданно

вернувшийся из командировки начальник общества И. А. Адамович не мог смириться с потерей двигателя самолёта. Он слишком многого ждал от авиации, ревностно следил за каждым её шагом, болел ею. В случившемся он обвинил начальника отряда Макарова как неумелого руководителя. В результате появляется гневный приказ № 537 от 19 сентября, подписанный уже самим Адамовичем:

«...За 1934—35 годы все три аэроплана, находящиеся в эксплуатации начальника авиаотряда Макарова, выведены из строя. Считая явно преступным отношение начальника авиаотряда АКО Макарова к вверенному ему социалистическому имуществу, передать дело прокурору для привлечения Макарова к уголовной ответственности за халатное, преступное отношение к своим обязанностям».

В результате дальнейших разбирательств с учётом работы комиссии и объяснительной записки Макарова, 27 сентября выходит следующий приказ по АКО № 559:

«1. В дополнение приказа моего за № 537, бортмеханика авиаотряда АКО Ткаченко А. А. и моториста Пушкина П. И. увольняю с 27 сентября.

а) Ткаченко А. А. — за безответственное и халатное отношение к своей работе, проявление недисциплинированности, граничащее с преступностью (вмешательство в управление самолетом в воздухе, неисполнение приказаний начальника отряда — имел три дисциплинарных взыскания), за дискредитацию начальника отряда вместо добросовестного выполнения своих прямых обязанностей и помощи в работе начальника отряда, за демагогию, действующую разлагающе на личный состав авиаотряда.

б) Пушкина П. И., происходящего из социально-чуждой нам среды (сын бывшего торговца, лишённого избирательных прав), который обязан бы был доказать на работе преданность свою рабочему классу. Пушкин вместо честной работы проявил себя как недисциплинированный, и своими действиями подрывал дисциплину и принцип единоначалия в авиаотряде...

Начальник АКО *И. А. Адамович*».

Это был 1935-й год, который, по выражению историка Роя Медведева, стал годом «покаяний и признания ошибок». Это был страшный год, когда люди стали легко показывать на других, обвиняя их в своих или общих неудачах. «Ату его!» И человек исчезал в застенках госбезопасности. Крики «Ату!» раздавались по всей стране. Они разрешали все проблемы...

Что должен был сделать начальник АКО Адамович, если был выведен из строя самолёт? Да, нужных масел не было, летали на самых разных, потому и сломался двигатель. Полетов требовал он, начальник. Лётчики только выполняли приказы. Но ведь не на себя же показывать? Конечно, можно было разобраться по справедливости, наказать исполнителей чисто номинально, отремонтировать двигатель и летать на машине дальше. Но как могло бы аукнуться это Адамовичу позже? Каково на самом деле его положение в глазах органов и вышестоящих начальников? Он этого не знал, мог лишь догадываться. Нужна была осторожность. Нужна была страховка.

На Камчатке, как и во всех регионах страны, существовал список неблагонадёжных лиц, в который заносились всё новые имена. Из неблагонадёжных легко можно было стать «вредителем», «шпионом», «троцкистом» и т. д. Этого боялись. Адамович списка не знал и тоже боялся попасть в него. Он пишет записку начальнику Камчатского ОГПУ и Камчатского погранотряда А. П. Льву:

«Совершенно секретно. Уважаемый товарищ Лев! Я знаю, что примерно месяц назад у тебя составлен список на нежелательных лиц, работающих в аппарате АКО. Этим списком пользуются лица, которым ты вручил этот список, но я им пользоваться не могу, так как у меня списка нет. Видимо, этот список от меня держится в секрете. Я же знаю, что список такой существует, но бездействует в силу того, что руководство АКО его не знает, а как будто, кроме меня, никто не имеет права увольнять из аппарата АКО, тем самым твоя работа в этом случае оказалась неактивной.

В интересах нашего общего дела, то есть твоего и моего, направь мне этот список с тем, чтобы я мог принять соответствующее решение. Привет. *Адамович*. 28 августа 1935 г.» [4].

Это было в августе. Но вот уже заканчивался сентябрь, а начальник ОГПУ молчал. Что было думать Адамовичу? Только одно: он тоже в этом списке, тоже под подозрением. Поэтому, обвинив лётчиков, он мог ещё больше очернить себя, ведь начальник ответственен за всё. Летчикам могли предъявить лишь денежные штрафы, его же, начальника, могли посадить. Не результатом ли этих мучительных раздумий явилась ещё одна записка Адамовича начальнику ОГПУ Льву, в которой дело лётчиков приобретает совсем другой смысл — сознательное вредительство ради мести. Вот эта записка:

«Совершенно секретно. Лично в руки начальнику погранотряда т. Лев. Копии: прокурору Камчатской области т. Звереву, секретарю обкома ВКП (б) т. Орлову.

Председатель месткома АКО т. Жукова передала мне свою беседу с профгруппоргом автогаража АКО т. Пометовым, а именно: работники авиаотряда АКО Ткаченко, Пушкин и Жигалов говорили между собой: "Адамович живёт последние дни". Товарищ Жукова задала товарищу Пометову вопрос: "Что они, хотят убить его, или что-нибудь нужно подозревать другое?" Тов. Пометов сказал, что не знает, но они намекали на мою работу в Союзсахаре. "Я подозреваю какую-то месть с их стороны, — сказала т. Жукова, — и считаю нужным предупредить".

Прилагаю приказ за № 559 от 27.09 о Пушкине и Ткаченко и считаю характерным данный разговор с той точки зрения, что он состоялся 29 сентября между Пометовым и Жуковой и между Пушкиным, Ткаченко и Жигаловым. Я считаю, что дыма без огня не бывает, и очень возможно, что они намереваются в отношении меня устроить какую-нибудь пакость или просто пристрелить. Последние вооружены огнестрельным оружием — револьверами, что им по роду их работы полагается.

Прошу проверить данное сообщение по существу и о результатах мне сообщить.

Начальник АКО *И. Адамович*. 1 октября 1935 г.» [5].

Начальник Камчатского областного отдела ОГПУ — НКВД, одновременно начальник Камчатского погранотряда Александр Петрович Лев в феврале 1938 г. сам будет арестован, приговорён к высшей мере наказания и расстрелян. В октябре 1935 г. он, естественно, этого не мог знать. Но он прекрасно знал систему, в которой служил. И не мог не бояться за себя. А потому просто обязан был принимать меры по любому сигналу, особенно если дело касалось угрозы жизни крупного руководителя социалистического предприятия. К тому же он привык реагировать на подобные сигналы. Чем больше было сигналов и ярче его реакция, тем спокойнее ему жилось.

Михаила Петровича Пушкина тогда выслали с Камчатки. Он хорошо отделался, правда, дальнейшая судьба этого человека неизвестна.

А вот на Макарова, Жигалова и Ткаченко завели уголовное дело. Следствие прошло быстро, и уже 26 ноября того же года началось слушание дела в областном суде. Процесс длился три дня и был показательным. Зал суда ломился от любопытных. Лётчикам-вредителям никто не сочувствовал, все были уверены, что они специально ломали свои самолёты. Судьи вели заседание в стиле союзного прокурора Вышинского. Вот, например, как опи-

сывала газета «Камчатская правда» допрос подсудимого Жигалова на суде: «...он лепечет, нагло врёт. Суд добивается от подсудимого признания виновности...»

А чего же ещё было ждать от суда, председатель которого товарищ Бобыкин самолично расстреливал приговорённых к смертной казни. Так, 11 июля 1935 г. этот самый председатель областного суда вместе со старшим уполномоченным погранотряда НКВД Панковым и комендантом облотдела УГБ Заярным в присутствии заместителя облпрокурора Крупенина отвезли приговорённого к расстрелу крестьянина из Тигиля Григория Ивановича Усачёва на шесть километров от берега в Авачинскую губу и застрелили. В акте было написано: «Ввиду нахождения в командировке председателя трибунала, мною, Бобыкиным...»

28 ноября в суде зачитали приговор: Жигалов осуждён на пять лет, Макаров — на три, Ткаченко — на один год лишения свободы. Через некоторое время вышестоящий суд оправдал лётчиков, заменив им меру наказания на условный срок. Но многолюдный, трёхдневный унизительный процесс сделал своё дело — утвердил в умах камчатцев вредительскую сущность подсудимых лётчиков. Отныне они перестали быть славными героями неба, любимцами, бравыми и честными парнями. Их опустили на землю.

Дальнейшая жизнь Ткаченко и Макарова неизвестна. А вот Дмитрий Степанович Жигалов продолжал работать в авиации АКО до 1938 г., занимаясь разведкой рыбы с воздуха. Затем перешёл в Гражданский воздушный флот. В годы Великой Отечественной войны он командовал отрядом истребителей и в январе 1943 г. погиб в воздушном бою.

Иосиф Александрович Адамович 22 апреля 1937 г. застрелился из собственного именного оружия, не выдержав обвинений в предательстве интересов рабочего класса и боясь ареста. А в 1989 г. в руки автора попали «чёрные» списки НКВД, которых так боялся Адамович. Правда, эти списки, чудом сохранившиеся, были составлены уже после его смерти, в них фамилия начальника АКО не фигурирует. Зато видно, что лояльные к нему люди после его самоубийства стали неблагонадёжными. Вот только малая часть списка 1937 г.:

«1. Трофимук П. М. Инженер ОКС по техническим изысканиям. Сын титулярного советника. Во время войны 1914 г. семья эвакуировалась в Харбин, где был в ВЛКСМ. С 1928 по 1930 г. был в партии, исключён как чуждый.

2. Пивоваров Д. Т. Инженер-кораблестроитель. Отец в 1935 г. был исключён из партии как троцкист, а в 1936 г. был арестован и осуждён по 58 статье на восемь лет.

3. Майзель А. Л. Ответственный исполнитель АКОрыбсбыта. До революции жил в Германии, Австрии, Франции, якобы ездил к родственникам на каникулы. Сейчас мать и сестра живут в Польше. Работал управляющим делами по снабжению в посольстве США.

4. Семавин А. Я. Экономист-плановик АКО. Служил у Колчака в штабе 3-й армии в чине подпоручика. После разгрома Колчака служил в Красной Армии. На Камчатке с 1935 г.».

И так далее...

1936-й, пожалуй, самый интересный год в истории отечественной авиации. Именно в это время русские летчики устанавливают рекорд за рекордом, на весь мир звучат имена Чкалова, Байдукова, Белякова, Каманина, Молокова, Водопьянова, Леваневского, Коккинаки, Юмашева, других. Камчатцы, как и все советские люди, с интересом следят за событиями многочисленных дальних перелётов. И внимательнее всех за этим следят камчатские летчики, в том числе Дмитрий Степанович Жигалов. Следят, переживают, восхищаются, завидуют.

20 июля 1936 г. в пять часов сорок пять минут утра в московское небо поднялся одномоторный самолёт АНТ-25 с экипажем из трёх человек. Впереди у него был сверхдальний беспосадочный полёт по маршруту Москва — Земля Франца-Иосифа — мыс Челюскин — Петропавловск-Камчатский — Николаевск-на-Амуре — Чита. Возглавил экипаж лётчик-испытатель завода им. Менжинского Валерий Павлович Чкалов. С ним летели второй пилот, лётчик-испытатель завода им. Горбунова Георгий Филиппович Байдуков и штурман Управления Военно-Воздушных Сил РККА Александр Васильевич Беляков.

За пять дней до их старта собрали сводки погоды со всего Дальневосточного края. От бухты Тикси на побережье Ледовитого океана и до Хабаровска привели в боевую готовность радиостанции. Маршал Блюхер рассказывал об этом в газетном интервью: «На центральном телеграфе в Хабаровске многочисленные сводки, получаемые через каждые три часа, сортировались, обобщались и передавались в Москву. За четыре часа до подхода самолёта к бухте Тикси, радиостанции Дальнего Востока регулярно начали принимать радиограммы с самолёта о полёте и передавать экипажу сводки о погоде. Необходимо отметить хорошую

работу связи и наблюдения. Особенно чётко и бесперебойно работала станция Ногаево. Радисты Дальнего Востока выдержали экзамен. Люди понимали, что от чёткой и бесперебойной связи зависит и успех перелёта в труднейших условиях Дальнего Востока. На случай вынужденных посадок для быстрого оказания помощи экипажу были организованы наблюдения и спасательная служба. Были назначены круглосуточные дежурные самолёты, стартовые команды и т. д. Весь край понимал, что победа АНТ-25 будет победой всей советской страны».

Уже 22 июля в 15 часов камчатского времени самолет Чкалова был над Петропавловском. «В ослепительной синеве неба показалась еле заметная чёрная точка и быстро пронеслась на запад», — писала газета «Камчатская правда». Рокот двигателя был еле слышен, так как АНТ-25 шёл на высоте более четырёх тысяч метров. Самолёт ждали, следили за ним по радио. Пролетая над городом, экипаж сообщил, что сбрасывает с борта памятный вымпел.

Интересно отметить, что в тот самый день в центре Петропавловска, напротив аптеки, шла постановочная съёмка кинофильма «Девушка с Камчатки». Ставил фильм режиссёр «Совкино» Александр Литвинов. Перед съёмкой чисто подмели мостовую, специально пригласили множество владельцев велосипедов, чтобы они разъезжали по улице. По тротуарам шагали пешеходы, и среди них шла, улыбаясь солнцу и жизни, красивая и счастливая «девушка с Камчатки» — артистка Занна Занони. Невольно москвичи стали свидетелями ликования петропавловцев по поводу появления самолёта Чкалова.

Когда самолёт скрылся из виду, многие бросились искать вымпел, но не нашли. Люди даже не представляли, как он мог выглядеть, но упорно искали вдоль побережья. И только 27 июля рыбак Агламасов с базы Моховая принёс в редакцию «Камчатской правды» небольшой, ярко окрашенный круг, похожий на спасательный. Это и был вымпел. Рыбак рассказывал: «За полдень пошёл я к берегу бухты и в полуторах метрах от него, вижу, плавает окрашенный круг. Поднял. “Эге, — подумал я, — да здесь и трубка! Хорошая вещь. А кто же её мог бросить? Поди пригодится”. На конце трубки — резина. Снял колпак, посмотрел в трубку, а там написанная бумажка. “Лётчики!” — вырвалось у меня. Побежал я к председателю промкома базы Моховая товарищу Невзорову. Невзоров объяснил, что это вымпел, брошенный самолётом Чкалова».

Записка, находящаяся внутри вымпела, гласила: «Самолёт № 025 22 июля 1936 года в 3.00 Гринвичского времени прошёл

Петропавловск-на-Камчатке. Высота 4 300. Привет жителям Петропавловска от экипажа самолёта тов. Чкалова В. П., тов. Байдукова Г. Ф. и Белякова А. В. Надеемся, что под руководством тов. Сталина наши окраины будут скоро такими же цветущими, как и наша столица. *Беляков*».

24 июля вышел правительственный указ о присвоении званий Героев Советского Союза летчикам Чкалову, Байдукову и Белякову. Кроме того, Чкалов получил премию в сумме тридцать тысяч рублей, а его помощники — по двадцать тысяч.

Пролёт над Петропавловском чкаловского АНТ-25 так вдохновил петропавловцев, что было решено местному аэроклубу присвоить имя «Героев Советского Союза Чкалова, Байдукова и Белякова». Так длинно, но почётно он и назывался долгое время. Самих героев зачислили почётными членами аэроклуба.

Надо сказать, что Камчатский аэроклуб состоял из пятнадцати любителей воздухоплавания, имел безмоторный планер. Одновременно с теоретическими занятиями курсанты строили свою взлётную полосу, спиливая деревья, выкорчевывая пни, выравнивая косогоры. 1 июня 1936 г. планер впервые поднялся в небо на высоту 150 метров. За лето курсанты совершили 1 150 полётов, каждый имел в среднем по шестьдесят вылетов. Лучшими планеристами зарекомендовали себя Бобряков, Белый, Девякович, Карабаев, Киселёв, Пикулин и Митичкин.

А в тот самый день, когда самолёт Чкалова прошёл Петропавловск, то есть 22 июля 1936 г., из Красноярска поднялся гидросамолет «СССР-2» с экипажем под руководством Героя Советского Союза Василия Сергеевича Молокова (получил Героя в 1934 г.). Самолет пошёл в круговой арктический перелёт по маршруту Красноярск — Киренск — Якутск — Охотск — Ногаево — Каменское — залив Корфа — мыс Олюторский — мыс Наварин — Анадырь — залив Креста — бухта Провидения — Уэлен — остров Врангеля — Красноярск.

Перелёт был организован Главным управлением Северного морского пути (ГУСМП), а потому среди пассажиров, участников перелета, — начальник политуправления ГУСМП Сергей Адамович Бергавинов, начальник финуправления Балагул, сотрудники ГУСМП Михаил Львович Балагов и Андрей Артемьевич Дубинин. Кроме того, на самолёте вылетел писатель, автор известной тогда повести «Моё поколение» (вышла в 1933 г.), корреспондент газеты «Правда» Борис Горбатов. В составе экипажа находились штурман Алексей Александрович Ритфлянд, бортмеха-

ники Григорий Трофимович Побежимов и Владимир Ильич Мищенков.

«Из Красноярска, где мы стартовали, двухмоторный самолёт взял курс на Стрелку (слияние Ангары с Енисеем), — рассказывал впоследствии корреспонденту «Камчатской правды» Василий Сергеевич Молоков. — Оттуда пошли по верховью Ангары до селения Кежма, затем по Лене, вышли на Усть-Кут. Из Усть-Кута вниз по Лене полетели в Якутск... Нам предстояло пересечь места, которые ещё не слышали рокот самолёта. Таким местом явилась, например, довольно большая территория от реки Мая до Аяна, известная Джугджурским перевалом. На этом участке нам приходилось набирать высоту до трёх тысяч метров и при этом находиться над хребтом в двухстах метрах.

Если не считать участка Мая — Аян, воздушная трасса из Красноярска до Камчатки не представляла особых затруднений, тем более, что она до некоторой степени изучена.

Благоприятствовала ли перелёту погода? Местами приходилось идти в сплошном тумане. В особенно тяжёлых метеорологических условиях мы находились на западном берегу Камчатки. Они-то и внесли некоторые поправки в маршрут. Мы предполагали полететь из Ногаево над Пенжинским заливом, затем пересечь полуостров через Срединный хребет и взять курс на Командоры. Густой туман и сильный ветер, сопутствовавшие нам с момента вылета из Аяна, вынудили нас остановиться в Хайрюзово...»

Итак, самолет Молокова вынуждено прибыл в незапланированный пункт — Хайрюзово. Именно оттуда он хотел лететь на остров Беринга, но отвратительная погода не позволяла этого сделать. Тогда, чтобы не терять времени, Молоков принял решение пробиваться над Охотским морем, огибая Камчатку с юга, в Петропавловск. По телеграфу сообщил об этом в город. Вновь позволю себе процитировать «Камчатскую правду»:

«Утро 1 августа. Сплошной дождь. Погода словно нарочно решила помешать перелёту. Такого туманного, дождливого дня Петропавловск не видел ещё за всё лето.

Хайрюзово сообщает: Молоков вылетел. Куда, как — подробности маршрута неизвестны. В Петропавловске безнадежно машут рукой:

— У нас его нечего и ждать. Сядет где-нибудь на побережье».

А самолёт весь день шёл сквозь туман и дождь на бреющем полёте прямо над водами Охотского моря. Высота составляла от двадцати до ста метров. Вылетев из Хайрюзово, Молоков попытался

было перевалить через хребты, но не получилось, потому и пошёл над морем к мысу Лопатке, а затем на север — к Петропавловску.

Вновь цитирую камчатскую газету (статья без подписи автора, а жаль — живо, интересно написано):

«Дождливая погода как-то сразу надвигает сумерки. Заметно вечереет. Восьмой час вечера... И как-то неожиданно из дождливой мглы вырастает рокот мотора. Часовой у ангара недоуменно таращит глаза. Неясные очертания быстро принимают отчетливую форму самолёта.

— Молоков! Да, да, Молоков!

Никак не верится, что он мог пробиться сквозь такую погоду. Не мираж ли? Нет. Выходят люди. Вот Сергей Адамович Бергавинов, вот сосредоточенный Балагул, вот улыбающийся Горбатов, остальные участники полёта... Вот наконец сам Василий Сергеевич Молоков, такой же как всегда, скромный и уверенный в себе.

И только когда жмёшь им руки, проходит первое оцепенение, чувствуешь, что это действительно они, такие близкие и родные. А голову по-прежнему сверлит одна мысль: как же добрались, как можно было в такую погоду долететь до Петропавловска? Но Молоков был также уверен в перелёте, как уверенно перевозил он людей из лагеря Шмидта, как уверенно всегда вёл он свои воздушные корабли».

В 1934 г. Молоков вывозил в Петропавловск челюскинцев, поэтому многие здесь хорошо его помнили. А раз так — встречали как родного. Заодно с высочайшим гостеприимством встречали и его спутников. Лично к месту приводнения самолёта пришли первый секретарь обкома ВКП (б) В. А. Орлов, начальник ОГПУ комбриг А. П. Лев и начальник погранзаставы полковник Шишкарёв. Сначала дали гостям часок отдохнуть. За это время собрали актив города и накрыли столы для торжественного ужина. Вечер удался на славу. Здесь же огласили радостное для всех известие о том, что лётчик Владимир Константинович Коккинаки на транспортном двухмоторном моноплане Ильюшина, имея на борту одну тонну груза, поднялся на рекордную высоту в 11 746 метров. Как было не гордиться достижениями отечественной авиации!

На следующее утро, 2 августа, Василий Сергеевич Молоков вместе с экипажем внимательно осмотрел свой самолёт, стоявший на воде у ангара с местными пограничными гидропланами. Затем знакомился с метеосводками, которые ничего хорошего не предвещали. О дальнейшем полетё нечего было и думать. Пользуясь

случаем, экипаж посетил камчатских пограничников и пробыл у них почти весь день.

Спать в этот вечер не ложились, так как на час ночи по местному времени была запланирована радиосвязь с Москвой. Разрешение на эту сверхдальнюю связь получил от своего наркома начальник радиоотдела краевого управления Заславский. Организовали переговоры начальник сектора радиофикации Камчатской области Тюшев, радиоинженеры Гурвич и Сороковедов, а также начальник радиоотдела области Нечаев. Разговор начался во втором часу ночи 3 августа. В Москве на проводе находились заместитель начальника ГУСМП И. О. Серкин, старший инспектор управления полярной авиации ГУСМП лётчик Б. Г. Чухновский, сотрудник газеты «Правда» Янтаров.

Газета «Камчатская правда»: «Во время разговора присутствовали секретарь обкома партии В. А. Орлов и начальник областного управления связи тов. Шастин. Переговоры велись в течение часа. Москва интересовалась деталями перелёта, состоянием погоды, перспективами дальнейшего полета и самочувствием участников кругового арктического перелёта.

Василий Сергеевич Молоков передал основные моменты перелёта, особенно подробно остановившись на участке Хайрюзово — Петропавловск, и указал на неблагоприятную погоду, приостановившую дальнейший перелёт.

Сергей Адамович Бергавинов поделился впечатлениями, полученными им в пути, затем сообщил, что Леваневский, вылетающий из Сан-Франциско на побережье Северного морского пути, будет ожидать Молокова на Чукотке. Тов. Бергавинов далее осветил некоторые хозяйственные вопросы, требовавшие немедленного разрешения.

Представители Москвы вели переговоры с Петропавловском по служебному и домашнему телефонам, соединенном московской междугородной телефонной станцией. Слышимость Петропавловска, как утверждают москвичи, была превосходной. Однако петропавловцы не могут дать такой оценки, ибо слышимость Москвы была удовлетворительной. Большое участие в проведении переговоров приняла Хабаровская радиостанция, транслировавшая Петропавловск и Москву».

Говоря о Герое Советского Союза лётчике Сигизмунде Александровиче Леваневском, Бергавинов имел в виду, что тот готовился к перелёту по маршруту Лос-Анджелес — Москва. Почему при этом был назван Сан-Франциско — непонятно.

А 5 августа на Камчатке стало известно о новом рекорде лётчика-испытателя В. К. Коккинаки, который поднялся на высоту 13 110 метров.

Только на восьмые сутки пребывания Молокова в Петропавловске, 8 августа, небо прояснилось, появилась возможность продолжить полёт. Старт самолёта назначили на 14 часов 35 минут. Перед отлётом с Молоковым побеседовал корреспондент «Камчатской правды». К сожалению, опять не указана его фамилия.

«Из Петропавловска мы летим на Командорские острова, — заявил Василий Сергеевич Молоков. — Метеосводки говорят, что на Командорских островах большой туман, впрочем, там редко когда бывает хорошая видимость. Думаю, что эта особенность острова Беринга не отразится на нашем полёте. Мы также располагаем сводками, говорящими о хорошей погоде на восточном побережье, что вполне нас устраивает.

Отразится ли на нашем перелёте восьмисуточное ожидание погоды в Петропавловске? Думаю, что нет. Время нашего пребывания здесь мы постараемся наверстать за счёт напряжения сил в пути и сокращения сроков пребывания в других пунктах. Свой маршрут мы, конечно, не изменим.

Воспользуюсь случаем выразить от всей экспедиции благодарность жителям Камчатки и в особенности её областного центра за тёплый приём. Восьмисуточное пребывание в городе не было для нас утомительным. Время мы использовали, как нельзя лучше. Петропавловск оставил у нас самое приятное воспоминание. Ещё раз хочу поблагодарить гостеприимных петропавловцев».

К назначенному для вылета времени возле самолёта собрались горожане. Привёз и установил кинокамеру оператор Союзкинохроники В. А. Гласс, прибывший на Камчатку вместе с группой, снимавшей фильм «Девушка с Камчатки». Вскоре в сопровождении первого секретаря обкома партии Орлова, председателя областного исполкома Мельникова, комбрига Льва и полковника Шишкарёва сюда подошли члены экипажа. Девушки преподнесли им букеты цветов. Расставание получилось исключительно тёплым, дружеским. Разбег по воде — и стальная птица уже в воздухе. Счастливого полёта, покорители неба!

Через полтора часа самолёт находился на траверзе Налычева. Молоков запросил погоду в Усть-Камчатске. Оттуда передали сводку, но, похоже, излишне подробную, что отвлекало от полёта. Молоков поправил: «Меня интересуют лишь туман, ветер и облачность. Остальные данные о погоде не нужны».

Слушая обрывки разговоров в эфире, петропавловцы не прекращали волноваться за экипаж. Вскоре на борт самолёта пришла радиограмма от Орлова: «Сообщите погоду, беспокоимся, имеем все ваши сообщения».

Молоков ответил: «Нахожусь на траверзе мыса Кроноцкого, на море туман, вдоль берега чисто, ложимся курсом на Беринг». Следом он передал сообщение в Усть-Камчатск: «Идём на Беринг, вашу сводку не дослушал, пошли ниже, туман на море — до воды, видимость десять метров. Сейчас находимся выше тумана. Дайте погоду Беринга».

Неожиданно в наушниках Молокова послышался голос радиста с острова. Он сообщил, что остров закрыт сплошным туманом, видимость отсутствует. В этой ситуации Молокову оставалось лишь принять решение о развороте самолёта. Он вновь вышел в эфир: «Посадка Беринга невозможна, иду Усть-Камчатск. Дайте коротко погоду Усть-Камчатска».

«У нас сплошной туман», — ответили из Усть-Камчатска.

«Есть ли просвет тумана?» — спросил Молоков. И это были его последние слова в эфире, больше его не слышали, связь прервалась. Место нахождения самолёта оставалось неизвестным. В Петропавловске и Усть-Камчатске встревожились. До 22 часов непрестанно слушали эфир, но перед сумерками решили послать в море катер «Буревестник». Кроме того, на берегу зажгли костры.

Катер шёл курсом на остров Беринга с зажжёнными огнями. Этот выход в море не был напрасным — в два часа обнаружился пропавший самолёт. Он находился на плаву с живым, здоровым экипажем. Капитан «Буревестника» тут же отправил радиограмму: «В девяти милях от завода № 1 Усть-Камчатского комбината встретил самолёт, идущий на воде курсом на завод. Возвращаюсь к первому заводу. Самолет идёт в двух милях впереди меня».

В Петропавловске облегчённо вздохнули. Присутствующие на связи первый секретарь обкома Василий Алексеевич Орлов и начальник АКО Иосиф Александрович Адамович отправили сообщение для экипажа самолета: «С восьми часов вечера сильно беспокоились. Только в два часа ночи узнали положение вещей от высланного “Буревестника”. Рады. Жмём крепко руки. Просим информировать. Привет».

Самолёт благополучно подошёл к берегу. Экипажу предоставили отдых. А в одиннадцать часов утра Молоков запросил погоду в Анадыре. Это говорило о том, что он отказался от полёта на Командорские острова. Правда, вылететь из Усть-Камчатска ему

опять не дала погода. Пользуясь задержкой, на остров Беринга на «Буревестнике» сходил Сергей Адамович Бергавинов. Как только он вернулся в Усть-Камчатск, самолёт Молокова взял курс сначала на Тиличики, а затем — на Анадырь. 17 августа он был уже там.

День авиации в Петропавловске всегда праздновали с размахом. В парке культуры и отдыха на Никольской сопке работали аттракционы, парашютная вышка. Эскадрилья пограничников и самолёты АКО барражировали над городом. Может быть, именно в этот день, 18 августа 1936 г., лётчики Д. С. Жигалов и Г. И. Кардаш решили, по примеру Молокова, померяться силами со стихией, задумав полёт на остров Беринга? Этот путь ещё никому не покорялся, даже Молокову. Почему бы ни попробовать им, камчатским пилотам?

Молоков, ещё будучи в Петропавловске, рассказывал, что некий английский полковник, рискнувший однажды полететь на остров, вдребезги разбил свой самолёт. Больше никто летать туда не рисковал. Но лётчики АКО решили попробовать. Их поддержал Иосиф Александрович Адамович. Для полёта приготовили гидросамолёт «СССР Х-55».

Начальник авиаотряда АКО Г. И. Кардаш так рассказывал о подготовке к полёту: «Помимо подготовки материальной части на мне и пилоте Жигалове лежала не менее ответственная задача — разработать маршрут, узнать особенности о. Беринга и т. д. Здесь мы встретились с рядом препятствий, в частности, не могли найти точных карт, по которым можно было бы судить о местах, пригодных для посадки самолёта на Командорах. Пришлось расспрашивать подробности у товарищей, бывавших на о. Беринга. Большую помощь в проработке маршрута нам оказал алеут т. Яковлев. Из беседы с ним мы узнали об озерах Гаванском и Саранном, находящихся на острове Беринга.

Метеорологические условия для полётов на Камчатке весьма разнообразны, и в очень редких случаях погода бывает устойчивой от пункта вылета до пункта прилёта. Поэтому нам пришлось погоду Командоров запрашивать за несколько дней до вылета, чтобы можно было судить, как меняется погода и учесть это при нашем перелёте.

Накануне дня вылета, 10 сентября, самолёт был опробован в воздухе. Мотор и все приборы работали хорошо. Утром 11 сентября, получив около пятидесяти килограммов почты, которую

островитяне не получали несколько месяцев, мы до прихода пассажиров еще раз познакомились со сводкой и вылетели».

Самолет Жигалова и Кардаша стартовал как раз в тот день, когда знаменитый на всю страну экипаж Леваневского прибыл в конечный пункт своего международного маршрута — Москву. Столица торжественно встречала лётчиков-героев. А Петропавловск скромно проводил своих смельчаков, рискнувших впервые в истории воздухоплавания долететь до дальних островов в Тихом океане. Одним — слава, другим за такие же подвиги — скромное удовлетворение от собственной работы. И уважение близких и друзей. Такова жизнь, герои и звезды в России всегда обитают только в столице. При других обстоятельствах они никогда бы таковыми не стали.

Помимо Жигалова и Кардаша, на борту самолёта находились представитель ГУСМП и областной статистик Израилевич, который вылетел на Командоры для проведения переписи населения.

Через полчаса полёта, будучи над Жупаново, самолёт уткнулся в сплошную облачность. Впереди, сколько видели глаза, дыбились серые облака. О полёте в Усть-Камчатск нечего было и думать, поэтому, дотянув до реки Камчатки, приводнились у посёлка Ключи. Здесь ночевали.

На следующий день самолёт прибыл в Усть-Камчатск. Но вылетать на острова экипаж не рискнул — с моря двигались сплошные серые облака, моросил дождь, дул сильный ветер. Плохая погода держала лётчиков два дня, и только 15 сентября они смогли вылететь на остров Беринга. Этот перелёт красочно описал в газетной заметке старший пилот авиаотряда АКО Дмитрий Степанович Жигалов:

«Мотор взвыл. После вынужденного двухсуточного простоя в Усть-Камчатске, казалось, он ревёт с удвоенной силой. Неизменный спутник пилота — метеосводка, хотя и говорила в пользу полёта, но от опытного глаза не ускользнули не совсем радостные перспективы. Погода могла подвести. Промчавшись по морским гребням несколько сот метров, самолёт начал плавно набирать высоту. Камчатский мыс удалился на запад. Едва видно уже Ключевскую сопку. Летим над облаками, укрывшими море. Солнце приветливо играет своими лучами. Оно не ослепляет, но светит ярко. Слева, на белом фоне облаков виден силуэт самолёта. Это считалось у старых пилотов плохим предзнаменованием.

Вмиг пред тобой встает образ Валерия Чкалова, смелого, отважного героя, вместе со своими спутниками Байдуковым

и Беляковым, покоривших беспредельные просторы суровой Арктики. Заражаешься их смелостью и уверенностью.

Минутная стрелка мгновенно описывает круг. Самолёт идёт вперед. Ничего не видно. Между водой и стальной птицей — толстый слой облаков. По расчётам, через пятнадцать минут должен показаться остров, но показалась лишь синева моря. Летим дальше. Через десять минут стали попадаться небольшие “окна”. Море неспокойное. По гребням определяю направление ветра. Оказывается, его направление обратное прежнему. Мы оказались в пятидесяти километрах от острова. Изменяю курс. Через несколько минут мы увидели, как тёмно-синяя зыбь разбивается о тёмно-серую массу скал, покрытых зелёным бархатом травы.

От радости обмениваемся улыбками и жмём друг другу руки. Закрываю газ. Планирую до самых облаков. Решил: во что бы то ни стало пробиться сквозь облака, захватившие нас в свои объятья. Но это длилось мгновение. Вскоре нашим взорам представился живописный вид острова: зелёный бархат суши, синева моря, сопки, горы, стая топорков, мчавшаяся в селение, обратившиеся в бегство коровы.

Решил опуститься. Но море не внушает доверия. Пошли к озеру. Самолёт плавно коснулся воды. Мотор выключен. Нас тепло встречают. Жмут руки, поздравляют».

«Трудно передать радость островитян, охватившую их в день прилёта самолёта, — писала жительница поселка Никольского Евдокия Попова. — Ведь это был первый советский самолёт, опустившийся у берегов нашего острова».

Кстати, эти слова Евдокии Поповой — «это был первый советский самолёт» — невольно наводят на мысль о том, что чужие, скорее всего, американские, самолёты на остров прилетали. А почему нет? Просто до нас эти сведения могли не дойти. Но если это даже и так, то заслуг Жигалова и Кардаша ничего не умаляет. Они первыми в нашей стране покорили воздушное пространство между Камчаткой и островом Беринга.

«Исключительное внимание к нашему перелёту проявили секретарь райкома ВКП (б) т. Антипов, председатель райисполкома т. Григорьев, директор зверосовхоза т. Елеш и заведующий радиостанцией, — писал Г. И. Кардаш. — Возле самолёта собрались пионеры, они рассказывали о своей школе, учёбе, спрашивали, сколько мы будем лететь в Петропавловск. В заключение пионеры дали слово, что в первой четверти учебного года они будут иметь отметки по всем предметам на “отлично” и “хорошо”. Я же

взял обязательство по заказу доставить пионерам галстуки, значки, детскую литературу и конфеты.

Времени было мало. Взрослые и школьники по очереди подъезжали к самолёту. Товарищ Жигалов объяснял им устройство самолёта. Товарищи Антипов и Григорьев просили доставить на учёбу трёх товарищей — одного в Усть-Камчатск и двоих — в Петропавловск.

В 17 часов 45 минут мы были на борту самолёта. Заработал мотор, взлетели, и скоро остров скрылся из виду».

Выше упоминалась жительница острова Евдокия Попова. Она как раз и была одной из пассажирок самолёта — летела учиться в партийной школе. Вот её впечатления от полёта:

«Впервые в своей жизни я села в кабину самолёта 15 сентября текущего года, когда к нам на остров Беринга из Петропавловска прилетел первый советский самолёт. Меня нисколько не пугала перспектива перелёта с острова в Петропавловск. Стоило только вспомнить о героических перелётах моих соотечественников, отважных лётчиков из Москвы в Николаевск-на-Амуре через Петропавловск без посадки Героев Советского Союза Молокова, Леваневского, и страх моментально уступал место смелости. Я садилась в самолёт с той уверенностью, с какой сажусь на нарту. В пути следования чувствовала себя настолько хорошо, что с любопытством рассматривала дома своего селения, казавшиеся с высоты полёта спичечными коробками, море, горы. В момент полёта я думала, как стать пилотом. Я и моя спутница-алеутка, студентка педагогического техникума Олимпиада Ладыгина, теперь только об этом и мечтаем.

Наша родина, любимая родина крепнет и развивается с каждым днём. Это можно видеть и на нашем острове, в прошлом — мрачном, с которого наши отцы стремились бежать, гонимые костлявой рукой голода и плетью царских колонизаторов. Разве они могли представить, что ждёт их детей! Разве в мрачные дни зверской эксплуатации алеутов можно было представить радостную, счастливую жизнь, какой мы сейчас живём. А ведь всё это сделал Сталин, наш любимый Сталин».

Поздно вечером самолёт благополучно приводнился возле Усть-Камчатска, а на следующий день вылетел в Петропавловск. Лётчиков встречали как героев. От Камчатского обкома партии им вручили поздравление, в котором говорилось: «Ваш полёт на остров Беринга — крупное достижение авиации АКО. Поздравляя вас со славным освоением трассы Петропавловск — остров Беринга,

обком ВКП(б) убеждён, что, овладевая по-большевистски техникой, вы освоите все участки Камчатки и тем самым вложите в дело социалистического строительства на Камчатке ценнейший вклад».

Поступила радиограмма из Никольского от председателя райисполкома Григорьева. Он писал: «15 сентября население острова Беринга с большой радостью встретило первый советский самолёт, доставивший им долгожданную почту и пассажиров. Прилёт самолёта на остров вселяет в нас уверенность в том, что недалёк тот час, когда остров, до этого года оторванный от материка в течение восьми месяцев в году, будет иметь регулярное сообщение на самолётах. Мы уверены, что в скором времени гражданская авиация на Камчатке будет развита, как и на большой земле нашей любимой родины.

Мы уверены также и в том, что пилоты Камчатки будут частыми гостями на наших островах и по примеру пилотов Кардаша и Жигалова свяжут остров Беринга с материком. Алеутский районный исполнительный комитет по поручению трудящихся острова просят областной исполнительный комитет наградить отважных пилотов за смелое освоение трудной воздушной трассы над Тихим океаном».

Когда Кардаша спросили, можно ли летать на остров Беринга, он ответил: «Связь с Командорами на самолёте вполне осуществима, при условии создания промежуточной базы в Усть-Камчатске и незначительном оборудовании сигнальных знаков на острове. Самым подходящим типом самолёта можно применять МБ-1 с мотором М-17».

Так шла наработка опыта пилотами для полётов над Камчаткой и окружающими её морями. Так начиналась камчатская авиация.

ИСТОЧНИКИ

1. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4.
2. Там же. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 489.
3. Камчатская правда. — 1935. — 18 авг.
4. ГАКК. Ф. 106. Оп. 1. Д. 489. Л. 234.
5. Там же.

А. Ф. ПАСЕЧНИК

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАМЧАТСКОЙ МИЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

После завершения гражданской войны (1918—1921 гг.) и перехода к новой экономической политике произошло изменение форм и методов государственного управления страной, что, в свою очередь, привело к реорганизации правоохранительной системы. По сравнению с периодом «военного коммунизма» функции государственных органов власти стали намного сложнее и разнообразнее. В 1920-е гг. деятельность советской милиции получила нормативно-правовое закрепление. Её главной обязанностью являлась охрана государственного и общественного порядка, а ведущими направлениями деятельности стала борьба с преступностью и административный надзор. Первое включало в себя производство дознаний и расследований, а также проведение оперативно-розыскных мероприятий. Второе — наблюдение за исполнением обязательных постановлений о наложении административных взысканий, надзор за производством торговли и промыслов, за соблюдением санитарных, ветеринарных, противопожарных мероприятий и прочее [1, с. 165].

В первой половине 1920-х гг. на милицию стали возлагать всё больше и больше обязанностей, непосредственно не относившихся к охране общественного порядка, борьбе с преступностью и обеспечению общественной безопасности. На протяжении 1920-х гг. круг обязанностей милиции по оказанию помощи ведомствам и наркоматам постоянно расширялся. Например, совместная инструкция Наркомфина и НКВД РСФСР, утверждённая 12 июля 1923 г., обязала милицию принимать меры по исполнению судебных приговоров о взыскании штрафов и судебных издержек [2, с. 176]. Циркуляром Центрального административного управления (ЦАУ) НКВД РСФСР от 20 марта 1924 г. милиция обязывалась неукоснительно выполнять задания инспекции труда [3, с. 48]. Инструкция НКВД РСФСР и Главной палаты мер и весов от 3 июля 1924 г. требовала осуществление надзора за соблюдением правил о мерах и весах [4, с. 11—12].

В первой половине 1920-х гг. принимаются акты, регламентирующие деятельность таких должностных лиц милиции, как постовой милиционер и участковый надзиратель. В сентябре 1923 г. приказом начальника ЦАУ НКВД РСФСР была объявлена инструкция

постовому милиционеру, в ноябре 1923 г. утверждена инструкция участковому надзирателю, в январе 1924 г. — волостному милиционеру [5, с. 68—81]. Эти инструкции содержали широкий перечень обязанностей, среди которых особо выделялось содействие государственным учреждениям и должностным лицам. Из-за постоянного стремления возложить на милицию выполнение тех или иных функций НКВД РСФСР был вынужден регулярно издавать приказы и циркуляры о том, какие именно обязанности должны ею выполняться [6, с. 15]. Несколько раз принимались решения об освобождении милиции от несвойственных ей забот, но на протяжении 1920-х гг. она была просто перегружена ими. Если обратится к сборнику «Действующие распоряжения и законодательства по милиции», изданному в 1928 г., то эти обязанности выделены в специальный раздел, занимающий 37 страниц. Приказами было объявлено и большинство законодательных актов, предусматривающих наложение на милицию дополнительных обязанностей. В качестве примера можно назвать декрет СНК РСФСР от 16 марта 1921 г. «Об охране геодезических знаков, сигналов и реперов», декрет СНК РСФСР от 16 февраля 1922 г. «Об охране семенного фонда» [7, ст. 140; 8, ст. 194] и другие.

Важной стороной административной деятельности милиции было наблюдение за «проведением в жизнь» обязательных постановлений исполкомов и других органов советской власти. Причём число издаваемых на местах обязательных постановлений, осуществлять которые должна была милиция, не поддавалась никакому учёту [9, с. 124—128]. Кроме того, Советы и исполкомы различного уровня выпускали огромное количество обязательных постановлений по вопросам, выходящим за пределы их компетенции. Многие из этих документов страдали отсутствием элементарных требований: издавались без номера и указания времени вступления в законное действие, его срока [10, с. 282, 284].

В рапорте прокурору Дальневосточной области заведующий отделом управления Дальнего Востока даёт следующую характеристику деятельности милиции по оказанию содействию ведомствам и организациям за 1923 г.: «Все отделы краевой власти прибегают к помощи милиции при выполнении своих функций. Силами милиции осуществляется взыскание государственного налога, вручение судебных повесток, кроме того, все отделы производят разного рода служебные переписки, объявления, взыскания, извещения и проч. через милицию. На милицию также возложена обязанность силою административного воздействия принуж-

дать граждан подчиниться решениям госорганов в случаях, когда они не желают исполнять их законные требования. Кроме того, мелочная работа (составление протоколов за нечистоту выгребных ям и др.) отвлекает органы милиции от основной работы. Особенно это отражается на деятельности милиции на Дальнем Востоке, где благодаря громадным расстояниям и малочисленности штатов, работа милиции не может протекать в более или менее нормальных условиях» [11, л. 15].

На Северо-Востоке России сотрудники милиции особенно активно привлекались к оказанию содействия советским органам управления с середины 1920 гг. Помимо борьбы с уголовными преступлениями и нарушениями обязательных постановлений, камчатские милиционеры в 1920-е гг. выдавали удостоверения личности и разрешения на приобретение нарезного и гладкоствольного оружия; обеспечивали судебные решения; регистрировали общества, не преследующие цель получения прибыли; рассылали повестки; взимали единый сельскохозяйственный налог; наблюдали за соблюдением и внедрением революционной законности и т. д. [12, л. 156; 13, л. 25—26; 14, с. 4]. Деятельность милиции должна была строиться с учётом необходимости оказания помощи учреждениям юстиции, финансов, судебным и налоговым органам.

Выполнение вышеуказанных обязанностей требовало большого количества времени, отрывало сотрудников от основной работы и не поддавалось никакому учёту [4, с. 4]. Уже в ноябре 1924 г. газета «Полярная звезда» сообщила, что камчатские милиционеры в октябре 1923 — октябре 1924 г. выполнили более пяти тысяч поручений, треть из них — финансовые дела. В 1924 г. сотрудниками милиции Северо-Востока России было выполнено 2 000 поручений финансового отдела, комхоза и таможни; 1 126 поручений судебных органов; взыскано налогов, недоимок и штрафов на сумму около 10 000 руб., получено по исполнительным листам 64 704 руб. 44 коп. [15, л. 88].

В соответствии с предписанием ЦАУ НКВД РСФСР от 17 сентября 1923 г. № 10964-2, функции таможенного досмотра судов при отсутствии таможенных органов возлагались на местные органы власти [11, л. 29а об.]. Учитывая, что на Камчатке в середине 1920-х гг. таможенных учреждений было крайне недостаточно, особенно в населённых пунктах на западном побережье Камчатского полуострова (Тигиле, Усть- Большерецке и других), осматривать суда и визировать документы приходилось милиционерам.

(Здесь и далее под «Камчаткой» подразумевается территория всего Северо-Востока России, включавшая в себя собственно Камчатский полуостров, побережье Охотского моря, а также Чукотку и Анадырский полуостров.) В итоге работникам милиции в период навигации приходилось прекращать выполнять свои непосредственные обязанности, сосредоточив деятельность на выполнение таможенных функций [16, л. 104].

Начальник анадырской уездной милиции Алексей Михайлович Михалёв в докладе «Об условиях работы милиции на Севере» за 1925—1926 гг. дал любопытную характеристику её деятельности в этом отдаленном районе. Он отмечал, что «...если взять деятельность анадырской милиции... и откинуть от неё работу, не являющуюся чисто милицейской, то последнюю можно было бы выполнить за три-четыре месяца. Увеличивая для верности этот срок до шести месяцев, мы приходим к заключению, что в общей сложности милиция полгода выполняет свои прямые обязанности и полгода какие-то другие... Обилие различных обязанностей рассеивает внимание сотрудников, что не может не отражаться в худшую сторону на работе» [17, л. 6].

В Петропавловске на городскую милицию было полностью возложено делопроизводство по исполнению судебных решений [18, л. 7]. Так, в течение 1925—1926 гг. в производстве находилось 127 дел (на сумму 102 046 руб.). Причём документами, необходимыми для делопроизводства, сотрудники не обеспечивались. Они самостоятельно изготавливали алфавитные и денежные книги, бланки повесток, реестры, обложки для дел и прочее, на что требовалось большое количество времени. В 1927 г. сотрудники гормилиции вручили 147 повесток, 11 постановлений нарсуда, 34 постановления следователя, 10 выписок из протоколов распорядительных совещаний; выдали 213 справок, 16 удостоверений личности; исполнили судебных решений на 3 790 руб. 32 коп.; прописали 156 и выписали 136 чел. [18, л. 1]. В 1927 г. в Камчатском окружном административном отделе (ОАО) на исполнении находилось 96 судебных дел на 131 400 руб. [14, с. 4]. Силами гормилиции также обеспечивался надзор за санитарным состоянием города и состоянием домовых книг, которые «местхоз вёл неисправно, не выписывая убывающих и не прописывая прибывающих граждан» [18, л. 8].

В обязанности работников усть-камчатской раймилиции входило непременное присутствие сотрудников при раскупорке ящиков со спиртным в районном отделении Госвина, что занимало не

менее двух рабочих дней в неделю. На сотрудников анадырской милиции было возложено ведение гражданских дел, а также засвидетельствование подписей, доверенностей, имущественных сделок и прочее [19, л. 30]. Милиционеры также надзирали за соблюдением правил охоты и рыболовства (за недопущением вылова рыбы в устьях рек, соблюдением сроков охоты на горного барана, оленя, медведя, выдру, куропаток) [19, л. 14; 20, л. 49; 21, л. 62].

Важным направлением работы органов милиции стала деятельность по реализации декрета об отделении церкви от государства. Работники милиции и уголовного розыска должны были проводить обыски в церквях и монастырях, реквизировать церковные ценности, регистрировать религиозные общества и заключать договоры с целью учёта всего имущества, находящегося в церквях и передаваемого в безвозмездное пользование группам верующих. В соответствии с постановлением ВЦИК РСФСР от 3 августа 1922 г. ни одно религиозное общество не могло действовать без регистрации в отделе управления губисполкома. После того как местные власти описывали церковное имущество, верующим было необходимо в кратчайшие сроки зарегистрироваться как религиозной группе. Чтобы сделать своё положение легальным, верующим было необходимо предоставить в милицию значительное количество документов: протокол собрания об организации религиозного имущества, список священнослужителей (если таковые имеются), устав общества, список верующих, договор об использовании церкви и церковного имущества, акт о приёме церковного инвентаря и опись церковного имущества. Все документы предъявлялись в трёх-пяти экземплярах [22, л. 75].

Регистрация религиозных групп на территории Камчатки началась в 1923 г. [23, л. 62]. В 1924 г. работники милиции провели выемку метрических книг в Гижигинском уезде, а в Петропавловске и трёх волостях Петропавловского уезда (Елизовской, Дранкинской и Большерецкой) заключили 18 договоров на передачу церковного имущества в пользование верующим. В 1926—1927 гг. все существовавшие религиозные организации в Камчатском округе были зарегистрированы как 12 обществ и одна группа, где состояло 1 257 чел. [24, л. 37]. Им передали 13 зданий (в губернии имелось 32 православные церкви и 35 часовен), остальные использовались под клубы, избы читальни, школы и фельдшерские пункты [14, с. 4]. На 1 июня 1928 г. в Камчатском округе было зарегистрировано 19 религиозных обществ и девять групп с 1 892 верующими [12, л. 55]. Им передали 27 зданий.

В середине 1930 г. количество религиозных организаций сократилось до восемнадцати. Они распределялись по районам следующим образом: в Петропавловском, Большерецком и Анадырском — по одной, в Пенжинском — две, в Тигильском — три, в Усть-Камчатском — девять, на Командорах — одна [25, л. 148]. В отчётах о деятельности административно-милицейских и судебных органов указывалось, что выполнение декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви происходило без осложнений, а отношение населения к декрету было «самое хорошее» [24, л. 37].

Однако анализ архивных документов показывает, что нарушения законности в процессе регистрации религиозных групп были весьма распространены. Кроме того, при выполнении декрета об отделении церкви от государства нередко возникали конфликты. Например, в ряде волостей Петропавловского уезда «введение декрета задержалось непониманием населением смысла декрета» [16, л. 111]. В Мильковской волости верующие «не могли согласиться с тем, что ими выстроенная церковь должна быть взята в пользование по описи, за неё придется отвечать» [16, л. 116—117]. Население Ключевской волости также «отнеслось к проведению декрета недоброжелательно». Даже отречение местного священника о. Николая Каргопольцева от служения «не помогло полностью выполнить декрет». Серьезный конфликт, спровоцированный действием уездной власти, произошел в с. Гижиге [13, л. 25; 27, с. 134—139]. Особо религиозными селениями являлись Толбачик, Мильково, Палана, Наяхан, Тигиль. В с. Марково (Анадырский уезд) в 1925—1926 гг. большая часть жителей состояла в религиозном обществе, насчитывавшем 163 чел. [28, л. 29]. В марковское религиозное общество входили даже члены сельсовета «во главе с председателем» и комсомольцы. Кроме того, к марковской церкви «имели тяготение туманские ламуты демянского и яганского родов» [28, л. 29—30].

При выполнении декрета распространенным явлением стало нарушение формально-юридических процедур. Например, 18 ноября 1928 г. члены религиозного общества с. Тигиль на собрании приняли решение передать церковь райисполкому. После передачи, официально состоявшейся 19—20 ноября 1928 г., церковное здание «было преображено в другой вид, крест снят, вывешен флаг, разорён алтарь» [29, л. 99]. Передача здания церкви являлась незаконной: во-первых, на собрании присутствовало не более 25 верующих, а в протоколе о передаче фигурировало 56 чел., во-вторых, верующие не подписали протокол передачи здания церкви райисполкому.

Председатель Тигильского райисполкома поручил начальнику милиции любым способом «оформить передачу здания, пока верующие не хватились». Начальник тигильской милиции Василий Иванович Куренков «сначала делать этого не хотел, ссылаясь на законы, но потом согласился» [29, л. 99]. На собрании членов религиозного общества, состоявшегося 10 января 1929 г., с помощью различных обещаний он добился от верующих подписания протокола. Так, В. И. Куренков обещал, что райисполком предоставит верующим церковный амбар и сарай и погасит предъявленное ими денежное требование. В результате начальник милиции «подошёл к верующим» таким образом, что все присутствующие (46 чел.) подписали протокол передачи» [29, л. 99]. Этот факт вызвал среди жителей Тигиля «большое недовольство» в адрес райисполкома [27, с. 125].

В апреле 1930 г. в с. Елизово (Петропавловский район) были арестованы трое верующих в целях «обезвреживания их при постановке вопроса о передачи церкви». Впоследствии Камчатский окружком ВКП(б) посчитал данные действия грубейшей ошибкой и проявлением недопустимого администрирования [27, с. 125]. Дополнительной заботой в процессе проведения декрета стало страхование «сданных в использование» церковных зданий [24, л. 37].

Наряду с религиозными группами, работники милиции регистрировали общества и объединения, не преследующие цели извлечения прибыли. Так, в 1928—1930 гг. в качестве таковых были зарегистрированы ОСОАВИАХИМ, РОКК, МОПР, добровольное общество «Друг детей», спортивное общество «Динамо», Камчатское краеведческое общество, добровольная пожарная дружина, Совкино [14, с. 4; 25, л. 148].

В соответствии с приказом губернского административного отдела (ГАО) № 65 от 21 декабря 1925 г. начальники волостных милиций обязаны были не только оказывать содействие в организации изб-читален, но и принимать непосредственное участие в их работе. Ярким примером этого может служить деятельность начальника милиции Хайрюзовской волости в 1923—1925 гг. К. И. Загребы. В с. Хайрюзово он активно занимался культурно-просветительской работой среди населения: организовал избу-читальню, ставил спектакли, проводил беседы о задачах, стоящих перед Советами [26, с. 51; 30, л. 152].

На волмилиции возлагались также функции санитарного надзора. Например, в апреле 1924 г. была проведена проверка деятельности хайрюзовского волревкома. В акте обследования особо

отмечается, что Хайрюзовская волость находилась в антисанитарном состоянии, её население «крайне нечистоплотно и не имеет элементарного понятия о гигиене, вследствие чего наблюдаются случаи различных кожных заболеваний. Работа в этой области производится исключительно волостным милиционером» [30, л. 154].

На основании постановления ВЦИК и СНК РСФРС от 20 июня 1923 г. в стране отменялась старая паспортная система и параллельно вводилась единообразная форма удостоверений личности (с 1 января 1924 г.). Согласно инструкции по применению постановления, гражданин РСФСР, достигший шестнадцатилетнего возраста, имел право на получение удостоверения личности. Оно выдавалось в городах и поселках городского типа органами милиции, в сельских местностях — волисполкомами на не более чем трёхлетний срок. В удостоверении указывались фамилия, имя, отчество, дата рождения (возраст), национальность, социальное положение, профессия, место прописки, семейное положение, совместно проживающие члены семьи и отношение к отбыванию воинской повинности [11, л. 69]. Основанием для выдачи удостоверения служили запись в актовой или метрической книге, справка домоуправления или сельсовета о проживании и удостоверение с места работы. При невозможности представить какой-либо из документов, необходимых для получения удостоверения, милиции предписывалось выдать письменную справку на срок не выше трёх месяцев [11, л. 37—39, 45—47].

С октября 1924 г. милиции передали иностранное делопроизводство. В этом направлении административная деятельность милиции выразилась в учёте и регистрации всех прибывших в губернию иностранцев, а также в выдаче и продлении виз на жительство и оформлении их перевода в советское гражданство. В 1923—1924 гг. иностранным гражданам, проживающим на территории Камчатской губернии, было выдано 375 видов на жительство [16, л. 19]. На национальных паспортах иностранцев сотрудники милиции ставили определённые номера, их списки ежеквартально направлялись в ГАО [31, л. 35—37].

В 1924—1925 гг. от иностранных подданных в ГАО поступило 63 ходатайства о переходе в советское гражданство, из которых 42 было удовлетворено. Советское гражданство получили пять японцев, девять китайцев, 28 корейцев [24, л. 39]. В указанный период в ГАО также обратилось 19 граждан с заявлениями о выдаче им загранпаспортов. В результате проведённой проверки их получили 17 чел. [24, л. 39—40].

Впервые полная регистрация иностранцев, проживающих в Камчатской губернии, была произведена в 1924—1925 гг. На 1 октября 1924 г. их насчитывалось 436, а в 1925 г. — 410 чел. Распределение иностранных подданных по национальному составу в 1924—1925 гг. представлено в табл. 1 [РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 570. Л. 38—39].

Таблица 1

Национальность	1924 г.	Прибыло в 1924—1925 гг.	Убыло в 1924—1925 гг.	1925 г.
Китайцы	189	123	46	265
Корейцы	219	40	160	99
Японцы	19	12	12	19
Шведы	—	3	—	3
Поляки	1	2	—	3
Немцы	1	2	—	3
Латыши	1	—	—	1
Литовцы	1	1	—	2
Эстонцы	4	3	2	5
Сербы	1	1	—	2
Американцы	—	8	2	7
Персы	—	1	—	1
Итого:	436	196	222	410

Порядок выдачи видов на жительство иностранным гражданам определялся обязательным постановлением губревкома «О порядке выдачи видов на жительство иностранцам» от 11 февраля 1926 г. № 7. Прибывшие на территорию Камчатской губернии иностранные граждане были обязаны подать заявление о выдаче видов на жительство в течение трёх суток. В случае нарушения вышеуказанного постановления они привлекались к административной ответственности в виде штрафа в 300 руб. или принудительных работ до трёх месяцев [23, л. 18]. Виды на жительство выдавались ГАО на шесть месяцев. Однако, учитывая значительные расстояния и особенности сообщения внутри Камчатки, Дальревком предоставил ГАО право выдачи вида на жительство на год [32, л. 992]. Иностранцев в Камчатском округе пребывало: в 1926 г. — 469, в 1928 г.— 248, в 1929 г. — 301, в 1930 — 469 чел. [33, л. 34].

Важнейшей стороной деятельности милиции также стало наблюдение за «проведением в жизнь» обязательных постановлений центральных и местных органов советской власти. Эти документы предусматривали административную ответственность за их нарушение в виде штрафов, поступавших в местный бюджет, либо в виде принудительных работ. Принятие декрета ВЦИК и СНК

РСФСР «О порядке наложения административных взысканий» от 23 июня 1923 г. положило начало становлению законодательства об административной ответственности. Но данный декрет содержал только общие положения, и его применение на практике было связано с большими трудностями [34, с. 97]. Поэтому 21 июля 1922 г. было принято «Положение о порядке издания обязательных постановлений и о наложении административных взысканий за их нарушение» [35, ст. 603]. С целью укрепления законности в административно-правовой деятельности, НКВД РСФСР в январе 1924 г. разработал инструкцию «О взыскании штрафов, налагаемых в административном порядке за неисполнение обязательных постановлений губернских и уездных исполкомов, издаваемых на основе декрета ВЦИК и СНК от 27 июля 1922 г.».

Было определено, что органом по проведению в исполнение административных санкций является милиция. Инструкция упорядочила её деятельность по взысканию штрафов, а также определила порядок принудительного взыскания. Срок действия обязательных постановлений составлял один год, по его истечению требовалось новое опубликование этих документов. На основании вышеуказанной инструкции ГАО 15 октября 1924 г. принял циркуляр № 237 «О порядке взыскания штрафов, налагаемых административным порядком за нарушение обязательных постановлений», в котором отмечалось, что административные взыскания на нарушителей обязательных постановлений налагаются в Петропавловске, Охотске, Анадыре и Гижиге председателем уездного ревкома, в Усть-Камчатске и Уэлене — уполномоченным губревкома. Сотрудники милиции, получив от уездного или волостного ревкома извещение, были обязаны в трёхдневный срок объявить «о том лицу путём предъявления ему под расписку постановления о наложении административного взыскания». К циркуляру прилагалась инструкция ГАО «О порядке издания обязательных постановлений волревкомами и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» [36, л. 56—58].

Инструкция предоставляла волревкомам право издания обязательных постановлений по предметам управления и охраны порядка, не предусмотренных декретами центральной власти и обязательными постановлениями вышестоящих ревкомов. За нарушение обязательных постановлений волревкомы имели право налагать штрафы не свыше 100 руб. и назначать до месяца принудительных работ [36, л. 56].

Обязательные постановления губревкома издавались на срок до одного года и вступали в законную силу с момента опубликования в газете «Полярная звезда». К наложению административных взысканий необходимо было подходить с учётом «классовой принадлежности нарушителя, его имущественного положения, а также степени совершения проступка, сопутствующих ему степени развитости нарушителя и его ознакомленности с обязательными постановлениями» [12, л. 152].

Значимым шагом, направленным на совершенствование местного нормотворчества, стало принятие разработанного НКВД закона от 6 апреля 1925 г., который урегулировал права волисполкомов по изданию обязательных постановлений и наложению административных взысканий. Закон установил право волостных и районных исполкомов выпускать обязательные постановления по точно определённому перечню вопросов. Размер взысканий за их нарушение был установлен в пределах не свыше трёх рублей или пяти дней принудительных работ.

В 1923—1930 гг. за нарушение распоряжений центральных, краевых, губернских и уездных властей на Северо-Востоке России было подвергнуто административным взысканиям 2 174 чел., наложено 20 543 руб. 56 коп. штрафов. Более подробные данные о количестве лиц, привлечённых к административной ответственности в 1923—1930 гг., показаны в табл. 2.

Таблица 2

Годы	Привлечённых, чел.	Сумма штрафа, руб.
1923/24	147	2 330
1924/25	185	3 500
1925/26	294	3 060
1926/27	310	2 161
1927/28	324	3 458
1928/29	309	1 039,50
1929/30	301	3 039,56
1930 (I полугодие)	214	1 875,50
Итого:	2 174	20 543,56

Таблица составлена автором по материалам источников: РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 55. Л. 183; ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2—3. Д. 71. Л. 152; ГАКК. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 11. Л. 75.

Наиболее распространёнными видами административных нарушений в Камчатской губернии (округе) в 1923—1930 гг. являлись нарушения правил охоты и рыбной ловли, регистрации пушнины, убоя скота, хранения оружия; нарушение «публичного порядка», хулиганство, азартные игры, изготовление самогона,

хранение и продажа спирта [14, с. 4; 25, л. 8, 10, 12—13, 33, 161—162; 13, л. 21—22].

Наиболее часто применяемой мерой административного взыскания являлся штраф, однако их действенность значительно снижало следующее обстоятельство. В соответствии с законом от 6 апреля 1925 г. сотрудники райревкомов получили право налагать штрафы на суммы не более трёх рублей. Большие суммы имели право взыскивать лишь сотрудники уездных ревкомов. Таким образом, штраф, налагаемый милиционерами и местными органами власти, оказался незначительным. На Северо-Востоке России в 1924—1926 гг. официальный прожиточный минимум составлял 34 руб. в месяц, а «неофициальный — в несколько раз выше» [28, л. 15]. Таким образом, «сила воздействия штрафа на Камчатке была в три раза меньше, чем на материке, где прожиточный минимум составлял 10—12 руб. в месяц» [28, л. 15—16]. В отчёте анадырского ревкома за 1925—26 гг. отмечается, что основными нарушителями обязательных постановлений являются «торговцы-спекулянты», которым «заплатить три рубля ничего не стоит, а штрафы являются исправительной мерой только для небогатого населения, но не для зажиточного» [28, л. 15].

О недостаточной эффективности этой формы административного взыскания свидетельствуют данные о наложении штрафов в Анадырском уезде с 1923 по 1926 гг., представленные в табл. 3 [ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 108. Л. 14, 17].

Таблица 3

Год	Количество штрафов	Сумма, руб.	Средний размер штрафа, руб.
1923	6	625	104,50
1924	3	310	103,30
1924/25	21	334	15,90
1925/26	18	167	9,28

Показательным фактом является то, что в 1925—1926 гг. за нарушение обязательных постановлений в Анадырском уезде была наложено 18 штрафов на сумму 167 руб. Взыскания распределились следующим образом: за браговарение — восемь, за пьянство и хулиганство — семь, за нарушение правил охоты, обязательного постановления губревкома «О флагах» и правил прописки и выписки жильцов — по одному [28, л. 24—25]. Таким образом, из 18 административных взысканий 15 были наложены «за пьянство и браговарение». В отчёте о деятельности анадырского ревкома за 1925—1926 гг. это объяснялось так: «Можно подумать,

что в районе живут одни праведники, которые любят выпить. Однако нарушения обязательных постановлений происходят повсеместно. Но способы контроля проведения их в жизнь крайне несовершенны, а некоторые постановления изначально не применимы» [28, л. 24—25].

Административная деятельность камчатской губернской (окружной) милиции осложнялась в отдалённых уездах, основное население которых составляли коренные народности [37, с. 6—7]. В своём развитии туземцы находились на стадии разложения родовых отношений, а основой их экономики являлось оленеводство (у кочевников), охота и рыболовство (у осёдлого населения). Особый экономический уклад, наличие родовых обычаев и традиций, языковые и культурные особенности туземцев требовали от сотрудников уездных милиций при выполнении функциональных обязанностей специфического подхода к коренному населению. Тем более что на Камчатке в середине 1920-х гг. ещё не были созданы родовые советы по управлению делами туземных племен.

Однако из губернского центра в уезды Камчатской губернии практически не поступало разъяснений и распоряжений, касающихся деятельности милиции среди коренных народов. Например, в 1925—1926 гг. анадырская раймилиция получила от ГАО 509 различных распоряжений (не считая обязательных постановлений и телеграмм). Они касались розыска преступников (157), внутренней деятельности (54), дознаний (43), отделения церкви от государства (41), обязательных постановлений и взысканиях за их нарушения (19), организации адресных столов записи актов гражданского состояние (ЗАГС) (39) и других вопросов [17, л. 7]. Но по одному из главных аспектов деятельности районной милиции — работе среди туземного населения — не было ни одного распоряжения. Схожая картина наблюдалась в Чукотском, Гижигинском и Охотском уездах. Имелись лишь циркуляры, рекомендующие «очень осторожно подходить к туземному населению» [17, л. 7].

Следует отметить, что сами обязательные постановления губревкома не учитывали особенности отдалённых уездов и были выполнимыми лишь в пределах губернских центров (Петропавловск, Охотск). Вот некоторые примеры постановлений губревкома за 1925—1926 гг., общеобязательных к выполнению милицией, но невозможных в условиях отдалённых уездов [17, л. 10—11].

Постановление губревкома № 4 от 5 ноября 1925. г. «О производстве охоты и промысла в пределах Камчатской губернии», в котором определялись сроки охоты (с 17 ноября по 25 марта) и способы

контроля милицией охоты на пушного зверя. Но в условиях Анадырского, Чукотского и Гижигинского уездов контролировать соблюдение правил охоты было невозможно из-за незначительного штата милиции и преобладания кочевого населения (чукчи, коряки), находившегося за сотни вёрст от районных центров. Сроки охоты также не учитывали местных условий. Сотрудники милиции обращались в губревком с просьбой об их переносе [19, л. 14].

В постановлении губревкома № 5 от 23 января 1926 г. «О борьбе с эксплуатацией, обманом и спаиванием туземного населения Камчатской губернии» ничего не говорится о таком распространённом явлении, как эксплуатация кочевников оседлым туземным населением, «скупающим у оленеводов по баснословно низким ценам одежду, сырьё, продукты и т. д.» [28, л. 226—227]. Постановление губревкома № 10 от 24 июля 1926 г. «О регистрации в органах ЗАГС событий рождения и смертей» оказалось практически невыполнимо в национальных районах из-за огромных расстояний, недоступности кочевников ввиду отсутствия средств передвижения у районных милиций. В отчётах начальников милиций за 1926—1927 гг. указывается, что кочевникам «ЗАГС не нужен, значение его они не понимают, объяснить им этого мы не можем, а принудить к регистрации актов гражданского состояния мы не в состоянии» [17, л. 7].

На основании постановления губревкома № 10 от 15 мая 1926 г. «Об убое животных для питания» мясо убитых животных должно было предъявляться для ветеринарного осмотра вместе с печенью и легкими. Но в середине 1920-х гг. в районах Камчатки ветеринарные врачи отсутствовали (они находились лишь в Охотске и Петропавловске), а единственными поставщиками мяса являлись кочующие оленеводы. Согласно докладам и отчётам за 1925—1927 гг., даже при мобилизации всех сил милиции выполнение данного постановления было возможно лишь в трёх-четырёх селениях. Но это привело бы к тому, что кочующие оленеводы, «в виду стеснительных для них обстоятельств», оставили бы эти селения совершенно без мяса. К тому же согласно традиционным обрядам чукчей, населявших Чукотский и Анадырский уезды, оленьи внутренности оставлялись для выполнения религиозных ритуалов. Тушу оленя привозили на продажу без сердца, печени и легких.

Приказ начальника ОАО № 49 от 30 июля 1926 г. «О пользовании и торговле охотничьим оружием и огнеприпасами к нему» требовал наличие разрешения при покупке ружей, но фактории

Дальгосторга были удалены от раймилиций на 200—600 вёрст, и покупатели-кочевники не имели возможности получать эти разрешения. Крайне затруднительным для милиции было выполнение постановления губревкома № 6 от 23 мая 1925 г. «О ввозе и продаже спирта, вина и водочных изделий в Камчатской губернии» по причине малочисленности штата. Кроме того, население районов «в данном вопросе действовало исключительно против милиции», а случаи ввоза спирта «по разрешению» лицами, находящимися на советской службе, вызывали «массу сплетен, слухов и разговоров» [17, л. 11].

Постановлением № 17 от 7 июня 1926 г. в Камчатском округе запрещались «всякого рода азартные игры». Однако в документе не было указано, какие именно игры являются азартными. Таким образом, выполнение общеобязательных постановлений губревкома было возможно только при условии приспособления к специфике местных условий. Весьма интересно, что отчёты раймилиций губернскому (окружному) ревкому часто заключали, что некоторые общеобязательные постановления были невыполнимы и вызывали смех на заседаниях райревкомов [17, л. 10—11].

При расследовании преступлений среди коренного населения Камчатки (особенно среди кочевников) милиционерам приходилось сталкиваться с дополнительной сложностью. Она заключалась в том, что некоторые стороны жизни туземцев, карающиеся с точки зрения действующего законодательства, для коренного населения являлись естественными и моральными. Особенно сильны были традиционные представления чукчей [25, л. 161]. Вмешательство в жизнь туземцев вызывало острые и нежелательные осложнения. Например, жители Анадырского и Чукотского уездов присваивали себе не только выброшенные морем товары: строевой лес, керосин, продукты и прочие, но даже вынесенные на берег шхуны [28, л. 218—219]. Во многом этому способствовал чукотский обычай, согласно которому «всё выброшенное морем, являлось собственность нашедшего» [28, л. 228].

У коряков, ительменов, чукчей существовал обычай, обязывающий жениха бесплатно отработать в семье будущей невесты определённый срок, продолжительность которого зависела от имущественного положения жениха (от нескольких дней до нескольких лет). Распространение имели также выдача замуж несовершеннолетних, по согласию родителей, передача жён по наследству [28, л. 22—23, 226—228.]. Не редкостью было и убийство родственниками стариков и неизлечимо больных (исключительно по их

просьбе) [13, л. 150—151; 38, л. 108—109]. В то же время действующие законодательство рассматривало такие случаи как уголовное преступление. Между тем было неизвестно, как милиционерам следовало поступать при этом. Существовали лишь указания начальника губернской (окружной) милиции, запрещавшие «запугивать местное население кодексом и уставами» [26, л. 46].

Следует остановиться ещё на одном аспекте практической деятельности милиции в условиях отдаленных районов. С середины 1920 гг. осёдлое население Камчатского округа обязано было сдавать пушнину в фактории Дальгосторга. Контролировали это сотрудники раймилиций. Но после принятия постановления Камчатского окрревкома от 29 октября 1926 г., согласно которому «без особого распоряжения было запрещено милиции вмешиваться в деятельность факторий и производить аресты и дознание служащих Дальгосторга» [28, л. 223], деятельность раймилиции в этом направлении оказалась парализованной. Так, сотрудники принимали жалобы от населения на действия служащих Дальгосторга и отправляли их в окрревком. Из-за огромных расстояний и отсутствия связи рассмотрение жалоб затягивалось на долгие месяцы. В итоге туземцы, разочаровывались в действиях милиции и старались «договориться» с сотрудниками Дальгосторга, поощряя дальнейший произвол [28, л. 224—226]. Таким образом, раймилиция была не способна в должной мере защитить интересы туземного населения, и в уездах «течение местной жизни проходило мимо закона и мимо милиции» [17, л. 4].

С целью изменения сложившейся ситуации, в 1927 г. окрревком принял ряд существенных мер: повысил заработную плату, ввёл систематические инструктажи сотрудников милиции и выделил им транспорт. Но главное внимание было сосредоточено на работе милиции с местным населением. На основании рапортов, отчётов и докладов уездных милиций в 1927 г. были выработаны первоначальные направления их деятельности среди коренных народов Камчатки. Ими стали: изучение быта, обычаев и хозяйства туземцев; охрана правопорядка и распространение революционной законности среди населения; организация столов ЗАГС.

Представляет интерес то, как указанные меры осуществлялись на практике. Например, сотрудники милиции отдаленных районов должны были изучать традиции и условия жизни коренного населения с предоставлением отчётов в виде докладов и предложений [17, л. 14—15]. Получаемые таким образом сведения подвергались широкому общественному обсуждению (милиционеры

выступали с докладами на заседаниях местных ревкомов), после чего выносились те или иные решения. Кроме того, сотрудникам уездных милиций вменялось в обязанности подробно изучить свой район. Официальным отчётом являлся служебный дневник, который милиционеры должны были вести во время поездок по районам (приложение 1).

В отношении местного населения основное внимание сосредотачивалось на просветительской и воспитательной работе. Карательные меры должны были применяться только в случаях особо опасных преступлениях, вызывающих общественный резонанс (грабёж, убийство, разбои и т. п.). Важным элементом просветительской работы стало бесплатное распространение среди коренного населения рисунков, наглядно показывающих вред, происходящий в результате нарушения закона (спекуляции мягкой рухлядью, изготовления самогона, нарушения сроков охоты и других). Для более тесной связи с местным населением служащие милиции должны были научиться оказывать первую медицинскую помощь, правильно применять медикаменты походной аптечки. Важно так же отметить, что в конце 1920-х гг. окревком предоставил райревкомам большую степень самостоятельности при осуществлении общеобязательных постановлений.

В итоге, к 1930 г. в деятельности милиции в отдалённых районах Камчатского округа наблюдаются положительные результаты. Так, более 60 % туземного населения было охвачено работой столов ЗАГС, стали регистрироваться и расследоваться преступления, совершённые кочевниками [39, с. 16]. И если в середине 1920-х гг. «течение местной жизни проходило мимо закона, мимо милиции и мимо органов управления», то к началу 1930-х гг. туземные народы Камчатки были охвачены сферой деятельности милиции.

В соответствии с положением Главмилиции от 13 июля 1922 г. «Об адресных столах» в городах для регистрации проживающих граждан и для выдачи справок об их адресах всем заинтересованным лицам и учреждениям, учреждались адресные столы. Они находились в непосредственном ведении начальника местной милиции. Постановлением СНК РСФСР от 28 апреля 1925 г. «О прописке граждан в городских поселениях» был закреплён учёт передвижения населения в городах. В крупных городах с населением более одного миллиона человек учреждались адресные бюро. В городах меньшей численности появились адресные столы.

На Северо-Востоке России организация органов ЗАГС началась в январе 1923 г. В соответствии с постановлениями Камчатского

окрревкома регистрация всех случаев рождения и смерти должна была производиться только в органах ЗАГС в строго определенные сроки. В Петропавловске новорожденного следовало зарегистрировать в двухнедельный срок, в сельской местности (при наличии адресного стола) — в течение месяца, а в сельской местности (при отсутствии адресного стола) — не позднее шести недель [12, л. 348].

Для регистрации случаев смерти был установлен трёхдневный срок для Петропавловска и сельской местности (при наличии адресного стола). При отсутствии адресного стола в сельской местности срок регистрации факта смерти продлевался до одного месяца [12, л. 348]. В соответствии с постановлением губревкома № 8 от 9 сентября 1924 г., религиозно-церковные браки, заключённые на территории Камчатской губернии до открытия регистрационных (адресных) столов ЗАГС, признавались законными и не перерегистрировались. Все религиозно-церковные браки, заключённые на территории губернии после открытия столов ЗАГС, считались недействительными и подлежали регистрации. Делопроизводство по линии ЗАГС было передано в ведение управления милиции. Таким образом, при регистрации актов гражданского состояния основную нагрузку приходилось выполнять сотрудникам милиции, которые также проводили обследование и инструктаж адресных столов.

Первый адресный стол ЗАГС на Камчатке был организован на основании приказа губернского управления милиции № 9 от 23 января 1923 г. [16, л. 95—95об.]. В 1923 г. в губернии действовали петропавловский уездный, большерецкий, елизовский, мильковский, соболевский, усть-камчатский, хайрюзовский и тигильский волостные адресные столы. 13 ноября 1923 г. заработал гижигинский, а 1 августа 1923 г. анадырский уездные адресные столы (в Ново-Мариинске). С 15 августа 1923 г. появился адресный стол в с. Марково Анадырского уезда [16, л. 95—95об; 39, с. 23—24; 40, с. 2].

В Охотском уезде регистрационные столы ЗАГС были организованы только в 1924 г. Это было вызвано тем, что в Охотске длительное время изучались метрические книги местной церкви «за сто с лишним лет», а также изготавливались актовые книги для всего уезда. Тем не менее, в декабре 1924 г. в Охотском уезде действовали один уездный и восемь волостных адресных столов ЗАГС: в Аяне, Новом Устье, Ине, Тауйске, Армани, Оле, Ямске, Тумане [15, л. 54—55об.; 37, с. 14]. В Гижигинском уезде в 1924 г. был сформирован один стол ЗАГС, обслуживавший с. Гижигу

с прилегающими районами, с. Наяхан и «небольшое количество кочующих в районе тунгусов» [37, с. 14].

В течение 1924—1925 гг. в Камчатской губернии были перерегистрированы церковные метрические книги, осуществлена регистрация случаев рождений и смерти с момента организации ЗАГС в губернии, а также началось регулярное обследование и инструктаж адресных столов. На 1 октября 1925 г. в губернии работали 63 адресных стола ЗАГС (приложение 2). С октября 1926 г. в районных АО была введена должность делопроизводителя-заведующего ЗАГС, что позволяло направлять в районы наиболее подготовленных сотрудников милиции и качественно улучшить работу по линии ЗАГС.

Ниже приведены сведения о заведующих столами ЗАГС на Северо-Востоке России в 1926—1928 гг. [ГАКК. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 5. Л. 4—5; ГАКК. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 3]:

Березин Пётр Алексеевич, родился 16 января 1899 г., делопроизводитель и заведующий ЗАГС Анадырьской районной милиции, назначен 1 октября 1925 г.

Брагин Семён Николаевич, родился 12 марта 1898 г., делопроизводитель и заведующий столом ЗАГС Пенжинской районной милиции, назначен 1 сентября 1925 г.

Лелюхин Алексей Захарович, родился 25 февраля 1899 г., делопроизводитель и заведующий ЗАГС Большерецкой районной милиции, назначен 15 января 1926 г.

Мильский Евгений Павлович, родился 3 марта 1897 г., делопроизводитель и заведующий ЗАГС Петропавловской милиции, назначен в 1924 г.

Мясников Николай Алексеевич, родился в 1899 г., заведующий общим подотделом милиции, заведующий окружным бюро ЗАГС. Назначен 11 декабря 1926 г.

Камчатским милиционерам приходилось сталкиваться с рядом трудностей, прежде всего — с неудовлетворительным состоянием связи, ведшим к несвоевременному получению губернским (после 1926 г. окружным) ЗАГС сведений с мест. Это отражалось на полноте статистических сводок и реестров по всей губернии. Часто указания, инструкции и циркуляры по линии ЗАГС приходили в уезды спустя несколько месяцев, а иногда и через год после опубликования. Из-за низкой квалификации сотрудников низовых аппаратов, процессе работы возникали серьёзные упущения и ошибки, искажавшие отчёты, реестры и сводки. Отсутствовали грамотные люди и в туземных советах. Особые затруднения

вызывала регистрация актов гражданского состояния у кочевых народностей, разбросанных на огромной территории и не понимавших русского языка. Так, в Чукотском уезде в 1924 и первой половине 1925 г. адресные столы ЗАГС не были организованы. Одна из главных причин этого заключалась в том, что «почти все чукчи совершенно не говорили по-русски» [37, с. 14]. Распространенным явлением было незнание туземцами своего возраста. Следует также отметить, что некоторые условия жизни кочевников не укладывались в рамки советских законов. Например, такие, как ранние браки (до шестнадцати лет), многожёнство, временный обмен жёнами, детьми и другие. Кроме того, у кочевников не только отсутствовало сознание пользы и необходимости ЗАГС, но в силу религиозных предрассудков они избегали давать сведения о смертях, рождениях и браках [37, с. 14].

С целью разрешения указанных сложностей ОАО совместно со статистическим бюро разработал упрощённую форму записи актов гражданского состояния, специально предназначенную для кочевых народов. Она выглядела «в виде тетрадки на тот или иной район кочевников, имея в виду, что записи будут производиться в полутьме, на холоде, малограмотными людьми...» [17, л. 15об.; 23, л. 62, 67, 161]. В основу учёта кочевого населения Камчатки было положено его разделение по родам и местам кочевий. Момент записи актов гражданского состояния обставлялся формами обрядности той или иной родовой группы. Кочевое население обычно регистрировалось на ярмарках, а также во время объезда кочевий или в административных округах. Кроме того, работа по линии ЗАГС проводилась всеми сотрудниками местных райревкомов, а не только милицией. Так, записи актов гражданского состояния осуществляли учителя, заведующие факториями.

В 1929 г. с целью «обслуживания» Чукотской и Анадырской ярмарок при Западно-Корякском туземном ревкоме в с. Каменском был организован ЗАГС, объединивший пенжинский «беловой», паренский и рекиникский «черновые» столы [25, л. 73]. В Карагинском районе в 1927—1928 гг. были дополнительно открыты алюторский, корфский и вивенский «черновые» столы [41, л. 62]. В 1928—1930 гг. кичигинский и дранкинский столы ЗАГС охватывали 50 % кочевого населения, тауйский — 100 %, инский — 70 %, ольский — 60 % [42, л. 37—38]. В отчёте о работе Карагинского райревкома за 1928—1929 гг. существовавшая сеть столов ЗАГС оценивалась как «вполне удовлетворительная для обслуживания всего советизированного населения» [41, л. 62].

Таким образом, в 1930 г. в Камчатском округе действовал 81 адресный стол, деятельностью по линии ЗАГС было охвачено всё оседлое и значительная часть кочевого населения.

Изменение численности и показатели деятельности адресных столов ЗАГС Камчатской губернии (округа) в 1923—1930 гг. представлены в табл. 4 и 5 [РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 55. Л. 181; ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 161. Л. 23—24].

Таблица 4

Количество столов	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Беловых	13	14	16	28
Черновых	4	30	40	65
Итого:	17	34	56	93
Количество столов	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Беловых	44	57	60	64
Черновых	41	21	19	17
Итого:	85	78	79	81

Таблица 5

Количество АГС	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Рождений	427	892	551	1 045
Смертей	199	440	369	953
Браков	128	268	150	160
Разводов	7	38	11	16
Усыновлений	—	—	—	—
Итого:	761	1 639	1 081	2 174
Количество АГС	1927 г.	1928г.	1929 г.	1930 г.
Рождений	755	756	591	255
Смертей	538	487	402	179
Браков	78	125	168	30
Разводов	34	26	27	7
Усыновлений	7	5	13	3
Итого:	1 412	1 400	1 201	474

Важнейшее место в административной деятельности милиции Северо-Востока России занимало содействие таможенным органам. Сложные социально-экономические и особые географические условия региона создали условия значительного развития контрабанды. Огромная территория Камчатки и отсутствие пограничной охраны способствовали свободному проникновению контрабандных товаров. В 1924—1925 гг., по сведениям Дальревкома, из 165 населённых пунктов, расположенных на побережье Камчатки, только в 17 имелись таможенные учреждения [43, с. 24]. На заседании губревкома 18 февраля 1926 г. особо отмечалось, что обширность территории, неудовлетворительное состояние связи

и недостаточность специального аппарата затрудняют борьбу с контрабандой, а «10 000-вёрстная морская граница Камчатской губернии, имея всегда доступные для причала берега, никогда и никем не охранялась» [20, л. 448—451].

Отсутствие на территории Камчатки промышленного производства и сельского хозяйства приводило к полной зависимости территории от поставок продукции, «ввозимой в большинстве случаев с иностранных рынков». Показательным является тот факт, что даже в 1924 г. более 90 % доставленных товаров являлись американскими, японскими и китайскими. В соответствии с циркулярным распоряжением ЦАУ НКВД № 322 от 19 августа 1924 гг. деятельность милиции по содействию таможенным органам «в преследовании контрабанды и производстве дел о ней» разделялась на две стадии.

На первой к функциям милиции относились: обязательное участие в обысках и выемках, проводимых таможенными служащими; выяснение личности, места жительства и имущественного положения задержанных лиц; принятие мер пресечения в отношении обвиняемых в контрабанде; вручение повесток, постановлений и объявлений таможенных учреждений; розыск обвинённых в контрабанде [44, л. 1об.]. Вторая стадия заключалась в производстве административных взысканий за контрабанду в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 21 сентября 1922 г., инструкцией и циркуляром ЦАУ № 322 [44, л. 1об.]. С сентября 1923 г. вводился новый порядок, при котором задержанную контрабанду доставляли в таможню, объявлявшую постановление задержанным контрабандистам. В случае неуплаты штрафа в назначенный срок милиция взыскивала его принудительно. Кроме того, «в местностях, где таможенных учреждений нет», все обязанности по взысканиям, налагаемые таможенными органами, целиком осуществлялись милицией [44, л. 2].

Рассматривая тактику борьбы с контрабандой, губревком признавал, что «...только меры экономической борьбы дадут желаемые результаты». Следует также отметить, что наряду с экономическими изменениями, в середине 1920-х. гг. на Камчатке завершается процесс образования советского административного аппарата управления, неотъемлемой частью которого являлись силовые структуры. Уже к 1925 г. в губернии существовали пограничный отряд ОГПУ, таможенная служба, милиция, Дальрыбнадзор и Дальохотнадзор, совместные действия которых были направлены на борьбу с экономическими преступлениями. Была

создана комиссия по борьбе с контрабандой, координировавшая деятельность всех учреждений и служб (погранзастав ОГПУ, таможни, милиции, Дальгосторга, Дальрыбы).

Важнейшими сторонами административной деятельности милиции также являлись:

— обеспечение взыскания единого сельскохозяйственного налога, введённого в 1923 г.;

— организация сельских советов;

— проведение политики «революционной законности»;

— проведение мероприятий по пожарному делу;

— содействие делу ликвидации неграмотности населения;

— регистрация фотографов-любителей;

— обеспечение административного надзора за торговыми предприятиями и прочее.

Для оказания помощи милиции в охране общественного порядка в крупных населенных пунктах и городах РСФСР вводился институт дворников. В соответствии с приказом НКВД РСФСР № 493 от 19 октября 1922 г. определялись сроки и формы реализации «Положения о дворниках», которое водилось на Дальнем Востоке с 1 января 1923 г. Дворники были обязаны оказывать полное содействие постовым милиционерам, беспрекословно исполнять все их указания, доставлять правонарушителей в местное отделение милиции. Дворникам также «передавался санитарный надзор, ведение домовых книг и наблюдение за тем, чтобы отдельные граждане не проживали без прописки, что позволяло вести регистрацию преступного элемента в более широком масштабе». Создание этого вспомогательного института должно было «разгрузить милицию от мелочной повседневной работы». Согласно инструкции «О введении института дворников на Дальнем Востоке» на управления милиции возлагались заботы о составлении инструкций для дворников, а также распределение их дежурств и постов [11, л. 15, 72].

Однако на Северо-Востоке России большинство населения проживало в сельской местности, и в институте дворников не было необходимости. 23 июня 1925 г. ГАО сообщил в Дальревком, что в Камчатской губернии имеется только четыре дворника [11, л. 36].

В целях своевременного исполнения сельскими советами заданий по охране общественного порядка, личной и имущественной безопасности граждан, в РСФСР был введен институт сельских исполнителей. Порядок работы этого «подсобного органа милиции на селе» определялся постановлением ВЦИК и СНК

РСФСР от 27 марта 1924 г. «О сельских исполнителях» и инструкцией НКВД РСФСР от 27 марта 1924 г. «О порядке назначения и деятельности сельских исполнителей» [45, ст. 226].

На территории Камчатской губернии эта структура была введена 13 ноября 1924 г. постановлением губревкома «О порядке проведения в жизнь на территории Камчатской губернии постановления ВЦИК и СНК от 27 марта 1924 г. и инструкции НКВД РСФСР о сельских исполнителях». Нормативно-правовой акт подробно определял порядок создания и деятельность сельских исполнителей в специфических условиях Северо-Востока России [11, л. 7—9].

Согласно постановлению:

— определялись обязанности сельских исполнителей. К ним относились: наблюдение за порядком и спокойствием в селениях; доведение до населения распоряжений органов власти; составление протоколов о нарушении обязательных постановлений; участие в качестве понятых; выявление случаев изготовления самогона и нарушения правил охоты и рыболовства;

— закреплялась методика определения количественного состава лиц, выполняющих обязанности сельских исполнителей на Камчатке. Так, на 25 дворов необходимо было иметь одного, на 25—50 дворов — двух, в селениях, где насчитывалось более 50 дворов, — трёх сельских исполнителей. Учёт и контроль их деятельности возлагался на волостных начальников милиций;

— инструктаж сельских исполнителей становился обязанностью сотрудников волостных милиций. С этой целью начальники волостных милиций должны были не реже трёх раз в год организовывать совещания сельских исполнителей при райцентрах. Здесь же заслушивались отчёты о результатах проведенных работ;

— вводилась единая форма предоставления сведений о лицах, которые не могут быть сельскими исполнителями (название селения, фамилия, имя и отчество, возраст, социальное и семейное положение, имущественное отношение, годовой доход, суммы обложения единым сельхозналогом и за несение обязанностей исполнителей);

— отмечалось, что «в период рыбной ловли и охоты на пушного зверя», а это в камчатских условиях всецело заменяло период сенокоса и уборки хлеба, количество сельских исполнителей сокращалось до минимума.

Первые сельские исполнители появились в волостях Петропавловского уезда в январе-марте 1925 г. В начале 1926 г. этот

вспомогательный милицейский институт стал действовать на территории всего Северо-Востока России. По состоянию на 20 января 1928 г. численность сельских исполнителей составила 131 чел., распределявшихся по районам: Анадырскому — восемь, Пенжинскому — шесть, Большерецкому — 27, Карагинскому — 13, Петропавловскому — 24, , Усть-Камчатскому — 21, Тигильскому — 21, Чукотскому — 11. По инициативе ГАО милиционеры проводили с сельскими исполнителями занятия по специальной программе, которая «оказалась слишком трудной для понимания отсталого населения». В итоге милиционеры и работники волревкомов разъясняли только инструкцию о сельских исполнителях, общемилицейские обязанности и действующие обязательные постановления [28, л. 27—28].

Значение этого вспомогательного милицейского института особенно возросло во второй половине 1920-х гг., когда в результате проведённого районирования резко сократился личный состав милиции. В статье начальника ОАО, опубликованной в «Полярной звезде» 1 декабря 1927 г., отмечается особая важность сельских исполнителей для Камчатки. Деятельность «блюстителей порядка на селе» оценивалась удовлетворительно, а также особо подчеркивалось, что «в настоящее время сельские исполнители играют огромную роль, так как штаты милиции сокращались на 50 %» [46, с. 3; 13, л. 22].

Более полную и объективную оценку результатов и эффективности работы сельских исполнителей можно получить при изучении отчётов сельревкомов, волостных и районных милиций за 1926—1930 гг. Анализ этих документов свидетельствует о наличии ряда сложностей. Прежде всего, это «поголовная» неграмотность сельского населения Камчатской губернии, за счёт которого формировался состав сельских исполнителей. В административных отчётах районных милиций Камчатской губернии (округа) отмечается, что «они малокультурны, неграмотны, подавляющее большинство из них не умеют писать» [28, л. 29]. В отчётах Карагинского, Тигильского, Анадырского райревкомов за 1925—1930 гг. указывалось, «что из-за незнания русского языка сельские исполнители даже не в состоянии понять своих обязанностей» [28, л. 28—29].

Сложившуюся ситуацию пытались разрешить введением системы инструктажа сельских исполнителей работниками милиции. Но расстояние между селениями и райцентрами, ограниченный штат милиционеров и постоянный недостаток средств на

командировочные расходы приводили к тому, что эта работа в районах (за исключением Петропавловского) проводилась один раз в год, что, естественно, не могло исправить ситуацию. К тому же большинство камчатского населения рассматривало выполнение обязанностей сельских исполнителей как тягостную трудовую повинность. Доклады раймилиций и отчёты Камчатского окружного АО за 1926—1930 гг. показывают, что сельские исполнители «крайне пассивно относятся к выполнению своих обязанностей, инициативы не проявляют и считают вправе не доводить до милиции сведений о разных нарушениях» [28, л. 12].

В документах указывается, что основными причинами такой пассивности населения являлись нежелание осложнять отношения с односельчанами и отсутствие контроля сельских исполнителей со стороны местной власти. Всё вышеперечисленное отражалось на качестве деятельности сельских исполнителей, которая признаётся неудовлетворительной. Например, в Анадырском районе (1926—1930 гг.) она заключалась лишь «в редком вручении повесток, объявлении о собраниях, участии в качестве понятых и выполнении редких поручений сельсоветов» [28, л. 29—30]. В Большерецком районе за аналогичный период сельские исполнители не составили ни одного протокола за нарушение обязательных постановлений [47, л. 12].

По данным административного отчёта усть-камчатского райревкома, в основном рыбодобывающем районе Камчатки сельские исполнители не выявили случаев нарушений правил рыболовства. Протоколы за данное нарушение «были составлены только в Усть-Камчатске и только милицией». В Карагинском, Пенжинском, Большерецком, Усть-Камчатском, Чукотском и Анадырском районах работа сельских исполнителей «была совершенно не видна», а эффективность борьбы с основными видами преступлений в это время (хулиганство, самогоноварение, контрабанда и нелегальная торговля) данным органом власти оценивалась как «нулевая» [25, л. 183]. Таким образом, деятельность сельских исполнителей в Камчатской губернии (округе) носила формальный характер, который не изменился и после увеличения численного состава этого вспомогательного милицейского органа.

Итак, в рамках административной работы сотрудники милиции Северо-Востока России осуществляли надзор за выполнением обязательных постановлений центральных и местных органов власти, выдачу удостоверений личности и ведение иностранного делопроизводства, реализовывали декрет об отделении церкви от

государства и организовывали адресные столы ЗАГС, оказывали содействие таможенным органам в борьбе с контрабандой, осуществляли санитарный надзор, организовывали избы-читальни. Особенно сложно это было делать в отдаленных районах Камчатки. Таким образом, административная работа явилась важнейшей и неотъемлемой частью деятельности органов милиции Северо-Востока России, однако возложение на милицию несвойственных ей функций свидетельствовало об отношении к данной структуре как к вспомогательному органу, результатом чего стали перегруженность сотрудников, а также нехватка сил и времени для выполнения основных обязанностей.

Приложение 1

Дневник, обязательный к ведению сотрудниками при разъездах по районам

1. Место ночлега.
2. Сколько вёрст пути пройдено за день.
3. В котором часу отправился утром. В котором часу прибыл на ночлег.
4. Были ли остановки в пути (для работы, для отдыха и т. д.).
5. Способ передвижения.
6. Были ли попутчики (указать подробно). Были ли встречные (указать подробно).
7. Состояние погоды за день (приблизительная температура, ветер и др.).
8. Состояние собственного здоровья за день.
9. Состояние собак, оленей.
10. Дневное питание собственное и собак.
11. Сколько сделано фотографических снимков.
12. Сколько пройдено за день селений, юрт, зимовок (указать их название).
13. Не встречалось ли на пути брошенных селений, юрт, яранг (что узнал о них).
14. Характер местности пройденной за день (тундра, горы, речная долина).
15. Названия пройденных рек, их направления, быстрота течения, форма берегов.
16. Названия встречных озёр, их величина и глубина.
17. Какая растительность характерна для пройденной местности (лес, мхи, трава и др.).
18. Не встречалось ли на пути горячих источников (их свойства, место нахождения, использование населением).
19. Не слышал ли от населения о существовании полезных ископаемых (уголь, нефть, золото и т. д.).

20. Описание наиболее опасных мест пути.

21. Не слышал ли каких-либо туземных преданий и легенд (желательно запись текста).

22. Какие события из жизни туземцев наблюдал за день (праздники, игры, обряды, обычаи и т. п.).

23. Прочие записи за день.

Число, месяц прибытия и убытия.

ГАКК. Ф. П-44. Оп.1. Д. 26. Л. 16.

Приложение 2

Распределение столов ЗАГС по уездам Камчатской губернии на 1 октября 1925 г.

Столы ЗАГС	Уездные	Волостные	Сельские
Петропавловский	1	13	36
Охотский	1	6	—
Анадырский	1	1	3
Гижигинский	1	—	—
Чукотский	—	—	—
Итого:	4	20	39

Материалы по статистике Камчатской губернии. — Хабаровск, 1925. — С. 14.

ИСТОЧНИКИ И КОММЕНТАРИИ

1. *Белюков Д. А.* Особенности организации и деятельности Псковской губернской милиции: 1917—1927 гг. Дис... канд. ист. наук. — Новгород, 2003. — 223 с.

2. Бюллетень НКВД РСФСР, 1923. — № 25.

3. Там же, 1924. — № 11.

4. там же, 1924. — № 14.

5. Действующие распоряжения по милиции. — М., 1928.

6. Бюллетень НКВД РСФСР, 1925. — № 10.

7. Статистическое управление РСФСР, 1921. — № 22.

8. Там же, 1922. — № 18.

9. *Малыгин А. Я.* Полиция и милиция России: страницы истории. — М., 1995.

10. *Иванов В. А.* Милиция в Марийском крае в 1917—1941 гг.: проблемы организации и деятельности. Дисс... докт. ист. наук. — М., 2006. — 497 с.

11. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1433.

12. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2—3. Д. 71.

13. ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 161.

14. Полярная звезда. — 1928. — 19 янв. — № 6.

15. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 46. Д. 110.

16. ГАРФ. Оп. 49. Д. 127.
17. ГАКК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 26.
18. Там же. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 3.
19. ГАЧАО. Ф. Р-182/28. Оп. 1. Д. 12.
20. ГАКК. Ф. Р-25. Оп. 6. Д. 2.
21. Там же. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 1.
22. Там же. Ф. Р-185. Оп. 5. Д. 1.
23. Там же. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 2.
24. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 570.
25. Там же. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 55.
26. *Пирагис А. П*. От нагана до компьютера: История камчатской полиции и милиции (XVIII—XX вв.). — Петропавловск-Камчатский, 2005. — 272 с.
27. *Глинчикова Е. В*. Православие и советское государство на Камчатке в 1920-х — начале 1930-х гг. // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 4. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — С. 134—139.
28. ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д.108.
29. Там же. Оф. Д. 60. Оп. 1. Д. 99.
30. Там же. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 42.
31. Там же. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 3.
32. Там же. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 69.
33. Там же. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 1.
34. *Венисов А. В*. Деятельность советской милиции по реализации решений местных органов власти в сфере охраны общественного порядка в период социалистического строительства (1921—1936 гг.) Автореф. Дисс... канд. юрид. наук. — М, 1986. — 35 с.
35. Статистическое управление РСФСР, 1922. — № 48.
36. ГАКК. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 2. Л. 56—58.
37. *Чукчи* (10 815 чел.) занимали Чукотский и Анадырский районы, срединную часть Карагинского и северо-восточную часть Пенжинского района, около половины территории Камчатского округа. *Коряки* (7 282 чел.) расселялись на всей восточной береговой части Пенжинского района, а также занимали северную и южную части Карагинского района, Карагинский остров и северную часть Большерецкого района. *Тунгусы и ламуты* (2 956 чел.) заселяли западную часть Пенжинского района. *Ительмены* (803 чел.) занимали южную часть Тигильского района. *Алеуты* находились на Командорских островах (302 чел.). *Чуванцы* (620 чел.) занимали небольшую западную часть Анадырского, северную часть Пенжинского района и село Пенжино. *Эскимосы* занимали восточное побережье Чукотского района и остров Врангеля. *Кереки* находились в южной части Анадырского района. В Анадырском, Чукотском, Гижигинском уездах коренное население составляло более 90 %, а в Петропавловском и Охотском около 50 % [Материалы по статистике Камчатской губернии. — Хабаровск, 1925. — С. 6—7].
38. РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 54.

39. Отчёт Камчатского окружного революционного комитета Первому областному съезду Советов. — Петропавловск-Камчатский, 1927.
40. Полярная звезда. — 1924 — 12 окт. — № 67.
41. РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 33.
42. Там же. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1.
43. *Троицкая Н. А.* Из истории таможенной службы на Дальнем Востоке // Таможенная политика на Дальнем Востоке. — № 2. — Владивосток, 1999. — С. 24.
44. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1428.
45. Статистическое управление РСФСР, 1924. — № 28.
46. Полярная звезда. — 1927. — 1 дек. — № 91.
47. ГАКК. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 4.

А. Ф. ПАСЕЧНИК

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА КАМЧАТСКОЙ МИЛИЦИИ в 1920-х гг.

Проблема профессиональной подготовки милицейских кадров являлась одной из самых актуальных, стоявших перед органами внутренних дел РСФСР в 1920-е гг. Важнейшим критерием оценки милицейских кадров в эти годы была преданность советской власти, которую сотрудникам следовало доказывать в ходе практической деятельности [1, с. 365—372; 2, с. 58].

Одним из возможных источников пополнения милицейских рядов квалифицированными кадрами могло стать привлечение на службу бывших сотрудников полиции, но чрезвычайная политизация кадровой политики не позволяла широко использовать этот ресурс. В соответствии с циркуляром Главного управления рабоче-крестьянской милиции (РКМ) от 3 февраля 1919 г. предлагалось немедленно уволить со службы всех бывших полицейских. В исключительных случаях они могли быть оставлены, но только с разрешения Главного управления РКМ. Каждый случай приёма на службу в милицию бывших полицейских решался путём соглашения местных исполкомов и комитетов РКП(б).

Таким образом, нормативными актами устанавливалась сложная схема приёма старых специалистов на работу в органы охраны порядка. Это приводило к тому, что в милиции не могли служить грамотные люди, готовые сотрудничать с советской властью. Кроме того, на практике активно проводились мероприятия, направ-

ленные на выявление и увольнение «старых специалистов». Например, на 1 октября 1923 г. общее количество сотрудников милиции Дальнего Востока составляло 888 чел., из которых ранее служили: в РККА — 567, в «белых армиях» — 138, в полиции — 25 чел. В июне 1924 г. численность дальневосточных милиционеров насчитывала 752 чел., из которых ранее служили в РККА — 615, в «белых армиях» — 37, а в полиции — 10 чел. [3, с. 102]. В РСФСР на 1 сентября 1924 г. (данные по 43 губерниям и областям) в уголовном розыске служило всего 79 бывших полицейских, что составляло 1,7 % личного состава [4, с. 119; 5, с. 16].

Таким образом, в милиции ощущалась острая нехватка не только квалифицированных сотрудников, но и просто грамотных работников. Способом её преодоления стало создание школ и курсов комсостава милиции и милицейского резерва, организация внешкольной подготовки сотрудников. Первые краткосрочные милицейские курсы открылись в Москве и Петрограде в 1918 г., а в апреле 1921 г. НКВД РСФСР приняло «Положение о курсах командного состава милиции». В соответствии с ним такие курсы предписывалось открыть во всех губернских и областных городах. Это был первый документ, подробно излагавший структуру и организацию командных курсов милиции в России [6, с. 60—61].

В систему профессионального милицейского обучения входили: школы-резервы для первоначальной подготовки лиц, принятых на должности милиционеров; губернские (областные), школы, организованные с целью обучения младшего командного состава — старших и волостных милиционеров, а также участковых надзирателей; школы среднего комсостава, готовившие руководителей отделений уездных и городских управлений милиции [7, с. 138]. Однако в связи с переходом финансирования органов милиции на средства местных бюджетов, Советы на местах стали рассматривать выделение средств на работу школ милиции как лишние затраты, поэтому шло их сокращение. Если к концу 1921 г. насчитывалось 48 губернских школ милиции и 50 школ-резервов, то в начале 1923 г. — 13 губернских и 15 школ-резервов [8, с. 120].

Организация профессиональной подготовки кадров милиции на Дальнем Востоке началась в первой половине 1920-х гг. и осуществлялась через организацию специального школьного обучения, а также путём инструктирования [3, с. 132—150; 6, с. 59—69]. Однако следует отметить, что Северо-Восток России даже во второй половине 1920-х гг. «не был затронут системой милицейского образования». В рапорте на имя начальника милиции Дальнего

Востока от 8 июля 1925 г. заведующий камчатским губернским административным отделом (ГАО) отмечал, что на Камчатке нет сотрудников, имеющих милицейскую подготовку [9, л. 38]. Начальник ГАО ходатайствовал о выделении десяти мест в Хабаровской школе милиции младшего комсостава «на средства госбюджета» [9, л. 38].

В докладе заместителя заведующего камчатским окружным административным отделом (ОАО) В. В. Петрова «О состоянии дела подготовки кадров и учебы милиции Камчатской губернии за период с 1.10.1925 по 31.03.1926» также отмечалось, что «ни милицейской школы, ни резерва милиции на Камчатке нет» [10, л. 27]. Это было обусловлено длительностью гражданского противостояния и поздним установлением советской власти на Северо-Востоке России. Важными причинами отсутствия системы милицейского образования также являлись крайне ограниченный штат работников и отсутствие средств на содержание резервов милиции [10, л. 27]. Среди сотрудников полностью отсутствовали «старые специалисты», имевшие опыт практической работы, то есть бывшие царские полицейские. Так, в донесении заведующего камчатским ГАО в управление милиции Дальревкома № 40с от 4 ноября 1925 г. отмечалось, что в камчатской милиции нет бывших офицеров и военных чиновников, служивших в белых армиях [10, л. 10]. Штат милиции, сформированный в 1923—1924 гг., состоял из демобилизованных красноармейцев и бывших партизан. Это были люди, преданные советской власти, но «малограмотные, малокультурные и не приспособленные к выполнению возложенных на них милицейских обязанностей» [11, л. 94об.].

В первой половине 1920-х гг. Дальревком предпринимает попытки организовать школы милицейского резерва на Северо-Востоке России. В камчатский ГАО неоднократно поступали распоряжения о необходимости принятия срочных мер по организации милицейского резерва «для повышения квалификации личного состава» [9, л. 1]. Однако в связи с переводом финансирования милиции на местный бюджет, все попытки губернской власти сформировать такой резерв оказывались безрезультатными. Данные отчётов Камчатского губревкома за 1925—1926 гг. свидетельствуют о том, что «всякий раз, когда дело доходило до отпуска кредитов — вопрос с организацией резерва милиции решался отрицательно» [10, л. 27].

Хронический недостаток денежных средств в местном бюджете делал невозможным приглашения на службу квалифициро-

ванных сотрудников из других регионов страны. Весьма показательным является следующий пример. В 1925 г. личный состав анадырской уездной милиции был уволен «за непригодностью к работе и вмешательство в деятельность Охотско-Камчатского Акционерного общества». ГАО 25 мая 1925 г. обратился в Дальневосточное управление РКМ с ходатайством направить из Владивостока на должность начальника анадырской уездной милиции Отто Карловича Эглин-Тучинского. Он был квалифицированным специалистом, выпускником милицейской школы и имел опыт руководящей работы. Однако отсутствие средств на «переезд О. К. Эглин-Тучинского на Камчатку» не позволило пригласить его на службу [9, л. 34]. Такая картина являлась характерной для Чукотского и Гижигинского уездов. Помощник прокурора Дальнего Востока, рассматривая деятельность милиции Северо-Востока России за 1924—1925 гг., пришёл к выводу о бесполезности «запросов работников милиции с материка» и к «необходимости подбирать сотрудников на месте».

В отчётах камчатского ГАО и ОАО постоянно акцентировалось внимание на то, что требования к милиционеру должны быть особенно высоки, так как «в условиях Камчатки милиционер практически всегда выступал единственным представителем власти, на плечах которого остались целые народы безграмотного и отсталого населения». Кроме того, при огромных расстояниях, крайне неудовлетворительном состоянии связи и отсутствии транспортных средств АО было невозможно контролировать свои подведомственные органы в течение очень длительного времени [11, л. 94об.]. Например, результаты деятельности сотрудников милиции Чукотского, Анадырского, Гижигинского и Охотского уездов можно было проверить (и то лишь по результатам их отчётов и докладов) лишь через год. В отчёте о работе ГАО за 1924—1925 гг. указывается, что отдел «видит все слабо работающие органы милиции и даже персонально работу каждого милиционера в отдельности, но замена слабых сотрудников затруднительна и требует больших затрат» [9, л. 11].

Первая проверка деятельности камчатской милиции состоялась весной 1924 г., когда её начальник Н. П. Фролов обследовал работу соболевской, хайрюзовской, тигильской, дранкинской, усть-камчатской волостных и гижигинской уездной милиций. Их деятельность была признана удовлетворительной, но выявились очень серьёзные недостатки. Наиболее распространенные: недостаточное знание сотрудниками нормативного материала, неправильное

ведение делопроизводства, неудовлетворительная отчётность, плохое инструктирование личного состава, неисполнение судебных решений в срок. Всё вышеперечисленное серьезно сказывалось на деятельности милиции. Например, в Соболевской волости с 1 октября 1924 г. по 1 января 1925 г. не было раскрыто ни одного преступления, а начальник волмилиции характеризовался как «слабый характером и слабый в области работы по канцелярии» [12, л. 120]. В Хайрюзовской волости преступления даже не регистрировались, а волостной милиционер И. М. Перин «участия в работе совершенно не принимал, был в канцелярии раз в месяц, занимался ловлей рыбы, столярной работой и другими частными делами» [12, л. 12]. Начальник большерецкой волостной милиции «бездействовал и никаких мер к искоренению браговарения не принимал» [13, л. 73].

Крайне негативное отношение сложилось у населения Большерецкой волости по отношению к милиционеру Ланскому, который «грубо обращался с населением», а, запрещая браговарение, «сам систематически распивал брагу с должностными лицами». В итоге, население объявило Ланскому бойкот, не продавая продуктов. Начальник усть-камчатской волостной милиции Ф. В. Шелудченков не пользовался авторитетом и уважением среди населения, характеризовался «как человек, назначенный на ответственную должность случайно, в силу стечения обстоятельств». В итоге его работы «обострились отношения с населением, которые пришлось налаживать при очень осторожном подходе» [13, л. 73, 101].

Первая комплексная прокурорская проверка деятельности и профессионального уровня сотрудников камчатской милиции, проведенная в 1925 г., показала, что низкий общеобразовательный уровень и отсутствие специальных знаний не позволяли им выполнять профессиональные задачи. Согласно отчётному докладу помощника прокурора Дальнего Востока по Камчатке Н. Н. Еремина удовлетворительной была признана только деятельность городских милиций Петропавловска и Охотска [14, л. 40]. Личный состав гижигинских милиционеров назывался непригодным к профессиональной деятельности, а оценка работы сотрудников по ведению дознаний, раскрытию преступлений и выполнению обязательных постановлений оказалась неудовлетворительной. Начальнику милиции гижигинского уезда Н. П. Крыжанскому было предъявлено обвинение в незаконных арестах, халатности, присвоении церковного имущества [15, л. 168].

Работа милиции Анадырского уезда в 1924—1925 гг. «не выдерживала никакой критики, дела произвольно прекращались, а качество проведения дознаний было крайне низким». На 1 июня 1925 г. в производстве уездной милиции находилось 37 незавершенных дел, хотя «многие были приняты к производству в 1923 г.» [16, л. 33]. Вещественные доказательства пребывали в неудовлетворительном состоянии, правила их хранения не соблюдались, многие «бесследно исчезали» [16, л. 33]. Делопроизводство велось хаотически. Журнал исходящих документов «представлял только цифры номеров, а числа и названия документов полностью отсутствовали» [16, л. 33], было невозможно установить, когда и какой документ был отправлен. В соответствии с приказом заведующего АО № 301 от 18 апреля 1925 г. начальник уездной милиции Густав Адольфович Кариус был отстранен от занимаемой должности по служебному несоответствию [16, л. 30].

Личный состав охотской уездной милиции в 1924—1925 гг. характеризовался как случайный, не имеющий никакой подготовки и не представляющий реальной силы [13, л. 58]. Весьма показательной является оценка деятельности чукотской милиции, где за 1924—1925 гг. «работы никакой не было». Как следствие, весь личный состав уездной милиции был отстранен от должностей «за личную непригодность к милицейской работе». Таким образом, по итогам деятельности уездных и волостных милиций в 1924—1925 гг. складывалась крайне печальная картина. По причине несоответствия должности уволены [ГАКО. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 1. Л. 32—33, 38]:

— *начальник тигильской волмилиции* Т. И. Букаемский. Родился 6 марта 1888 г., из крестьян, беспартийный. Назначен на должность 1 июня 1923 г., уволен 1 марта 1925 г.;

— *начальник хайрюзовской волмилиции* К. И. Загреба. Родился 27 октября 1896 г., из крестьян, беспартийный. Назначен на должность 12 июля 1923 г., уволен 1 июня 1925 г.;

— *начальник усть-камчатской волмилиции* Т. М. Тимофеев-Демченко. Родился 7 марта 1887 г., из крестьян, член ВКП(б). Назначен на должность 29 ноября 1924 г., уволен 1 января 1925 г.;

— *начальник анадырской уездной милиции* Г. А. Кариус. Родился 25 августа 1898 г., из рабочих, беспартийный. Назначен на должность 21 июля 1924 г., уволен 2 мая 1925 г.;

— *начальник соболевской волмилиции* И. М. Перин. Родился 24 ноября 1900 г., из рабочих, член ВКП(б). Назначен на должность 17 июля 1923 г., уволен 1 июня 1925 г.;

— *начальник усть-камчатской волмилиции* А. И. Дьячков. Родился 27 января 1897 г., из рабочих, беспартийный. Назначен на должность 5 мая 1924 г., уволен 29 ноября 1924 г.;

— *старший милиционер чукотской уездной милиции* Ф. П. Алаев. Родился 2 марта 1885 г., из крестьян, беспартийный. Назначен на должность 15 февраля 1924 г., уволен 26 марта 1925 г.;

— *начальник чукотской уездной милиции* В. Д. Кузьмин. Родился 21 ноября 1895 г., из мещан, беспартийный. Назначен на должность 26 июля 1924 г., уволен 1 августа 1925 г.;

— *начальник гижигинской уездной милиции* Н. П. Крыжанский. Родился 19 декабря 1900 г., из рабочих, беспартийный. Назначен на должность 22 мая 1924 г., уволен 20 июня 1925 г.;

— *начальник гижигинской уездной милиции* В. И. Платунов. Родился 11 декабря 1882 г., из рабочих, кандидат в член ВКП(б). Назначен на должность 20 июня 1925 г., уволен 26 сентября 1925 г.

Особой сложностью для камчатских милиционеров являлось производство следственных действий. В соответствии с распоряжением помощника прокурора Дальнего Востока № 46669 от 21 июля 1925 г. при отсутствии народного следователя обязанности по производству дознания полностью возлагались на сотрудников милиции [17, л. 358], а начальникам уездных милиций было передано ведение предварительного следствия [18, л. 24]. Дознания удовлетворительно велись только в Петропавловске и Охотске, где они продолжались в среднем три недели [14, л. 40]. В уездах дознания шли «долгие месяцы» и нередко затягивались до полугода. Распространенным явлением было возбуждение дел без достаточных оснований и формальное ведение дознаний [14, л. 40]. Например, в 1924—1925 гг. милицией Анадырского уезда проведено 41 дознание, которые впоследствии были прекращены прокуратурой, либо судом [19, л. 22].

В 1924—1925 гг. в производстве сотрудников чукотской милиции находилось 10 дознаний. В докладе помощника прокурора Дальнего Востока по Камчатской губернии качество их ведения оценивалось как «неумелое, бестолковое и безграмотное». В Усть-Камчатском районе в 1924 г. из 12 открытых уголовных дел все были прекращены. Несмотря на то, что причины плохого качества дознаний были вполне объективны (низкий образовательный уровень сотрудников, постоянная смена личного состава, отсутствие инструктажей), такие факты негативно сказывались на деятельности милиции, которая «теряла веру в свои силы». Кроме того,

население относилось к дознанию как к простой формальности и не верило в действенность милиции. Так, объявление ст. 177 и 178 УК РСФСР (ответственность за ложные показания) воспринималось населением как пустая формальность [19, л. 22].

Правовое обучение милиционеров и повышение их образовательного уровня на территории Камчатки шло различными способами. Началом ликвидации правовой безграмотности сотрудников милиции стала организация в 1924 г. юридического кружка в Петропавловске (в партийном клубе «Пролетарий») [11, л. 96об—100об.; 10, л. 28]. В кружке для сотрудников гормилиции три раза в неделю проводились общеобязательные занятия по уголовному, гражданскому, административному, финансовому праву и судопроизводству. К ним активно привлекались специалисты из прокуратуры, суда, земельного управления, уездного финотдела и милиции.

Важной формой профессиональной подготовки стала организация губревкомом курсов начальной подготовки в Петропавловске для сотрудников городской и уездной милиции. В соответствии с циркуляром начальника милиции Дальнего Востока от 4 сентября 1925 г. № 78-10/4 «По вопросу о состоянии дел учёбы и подготовки кадров» была разработана программа курсов, рассчитанная на четыре с половиной месяца (всего на 106 часов) [10, л. 28]. Программа состояла из общеобразовательного и правового раздела. В состав общеобразовательного цикла входили: арифметика, основы революционного движения и классовой борьбы, основы политической экономии, география, общее понятие о бухгалтерии. Следует отметить, что из общеобразовательных предметов был исключён русский язык, а отведённые для изучения этой дисциплины учебные часы перенесены на арифметику. Такое изменение делалось для более подробного изучения сотрудниками вновь вводимой метрической системы. В правовой раздел входило изучение основ уголовного права, ознакомление с кодексами, изучение дисциплинарного устава РКМ, письмоводительства и делопроизводства.

Особое внимание уделялось правильности производства дознаний и следственных действий, составлению протоколов и ведению делопроизводства. Занятия проходили трижды в неделю по шесть часов. Учеба начиналась с закрытием навигации, а оканчивалась «с прибытием парохода в новую навигацию». Основной формой проведения занятий с сотрудниками были беседы.

С. С. С. Р.

Личный листок № 319.

578

ОТВѢТСТВЕННОГО РАБОТНИКА.

Город Петропавловск губерния, область ~ уезд, округ Камчатский.

Учреждение Окружн. адм. отдел должность Нач. О.А.О.-нач. Окр. милиции

А

1. Фамилия Фролов Имя Николай Отчество Павлович
2. Год рождения 1890 10/XII Место рождения Калужская губерния
3. Национальность русский 4. Родной язык Русский
5. Какими языками, кроме родного, свободно владеете не владею
6. Какие местности СССР хорошо знаете по работе Москву, Владивосток и Камчатку
7. Где были заграницей, когда, как долго, цель пребывания, чем занимались не был
8. Социальное происхождение (прежнее сословие, звание) крестьянин
9. а) Основная профессия Ткач на мануфактурной фабрике

   б) Как долго, с какого времени ею занимаетесь, когда перестали заниматься 1902 года по январь 1912 г. до призыва на военную службу.
10. Семейное положение и состав семьи. женат двое детей одному 4 года другому ...
11. Образование где учились, окончили ли курс, сколько классов, курсов прошли):

    а) Общее Окончил низшую приходскую школу в деревне.

    б) Специальное нет.
12. Служили ли в армии (какой, когда, род оружия, чин, звание, должность и т. п.; участие в военных действиях, когда демобилизован) с 1913 года по 1918. служил в Николаевской крепостной артиллерии ст. фейерверкером взводным командиром
13. К какой партии принадлежите (с какого времени, какой организации, когда приняты) член В.К.П.(б) с марта 1920 г. г. Петропавловск н/Камч.
14. К каким партиям принадлежали в прошлом (с какого времени, какой организ., когда приняты) не принадлежал
15. Ваше участие в революционной и общественной работе:

    а) до 1917 года Находясь в ... армии вел агитацию против власти

    б) после 1917 года работал по милицейской и общественной работе

Личный листок ответственного работника № 316, заполненный (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 58.

16. Привлекались ли к суду (когда, за что, кем, приговор) В 1915 году привлекался к полковому суду за оскорбление офицера на [illegible]

17. Физические недостатки не имею

18. а) Когда впервые стали членом профсоюза (какого) с 1920 г. Совработников совработников с 1920 г.

б) Членом какого союза и с каких пор состоите на Камчатке в союзе

19. а) Были ли русским подданным до 1917 г. да

б) Состоите ли теперь в гражданстве СССР. да

Б.

20. С какого времени работаете в области Н. К. В. Д. с 1/VIII-1918 года (ведомственной)

21. Ваша работа в области Н. К. В. Д. (ведомственной) (не менее 6 мес. каждая)

Дата	Где	Сов., проф., парт., кооп., воен. и частные учрежден., предприятия	Должность	По выбору, найму, назначению
с 1/VIII-18 г. по X-19 г.	Камчатка	Совработник	Нач. милиции	назначение
с 2/I-20 г. по 12/VI-21 г.	— —	— " —	Нач. угрозыска	По выбору
с 12/VI 21 г. по 28/I 21 г.	— " —	— " —	Инспектор милиции	— " —
с 28/I 21 г. по 1/I-23	— " —	— " —	Нач. — " —	— " —
с 1/I-23 г. по 1/I-25 г.	— " —	— " —	— " — уезд — " —	— " —
с 1/I-25 г. по настоящее время.		— " —	Зав. Г. А. О. Нач. окрмилиции	— " —

22. а) Имеются ли труды по вопросам (ведомственные) рукописные или напечатанные работы, название, где, когда помещены) нет. Имею не специальную

б) Писали ли по вопросам (ведомственным) в периодической печати, где, когда нет

23. Участвовали ли в с'ездах, конференциях, по вопросам (ведомственным) (когда, где, кем были делегированы) нет

24. В какой отрасли (ведомственной) считали бы свое использование наиболее целесообразным По административно милицейской линии

начальником ГАО — начальником окрмилиции Н. П. Фроловым
Д. 43. Л. 579—580)

Преподаватели, ведшие общеобразовательные дисциплины, назначались губернским отделом народного образования. Занятия по правовым и милицейским предметам проводили народный судья, народный следователь, юрисконсультанты губревкома, члены коллегии защитников, заведующий подотделом милиции, начальник губернского АО [10, л. л. 28—28об.].

В 1925/26 учебном году занятия регулярно посещали десять сотрудников Петропавловской милиции. Однако им не всегда удавалось в полном объёме изучить курс, намеченный программой. Например, на 1 апреля 1926 г. из 68 часов учебных часов был проведен только 51 [10, л. 28—28об.]. Основными причинами невыполнения учебного плана являлись: командировки лиц из лекторского состава, раннее открытие навигации и другие. Учебный процесс не освобождал сотрудников милиции от выполнения ими своих непосредственных обязанностей. Во время обучения они продолжали охранять общественный порядок, бороться с уголовной преступностью и дежурить на постах.

В связи с постановлением комиссии при губбюро ВКП(б) «О внедрении революционной законности», при ГАО создается совещание по проведению учёбы и подготовке кадров милиции. На совещании, созывавшемся раз в месяц, рассматривались и утверждались планы и программы занятий, обсуждались методы преподавания на местах, определялся и утверждался лекторский состав. В работе совещания принимали активное участие представители наркомата юстиции, работники суда и прокуратуры. Курсы для сотрудников Петропавловской губгормилиции с перерывами работали во второй половине 1920-х гг. В 1926—1927 гг. систематически проводились занятия с сотрудниками большерецкой раймилиции. Занятия шли по понедельникам, средам и пятницам с 14.00 до 15.30. Обучение милиционеров проводилось только во время службы, так как в свободное время они работали в партийных и общественных организациях. Например, начальник милиции В. И. Куренков являлся председателем партийной ячейки, делопроизводитель А. З. Лелюхин — секретарём избы-читальни, профсоюзной ячейки и районного бюро Осовиахима, милиционер Я. Г. Яковенко — членом редколлегии.

В 1930 г. в Петропавловске с целью обучения сотрудников навыкам оказания первой медицинской помощи открылся медицинской кружок, который успешно закончили 14 работников городской и ведомственной милиции [18, л. 148]. В районы Камчатского округа ОАО направлял план занятий и примерную учеб-

ную программу, рассчитанную на шесть месяцев [10, л. 29]. В волостях штаты милиции были слишком незначительны (один сотрудник на волость), поэтому работа по повышению их общеобразовательного и профессионального уровня строилась с учётом данной специфики. Основной упор делался на устные и письменные инструктажи, проводившиеся сотрудниками окружного и районных АО, работниками суда и прокуратуры во время служебных поездок [14, л. 40; 20, л. 11].

Инструктажи проводились по самым разнообразным вопросам деятельности (производству дознаний и составления протоколов, порядку наложения административных взысканий за нарушение обязательных постановлений, введению единого сельхозналога, роли милиции в налоговой компании, проведению «в жизнь» декрета «Об отделении церкви от государства»). Оригинальной формой проведения инструктажей стали вызовы начальников раймилиций в Петропавловск для отчётных докладов и инструктирования.

Для волостных милиционеров был выработан «вопросник», по всем отраслям милицейской службы, политического развития и повышения общеобразовательного уровня [10, л. 29]. Основной формой проверки знаний работников волмилиций являлся «анкетный контроль» [20, л. 11]. Таким образом, в условиях Северо-Востока России основной упор был сделан на систему «внешкольной подготовки на местах», а также на инструктажи и заочные опросы. Кроме того, малограмотным сотрудникам настоятельно рекомендовалось посещать ликвидационный пункт неграмотности. С целью совершенствования и упорядочения организации отчётности по результатам проделанной работы управление камчатской губгормилции 15 мая 1924 г. утвердило единую форму квартальных, полугодовых и годовых отчётов уездных и волостных милиций, направляемых губревкому (приложение 1).

Следует также отметить разработанную ГАО инструкцию «По составлению протоколов о нарушении обязательных постановлений» [21, л. 155]. Интересной формой «внешкольных занятий» стало изучение губернской газеты «Полярная звезда». В её специальном «Пролетарском разделе» регулярно публиковались изменения в законодательстве, освещались уголовные дела, а также помещались квалифицированные ответы специалистов на запросы с мест [20, л. 11; 22, л. 110]. В газете также публиковались и доклады сотрудников районных милиций, с которыми они выступали на общих собраниях и сельских сходах [23, л. 110]. Доклады явились очень интересной и эффективной формой информирования

населения о деятельности милиции. Кроме того, камчатским милиционерам вменялось в обязанность «при выезде в районы в каждом сельсовете на общем собрании проводить отчётный доклад о работе милиции» [18, л. 18; 24, л. 186].

На сельских собраниях населению в доступной форме сообщалось о результатах работы за определенный период. Кроме отчётов, в докладах озвучивались самые разнообразные темы: о задачах милиции, состоянии преступности, о сельских исполнителях, необходимости соблюдения обязательных постановлений и административной ответственности за их неисполнение и другие. Примерный перечень вопросов о деятельности органов милиции, с которыми сотрудники должны были систематически «ознакамливать рабочий класс и трудовое крестьянство», содержался в циркуляре НКВД РСФСР № 504 от 21 сентября 1925 г. «О проведении органами милиции докладов и отчётов о проделанной работе перед рабочими организациями и сельским сходами» (приложение 2).

С 1926 г. сотрудники большерецкой милиции регулярно отчитывались в пос. Большерецке и ближайших селениях. В 1926—1928 гг. начальник раймилиции выступал перед населением сел Зуйково, Опалы, Голицино, Кошегочка, Явино, Запорожья. Старшие милиционеры информировали о деятельности милиции население с. Соболево, Ичи, Привольного и других [25, л. 12об.]. Во втором полугодии 1929 г. милиция обследовала и проинструктировала три сельских стола ЗАГС в с. Запорожском, Опале и Зуйково [18, л. 18], в каждом были прочитаны отчётные доклады. В 1930 г. проведены отчёты в пос. Большерецке, а также с. Немтике и Кихчике [18, л. 88]. С марта 1927 г. по май 1928 г. усть-камчатские милиционеры прочитали четыре доклада о деятельности милиции (один на заседании райисполкома и три на заседаниях сельсоветов) [26, л. 261].

В 1925 г. Дальневосточным управлением РКМ были выделены средства на откомандирование в Хабаровскую школу среднего начсостава пятерых камчатцев. Они учились с 5 февраля 1925 по 4 апреля 1926 г. [10, л. 27]. После успешного окончания учёбы четверо сотрудников (А. М. Козлов, И. К. Молчанов, Т. В. Эпов и В. Г. Фёдоров) продолжили службу в камчатской милиции на руководящих должностях [27, л. 13, 17, 21, 44].

Фёдор Глебович Фёдоров возглавил чукотскую, Александр Семёнович Козлов — усть-камчатскую, Иван Кириллович Молчанов — пенжинскую раймилицию. Тихон Васильевич Эпов, являясь старшим милиционером, неоднократно исполнял обязанности началь-

ника Петропавловской гормилиции. Но факт обучения в Хабаровской школе милиции был редким исключением.

Итогом всех принятых мер стало значительное улучшение качества личного состава и повышение эффективности работы сотрудников милиции Северо-Востока России. Несмотря на то, что случаи «невдумчивого отношения к производству дознаний и возвращения их на доследование» продолжали иметь место, по сравнению с 1924—1925 гг. качество проведения дознаний значительно улучшилось [28, л. 84]. Так, милиционеры Анадырского уезда в 1925—1926 гг. завершили 21 дознание (по семи наложены административные взыскания, по трём предъявлены обвинения, семь прекращены милицией и четыре направлены в суд для прекращения) [19, л. 22.]. В докладе заместителя начальника ОАО В. В. Петрова по итогам деятельности в 1925—1926 гг. отмечалось, что качественный состав сотрудников заметно улучшился. В 1926 г. ОАО особо отметил качественную работу большерецкой раймилиции [25, л. 11об.]. Недостатки в её деятельности объяснялись нехваткой средств на командировки и невозможностью поездок в южные селения [25, л. 39].

На заседании ОАО, состоявшемся 30 марта 1927 г., качество ведения дознаний оценивалось удовлетворительно, а личный состав характеризовался как «соответствующий своему назначению». Таким образом, во второй половине 1920-е гг. в деле подготовки камчатских милицейских кадров произошли существенные сдвиги, результатом которых стало повышение их профессионального и общеобразовательного уровня. Однако подготовка милиционеров серьёзно затруднялась тем, что они являлись выходцами из крестьян и имели низкий общеобразовательный уровень. Привлечь на службу квалифицированных специалистов с «материка» было невозможно. Серьёзно снижали качество подготовки недостаточный уровень материального обеспечения, высокая текучесть личного состава. Кроме того, основной упор в подготовке был сделан на внешкольное обучение, так как хронический недостаток денежных средств не позволял организовывать школы-резервы.

Для эффективной работы милиции, наряду с повышением качества профессиональной подготовки, требовалось и достаточное материальное обеспечение сотрудников. В период гражданской войны РКМ содержалась за счёт бюджета РСФСР. На основании декрета СНК РСФСР от 3 апреля 1919 г. «О советской Рабоче-

Крестьянской милиции» содержание всех её видов осуществлялось за счёт средств общегосударственного бюджета [29, ст. 133]. Сотрудники милиции обеспечивались денежным довольствием, зимним и летним обмундированием и продовольственным пайком на общих основаниях с военнослужащими РККА, несущими гарнизонную службу. В конце 1922 — начале 1923 г. был осуществлён перевод снабжения милиции и уголовного розыска с государственного бюджета на средства местных бюджетов. В результате материальное обеспечение органов внутренних дел значительно ухудшилось. Такой перевод явился результатом проводимой в стране политики, направленной на упрощение и удешевление аппарата управления.

СНК РСФСР 6 сентября 1922 г. утвердил декрет «О составлении общего государственного бюджета на 1922/23 год» [30, ст. 725]. Отныне финансирование органов внутренних дел стало осуществляться по «остаточному принципу» и на протяжении 1920-х гг. оставалось одним из самых низких в стране [5, с. 16]. Перевод финансирования органов милиции Камчатки на средства местного бюджета произошёл 1 апреля 1923 г. и сопровождался резким снижением материального обеспечения сотрудников. Согласно «Положению о НКВД» (1922 г.), денежное содержание определялось на основе тарифной сетки. В Камчатской губернии единые тарифные категории работников советских учреждений были установлены в июне 1923 г. Для сотрудников милиции они составляли: начальник губмилиции — 14-я, помощник — 13-я, начальник уездной милиции — 12-я; начальник волостной милиции — 11-я, старший милиционер — 9-я, младший милиционер — 8-я категории. Для сравнения: тарифные категории сотрудников советских учреждений составляли: председатель уездного ревкома — 17-я, уполномоченный по Чукотскому уезду — 16-я, секретарь уездного ревкома — 15-я, делопроизводитель — 12-я, бухгалтер и уездный инструктор — 14-я, учитель и фельдшер — 11-я, машинистка — 9-я.

Размер денежного содержания включал должностной оклад, процентную надбавку за «загруженность работой», надбавку на жилищное строительство, начисления на социальное страхование, начисления месткома и надбавку за стаж работы. В итоге зарплата камчатских милиционеров в 1924 г. составляла (руб.): начальник губмилиции — 192,92 (оклад 148,92, надбавка 44,67), помощник начальника губгормилиции — 133,62, начальник уездной милиции — 131,65 (оклад 119,68, надбавка 11,97), начальник

волмилиции — 123,62 (оклад 107, 98, надбавка 16,06), старший милиционер и делопроизводитель — 85, младший милиционер — 75,82 [31, л. 18]. О низких ставках денежного содержания сотрудников милиции свидетельствуют данные о заработной плате других категорий работников. Например, жалование служащих райисполкомов составляло (руб.): председатель — 250,61, его заместитель — 217,93, секретарь — 217, секретарь волревкома — 158,70, машинистка — 85 [32, л. 11—13].

Цены на продукты в январе 1924 г., установленные губернским продовольственным комитетом, могли удовлетворить только самые минимальные потребности работников милиции. Таким образом, после перевода финансирования милиции на местный бюджет возник разрыв в ставках заработной платы сотрудников органов внутренних дел (прежде всего милиции) и других государственных служащих. В документах того времени отмечалось, что зарплата милиционеров «сильно отстаёт от зарплаты сотрудников других ведомств», «волостные милиционеры вынуждены залезать в долги, ставят себя в зависимость от населения и торговцев», «заработная плата у милиционеров мизерная, выплачивается нерегулярно, обмундирования не хватает» [11, л. 97об.; 26, л. 148].

В 1923—1924 гг. на содержание губмилиции было выделено 55 917 руб. 23 коп. (приложение 3), а общее количество расходов (в 1923—1930 гг.) на содержание милицейского аппарата представлено в табл. 1 (в руб.).

Таблица 1

Годы	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
Расходы	55 917	121 201	117 254	101 600	69 198	67 500	61 700

Таблица составлена автором на основании источников [ГАКК. Ф. Р-81, Оп. 1. Д. 7. Л. 302об.—303об., 337—339, 340, 353, 377, 469; Там же. Д. 8. Л. 431, 507, 553, 557—561; РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 33. Л. 38, 63].

Расходы на содержание милиции по отношению ко всем расходам губернии составляли (в %): в 1923/24 г. — 14,4, в 1924/25 г. — 6,2, в 1925/26 г. — 4,4, в 1926/27 г. — 9,88, в 1927/28 г. — 12, в 1928/29 г. — 9, в 1929/30 г. — 8 [33, л. 23; 34, л. 123—124; 35, л. 135—137, 146; 36, л. 402, 431, 453, 469, 553, 557, 584; 23, л. 53]. Во второй половине 1920-х гг. затраты райисполкомов Камчатского округа на административно-милицейскую деятельность значительно уступали расходам на содержание местных Советов и исполкомов, а также на образование и здравоохранение. Например, в 1929—1930 гг. расходы исполкомов Анадырского, Карагинского Восточно-Туземного, Усть-Камчатского, Большерецкого, Тигильского,

Пенжинского и Чукотского туземного районов составили (руб.): всего — 924 321, из них на административно милицейскую работу — 43 600 [34, л. 302об.—303об., 337—339, 340, 353, 377, 469; 36, л. 402, 431, 453, 469, 507, 553, 557, 587; 37, л. 38, 63—64об.; 23, л. 53—54].

В табл. 2 показаны расходы местных бюджетов Большерецкого, Тигильского, Усть-Камчатского, Карагинского, Пенжинского и Чукотского районов на содержание административно-милицейского аппарата, местных Советов и исполкома, народного образования и здравоохранения в 1929—1930 гг. (в руб.).

Таблица 2

Районы	Статьи расходов			
	АО	Совет и исполком	образование	здравоохранение
Большерецкий	6 000	35 614	53 000	5 500
Тигильский	4 200	34 266	112 400	27 300
Усть-Камчатский	10 600	32 800	77 400	50 675
Карагинский	4 800	32 252	18 982	50 675
Пенжинский	5 600	35 525	26 984	29 987
Чукотский	4 800	33 638	41 600	7 700

Таблица составлена автором на основании источников [ГАКК. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 7. Л. 302об.—303об., 337—339, 340, 353, 377, 469; ГАКК. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 8. Л. 431, 507, 553, 557—561; РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 33. Л. 38, 63].

Особенностью 1920-х гг. являлось то, что низкая оплата труда сотрудников милиции наблюдалась на всей территории РСФСР. Советское правительство принимает ряд узаконений по материальному стимулированию работы милиции [5, с. 17]. Так, 2 марта 1925 г. состоялось заседание коллегии НКВД РСФСР, посвящённое вопросам материального обеспечения органов милиции. Был заслушан отчётный доклад Дальревкома, из которого следовало, что в Дальневосточном крае материальное положение милиционеров «продолжает оставаться неудовлетворительным и является причиной перехода в другие, более оплачиваемые места».

Во второй половине 1920-х гг. СНК РСФСР издаёт ряд постановлений, касающихся повышения заработной платы сотрудников милиции. В принятом в 1925 г. «Положении о службе в РКМ» была предусмотрена выплата работникам милиции и уголовного розыска краевыми, областными и губернскими исполкомами дополнительного вознаграждения к основному окладу за проработанные дни отдыха и ночное время по соглашению с профсоюзом [37, ст. 539]. Осенью 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли два

специальных постановления (от 3 октября и 11 ноября), повысившие зарплату сотрудников милиции и уголовного розыска, а также установившие её минимальный предел для сельских милиционеров [38, ст. 656; 39, ст. 761].

Особое значение для улучшения материального положения милиционеров имело постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 11 ноября 1927 г. «О мерах по улучшению быта и службы работников РКМ» [39, ст. 761]. Этот нормативный акт впервые устанавливал периодические надбавки за выслугу лет к основному окладу и вводил государственное страхование строевого состава милиции и активного состава уголовного розыска на случай смерти или инвалидности при исполнении или вследствие исполнения ими служебных обязанностей.

В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 7 мая 1928 г. «Об установлении периодических прибавок к заработной плате за выслугу лет работников строевого (общегосударственной и ведомственной милиции) и активного состава уголовного розыска» были установлены дополнительные надбавки к зарплате [40, ст. 386]. Они исчислялись следующим образом: за три года непрерывной службы выплачивались 10, за шесть лет — 20, за девять лет — 30 % должностного оклада. Однако выделение средств на повышение денежного содержания НКВД РСФСР полностью возложил на местные исполкомы. Поэтому, учитывая хронический недостаток средств в местных бюджетах, фактического увеличения денежного содержания работников милиции не произошло.

На Северо-Востоке России реальная возможность улучшения материального положения милиционеров возникла в 1926—1927 гг., когда в результате проведённого изменения административно-территориального устройства Камчатской губернии, произошло сокращение штатов АО на 50 %, что дало возможность увеличить зарплату оставшимся сотрудникам. На основании постановления облревкома и АО № 3998 от 22 сентября 1926 г. начальникам милиции Чукотского, Анадырского, Пенжинского и Карагинского районов устанавливалась процентная надбавка «за особо суровые условия» в размере 20 % от должностного оклада (зарплата 206 руб. 25 коп.). Аналогичная тарифная категория и надбавка 20 % устанавливалась и начальнику милиции г. Петропавловска-Камчатского «ввиду его перегруженности работой, связанной с выполнением обязанностей начальника исправительного трудового дома, судебного исполнителя и начальника уголовного розыска». Процентная надбавка «за загруженность работой» в размере

10 % вводилась для начальников большерецкой, усть-камчатской, тигильской и карагинской районных милиций (зарплата 165 руб. 20 коп.). Также выросла зарплата милиционеров отдалённых районов округа (Анадырском, Чукотском, Пенжинском и Карагинском), месячный размер которой для старших милиционеров составил 112, а для младших — 95 руб. [23, л. 151—152].

Однако фактического увеличения денежного содержания вновь не произошло, так как с 1926 г. на Северо-Востоке России вводился районный коэффициент и одновременно снижались должностные оклады начальников раймилиций, а также тарифные разряды старших и младших (8-й и 7-й разряды) милиционеров [24, л. 147]. Таким образом, возникла парадоксальная ситуация: на фоне увеличения зарплаты в Камчатском округе произошло её сокращение у работников милиции. В итоге денежное содержание начальников милиций Петропавловского, Анадырского, Чукотского, Пенжинского и Карагинского районов снизилось с 206 руб. 25 коп. до 187 руб., а начальников тигильской, усть-камчатской и большерецкой районных милиций со 165 руб. до 163 руб. [24, л. 148]. В рассматриваемый период местные власти пытались улучшить материальное положение работников милиции. Ими определялся порядок награждения и премирования сотрудников, вводились надбавки за сверхурочную работу, компенсации за работу в праздничные, выходные дни и ночное время. Сотрудники освобождались от уплаты ряда налогов. Устанавливался порядок предоставления дополнительных отпусков.

Принятие указанных решений на уровне губисполкома было вызвано несколькими причинами: чрезвычайно тяжёлыми условиями службы камчатских милиционеров, огромным объёмом работы, необходимостью устранить высокую текучесть кадров и полностью укомплектовать штаты. Так, на основании постановления Камчатского губревкома от 16 мая 1924 г. № 22 была введена система премирования за «особое усердие, находчивость, самоотверженность и преданность рабоче-крестьянской власти» [41, л. 135]. Для этого был создан особый фонд, на счёт которого перечислялись 15 % от штрафных сумм, взыскиваемых в судебно-административном порядке за нарушение обязательных постановлений губревкома, незаконное хранение и сбыт спиртных напитков и спиртосодержащих веществ. Премирование работников осуществлялось дважды в год (к 1 мая и 1 ноября), а с 15 марта 1925 г. премии выплачивались поквартально (к 1 января, 1 апреля, 1 августа и 1 октября). Список кандидатов на премию утверж-

дался заведующим губотуправлением, а размер премий сотруднику не должен был превышать 2 000 руб. в год. Приказом начальника губмилиции № 250 от 30 сентября 1925 г. были награждены премиями (от 3 до 15 руб.) семеро сотрудников Петропавловской гормилиции «за проявленную ими деятельность по обнаружению незаконного приготовления, хранения и сбыта спиртосодержащих веществ, а также их деятельность по составлению протоколов за нарушение обязательных постановлений». Но премиальные выплаты не сыграли существенной роли в улучшении материального положения милиции, так как носили разовый характер и были незначительными.

На совещании камчатского окревкома 7 марта 1929 г. было констатировано, что денежное содержание милиционеров отстаёт от зарплаты работников других ведомств и «вместо закрепления и поднятия квалификации милицейского аппарата имеет место массовая текучесть». Итогом совещания стало решение увеличить зарплату старшему милиционеру до 135, старшему надзирателю исправительно-трудового дома — до 125, а надзирателям и ведомственным милиционерам — до 100 руб. [41, л. 135].

Ниже показана динамика изменения зарплаты сотрудников милиции Северо-Востока России в 1926—1930 гг. с учётом оклада, коэффициента и надбавок [ГАКК. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 2, 3, 5. Л. 17—17об., 108, 123, 216; Там же. Д. 7. Л. 165об., 290, 300, 302—303об.; Там же. Д. 8. Л. 8—9об., 80—81, 453, 469, 507, 513, 533, 557, 561, 587]:

Петропавловский, Усть-Камчатский и Большерецкий районы (коэффициент 1,7):

— *заведующий АО* (он же начальник городской или районной милиции) в 1925—1927 гг. — 163,2, в 1928—1929 гг. — 175, в 1929—1930 гг. — 200;

— *делопроизводитель* (заведующий ЗАГС): в 1925—1927 гг. — 108,8, далее должность сокращена;

— *секретарь*: в 1925—1926 гг. — 136, далее должность сокращена;

— *старший милиционер*: в 1925—1927 гг. — 95, в 1928—1929 гг. — 100, в 1929—1930 гг. — 135;

— *младший милиционер*: в 1925—1927 гг. — 85, далее должность сокращена.

Пенжинский, Чукотский и Анадырский районы (коэффициент 1,8):

— *заведующий АО* (он же начальник районной милиции) в 1925—1927 гг. — 187, в 1928—1929 гг. — 200, в 1929—1930 гг. — 230;

— *делопроизводитель* (заведующий ЗАГС): в 1925—1927 гг. — 129,2, далее должность сокращена;

— *старший милиционер*: в 1925—1927 гг. — 112,2, в 1928—1929 гг. — 115, в 1929—1930 гг. — 135.

Из приведённого выше видно, что в рассматриваемый период происходит некоторое увеличение зарплаты милиционеров. Об этом также свидетельствуют и данные отчёта бюджетного подотдела Камчатского округа за 1929—1930 гг., в котором особо отмечается, что заработная плата строевому составу и педагогическому персоналу была значительно повышена [36, л. 8об.— 9об.]. Однако достигнутый уровень денежного содержания не гарантировал сотрудникам милиции социальную защищённость. Оно не поспевало за ростом цен на потребительские товары, а покупательские возможности милиционеров по-прежнему оставались невысокими. Кроме того, по сравнению с другими категориями служащих их зарплата вновь была значительно ниже [41, л. 135].

Кроме неравенства в ставках оплаты труда, распространённым явлением на Северо-Востоке России стали регулярные задержки зарплаты на три-четыре месяца, особенно в отдаленных районах Камчатки. Таким образом, перевод финансирования милиции на средства местных бюджетов отрицательно сказался на её деятельности. Принимавшиеся меры по улучшению материального положения работников милиции, их условий труда и быта носили разовый характер и не могли кардинально решить накопившиеся сложности. Ограниченное финансирование со всей отчётливостью свидетельствует, что в системе государственного аппарата милиция занимала второстепенное место.

Во второй половине 1920-х. гг. также постоянно уменьшались ассигнования на транспортные и канцелярские расходы, которые в 1930 г. составили 30 % от действительной потребности. В 1924 г. были установлены следующие нормы расходов на одного сотрудника камчатской милиции: канцелярские и типографские расходы — 12 руб. 50 коп. в год; почто-телеграфные расходы — 2,5 слова в день (7 коп. за слово); водоснабжение — 0,3 ведра в день (5 коп. за ведро); очистка помойных ям — 10 руб. в год; освещение — 30 фунтов керосина в год. Расходы на отопление служебных помещений, учитывая продолжительность отопительного периода, достигавшую восьми месяцев, составляли 18 руб. «за сажень дров» [32, л. 198, 215, 223—226, 233—234, 236, 254—255, 330—332]. Для освещения квартир сотрудников строевого состава выделялось полтора фунта керосина в год. Затраты на командировки сотрудников по районам, транспортные и другие расходы не были фиксированы и полностью зависели от наличия средств в местном

бюджете. Камчатские милиционеры также должны были обеспечиваться бесплатной медицинской помощью в фельдшерских пунктах и казённой квартирой с отоплением и освещением [11, л. 97об.].

В 1924 г. на территории Камчатской губернии отменена «каюрная» повинность, однако собственные транспортные средства у милиции отсутствовали (за исключением Большерецкого района, где в 1927 г. приобрели собачью нарту), а средства на командировочные расходы постоянно сокращались. В результате недостаток средств на разъезды «вносил в работу милиции большие перебои». Сотрудники были не в состоянии добраться до места совершения преступления «по горячим следам», а сообщениях о преступлениях «лежали в управлении до более удобного случая». В результате расследование не было полным, что приводило к прекращению дела «за недостаточностью собранных улик», а преступники оставались безнаказанными.

Особенно злободневным это было для отдалённых районов. Например, в 1926 г. на разъездные, командировочные и суточные расходы сотрудникам большерецкой раймилиции было выделено всего 600 руб. Но только для одной командировки, например, в район села Ичи требовалось потратить минимум 425 руб. Для обслуживания остальных частей района оставалось лишь 175 руб. Начальник большерецкой милиции, характеризуя сложившуюся ситуацию, отмечал, что необходимо срочно увеличить выделение средств на канцелярские, телеграфные и хозяйственные расходы, приобрести печатную машинку, а также «одного коня для сотрудников управления для старшего милиционера в селе Соболево, а также ездовых собак». В Чукотском и Анадырском районах для качественной работы каждый сотрудник должен был иметь 8—10 ездовых собак, содержать которых при зарплате 112 руб. в месяц он не имел возможности [19, л. 232].

В отчёте начальника карагинского АО отмечалось, что выделенные на командировочные расходы средства «дали возможность начальнику милиции выехать в район только один раз в году, и только до селения Апука» [18, л. 161]. Остальная территория (около 300 кв. км) оставалась для милиции совершенно недоступной.

Крайне неприглядная картина условий труда волостных милиционеров представлена в докладе начальника Хайрюзовской волостной милиции о работе за июль-сентябрь 1925 г. Он сообщал о полном отсутствии руководящих материалов, книг, форм и бланков по учёту огнестрельного оружия и охотничьих боеприпасов. Начальник волмилиции пишет об отсутствии канцелярских принадлежностей,

которые «приобрести в Хайрюзово невозможно», а также отмечает, что весь инвентарь милиции на 1 августа 1925 г. состоял из одного стола и одного табурета [12, л. 136].

В докладе о состоянии камчатской милиции за 1923—1924 гг. отмечалось: «Помещение управления губернско-городской милиции помещается в одной комнате, в которой невозможно выполнять серьёзную работу, за исключением текущей переписки, так как постоянные хождения граждан за получением видов на жительство, справок, прописки и выписки и пр. мешают этому. Совершенно невозможно в одной комнате с общей канцелярией иметь какую-либо беседу конфиденциального характера. Для производства дознаний отдельной комнаты нет. Есть только проходная (она же дежурная) в каковой производить дознания также невозможно».

Особенно тяжёлое положение у сотрудников милиции сложилось с жильём. В середине 1920-х гг. лишь 30 % милиционеров были обеспечены квартирами, отоплением и освещением. Остальные были вынуждены ютиться по различным «халупам». В отчёте о работе Петропавловской райгормилиции за 1925—1926 гг. указывалось, что в отношении квартирного довольствия «дело обстоит плохо, так как с 1.10.1926 этот вид довольствия снят» [28, л. 6].

В 1924—1925 гг. в Охотске предоставление сотрудникам общежития оказалось «невыполнимой задачей». Охотские милиционеры проживали по частным квартирам, «отчего наблюдалась их недисциплинированность» [13, л. 58]. Ещё более сложная обстановка складывалась в волостях. Так, в докладе о работе хайрюзовской волмилиции за июль-сентябрь 1925 г. отмечалось: «Ввиду отсутствия частных квартир волостные милиционеры вынуждены проживать в общественных амбарах и кладовых». В рапорте начальника большерецкой раймилиции В. И. Куренкова от 9 ноября 1926 г. в ОАО сообщается об отсутствии в районе жилья для милиционеров. Также В. И. Куренков сообщал, что выселен из жилого дома, а его квартиру занял председатель ревкома. В обращении Куренков отмечал, что работать в таких условиях совершенно невозможно [42, с. 55].

Не меньшей сложностью являлось и обеспечение обмундированием. Впервые милицейская форма была утверждена коллегией НКВД РСФСР в ноябре 1918 г. В первой половине 1920-х гг. приказами Центрального АО НКВД РСФСР и Главного управления милиции вводилась форма для конной и пешей милиции, определялись нормы отпуска предметов вещевого довольствия и сроки носки обмундирования. По окончании установленного

срока обмундирование должно было сдаваться на склады главного, областного или городского управления милиции. После перевода финансирования милиции на средства местных бюджетов обмундирование стало выдаваться через исполкомы местных Советов, нормы вещевого довольствия постоянно сокращались, а сроки его использования увеличивались.

В 1923 г. на обеспечение сотрудников милиции Камчатской губернии было выделено 3 250 руб., из которых 2 444 руб. 62 коп. «по ряду причин были израсходованы губернским отделом управления не по прямому назначению». И только на оставшиеся средства (805 руб. 38 коп.) было приобретено «незначительное количество кухлянок, торбазов и дождевиков».

С целью улучшения снабжения сотрудников милиции обмундированием, в 1923—1924 гг. губревком предпринял попытку организовать пошив форменной одежды в Петропавловске. Для этого выделялись 1 000 руб. В январе 1924 г. в губернском дивизионе войск ОГПУ для гормилиции сшили 14 френчей, 14 брюк и 30 пар сапог [11, л. 97]. Однако изготовленная форма оказалась крайне низкого качества и была «малопригодна к носке». Причинами неудовлетворительного качества стало отсутствие добротных материалов и квалифицированных портных. Кроме того, стоимость одного комплекта обмундирования (френч и брюки), изготовленного в местных условиях, превысила 50 руб. (цена аналогичного комплекта, доставленного на Камчатку с материка, составляла 25—35 руб.). Эти факты нашли отражение в отчёте губмилиции за первое полугодие 1924 г., в котором сообщалось, что пошив форменного обмундирования в условиях полуострова невозможен [11, л. 97—97об.].

По состоянию на 1 октября 1924 г. губмилиция была обеспечена обмундированием в следующем количестве от потребности (в %): сапоги — 54, френчи суконные — 25, брюки суконные — 25, дождевики прорезиненные — 23, торбаза — 37, кухлянки — 32. В 1924—1925 гг. на покупку обмундирования губисполком выделил дополнительно 1 390 руб. 50 коп. На них приобрели 10 шинелей, 16 зимних и 15 летних гимнастерок, 40 шаровар, 10 фуражек, 8 плащей, 30 зимних шапок, 16 рукавиц для северных районов, 25 шерстяных перчаток, 30 пар сапог, 70 пар подметок, 16 камусных торбазов, 32 пары чижей, семь кукулей и два килограмма «пуговиц форменных» [32, л. 125].

Небрежное использование казённого обмундирования считалось серьёзным нарушением, за которое провинившиеся привлекались

к дисциплинарной ответственности. В соответствии с приказом начальника милиции Камчатской губернии № 39 от 14 мая 1924 г. начальникам уездных милиций вменялось в обязанность строго наблюдать за выполнением подчинёнными правил ношения форменной одежды. Этим приказом объявлен строгий выговор за небрежное отношение к казённому обмундированию младшему милиционеру петропавловской гормилиции В. З. Ластовскому, который «заносил и загрязнил френч и брюки».

В уездных милициях положение с вещевым обеспечением было особо тяжёлым. Например, в зимний период 1923/24 г. сотрудники охотской милиции были снабжены лишь кухлянками и торбазами. Начальник чукотской милиции Алексей Тимофеевич Коробко в рапорте от 21 июля 1923 г. сообщал о полном отсутствии зимнего обмундирования, указывая на необходимость получения четырёх кухлянок и стольких же тёплых шапок, пар тёплых перчаток, пар чижей, а также трёх револьверов и 50 патронов.

При неудовлетворительном состоянии связи закономерным явлением были регулярные задержки в обеспечении вещевым довольствием районных АО. Об этом свидетельствуют отчёты начальников раймилиций. Так, начальник АО Чукотского района сообщил, что в первом полугодии 1930 г. всё имеющиеся обмундирование и снаряжение пришло в состояние совершенной непригодности к употреблению и его необходимо заменить. Он также указывал, что средства на приобретение обмундирования были отправлены в окружной АО ещё в 1928 г., но до настоящего времени обмундирования не получено. Особую потребность районные АО испытывали в официальной руководящей литературе, которую в северных условиях при отсутствии связи «самостоятельно приобретать было невозможно» (приложение 4). Серьёзной сложностью также являлось отсутствие бланков делопроизводства (цифровых отчётов и прочего) в управлении милиции, которые приходилось составлять на месте, что приводило к грубейшим ошибкам [43, л. 107об.—109].

Во второй половине 1920-х гг. снабжение милиции стало осуществляться централизовано и обеспечение сотрудников обмундированием значительно улучшилось. Камчатский окрисполком утверждал предложенные губпланом нормы обеспечения милиции обмундированием. В январе 1929 г. окружной АО сообщал, что «все заготовки обмундирования на сотрудников милиции» производились в Краевом заготовительном хозяйстве. К концу

1930 г. служащие камчатской милиции были обеспечены форменным обмундированием (в %): суконными шинелями и гимнастерками — на 80, шароварами — на 50, зимними папахами — на 40, летними фуражками — на 70, летними брюками — на 60, брезентовыми плащами — на 65.

Острую необходимость милиция также испытывала в обеспечении вооружением. В октябре 1924 г. Камчатский губисполком заключил, что «положение с таковым обстоит неудовлетворительно». Губмилиция была снабжена винтовками на 60, револьверами — на 46, патронами к винтовкам — на 41, патронами к револьверам — на 7 %. Принадлежности для чистки оружия полностью отсутствовали. Вооружение милиции было неоднородным и состояло из винтовок и револьверов всевозможных образцов, систем и калибров (русских и иностранных), в основном конфискованных у местного населения и коммерсантов.

В октябре 1925 г. в губмилиции имелось 103 единицы различного вооружения (приложение 5). Окончательно перевооружение милиции Северо-Востока России по единому образцу трехлинейными драгунскими винтовками и револьверами системы «Наган» было завершено к концу 1929 г.

Таким образом, оценивая материальное обеспечение сотрудников камчатской милиции в 1920-х гг., следует отметить, что в это время происходит увеличение зарплаты, вводится система материального стимулирования (северные надбавки, районный коэффициент, премии), значительно улучшается обеспечение обмундированием и вооружением. Но, несмотря на принимаемые меры, уровень материального обеспечения остаётся низким и значительно отстаёт от аналогичного в системах образования, здравоохранения и исполнительных органов власти. Кроме того, наблюдаются постоянная нехватка средств на командировочные расходы, задержки заработной платы, социальная незащищенность и бытовая неустроенность сотрудников.

Недостаточное материальное обеспечение было вызвано целым рядом обстоятельств. Так, в 1920-х гг. были весьма распространены идеи о переходе к милиционной системе охраны общественного порядка, возможной ликвидации в ближайшее время уголовной преступности и другие. Однако решающей причиной низкого материального обеспечения стал перевод финансирования милиции на средства местных бюджетов, возможности которых оказались крайне ограниченными.

форма №1

/ст.9,30,35и52,54 и57/

ПОДРОБНЫЙ ИМЕННОЙ СПИСОК

Служащих Анадырской Уездной Милиции Камчатской Губернии

/для персонального учета/

на 1924–1925 год

Основание: ст.ст.30–35 и 52–54 правил об"явленных в приказе милиции РСФСР 1922 г. за № 602

1 №№ по порядку ..третий..

2. Фамилия имя отчество ....Тонсенцев Степан..........

3. Месяц, число и год рождения/нов/ст/...26 декабря 1896 года......

4. Происхождение: рабочего, ремесленника, торговца, чиновника и пр. ....из крестьян

5. Национальность . . русский . . . .

6. Какое получил/законченное/образование Петропавловск. высш. нач. училище и учительские курсы

7. Партийная принадлежность: какого числа, месяца года, и № членского билета . . . . беспартийный . .

8. Бывший чин или звание в старой армии и последняя занимаемая должность............. не служил

9. Последняя занимаемая должность в полиции и жандармерии указанием времени пребывания в ней... не служил....

10. Сколько времени служил в белой армии, последний чин и должность с указанием времени пребывания в ней ....не служил.....

11 Последняя занимаемая должность в Красной армии, с указанием в течении какого времени .... не служил

12 Какого числа, месяца/года демобилизован из Красной армии и в каком увоенкомате и с какого числа, месяца, года состоит на учете с указанием № учетного воинского билета или учетной карточки /личн.зв/ — состоит на учете в Анадырск. военком. учетн. карт. N

13. Последняя занимаемая должность в граждан. совет. учреждениях с указанием времени пребывания в ней — учителем в Марковской школе

14 Состоял ли под судом или следствием и в утвердит. случае когда и за что — нет

15 Какого числа, месяца и года первоначально поступил на службу в милицию и № приказа — 25 июля 1923 г. пр. № 10.

16 Где в настоящее время состоит на службе, с какого времени года и № приказа о зачислении на службу — в с. Марково с осени 1924 года

17 Ныне занимаемая должность с какого времени с указанием года и № приказа о назначении на должность — Милиционер Марковской вол. пр. № 12.

18 Какого числа, месяца, года куда и по какой причине убыл и № приказа об исключении из списков

Фрагмент именного списка анадырской уездной милиции Камчатской

Форма №1

/ст.9,30,35и52,54 и57/

ПОДРОБНЫЙ ИМЕННОЙ СПИСОК

Служащих Анадырской Уездной Милиции Камчатской Губернии

/для персонального учета/

на 1924-1926 год

Основание: ст.ст. 30-35 и 52-54 правил об"явленных в приказе милиции РСФСР 1922 г. за № 602

1 №№ по порядку ... Четвертый

2. Фамилия имя отчество ... Собалев Иван Константинович ...

3. Месяц, число и год рождения /нов./ст./ ... 8 ноября 1898 года ...

4. Пронсхождение: рабочего, ремесленника, торговца, чиновника и пр. ... б. священник

5. Национальность ... русский ...

6. Какое получил /законченное/ образование ... среднее ...

7. Партийная принадлежность: какого числа, месяца года, и № членского билета ... не состою ...

8. Бывший чин или звание в старой армии и последняя занимаемая должность ... не служил ...

9. Последняя занимаемая должность в полиции и жандармерии указанием времени пребывания в ней ... не служил ...

10. Сколько времени служил в белой армии, последний чин и должность с указанием времени пребывания в ней ... 5 месяцев ... в арм. Колчака ... писарем ... в 3 сиб. ... артилл. ... бригаде ...

11 Последняя занимаемая должность в Красной армии, с указанием в течении какого времени ... не служил ...

12 Какого числа, месяца, года демобилизован из Красной армии и в каком уввоенкомате и с какого числа, месяца, года состоит на учете с указанием № учетного воинского билета или учетной карточки /личн.кв/ ... В Анадырском Уездвоенком. учет. карт. № 6

13. Последняя занимаемая должность в гражданск. советск. учреждениях с указанием времени пребывания в ней ... Зав. Камч. Губ. отд. ЗАГС [illegible]

14 Состоял ли под судом или следствием и в утвердит. случае когда и за что ... нет

15 Какого числа, месяца и года первоначально поступил на службу в милицию и № приказа ... 16 октября 1924 г.

16 Где в настоящее время состоит на службе, с какого времени года и № приказа о зачислении на службу ... в Упр. Анад. Милиции с 16 октяб. 1924 г. пр. № 3 Уревк.

17 Ныне занимаемая должность с какого времени с указанием года и № приказа о назначении на должность ... с 16/X 24 г. делопр. милиц. и Зав. [illegible] Отд. ЗАГС

18 Какого числа, месяца, года куда и по какой причине убыл и № приказа об исключении из списков

губернии на 1924—1926 гг. (ГАЧАО. Ф. Р-182/22. Оп. 1. Д. 13. Л. 1—2)

ИСТОЧНИКИ

1. Действующие распоряжения по милиции. — М., 1928. — С. 365—372.

2. *Малыгин А. Я*. Советская милиция в период строительства социализма. — Горький, 1983. — С. 58.

3. *Шабельникова Н. А.* Милиция Дальнего Востока России (1922—1930 гг.): Исторический опыт организации и деятельности: Дис... докт. ист. наук. — Владивосток, 2002. — С. 102.

4. Полиция и милиция России: страницы истории. — М., 1995. — С. 119.

5. Органы внутренних дел Российской Федерации. — Т. 2// Е. И. Белов, А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев. — М., 2002. — С. 16.

6. *Берпяков А. А., Шеронов В. С*. Становление и развитие советской милиции на Дальнем Востоке (1917—1926 гг.). Уч. пос. — Хабаровск, 1987. — С. 60—61.

7. *Белюков Д. А*. Особенности организации и деятельности Псковской губернской милиции 1917—1927 гг.: Дис... канд. ист. наук. — М., 2003. — С. 223.

8. *Шамаров В. М*. Государственная служба в милиции НКВД: становление и развитие правовых и организационных основ. — М., 1999. — С. 120.

9. РГИА ДВ. Ф. 2422. Оп. 1. Д. 1433.

10. ГАКК. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 1.

11. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 49. Д. 127.

12. ГАКК. Ф. Р-25. Оп. 8. Д. 4.

13. Там же. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 2а.

14. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 570.

15. ГАКК. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 5.

16. ГАЧАО. Ф. Р-182/28. Оп. 1. Д. 12.

17. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1160.

18. Там же. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 55.

19. ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 108.

20. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 86.

21. ГАКК. Ф. Р-25. Оп. 6. Д. 2.

22. Там же. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 4.

23. Там же. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 4.

24. Там же. Д. 2.

25. Там же. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 4.

26. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2—3. Д. 71.

27. ГАКК. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 5.

28. Там же. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 3.

29. Сборник узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. — 1919. — № 13.

30. Там же. — 1922. — № 57.

31. ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 181.

32. Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1.

33. Там же. Д. 6.

34. ГАКК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 7.
35. Там же. Д. 8.
36. РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 33.
37. Сборник узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. — 1925. — № 68.
38. Там же. — 1927. — № 98.
39. Там же. — 1927. — № 113.
40. там же. — 1928. — № 51.
41. РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 12.
42. *Пирагис А. П.* От нагана до компьютера: История камчатской полиции и милиции (XVIII—XX вв.). — Петропавловск-Камчатский, 2005. — 272 с.
43. РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 54.

Приложение 1

Форма квартальных, полугодовых и годовых отчётов уездных и волостных (с 1926 г. районных) милиций Камчатскому губревкому в 1924—1930 гг.

1. Личный состав (изменение, районы командировок, количество и другое).
2. Руководство милицией со стороны губернского центра.
3. Инструктаж (устный, письменный), связь с губернским центром и местами.
4. Выполнение обязательных постановлений губревкома. Административный надзор.
5. Содействие другим ведомствам и организациям.
6. Преступления и правонарушения.
7. Количество обществ, не преследующих цели извлечения прибыли.
8. Иностранцы (количество, движение по районам).
9. Религиозные организации.
10. Деятельность сельских исполнителей.
11. Социальные аномалии.
12. Работа по линии ЗАГС.
13. Вещевое и материальное обеспечение милиции.
14. Общие выводы.

Приложение 2

Перечень вопросов к докладам о деятельности милиции на сельских сходах и в рабочих организациях

1. Как организовалась рабоче-крестьянская милиция и чем отличается от старой полиции.
2. Роль и значение органов милиции в государственном строительстве республики.

3. Как организована милиция и как она живёт.

4. Что делает милиция, и в чем заключается её служба.

5. Милиция на охране общественного порядка и общественной безопасности.

6. Милиция— проводник революционной законности.

7. Милиция на борьбе с конокрадством и самогонщиной.

8. Что сделано милицией за отчётный период.

9. Борьба с уголовной преступностью.

Бюллетень НКВД, 1925 г. — № 37/177.

Приложение 3

Материальное обеспечение камчатской губернской милиции в 1924 г.

Наименование расходов	Сумма, руб.
Содержание личного состава	41 768,15
Хозяйственные расходы	273,45
Освещение	220,00
Отопление	663,00
Канцелярские расходы	362,94
Почтово-телеграфные расходы	344,00
Обмундирование	4 532,35
Путевое довольствие	4 676,28
Секретные расходы	552,00
Аренда помещения	1 000,00
Капитальный ремонт	350,00
Содержание школ и курсов	100,00
Содержание арестных помещений	1 074,23
Итого:	55 917,23

ГАРФ. Ф. 393. Оп. 46. Д. 110. Л. 49.

Приложение 4

Список официальных изданий для сотрудников административного отдела РКМ, уголовного розыска, исправительно-трудового дома и бюро принудительных работ

1. Бюллетень Дальневосточного революционного комитета (ДРК).

2. Указатель к бюллетеню Дальневосточного революционного комитета.

3. Бюллетень НКВД.

4. Указатель к бюллетеню НКВД.

5. Советская юстиция (журнал).

6. Административный вестник (журнал).

7. Сборник приказов ЦАУ и НКВД.

8. Уголовно-процессуальный кодекс с комментариями.
9. Уголовный кодекс с комментариями.
10. Гражданский кодекс с комментариями.
11. Кодекс о браке, о семье и опеке.
12. Известия ЦИК (газета).
13. Полярная звезда (газета).
14. Земельный кодекс с указаниями и разъяснениями.
15. Лесной кодекс в вопросах и ответах.
16. Сборник документов, распоряжений, циркуляров в отделении церкви от государства.
17. Дисциплинарный устав РКМ.
18. Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений).
19. Преступления в области половых отношений.
20. Борьба с хулиганством.
21. Право и быт (журнал).
22. Юридический догматизм и диалектический материализм.
23. Криминальная психология.
24. Имущественные преступления.
25. Устав о гербовом сборе с комментариями.
26. Законы об охоте.
27. Сводный указатель действующих декретов РСФСР и СССР за 1917 и 1925 гг.
28. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР.
29. Алфавитно-предметный указатель, сборник указаний и распоряжений рабоче-крестьянского правительства (по полугодиям).

РГИА ДВ, ф. Р-4315, оп. 1, д. 12, л. 135.

Приложение 5

Количество единиц огнестрельного оружия, находящегося на вооружении Камчатской милиции на 1 октября 1925 г.

Название	Кол-во	Патронов
Трехлинейные драгунские винтовки	37	2 778
Винтовки системы «Бердан»	1	
Карабины японские	5	
Винчестеры 45х70	5	
Винчестеры 30х30	4	
Револьверы системы «Наган»	30	202
Револьверы системы «Браунинг»	4	6
Револьверы системы «Смитт-Вессон»	10	
Револьверы системы «Маузер»	1	9
Револьверы системы «Кольт»	4	40
Револьверы системы «Стейер»	1	

ГАКО. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

И. В. ВИТЕР

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ ГАВАНЬ — ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ПОРТ — ПЕТРОПАВЛОВСК-НА-КАМЧАТКЕ — ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ

(Хроника событий)

1703

Осень. У Авачинской губы побывал отряд служилых людей под началом Родиона Преснецова из двадцати двух человек, отправленный камчатским приказчиком Т. Кобелевым из Верхнекамчатского острога к восточному берегу полуострова.

1715

На «Чертеже Камчадальского носу и морским островам», составленным И. П. Козыревским, есть первое достаточно верное изображение Авачинской губы и текст: «В прошлом 715 году по сему берегу и к носу вновь ясак брал и воинскими походами иноземцев на Аваче... усмирил...»

1724

23 декабря вышел указ императора Петра I Адмиралтейств-коллегии об организации Первой Камчатской экспедиции под началом В. Й. Беринга. Одна из задач экспедиции — исследование северо-восточной части тихоокеанского побережья азиатского материка.

1729

Июнь. В. Й. Беринг на боте «Святой архангел Гавриил» побывал в Авачинском заливе. «Вышли из устья реки Камчатки и пошли морем к востоку... и шли близ 200 вёрст...» Беринг дважды прошёл в непосредственной близости от «ворот» Авачинской губы. Штурманы бота впервые нанесли на карту очертания входных мысов губы.

1732

17 апреля вышел Указ императрицы Анны Иоанновны об отправке В. Й. Беринга во Вторую Камчатскую экспедицию.

2 мая подписан указ Сената Адмиралтейств-коллегии об утверждении предложений В. Й. Беринга и принятии мер по устройству жизни на Камчатке и в Охотске.

1737

4 октября по приказу Беринга из Охотска на Камчатку вышел бот «Фортуна» под командой подпоручика Ивана Свистунова и подштурмана Емельяна Родичева. Им предстояло описать

Авачинскую губу, а также реки Большую, Камчатку, построить маяки в необходимых местах, составить карты. На этом же боте на Камчатку прибыл С. П. Крашенинников.

Осень. И. Свистунов и Е. Родичев начали работы по описанию Авачинской губы. Поскольку их судно разбилось в устье реки Большой, и они лишились необходимых приборов, описание Авачинской губы оказалось неполным.

1738

На устье реки Авачи И. Свистуновым и Е. Родичевым начато строительство маяка, казарм, жилья для участников экспедиции В. Й. Беринга.

1739

8 сентября И. Свистунов вернулся с Камчатки в Охотск. Он доложил Берингу о результатах работы в Авачинской губе и представил её карту. Сведения, доставленные Свистуновым, не удовлетворили Беринга. В рапорте 10 октября 1739 г. Беринг писал: «...что оную де губу описывал и вымеривал он, Свистунов, собою один, в чём в государственную адмиралтейскую коллегию того же сентября 10-го дня и рапортовано, при котором рапорте и описание той губы приложено. Токмо на том утвердиться невозможно... ибо оной Свистунов имел описание с берега».

29 сентября Беринг распорядился: «...отправить оный бот («Святой архангел Гавриил») от экспедиции и командиром определить штурмана Елагина, который и отправлен того ж сентября 29-го дня, и при нём штурман Василий Хметевский, гардемарин Яган Синт, матрос и прочих чинов — девять. Всего — двенадцать человек. И иттить на боту к Аваченской губе и ту губу вымереть и описать со обстоятельством, можно ли в тое губе пакетботами войтить в зимнее время без опасности зимовать».

Елагину и его помощникам предстояло промерять устья рек Большой и Камчатки для выяснения возможности захода крупных морских судов. Позже в рапорте от 22 апреля 1741 г. Беринг докладывал, что Елагин поручение выполнил и построил для «житья служителям жилые покои и для клажи провианта и материалов магазейны... При губе построено камчатскими служилыми и ясашными иноземцами жилых покоев в одной связе пять, да казарм три, да три ж анбара в два апартамента».

1740

16 мая штурман Иван Фомич Елагин отправился на боте «Святой архангел Гавриил» от устья реки Большой к Авачинской губе, производя по пути морскую съёмку камчатского берега.

10 июня И. Ф. Елагин прибыл в Авачинскую губу, приступивший к описанию губы и строительству складских и жилых помещений на северном берегу Ниакиной (Петропавловской) гавани. Елагин составил первую «подлинную исправную карту морскому заливу Аваче и гавани, которая гавань святых Петра и Павла именована». Она называлась «Карта Авачинской губы и со внутренней в ней гавани, сочинённая при навигации экспедиции штурмана Ивана Елагина, 1740 год» и имела пояснение: «При губе кроме берёзового, ольхового и тополёвого леса не имеется». На этой карте впервые были изображены строения будущего Петропавловска.

29 июня и *2 июля*. На Охотской верфи достроены пакетботы Второй Камчатской экспедиции. Однотипные корабли строили мастера Кузьмин и Рогачёв. Пакетботы имели длину 24,4, ширину 6,7, глубину трюма 2,9 метра. Вооружение — 18 двух- и трёхфунтовых пушек. Их назвали «Святой Пётр» и «Святой Павел». Пакетботы спущены на воду 12 июля, в день святых апостолов Петра и Павла.

8 сентября — пакетботы «Святой Пётр» (командир В. Й. Беринг), «Святой Павел» (А. И. Чириков), галиот «Охотск» (С. Ф. Хитрово) и дубель-шлюп «Надежда» (А. Е. Шельтинг) вышли из Охотска и отправились к западному побережью Камчатки.

20 сентября в Ниакиной гавани И. Ф. Елагин составил рапорт Берингу, где сообщил, что построено «камчатскими служилыми и ясашными иноземцами жилых покоев в одной связе пять, да казарм три, да три ж анбара в два апартамента». Первые постройки были возведены на северном берегу гавани Ниакиной. Елагин доложил также о завершении промеров глубин Авачинской губы, составлении карт западного берега Камчатки от устья реки Большой до Лопатки и восточного берега от Лопатки до Авачинской губы, то есть предполагаемого пути следования кораблей экспедиции. Кроме того, Елагин начертил первую обстоятельную карту Авачинской губы с указаниями глубин, рельефа берегов, растительности, местных географических названий.

6 октября пакетботы «Святой Пётр» и «Святой Павел» прибыли в Авачинскую губу, зашли в Ниакину гавань. Эта дата (17 октября по новому стилю), указанная в официальных отчётах, считается датой рождения города Петропавловска-Камчатского. Во вновь образованное селение были переведены жители из Нижнего и Верхнего Камчатских острогов. В рапорте от 22 апреля 1741 г. Беринг докладывал: «А вышереченная гавонь к отстою в зимнее время

морских судов весьма способна, и для того и прибыли во оную гавань в двух пакетботах со всею командою того ж 740 году октября шестого дня благополучно, где и зимовали, и оная гавонь названа нами Святых Петра и Павла».

Осень. Для вновь отстроенного поселения Алексей Ильич Чириков пожертвовал походную церковь с пакетбота «Святой Павел», над которой поставили парусиновую палатку в северовосточной оконечности гавани и назвали её церковью во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Позже парусиновую палатку заменили деревянным срубом. В документах она именуется «экспедитской». До 1757 г. здесь служил дьячок экспедиции Филипп Волков, рукоположенный в священники.

1741

20 апреля в рапорте в Сенат В. Й. Беринг вводит в официальный оборот новое географическое название — Гавань Святых апостолов Петра и Павла. Одновременно с ним использовались следующие варианты: «Гавань Петропавловская», «Санкт-Петропавловская гавань».

Весна. Участники экспедиции профессор астрономии Санкт-Петербургской Академии наук Л. Делиль де ла Кройер и геодезист А. Д. Красильников впервые определили астрономическим методом по наблюдениям спутников Юпитера географические широту и долготу Петропавловской гавани. По записи в шканечном журнале пакетбота «Святой Пётр» они равнялись 53°01' северной широты и 127°31' восточной долготы от Санкт-Петербургского меридиана.

10 апреля в Петропавловскую гавань из Большерецка прибыл участник Второй Камчатской экспедиции, студент Петербургской Академии наук Степан Петрович Крашенинников. Петропавловский порт по Крашенинникову: «Губа Ниакина, которая по имени зимовавших в ней двух пакетботов Петра и Павла называется Петропавловской гаванью, расположена в северной части Авачинской губы (по-камчадальски Суаачу) и так узка, что суда можно закреплять на берегу, но так глубока, что в ней могут стоять и суда больших размеров. Там построены преизрядные домы, особливо же великолепно по тамошнему состоянию строение Камчатской экспедиции, которое стоит около Петропавловской гавани. Вящее ещё украшение ему придаёт церковь с пристойным зданием, что на изрядном месте воздвигнута».

26 мая В. Й. Беринг, И. Ф. Елагин и С. Л. Ваксель со шлюпки промеряли Раковую губу.

4 июня пакетботы «Святой Пётр» под командованием В. Й. Беринга и «Святой Павел» под командованием А. И. Чирикова вышли из Авачинской губы в плавание к берегам Америки.

10 октября вернулся пакетбот «Святой Павел». В этот же день умер участник плавания профессор астрономии Л. Делиль де ла Кройер. Его похоронили в Петропавловской гавани.

1742

11 июля пакетбот «Святой Павел» под командованием А. И. Чирикова вышел из Петропавловской гавани в Охотск.

11 июля в Петропавловскую гавань прибыл гукор «Святой Пётр», построенный из остатков одноименного пакетбота на острове, где экипаж зимовал после крушения судна (ныне остров Беринга). Командовал гукором Свен Ваксель.

Декабрь. Сильное землетрясение в Петропавловске.

1743

25 сентября вышел указ Сената о прекращении деятельности Второй Камчатской экспедиции. За её время в Петропавловской гавани были построены солеварня, амбары и казармы. Со временем все строения пришли в негодность или сгорели.

1766

Церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы перенесена на р. Паратунку «за малолюдством Петропавловской гавани». Полуразрушенное церковное здание в гавани вскоре сгорело.

1774

Магнус фон Бем, новый камчатский командир, отдал распоряжение о постройке южнее косы батареи при входе в Петропавловскую гавань по данной ему инструкции «о приведении острогов в новое положение». В гавань была определена регулярная и нерегулярная команда в 32 чел. с двумя унтер-офицерами.

Бем Магнус Карл (1727—1806). Родился в Лифляндии. По именному Высочайшему Указу 30 апреля 1772 г. произведён в премьер-майоры и 14 мая отправлен на Камчатку, где и находился с 12 октября 1773 г. по июнь 1779 г.

1779

Апрель, август. Гавань посетили фрегаты «Дискавери» и «Резолюшн» Третьей кругосветной экспедиции Джеймса Кука. Возглавляли экспедицию после гибели её руководителя на Сандвичевых (Гавайских) островах Чарльз Клерк и Джон Гор. Все постройки: пять или шесть русских бревенчатых домов, пятнадцать балаганов, располагались на косе, отделявшей гавань от Авачинской губы.

В августе в северной части селения был похоронен Чарльз Клерк. В изголовье могилы была прибита доска с надписью: «У подножия этого дерева покоится прах капитана Чарльза Клерка, который принял командование его Британского Величества кораблей “Резолюшн” и “Дискавери” по смерти Джеймса Кука, который умерщвлён был на одном острове Южного моря 14 февраля 1779 года. Умер в море от лёгочной чахотки 22 августа того же года в возрасте тридцати восьми лет».

1780

В Петропавловской гавани было несколько изб, небольшой гарнизон, трёхпушечная батарея.

1786

15 августа в гавань прибыл Григорий Иванович Шелихов, один из инициаторов создания Российско-Американской компании (РАК).

1787

25 июля в гавань посетили фрегаты «Буссоль» и «Астролябия» французской кругосветной экспедиции под командованием Ж. Ф. Лаперуза. По сведениям участника экспедиции Ж. Б. Лессепса, жилищ в селении насчитывалось от тридцати до сорока, жителей не более ста, гарнизон составляли сорок человек. Вход в гавань охраняли три батареи. По приказу Лаперуза была изготовлена медная доска на смену обветшавшей деревянной над могилой Ч. Клерка. На ней воспроизвели прежнюю надпись с примечанием по-французски: «Сия копия с английской подлинной надписи сделана по приказанию командора Графа Лаперуза в 1787 году». Медный лист прибили над возведённой гробницей из дерева. Французы соорудили также деревянное надгробие над соседней могилой, где был похоронен участник Второй Камчатской экспедиции профессор астрономии Л. Делиль де ла Кройер. Французы покинули гавань 19 августа.

1789

2 октября в Петропавловскую гавань зашёл трёхмачтовый корабль «Слава России» под командованием капитана 2-го ранга Иосифа Биллингса, возглавившего Северо-Восточную географическую и астрономическую экспедицию (1785—1793 гг.). Экспедиция направлялась для исследования и открытия новых земель в Северном Ледовитом и Тихом океане.

Селение делилось на две части. Большинство деревянных домов и балаганы стояли на косе. Жителей насчитывалось тридцать четыре человека, из них двадцать три казака и солдат и одиннадцать камчадалов.

1790

25 февраля. Землетрясение в Петропавловске.

9 мая корабль «Слава России» вышел из Авачинской губы в плавание к Алеутским островам.

13 октября «Слава России» вернулась на вторую зимовку.

Вышло предписание о приведении Петропавловской гавани в оборонительное положение и назначении туда отдельного командира.

1791

19 мая «Слава России» отправилась во второе плавание к Алеутам и Северной Америке.

1792

Гавриил Сарычев произвёл опись Авачинской губы, «сочинена им карта губы и план гавани Святых Петра и Павла, где видно небольшое селение и четыре батареи: на Сигнальном мысу, около озера, в основании косы».

6 августа из Петропавловской гавани на Курилы вышел катер «Чёрный Орёл» под командованием Г. Сарычева. Корабль «Слава России» за ветхостью был оставлен гавани под командой Х. Беринга (внука В. Й. Беринга) для передачи камчатским властям. Позднее судно затонуло в гавани.

1796

Командир гавани В. И. Шмалёв укрепил её шестью батареями.

1798

Иркутский губернатор Людвиг Нагель сообщал в одном из донесений: «...в случае нужды [Камчатка] ниоткуда скорой помощи получить не может, и для того необходимо там быть особому военному начальнику, который бы заведовал и гражданской частью...»

3 июня, 3 октября последовали указы императора Павла I: «...батальону полковника Сомова быть гарнизонным полком его имени и состоять на непременных квартирах: в Нижнекамчатске — шеф и при нём гренадерская и его шефская рота, в Большерецке — одна рота со штаб-офицером, в Петропавловской гавани — одна рота со штаб-офицером...»

1799

18 декабря в Петропавловской гавани умер Василий Иванович Шмалёв, видный администратор и исследователь Камчатки.

1800

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы из Паратунки вновь перенесена в Петропавловскую гавань в связи с увеличением её населения.

Этим годом датирован «План Петропавловской гавани с показанием казённого и обывательских строений, также вновь сделанных шести батарей». На «Плане» озеро (современное название Култучное) называется Долгим. Здесь имеются следующие надписи: «Яр непроходимый» (западный склон Сигнальной сопки), «Яр сыпучий, по которому проход невозможен» (склон Никольской сопки), «Высокие и непроходимые горы» (склоны Петровской сопки).

1803

30 июня вышел указ о заведении солеваренных заводов в Нижнекамчатске, Петропавловской гавани, Тигиле, Большерецке.

11 августа утверждено постановление особого комитета, созданного по повелению императора Александра I, об учреждении областного правления, подчинённого иркутскому губернатору. Местопребыванием коменданта, которого «для придания большей важности посту наименовать правителем», назначен Верхнекамчатск.

1804

Июль. В Петропавловском порту находился фрегат «Надежда» первой русской кругосветной экспедиции под командованием капитан-лейтенанта Ивана Федоровича Крузенштерна. Население порта насчитывало около ста восьмидесяти человек, в нём размещалось около тридцати домов.

16 августа дипломатический посланник граф Н. П. Резанов в донесении императору Александру I написал: «Предварительно обязан я донести Вашему Императорскому Величеству, что Петропавловская гавань может быть средоточием всей торговли Российско-Американской компании, а особливо когда торг с Японией будет открыт, и сделается важным городом. Я приступил уже здесь к учреждению фактории и предписал охотской конторе нанять двадцать человек для постройки здесь магазейнов, производства разных работ и разведения скотоводства, для которого велел выслать и рогатого скота, ибо здесь лугов повсюду весьма изобильно. Я смею Ваше Императорское Величество уверить, что Камчатка есть отнюдь не бедная земля и напротив того нахожу, что сама природа изобилием даров своих приглашает сюда людей к поселению».

1805

5 июня в Петропавловский порт возвратился фрегат «Надежда» И. Ф. Крузенштерна с дипломатической миссией Н. П. Резанова.

24 июня из Петропавловского порта в Ново-Архангельск (на Аляску) на бриге «Мария» отправилась экспедиция лейтенантов

Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова. На «Марии» в Русскую Америку отбыли и участники плавания И. Ф. Крузенштерна камергер Н. П. Резанов и ученый-натуралист Г. И. Лангсдорф.

2 сентября в Петропавловский порт прибыл из Охотска транспорт под командованием мичмана В. И. Штейнгеля (будущего декабриста). На судне в числе прочих грузов была доставлена почта для экспедиции Крузенштерна.

Сентябрь. Экипаж «Надежды» привёл в порядок могилы Де ла Кройера и Чарльза Клерка. «В близости многолетнего дерева, дабы не удалиться от начального гробницы места, сделана нами на твёрдом основании деревянная пирамида. На одной стороне оной мы прибили медный лист Лаперузов, на другой — живонаписанный г. Тилезиусом герб Клерка, а на третьей — следующую надпись на российском языке: "Английскому капитану Клерку усердием общества фрегата «Надежды» в первую экспедицию Россиян вокруг света, под командою флота капитан-лейтенанта Крузенштерна, 1805 года, сентября 15 дня"; на четвёртой стороне к югу: "Здесь покоится прах Делиль де ла Кройера, бывшего в экспедиции командора Беринга астрономом. 1741 г.". Около деревянной пирамиды вырыли глубокий ров и сделали высокую ограду из частокола с дверью, которая замком заперта, а ключ вручён коменданту», — писал И. Ф. Крузенштерн.

1806

13 сентября на судне РАК «Ростислав» в порт прибыл Григорий Иванович Лангсдорф, натуралист первой русской кругосветной экспедиции, член российского посольства в Японию, исследователь Камчатки, Русской Америки, Калифорнии, российский генеральный консул в Рио-де-Жанейро с 1811 г., организатор и руководитель первой русской экспедиции в Бразилии (1822—1829 гг.). Лангсдорф известен и как автор проектов административно-хозяйственных преобразований на Камчатке. «Камчатка... заслуживает особенное внимание... Здесь могли бы быть произведены самые прекраснейшие и плодороднейшие долины... весьма бы нужно завести здесь гончарную работу, кирпичные заводы, варение мыла и соли и иметь искусных людей в ловлении китов и сушении рыбы и прочее... Порт Святых Петра и Павла может со временем стать центральным с весьма выгодной торговлей и станет процветающим и людным городом».

2 октября в порт из Русской Америки прибыли суда РАК «Юнона» и «Авось» под командой лейтенантов Г. И. Давыдова и Н. А. Хвостова.

1807

19 августа в Петропавловский порт из Охотска приехал генерал-майор Петровский, новый правитель Камчатки, преемник генерала П. И. Кошелева.

1809

25 сентября в порт зашёл шлюп «Диана», совершавший кругосветное плавание из Кронштадта под командованием лейтенанта Василия Михайловича Головнина.

28 октября. Землетрясение в Петропавловске.

1810

18 января В. М. Головнин отправился из порта в путешествие по Камчатке. Возвратился 10 марта.

5 февраля освящён вновь отстроенный придел церкви во имя Петра и Павла.

29 мая в Петропавловский порт из Ново-Архангельска прибыл шлюп «Нева» под командой лейтенанта Л. А. Гагемейстера.

15 июля родился Василий Степанович Завойко, будущий первый военный губернатор Камчатской области, организатор и руководитель обороны Петропавловска в августе 1854 г.

14 сентября из Русской Америки на вторую зимовку пришёл шлюп «Диана» В. М. Головнина.

1811

4 мая шлюп «Диана», выполняя предписание правительства, отправился из Петропавловского порта к Южным Курилам для исследований.

11 июля при попытке установить контакты с японцами на острове Кунашир В. М. Головнин и несколько человек из экипажа «Дианы» были захвачены в плен. Командование шлюпом принял капитан-лейтенант Пётр Иванович Рикорд.

14 июля «Диана» ушла в Охотск.

1812

9 апреля вышло «Новое положение о Камчатке», по которому управление ею поручалось особому начальнику. Местом пребывания начальника Камчатки назначалась Петропавловская гавань. Сюда переводилась часть жителей из Верхнекамчатска и Нижнекамчатска.

До назначения и прибытия первого начальника Камчатки П. И. Рикорда, то есть до мая 1817 г., эту должность исполнял мичман шлюпа «Диана» Илья Дмитриевич Рудаков. Летом 1812 г. для административного центра Камчатского полуострова начали возводить самые необходимые постройки.

Лето. В Петропавловский порт прибыли два судна американского коммерсанта и судовладельца П. Добелла. Энергичный и предприимчивый американец, познакомившись с русскими окраинами, выступил инициатором развития торговых связей с Камчаткой.

1813

3 ноября вернулся шлюп «Диана» с В. М. Головниным и членами экипажа корабля, пленёнными японцами в июле 1811 г. на Курилах.

2 декабря В. М. Головнин отправился сухопутьем через Камчатку и Сибирь в Санкт-Петербург.

1814

24 января в церкви освятили отстроенный придел во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Из лиственничного леса, привезённого из Нижнекамчатска, выстроили: дом для помощника начальника Камчатки, дом для чиновников из пяти комнат с кухней, цейхгауз, амбар, пороховой погреб.

1815

Из тополёвого и ветлового леса построены дом для начальника Камчатки, гауптвахта, кузница.

1816

24 февраля вышел указ об учреждении в Петропавловском порту Духовного училища. Из «Правил о существовании Камчатского Петропавловского Духовного училища»: 1. Духовное училище в Петропавловске составится из двадцати пяти учеников и двух учителей. 2. Они разделяются на два класса. В первом будут обучаться чтению на российском и славянском языке, чистописанию и нотному чтению; во втором — арифметике, российской грамматике и катехизису...; 3. На содержание каждого ученика полагается по сто рублей...»

19 июня прибыл бриг «Рюрик» под командованием лейтенанта Отто Ефстафьевича Коцебу. Он впервые упоминает о существовании на одном из входных мысов Авачинской губы механического сигнального телеграфа. Участник экспедиции А. Шамиссо сообщает о наличии в Петропавловском порту библиотеки «из книг, оставленных здесь... путешественниками ещё со времен Беринга».

1817

Май. Из Охотска в Петропавловский порт прибыл капитан 1-го ранга П. И. Рикорд, вступивший в должность начальника Камчатки.

Проведена седьмая перепись, по которой на Камчатке числилось 1 356 русских, 480 из них проживало в Петропавловском порту. В городе имелось около пятидесяти строений.

1818

3 мая прибыл шлюп «Камчатка» под командованием капитана 2-го ранга В. М. Головнина. В числе офицеров шлюпа были будущие исследователи Арктики Фёдор Матюшкин и Фердинанд Врангель, Фёдор Литке.

В Петропавловском порту по инициативе П. И. Рикорда открыта ремесленная школа.

Епископ Иркутский благословил строительство нового однопристольного храма во имя святых апостолов Петра и Павла, покровителей города.

По инициативе супруги начальника Камчатки Людмилы Ивановны Рикорд выстроена первая оранжерея, в которой выращивали рассаду.

На шлюпе «Камчатка» для Л. И. Рикорд привезены фортепиано и парные дрожки со всей утварью. В. М. Головнин писал: «Ныне Рикорд учинил лазарет, выписал сухим путём все нужные медикаменты, а морем мы ему привезли по его же требованию все госпитальные материалы; притом истребовал он двух искусных врачей, из которых один по гражданскому ведомству имеет попечение о больнице... Заведённая в Петропавловской гавани Рикордом ремесленная школа, для которой мы по его же требованию привезли все нужные инструменты и снаряды английской работы, также со временем принесёт большую пользу здешним жителям...

Супруга Рикорда немало также приносит пользы здешнему краю, подавая всем пример трудолюбия. Будучи рождена и воспитана в одном из самых прекрасных климатов Российской Империи, она с удовольствием предприняла многотрудный путь со своим супругом чрез всю Сибирь... в суровую Камчатку. Она соорудила первую ещё оранжерею в Камчатке: о сём роде хозяйства здешним жителям и по слухам не были известно; она научила их, что можно победить природу... деланием рассадников.

Я весьма счастлив себя почитаю, что сей почтенной даме мог принести удовольствие, доставив в Камчатку фортепиано и парные дрожки со всею упряжью. Первое удалось мне довести в совершенной сохранности. Для дрожек, к счастию, нашлись здесь две смирные и довольно статные лошади, которые с первого раза пошли хорошо. Это был ещё первый экипаж на колесах в Камчатке от сотворения мир, и потому жители смотрели на него несравненно с большим удивлением, нежели у нас стали бы смотреть на того, кто по Петербургу поехал бы на собаках».

Начало июня. По инициативе П. И. Рикорда, поддержанной офицерами шлюпа «Камчатка», прах капитана Чарльза Клерка, Де ла Кройера, надгробный памятник, установленный в 1805 г. экипажем И. Ф. Крузенштерна, перенесены в центральную часть Петропавловска.

19 июня шлюп «Камчатка» отправился в Русскую Америку. Вместе с ним в Охотск ушёл транспорт «Сильф» под командой лейтенанта Ильи Дмитриевича Рудакова.

1819

25 октября П. И. Рикорд обратился к сибирскому генерал-губернатору М. М. Сперанскому с проектом преобразования Петропавловской гавани в «звание настоящего порта». К проекту приложен план обустройства порта, штатный список, перечень необходимых материалов. На строительство порта ежегодно отпускалось пять тысяч рублей, которые П. И. Рикорду разрешалось «употребить их по его хозяйственному усмотрению, не стесняя его ни сметами, ни подробностями. Для Камчатки можно сделать от общих форм отступление...»

1820

4 июня из Австралии прибыл шлюп «Открытие», совершавший кругосветное плавание из Кронштадта (командир капитан-лейтенант М. Н. Васильев). В конце июня шлюп «Открытие» отправился в Русскую Америку для встречи со вторым кораблём экспедиции, шлюпом «Благонамеренный».

15 августа прибыло судно Королевства Сандвичевых островов в соответствии с планами Рикорда завязать торговые контакты с королём Тамеамеа III.

13 сентября Адмиралтейств-коллегия в представлении морскому министру согласилась с предложениями М. М. Сперанского и П. И. Рикорда о застройке Петропавловского порта и с представленным проектом генерального плана порта.

14 октября в Петропавловском порту открыто двухклассное духовное училище. Указ об этом был подписан в 1816 г. В училище были присланы книги, составившие его библиотеку.

1820

В порту построено три батареи с тридцати семью орудиями.

1821

8 сентября прибыл шлюп «Открытие» под командой капитан-лейтенанта М. Н. Васильева.

21 сентября пришёл шлюп «Благонамеренный» под командой капитан-лейтенанта Глеба Семёновича Шишмарёва.

Осень. П. И. Рикордом, офицерами шлюпов «Открытие», «Благонамеренный», помощником начальника Камчатки Аркадием Васильевичем Голенищевым, офицерами и чиновниками порта принято решение сборе средств по подписке на строительство в Петропавловске памятника В. Й. Берингу.

Памятник был заказан и изготовлен, предположительно, в Санкт-Петербурге, доставлен в Петропавловск и установлен, вероятнее всего, в 1826 г.

1822

Зима. Начальник Камчатки П. И. Рикорд выехал из Петропавловска сухопутьем в Санкт-Петербург, поручив временное исполнение должности своему помощнику капитан-лейтенанту А. В. Голенищеву.

13 августа в Петропавловский порт прибыл шлюп «Аполлон» под командой капитана 2-го ранга С. Хрущёва.

Ноябрь. В должность начальника Камчатки вступил капитан 2-го ранга Фёдор Ефимович Станицкий.

19 ноября в Петропавловский порт переведено Камчатское духовное управление из Нижнекамчатска.

1823

10 сентября в Петропавловский порт прибыл шлюп «Ладога» под командованием капитан-лейтенанта А. П. Лазарева. Он писал: «1 октября по приглашению Ф. Е. Станицкого я имел удовольствие видеть полезный обряд, установленный предместником его П. И. Рикордом: все женщины по совершенствованию молебствия приносят богатства своих огородов в дом главного камчатского тоена, то есть начальника, который угощает всех по здешнему обыкновению чаем, осведомляется о произведениях и различает успехи хозяйства, нерадивых исправляет, объясняя какой вред происходит от лености, доказывает всю пользу, проистекающую от трудолюбия, которое тут же и при всех награждается выдачею разных подарков, как-то платков и других, нужных для дома вещей, сие одобрение приметно умножило количество огородных овощей в Камчатке».

1824

8 июня прибыл шлюп «Предприятие» под командой капитан-лейтенанта О. Е. Коцебу. Научный отряд экспедиции был представлен астрономом В. Прейсом, натуралистами И. И. Эшшольцем, Э. Гофманом, Э. Ленцем, Г. Зибальдом.

14 июля произошло солнечное затмение. Астроном В. Прейс рассчитал долготу порта: 158°49'29'' востока. В тот же день физик

Э. Ленц, минералог Гофман и натуралист Зибальд предприняли восхождение на Авачинский вулкан, доставив оттуда образцы серы. Согласно показаниям барометра высота вулкана над уровнем моря равнялась 7 200 футов.

1826

Население Петропавловского порта составляло 385 чел.

11 июня прибыл шлюп «Кроткий» под командой капитан-лейтенанта Ф. П. Врангеля.

18 июня в Авачинскую губу зашёл английский шлюп «Блоссом» под командованием капитана Ф. В. Бичи. Экспедиция Бичи была организована английским правительством для географических исследований побережья Северной Америки от Берингова пролива.

24 ноября освящён вновь отстроенный собор во имя Петра и Павла.

1827

Аркадий Васильевич Голенищев, будучи помощником начальника Камчатки, направил в Государственный Совет «Записку о преобразовании Камчатского края», в которой наряду со многими предложениями была изложена необходимость заведения на Камчатке библиотеки, «дабы доставить чиновникам возможность с пользою употреблять свободное от службы время. Здесь же помещался список сочинений, могущих войти в состав казённой библиотеки, объединённых в следующие разделы: богословие, педагогика, изящная словесность, театральные сочинения, путешествия, история, география и статистика, книги для детского чтения, романы и всего пятьдесят семь наименований.

22 июня шлюп «Блоссом» вторично посетил Авачинскую губу. Англичане произвели гидрографическую съёмку губы. Ф. Бичи отметил, «что в саду губернатора находится памятник нашему соотечественнику капитану Клерку… на одной стороне широкой дорожки, покрытой гравием, в конце аллеи. На другой стороне стоит памятник в честь Беринга. Первый сооружён офицерами корабля Крузенштерна, а последний был прислан из Петербурга». В 1831 г. в Лондоне вышла книга Ф. В. Бичи «Записки о путешествии в Тихий океан и к Берингову проливу», где и приводятся эти строки.

27 июня началось извержение Авачинского вулкана, продолжавшееся несколько дней.

13 июля прибыл шлюп «Моллер» под командованием капитан-лейтенанта М. Н. Станюковича.

13 сентября пришёл шлюп «Сенявин» под командованием капитан-лейтенанта Ф. П. Литке.

1828

28 мая шлюп «Сенявин» вторично зашёл в порт.

Начало июня. Натуралисты экспедиции Ф. П. Литке — А. Постельс, Ф. Китлиц, К. Мертенс поднялись на Авачинский вулкан.

28 сентября начальник Камчатки капитан 2-го ранга Ф. Е. Станицкий сдал должность капитану 2-го ранга А. В. Голенищеву.

Голенищев в своём отчёте сообщает об «уже существующей порядочной библиотеке из книг, принадлежащих морскому и духовному ведомствам».

1829

Лето. В порту пребывал знаменитый немецкий физик и естествоиспытатель А. Эрман. В 1828—1830 гг. Он совершил путешествие по Камчатке для проведения геомагнитных измерений.

10 июня зашёл шлюп «Кроткий» под командованием капитан-лейтенанта Л. А. Гагемейстера. Корабль покинул гавань 3 октября.

В «Статистических сведениях Камчатской области за 1829 г.» упоминается ремесленная школа, на содержание которой отпускалось 3 075 руб.

1830

В порту, включая Авачинское селение, числилось 609 чел.

По распоряжению А. В. Голенищева штабс-капитан корпуса флотских штурманов П. И. Ильин провёл с байдары гидрографическую съёмку морского побережья от Авачинской губы до мыса Лопатки.

1831

Организована Камчатская земледельческая компания (её устав утвержден 18 августа) для поддержания земледелия и огородничества, находившаяся под попечительством начальника Камчатки. Целью компании было «увеличение хлебопашества, лесоводства, скотоводства, производство огородных овощей». Она заложила на реке Аваче хутор для посевов. Компания упразднена 12 ноября 1840 г.

С южной стороны Петропавловского собора над захоронением своей жены А. В. Голенищев пристроил придельный храм, названный во имя святых мучениц Веры, Надежды и Любови и преподобного Аркадия.

Голенищев ввёл порядок поднятия на Сигнальном мысу гюйса и приказал делать выстрелы «при захождении и восхождении солнца из зарёвой пушки, как это приличествует пограничному порту, согласно Указа Правительствующего Сената от 26 марта 1831 г.».

1832

Петропавловский порт населяют шестьсот двадцать четыре человека. В нём «отмечалось две улицы в длину семьдесят шесть саженей».

Июль. Прибыл военный транспорт «Америка» под командованием капитан-лейтенанта В. С. Хромченко.

1833

Началось строительство морского лазарета, в дальнейшем — морской Петропавловский полугоспиталь.

1834

В порту семьсот четырнадцать жителей, восемьдесят домов, все деревянные. Среди них: питейный дом, гауптвахта, десять лавок в квартирах торговцев, духовное училище, ремесленная школа, собор.

1835

27 июня прибыл из Кронштадта транспорт «Америка» под командованием капитан-лейтенанта И. И. Шанца. В составе экипажа находился лейтенант В. С. Завойко, будущий организатор и руководитель обороны Петропавловска в августе 1854 г.

11 октября А. И. Голенищев сдал должность начальника Камчатки капитану 1-го ранга Якову Ивановичу Шахову. Шахов назначен 17 января 1835 г.

1837

19 августа в Авачинскую губу прибыл французский шлюп «Венус» под командованием капитана Дюптитуара. Французы намеревались установить памятник своему знаменитому соотечественнику Ж. Ф. Лаперузу (в 1837 г. исполнялось пятьдесят лет со времени пребывания фрегатов Лаперуза в Петропавловске). Французский шлюп отбыл через семнадцать дней. Эскизы памятника были оставлены Я. И. Шахову, предложившему изготовить и установить памятник на местные средства.

1839

С 12 июля (времени отъезда Я. И. Шахова) по 7 октября 1840 г. (до приезда следующего начальника Камчатки Николая Васильевича Страннолюбского) Камчаткой управлял Глеб Семёнович Шишмарёв.

1840

Н. В. Страннолюбский предлагал школу, основанную им в бывшем здании старого морского госпиталя (в школе обучалось шесть человек), и ремесленную школу объединить под общим названием школы кантонистов и в число предметов включить преподавание ремёсел. Школа Страннолюбского собрала детей «кантонистов,

здешних матросов и казаков, не имеющих за собою никакого призрения, без занятий праздношатающихся по городу». В ней было пятьдесят пять детей возрастом от семи лет, обучали их бесплатно грамоте — писарь, арифметике — кондуктор корпуса флотских штурманов, закону Божьему — священник, строевой службе — унтер-офицер экипажной роты. Земледельческая компания жертвовала ежегодно на нужды школы 300 руб., хотя это суммы было недостаточно.

15 декабря открыта Камчатская епархия. Первым епископом назначен Иннокентий, епископ Камчатский, Курильский и Алеутский (И. Вениаминов). Центром епархии определен Ново-Архангельск.

1841

6 мая в Петропавловске произошло землетрясение, сопровождавшееся цунами.

Старший офицер транспорта «Або» А. Бутаков писал со слов очевидцев: «...землетрясение было здесь так сильно, что самые древние старожилы не помнят на своём веку подобного. Колокола собора звонили сами собою, трубы и печи в большей части домов развалились, вода несколько раз уходила быстро из Малой губы и потом вторгалась туда снова с такою силою, что угрожала затопить порт. Со стороны речки Колохтырки прилив возвысился футов на пятьдесят, наконец, недалеко от Орловки (окрестности Паратунки) земля дала трещину, из которой била ключом горячая вода...»

Сила подземных ударов, по словам очевидцев, была такова, что перекосившийся от ветхости Петропавловский собор был поставлен в «вертикальное положение». Другой участник этого плавания Густав Блок дополняет: «...мне рассказывали о землетрясении, случившимся в Петропавловске месяца за четыре до нашего прихода. Оно было, как говорили, так велико, что размахи креста колокольни Петропавловского собора доходили до трёх футов в каждую сторону от вертикального положения шпица. Жители беспрестанными глухими подземными ударами были приведены в состояние панического страха; скот попадал со страшным мычанием, собаки подняли раздирающий вой. Это землетрясение продолжалось четверть часа...»

20 сентября в Петропавловский порт пришёл транспорт «Або» под командованием капитан-лейтенанта А. Л. Юнкера.

Осень. По поручению министра государственных имуществ П. Киселёва в Петропавловск прибыл агроном К. Кегель для

изучения возможностей развития на Камчатке сельского хозяйства. Он занимался исследованиями на полуострове до 1847 г.

1842

19 августа в Петропавловск приехал епископ Иннокентий, предпринявший поездку по вверенной ему епархии. Он отметил, что «здание собора деревянное, ещё довольно крепкое, только колокольня и западная часть храма скривились на полдень от сильных ветров. Престол в церкви один во имя святых апостолов Петра и Павла. С правой стороны к нему пристроен придел совершенно отдельно во имя святых мучениц Веры, Надежды и Любови и преподобного Аркадия. Главная церковь очень обширна, внутри украшена благолепно; иконостас резной с колоннами, образа в иконостасе очень хорошей живописи, ризницей и утварью богата».

Епископ Иннокентий помог отстроить разрушенный придел и освятил его.

1843

На перешейке между Сигнальной и Никольской сопками жителями города установлен памятник французскому мореплавателю Ж. Ф. Лаперузу. Памятник представлял собой деревянную, обшитую железом колонну с надписью на французском языке «Лаперузу». Перешеек долгое время носил название Лаперузова.

1844

Упразднено Камчатское духовное училище в Петропавловске в связи с открытием духовной семинарии в Ново-Архангельске.

1845

2 мая в Петропавловский порт прибыл из Кронштадта военный транспорт «Иртыш» под командованием капитана 1-го ранга И. В. Вонлярлярского.

21 августа вступил в должность (назначен 7 февраля 1844 г.) начальника Камчатки капитан 2-го ранга Ростислав Григорьевич Машин.

1848

12 мая из Кронштадта в Петропавловский порт прибыл военный транспорт «Байкал» под командованием капитан-лейтенанта Г. И. Невельского.

31 мая транспорт «Байкал» отправился из порта к Сахалину. Результатом этой экспедиции стало открытие Татарского пролива и устья Амура, опровергнувшее существовавшие представления о несудоходности амурского устья и положившее начало развитию Приморского края.

Население Петропавловского порта составляло триста семьдесят человек. В порту насчитывалось девяносто пять деревянных домов, при каждом доме были огороды, «устроены две улицы», через двенадцать речек, протекающих поперёк улиц, были «устроены мостки: четыре с перилами, восемь — без перил». Почту отправляли один раз в год в декабре, через весь полуостров на собаках до Охотска.

1849

Июль. На транспорте «Иртыш» прибыл генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв для знакомства с Авачинской губой и портом.

2 августа «Иртыш» с Н. Н. Муравьёвым отправился к Сахалину. Находясь на транспорте, Муравьёв пишет пространное письмо министру внутренних дел Л. А. Перовскому, где обосновывает необходимость упразднения Охотского порта и перевода его служб в Петропавловск, придания Камчатской области статуса губернии с подчинением её управления губернатору Восточной Сибири. Камчатским губернатором Муравьёв предлагает назначить начальника Аянской фактории РАК капитана 1-го ранга В. С. Завойко.

Подчеркивая сложность политической обстановки на Дальнем Востоке и возрастающей в связи с этим стратегической роли Петропавловского порта, Муравьёв высказывает серьёзные опасения о дальнейшей судьбе Петропавловска: «Я много видел портов в России и в Европе, но ничего подобного Авачинской губе не встречал; Англии стоит сделать умышленно двухнедельный разрыв с Россиею, чтоб завладеть ею, и потом заключить мир, но уже Авачинской губы она нам не отдаст...»

2 декабря последовал высочайший указ об «образовании особой области, которой именоваться Камчатской областью. Управление этой областью... вверить военному губернатору, назначенному из чинов морского ведомства. Местопребыванием губернатора назначить Петропавловский порт». Камчатская область в границах 1849 г. включала в себя Курильские острова, Гижигинский округ и Чукотскую землю. Границы области: с севера — Ледовитый океан, с востока — Восточный океан, с юга — Японские владения, с запада — Охотское море и округа Охотский и Колымский Якутской области.

1850

Указами от 15 и 22 февраля исправляющим должность Камчатского военного губернатора назначен капитан 1-го ранга

В. С. Завойко. Со 2 августа 1850 г. по 3 апреля 1855 г. он был губернатором Камчатской области.

1 июля введён в действие новый маяк на мысе Дальнем. «При устье губы деревянный маяк, коего высота от основания двадцать два, а от поверхности моря четыреста пятьдесят футов... Освещён с 1 июля по 1 ноября и будет каждогодно освещён в это время девятью лампами при таком же числе рефракторов».

2 августа В. С. Завойко на корабле РАК «Атха» прибыл в Петропавловский порт.

1851

По инициативе В. С. Завойко из местного леса и кирпича в Петропавловске выстроены две казармы и одиннадцать флигелей, два магазина (склада). В гавани отсыпана пристань, прорублена десятивёрстная просека для дороги, соединявшей порта с селением Авача.

22 июня утверждён герб Камчатской области. «На рисунке герба сей области написано: В Петергофе 22 июня 1851 г. Собственной Его Императорского Величества рукою: “Утверждаю”. Описание сего означенного герба следующее: в серебряном поле щита изображены три сопки или огнедышащие горы чёрного цвета. Щит увенчан золотою императорскою короною».

1852

В Петропавловском порту действовали: штурманское училище, перенесённое из Охотска, где обучалось двадцать девять мальчиков, школа кантонистов с пятьюдесятью учениками-мальчиками. Упоминается одна общественная библиотека, состоящая из 1 800 томов, содержавшаяся добровольными пожертвованиями офицеров и чиновников. В городе выстроено тринадцать казённых домов, семь торговых лавок.

Жителей в городе 1 693 чел., сорок казённых зданий разного ведомства, сто шестнадцать частных домов. К. Дитмар сообщает о Петропавловске: «Короткая долина между Шестаковской падью и Никольской горою, посреди долины лежит небольшой городок Петропавловск. Между бухтой и озером расположены, окаймляя улицы и площади, почти исключительно казённые дома, стоящие очень просторно.

На середине, на свободной площади, помещалась православная церковь, далее — большой губернаторский дом, окружённый садом, канцелярия, госпиталь, аптека, несколько казарм для команды, некоторое число жилых зданий для офицеров и чиновников, квартиры духовенства и здание РАК».

1853

10 января в инспекционную поездку по полуострову из Петропавловска отправился военный губернатор Камчатской области В. С. Завойко.

1854

19 июня. В Петропавловск прибыл фрегат «Аврора» под командованием капитан-лейтенанта И. Н. Изыльметьева.

14 июля в городе с большим опозданием узнали о начале Крымской войны и готовящемся нападении на тихоокеанское побережье (в апреле 1854 г. Англия и Франция подписали дополнительное военное соглашение и объявили войну России). Спешно началась подготовка к обороне порта.

24 июля из Де-Кастри прибыл транспорт «Двина» с воинским подкреплением для Петропавловского гарнизона. На транспорте «Двина» находился инженер-поручик Константин Мровинский, единственный квалифицированный военный инженер. «Был командирован в Петропавловский порт для заведывания инженерными работами. По прибытии на место я немедленно приступил к обозрению местности, выбору пунктов для батарей и разбивке оных. К 10-му августа батареи, числом шесть, были выстроены и вооружены», — читаем мы в его донесении от 14 ноября 1854 г.

Под руководством Мровинского перестраивали ранее созданные батареи, возводили новые. К приходу неприятеля батареи хотя и были вооружены, но ещё не закончены. На батарее № 4 не была окончена горжа, на батарее № 7 не был насыпан задний фас (вал). На батарее № 1 скала была одета фашинами только до половины высоты.

10 августа из Гамбурга пришёл клипер «Святая Магдалина», доставивший продовольствие.

17 августа в пределах видимости Петропавловского (Дальнего) маяка в море появилась англо-французская эскадра.

18 августа вражеская эскадра в составе шести кораблей под командованием контр-адмиралов Прайса и Депуанта вошла в Авачинскую губу. Началась героическая оборона Петропавловского порта.

19 августа эскадра провела боевую рекогносцировку. Смерть командующего контр-адмирала Прайса.

20 августа основной удар неприятеля приняли на себя батареи № 1 (командир лейтенант Пётр Гаврилов), № 4 (командир мичман Василий Попов), № 2 (командир лейтенант князь Дмитрий Максутов). Неприятель, заставив умолкнуть батареи № 1 и 4,

направил огонь всех орудий трёх фрегатов и парохода на батарею № 2 и обстреливал её в течение шести часов.

24 августа произошло решающее сражение. Основной удар англо-французов пришёлся на батареи № 3 (Смертельную) и № 7. Высаженный десант в количестве отрядов около девятисот человек отражён стрелковыми отрядами, составленными из защитников города. «Августа 24-го неприятель обратил атаку на северный пункт порта, защищённый двумя батареями, вооружёнными пятью пушками 24-фунтового калибра каждая. Обе батареи были горизонтные, действовали через амбразуры, а из батареи, построенной на возвышенности (№ 3), действовали через банк.

Неприятель разделил свою эскадру на две половины и, поставив одну половину против одной батареи, а другую против другой, открыл одновременно по ним смертоносный огонь. Забросанные ядрами и бомбами батареи, имея всего десять орудий, не могли устоять против ста тринадцати орудий, в числе которых большая часть была бомбических (на берегу найдены ядра весом в восемьдесят пять английских фунтов), и после трёхчасового сопротивления орудия почти все были подбиты, и прислуга с батарей принуждена была отступить.

Пятидесятишестипушечный фрегат стал прямо против батареи № 3, на расстоянии двухсот пятидесяти сажень от неё, и открыл по ней самый беглый огонь. Батарея, несмотря на то, что была забрасываема градом ядер, действовала своими пятью орудиями превосходно, сбила на фрегате гафель с флагом, прострелила грот- и фок-мачты, сделала четыре подводные пробоины и, вероятно, ещё другие повреждения, о которых до нас известие не дошло. Зато и батарея, несмотря на выгодное возвышение ее над поверхностью моря, сильно страдала. Через час и час с четвертью часа у двух орудий была оторвана дульная часть, а у трёх остальных подбиты лафеты. Прислуги выбыло из строя больше половины.

Уже после первых выстрелов неприятеля действие батареи заметно замедлилось; земля от ударившихся в бруствер ядер поднималась вверх столбами, засыпала платформы и ослепляла людей. От этого и от убыли людей нельзя было орудия ни быстро откатывать, ни наводить; к концу дела батареи платформы почти сплошь были засыпаны землёю», — писал К. Мровинский в статье, анализируя состояние батарей и недостатки, допущенные при их устройстве.

Строки из воспоминания Дмитрия Максутова: «Батареи держались недолго, в особенности № 3, где пал брат Александр, а вслед

за их падением неприятель высадил десант у батареи № 7. Последние дни моего пребывания в Камчатке (14 сентября он с донесением о победе и трофеями отправился в Аян на американском бриге «Нобль») были самые грустные. Брат мой страдал жестоко и, видимо, слабел. После хороших дней, стоявших во время пребывания неприятеля, начались осенние ненастья и дожди, крыша, пробитая осколками бомб, текла, как решето, сырость и перемена температуры скверно действовала на больных. Мровинский, имевший лёгкую рану в ногу, перенёс, а брат получил горячку и 10 сентября умер, 12-го числа его похоронили».

Выдержка из письма участника боёв мичмана Гаврила Токарева: «И к вечеру того же дня мы уже стояли со свечами в руках на первой панихиде за упокой души павшего на брани князя Александра. Грустно было смотреть нам на спокойное, бледное, улыбающееся лицо покойника... 12-го вечером было положение в гроб, и тело перенесли в церковь. 13-го началась заупокойная обедня и потом отпевание. Церковь не помещала желавших отдать последний долг храброму воину. Все были в глубоком трауре.

Офицеры-товарищи подняли гроб, за дверями церкви послышалась команда “на караул”, и дивизион аврорской команды отдал последнюю почесть своему любимому офицеру. День был прекрасный. Гроб нашего сослуживца несли до кладбища между зеленью довольно высокого кустарника, кое-где уже пожелтевшего. Осеннее солнце разливало лучи свои на Авачинскую губу, окружённую со всех сторон высокими горами.

Процессия поравнялась с фрегатом. Белое облако вырвалось из левого его борта, выстрел раскатился грохотом по горам и смешался с церковным пением. Тремя выстрелами прощался фрегат с одним из своих офицеров. После фрегата выстрел раздался с перешейка из того орудия, у которого ранен был князь, и ещё эхо гор повторило два выстрела с той же батареи. При опускании в могилу раздалось три прощальных залпа, и мы, бросив по горсти земли на гроб усопшего, возвратились в город».

В конце XIX в. деревянный крест на могиле героя Петропавловской обороны был заменён на ажурный металлический, установленный на четырёхгранный каменный постамент. Вокруг могилы возвели ограду.

27 августа в девять часов утра потерпевшая поражение англо-французская эскадра снялась с якоря и покинула воды Авачинской губы. Лейтенант фрегата «Аврора» Константин Пилкин, командовавший одним из отрядов, штурмовавших Никольскую

гору, писал: «27-го утром снова все суда начали сниматься с якоря, а у нас стали по орудиям, чтобы встретить по обыкновению незваного гостя. Суда снимались с якоря медленно, но всё-таки никто не хотел думать, чтобы они снимались для того, чтобы покинуть Петропавловск; возможно ли было предполагать, чтобы два адмирала таких наций, как Англия и Франция, с такими превосходными против Петропавловска силами, имели бы так мало гордости, чтобы отступить от какой-то деревушки, не причинив ей не только вреда, но ещё сами потерпев страшное поражение».

Защитники порта взяли трофеи: английское знамя Гибралтарского полка, пятьдесят шесть ружей, семь офицерских сабель. Неприятель потерял около трёхсот пятидесяти человек.

Этот успех произвёл на всех в России исключительное впечатление. Все участники боя были награждены орденами и медалями «За участие в Крымской войне 1853—1856 гг.» на Георгиевской ленте.

2 сентября в Петропавловск прибыл корвет «Оливуца» под командованием капитан-лейтенанта Н. П. Назимова.

14 сентября на американском бриге «Ноубл» в Охотск и далее в Петербург с рапортом В. С. Завойко о Петропавловском сражении и военными трофеями отправился лейтенант Д. П. Максутов.

17 ноября генерал-майор В. С. Завойко произведён в контр-адмиралы. Генеральский чин ему был присвоен 25 июня 1853 г.

1855

3 марта прибыл адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва есаул Мартынов с приказом об эвакуации Петропавловского порта в Амурский лиман.

5 апреля, погрузив вооружение, имущество порта, военных и гражданских лиц, русская эскадра в составе корвета «Оливуца» под флагом В. С. Завойко, фрегата «Аврора», транспортов «Двина», «Иртыш», «Байкал» и бота № 1 вышла из Авачинской губы в океан. Гражданское управление Камчаткой было возложено на исправника, небольшую воинскую команду Петропавловска возглавил есаул Мартынов.

Из обращения В. С. Завойко: «Подведомственные мне штаб- и обер-офицеры и нижние чины, неутомимо трудившиеся всю зиму над постройкой укреплений и постановкой на них орудий, показали и в настоящем случае примерное усердие и самоотверженность. Только при такой ревности подчинённых моих к службе возможно было снять Петропавловский порт в течение месяца, и это даёт мне повод надеяться, что и в предстоящем нам плава-

нии все будут воодушевлены тем же усердием, и суда вовремя и беспрепятственно достигнут места своего назначения. Если же, сверх ожидания, мы встретим в море сильного неприятеля, то или отразим его, или погибнем, не отдав врагу русских военных судов и славного русского флага».

Благополучно разминувшись с неприятельскими судами, находившимися в это время в районе мыса Шипунского, русская эскадра 1 мая прибыла в залив Де-Кастри.

10 мая в Петропавловск из Японии прибыла шхуна «Хеда» под флагом адмирала Е. В. Путятина. Путятин не был информирован об эвакуации порта и блокировании бухты неприятелем. Воспользовавшись непогодой, «Хеда» вырвалась из Авачинской губы и направилась к устью Амура.

8—18 мая. Англо-французская эскадра в ожидании подхода ещё нескольких кораблей крейсировала перед входом в Авачинскую губу. К 18 мая неприятельский флот собрался в полном составе: корабли «Энкаунтер», «Барракуда», «Альцеста», «Бриск», «Эвридика», «Монарх», «Пайк», «Дидо» и «Президент» под флагом командующего английской тихоокеанской эскадрой адмирала Брюса.

19 мая неприятельская эскадра, не подозревавшая о снятии порта, вошла в Авачинскую губу, надеясь взять реванш за прошлогоднее поражение. К этому времени всё оставшееся после эвакуации население города ушло в глубинные сёла. Предприняв через несколько дней разведку, англо-французы обнаружили пустой город. В донесении английскому адмиралтейству Брюс описал посещение Петропавловска: «Я нашёл его совершенно покинутым, там не осталось ни одного человека, ни одного судна, ни одной пушки, виднелись только пустые амбразуры батарей и оставленные дома». Далее адмирал высоко оценивал оборонительные работы, проведенные русскими за минувшую зиму по укреплению города и порта. Единственные из оставшихся в городе трое американцев не могли дать вразумительных объяснений о месте назначения ушедшей русской эскадры.

К 8 июня в Петропавловске остался один английский корвет «Тринкомалей». При посредничестве американцев англичане и русские обменялись военнопленными, захваченными в августе 1854 г.

15 июня англо-французская эскадра покинула воды Камчатки, направившись к Ситхе (Русская Америка).

1856

3 апреля камчатским военным губернатором и командиром Петропавловского порта назначен капитан 1-го ранга П. В. Казакевич.

31 октября последовал правительственный указ об образовании Приморской области во главе с военным губернатором с центром в Николаевске. Камчатка со статусом Петропавловского округа вошла в Приморскую область.

1858

7 февраля вышел императорский указ об учреждении «каждогодно крестного хода в 24-й день августа в Петропавловском порту в день избавления оного от нападения англо-французского десанта в 1854 году».

1860

1 марта открыта школа для первоначального обучения «на счёт суммы, ассигнованной из городских доходов, в ней учится шесть мальчиков».

1861

Летом в Петропавловск из Николаевска прибыла шхуна «Восток». С ней — новый правитель Камчатки (Петропавловского округа) капитан-лейтенант Сутковой.

В этом году порт посетил корвет «Калевала». Пребывавший на его борту А. К. Де Ливрон писал: «Петропавловск по своему стратегическому и коммерческому положению считается столицей Камчатки; он когда-то раньше, до захвата нами Амурского края, был военным портом, но в настоящее время может хвалиться дивною красотой своей природы, украшенной тремя огромными огнедышащими горами».

1865

16 августа в Петропавловском соборе совершена Божественная литургия в честь открытия церковного училища, а в сентябре начались занятия. Капитан-лейтенант Сутковой выделил для него одну комнату в занимаемом им казённом доме.

1866

Середина июня. В Петропавловск прибыл корвет «Варяг» под командованием капитан-лейтенанта Р. А. Лунда. Корабль пришёл для содействия американской компании Коллинса, разворачивавшей работы по сооружению телеграфной линии между Америкой и Европой через Сибирь. Служивший на «Варяге» гидрограф лейтенант К. С. Старицкий произвёл в Авачинской губе магнитные наблюдения, определил высоту сопок Авачинской, Корякской, Вилючинской.

Он записал: «Петропавловск — слава нашего флота, и достопамятная защита его против английской и французской эскадр сохранилась в памяти его обывателей, они... водили нас по всем

окрестностям и передавали подробности высадки неприятеля, рукопашной борьбы с ним и полного его поражения. Следы батарей на Перешейке, на Косе и на Сигнальном мысу, шпили, врытые в землю для вытаскивания тяжелых орудий на обрывы, надписи на крестах и большие могилы над убитыми англичанами и французами, сложившими свои головы в Петропавловске, свидетельствовали о совершившихся делах».

1871

24 августа из Гижигинской губы прибыл корвет «Боярин». Экипаж корабля принял участие в праздничных торжествах, посвящённых разгрому англо-французов в Петропавловске.

В этом году был подписан контракт с торговым домом «Гутчинсон, Кооль и К°» на эксплуатацию котиковых лежбищ и морских богатств, и, как следствие этого, принято решение о постоянном крейсерстве у берегов Камчатки, островов и Северо-Восточного побережья Тихого океана с целью охраны и наблюдения. Все суда, принимавшие участие в крейсерстве, заходили в Петропавловский порт.

14 октября из Владивостока пришло судно «Беринг» с оборудованием для камчатских маяков и мастеровой командой.

1877

15 июня в порт прибыл клипер «Гайдамак» под командованием капитан-лейтенанта Тыртова. Клипер выполнял крейсерские операции в Тихом океане.

Пассажир «Гайдамака» К. К. Нейман, учёный секретарь Сибирского отдела Русского Географического общества, написал о своём пребывании в городе: «Прежде всего посетили церковь имени Святых апостолов Петра и Павла. Эта церковь вся привезена из Америки и выстроена на счёт Американской компании... Рядом с нею находится старая церковь, которую начали строить в 1806 г. в бытность в Петропавловске первой кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна и в которой похоронен был известный спутник знаменитого Кука капитан Клерк... От старой же церкви, которую начали строить при Беринге в 1740 г., кроме камня, означающего место алтаря, ничего не осталось... В церковной ограде находится памятник нашему русскому Колумбу, несчастному Берингу...

На другом берегу бухты воздвигнут памятник знаменитому французскому мореплавателю Лаперузу, он осквернён собственными его соотечественниками, которые в 1854 г., будем надеяться, что по ошибке, стреляли по нему картечью.

Недалеко от Сигнального мыса, на котором стоит только что упомянутый памятник, мы увидели три креста над двумя большими могилами, над одной из них, более обширной, стоят два креста, под которыми лежат бренные остатки убитых на этом месте в достопамятный для Петропавловска день 24 августа 1854 г. англичан и французов, а под другим холмом покоится прах геройских защитников России...

В этом году крест над французской могилой был возобновлен одним из орлеанских принцев, герцогом Пантьерским, а над другими двумя — нами.

На обратном пути в город в самом конце бухты мы замечаем остов древнего судна, от которого торчит лишь несколько рёбер. Это останки когда-то гордого судна, на которое возлагались большие надежды в учёном мире, на нём отправился на север для открытия северо-восточного прохода известный Биллингс, оно называлось “Слава России”».

1879

Епископ Мартиниан освятил выстроенную в в 1878 г. тёплую церковь без колокольни с одним престолом Во имя святителя и чудотворца Николая епископа Мирликийского и Иннокентия — первого епископа Иркутского. Церковь была одноэтажной, деревянной, построена из разобранного старого храма с прибавлением нового леса.

1881

22 июля в Петропавловск прибыл крейсер «Африка» под командованием капитан-лейтенанта Е. И. Алексеева. Среди офицеров корабля находился лейтенант В. Ф. Руднев, будущий командир легендарного крейсера «Варяг».

По ходатайству окружного врача Бенедикта Ивановича Дыбовского привезено оборудование для метеостанции: барометр, жестяная клетка с психрометром, гигрометр, флюгер и прочее, всего на сумму 362 руб.

Из рапорта контр-адмирала Асланбекова, командующего отрядом судов в Тихом океане, от 24 августа 1881 г.: «Съехав на берег, я зашёл во все три русские церкви, здесь находившиеся. В одной их них, старой, выстроенной на месте ещё древнейшей, имеются два исторических образа: один апостола Петра, бывший в плавании с знаменитым капитаном Берингом, который его офицеры отделали в серебряный оклад, а другой во имя апостолов Петра и Павла, сделанный на пожертвования участников Петропавловского боя, в память этого славного дня».

1882

24 августа на Петропавловской кошке при содействии моряков крейсера «Африка» и клипера «Вестник» открыт памятник «Слава» в честь героических защитников порта в августе 1854 г. В. Ф. Руднев так описал эту церемонию: «24 августа, в годовщину Петропавловского боя, состоялось торжественное открытие памятника убитым воинам при защите города в 1854 г. Памятник поставлен на средства, собранные подпиской между офицерами Тихоокеанской эскадры, местоположение его на косе даёт возможность входящим на рейд судам любоваться издали его золочёной верхушкой. Для парада свезли на косу сводную роту под командой лейтенанта В. Ф. Р. (Руднева. — *И. В.*), к этому времени прибыло духовенство.

Когда шествие установилось по данному церемониалу, двинулись вперед на братскую могилу служить панихиду в присутствии оставшегося в живых участника боя солдата Карандашёва... С кладбища процессия двинулась в собор, где служили обедню и затем все прошли на косу к памятнику. При снятии завеса оба судна салютовали, после чего команда прошла церемониальным маршем».

Памятник был изготовлен из чугуна «Компанией Санкт-Петербургских металлических заводов». Его части были покрашены светло-серой краской. Крест на памятнике — литая бронза с позолотой. Шар, шейка, купол с «остроконечностями» были сделаны из красной меди с позолотой. Расходы на содержание памятника вписывались в городскую смету.

На перешейке между сопками Никольской и Сигнальной построен новый памятник Лаперузу. Он был изготовлен по инициативе и на средства польского ссыльного, учёного Б. И. Дыбовского. Памятник представлял собой высокий деревянный крест. На прикрепленной к нему овальной табличке была вырезана надпись по-французски: «Ла Перуз».

1884

Население города вместе с выселками Сероглазкой, Халактырской, Старым Острогом составляло пятьсот человек.

В этом году были установлены два маяка, служившие для опознания входа с моря в Авачинскую губу и на внутренний рейд Петропавловска. Первый — на восточном мысе при входе в Авачинскую губу (место старейшего маяка) представлял собой восьмигранную башню, обшитую досками, выкрашенную в белый цвет с красной крышей. Аппарат на маяке состоял из пятнадцати ламп,

дававших белый огонь. При маяке был дом для помещения смотрителя и команды и шестивесельный вельбот. Второй — располагался вблизи города, на берегу кладбища. Он назывался «Гаванский огонь».

1885

На могиле павших при обороне Петропавловского порта в 1854 г. построена часовня с одним престолом во имя Святого благоверного князя Александра Невского и святых мучениц Веры, Надежды и Любови.

1886

1 января общество «Добровольный флот» объявило об открытии судовых грузопассажирских перевозок из Владивостока по Охотско-Камчатскому побережью с заходом в Петропавловск. Рейсы должны были осуществляться летом и осенью, их периодичность зависела от метеорологической и навигационной обстановки. На эту линию был поставлен пароход «Владивосток».

Он был не первым судном, ходившим в Охотско-Камчатском районе. Пионером следует считать пароход «Камчатка», принадлежавший известному дальневосточному предпринимателю А. Ф. Филиппеусу. В 1875 г. тот заключил с правительством контракт на грузопассажирское обслуживание побережий сроком на сорок лет. Приняв грузы в Японии, «Камчатка» шла во Владивосток за пассажирами и товарами, затем следовала в Николаевск, Аян и пункты западного и восточного побережий Камчатки с заходом в Петропавловск.

1888

24 июля из Владивостока прибыл корвет «Витязь» под командованием капитана 1-го ранга С. О. Макарова, впоследствии выдающегося флотоводца, учёного, изобретателя. «Витязь» пришёл на Дальний Восток для осуществления обширной программы океанографических исследований, принесших Макарову мировую известность.

1889

Август. Из Владивостока пришёл клипер «Разбойник» под командованием капитана 1-го ранга Вульфа. Клипер следовал к устью Анадыря с пассажирами и грузами для основания Ново-Мариинского поста (будущего Анадыря). Эту миссию возглавлял доктор Л. Ф. Гриневецкий, будущий начальник учреждавшегося Анадырского округа. В Петропавловске клипер принял на борт десять казацких семей, добровольно решивших переселиться на устье Анадыря.

1890

У подножия Никольской сопки построена первая в Петропавловске метеостанция. В 1894 г. её перенесли к Петропавловскому маяку.

1892

В Петропавловск прибыл крейсер «Забияка». Экипаж корабля соорудил новый памятник Лаперузу (третий вариант). Памятник был установлен взамен обветшавшего на перешейке между Сигнальной и Никольской сопками. Перенесённый позднее на улицу Ленинскую, он сохранился до наших дней почти в первоначальном виде.

В этом году была сделана попытка создания общества по изучению Камчатки. Его председателем избрали доктора Багинского, который с 1890 г. постоянно вёл метеонаблюдения. Составили список действительных, почётных членов и сотрудников общества, приняли устав.

Первый параграф устава гласил: «Общество имеет целью всестороннее изучение полуострова Камчатка, близ него находящихся островов и сопредельных местностей и ознакомления с ними посредством собранных коллекций и разных сведений... научной разработки собранных материалов, равно посредством составления библиотеки из сочинений об указанных местностях».

Четвёртым параграфом устава в Петропавловске учреждался музей, «цель которого дать возможно полное представление об естественных условиях и богатстве названных местностей, быте, производительности и истории населения. Музей открыть для публики в особо назначенные дни».

Но учредители общества не соблюли бюрократической последовательности прохождения документов. В 1898 г. они получили телеграмму следующего содержания: «Общество до получения законного разрешения функционировать ни в коем случае не может».

1897

В Петропавловск прибыл генерал-губернатор Приамурской области генерал-лейтенант С. М. Духовский. Он стал первым за полвека высоким должностным лицом, посетившим Камчатку. «Нет ничего удивительного, если в оставленной таким образом вне забот и попечительства правительства стране, лишённой почти совершенно сообщения с остальным миром, всё ранее начатое не только остановилось, но жизнь пошла назад. С сосредоточением внимания администрации исключительно на Амуре и южных частях края, интерес к северным округам до такой степени

упал, что у местного начальства не было почти никаких сведений о положении и внутреннем быте населения названных округов в последующее за упразднением Камчатской области время...

Я с глубокой скорбью остановился на той картине разрушения и запустения, которую представляет теперешний Петропавловск, этот порт, обладающий чудною бухтой, бывший областной центр, имеющий в своей истории воспоминания о достопамятных днях 20—24 августа 1854 г. — Петропавловском бое. Небольшая группа потемневших, со следами разрушения домов, ничтожное число, менее четырёхсот жителей...»

1 июня закончилось строительство новой чугунной башни Петропавловского маяка. Возведены новый жилой деревянный дом, баня.

Для города выписана пожарная машина за 503 руб. 34 коп.

1898

16 февраля в селе Великая Мечетня Полтавской губернии скончался «полный» адмирал В. С. Завойко.

1901

8 июля в поселке Тарья (ныне Приморский) пущен в эксплуатацию первый на Камчатке рыбоконсервный завод. «В Тареинской губе Камчатское торгово-промышленное общество построило огромный, по тем временам, консервный завод, стоивший несколько сот тысяч рублей».

1902

24 мая северные округа: Петропавловский, Охотский, Гижигинский, Анадырский, Командорские острова переименованы в уезды.

В Петропавловске японские рабочие выстроили из «красной американской сосны» на бутовом фундаменте училище. Одноэтажное здание имело два класса, библиотеку, рекреационный зал. Началось сооружение первого двухэтажного здания — городской больницы, в которой работал окружной врач В. Н. Тюшов, занимавший эту должность с 1899 г.

Консервный завод Камчатского торгово-промышленного общества (КТПО) был перенесён в Усть-Камчатск. В городе построили дом под контору КТПО, три дома для лепрозория в бухте Раковой, частные дома Подпругина, Чурина. «Большинство домов в городе возводилось из японского леса, доставленного морем на шхунах, и японскими мастеровыми».

1903

Канонерская лодка «Манджур» обходила берега Камчатки и Командорских островов. Её командир, капитан 2-го ранга Кроун писал: «Вся Камчатка находится как бы в осадном положении от

наплыва хищников японцев и систематически ведущих дело к точному подчинению Камчатки влиянию Японии. Ловко воспользовавшись заброшенностью этого края, японцы вселили убеждения в жителей, что не сегодня-завтра ненужную для России Камчатку, по примеру Аляски, продадут Японии...

Камчатка вовсе не глыба льда и снега, не царство мрака и холода, которою она может казаться всем не побывавшим в ней. Это край нетронутого богатства... В будущем, если оправдается мнение лиц, её изучающих, то представит одно из первых мест в числе мировых поставщиков угля, золота и других ценных ископаемых пород».

Начальником Петропавловского округа назначен А. П. Сильницкий.

9 июня в 14.00 началось извержение Авачинского вулкана.

1904

16 июля в ходе начавшейся русско-японской войны у реки Озерной русскими ополченцами разгромлен воинский десант японцев. В сражении принимали участие дружинники из Петропавловска во главе с прапорщиком Ц. Жабо.

Июль. Из Петропавловска в Приморье выслан объявленный сумасшедшим начальник Петропавловского округа А. П. Сильницкий. Его деятельность на Камчатке оставила заметный след. Будучи до назначения на Камчатку крупным чиновником Приамурского генерал-губернаторства, затем редактором газеты «Приамурские новости», Сильницкий настойчиво боролся с казнокрадством, произволом администрации. За четырнадцать месяцев управления Камчаткой он успел разоблачить многие преступные действия местных властей, торговцев, смог улучшить материальное положение рыбаков и охотников, коренного населения полуострова. Всё это вызвало жёсткое противодействие местных чиновников, рыбопромышленников, купечества. В результате их происков Сильницкий был признан сумасшедшим и по распоряжению министра внутренних дел Плеве вывезен из Петропавловска.

По прибытии в Иркутск он был в законном порядке освидетельствован и признан здоровым, восстановлен в прежней должности редактора «Приамурских новостей».

1905

30 июля в Авачинскую губу вошли японские крейсеры «Сума» и «Идзума». Обстреляв покинутый жителями город из орудий, японцы высадили десант, в течение нескольких дней занимавший город, осквернивший часовню на могиле погибших в августе 1854 г.

1907

15 июля в Петропавловске произошло землетрясение.

1908

24 марта приамурский генерал-губернатор инженер-генерал Пётр Фёдорович Унтербергер представляет записку «Ближайшие задачи в деле закрепления за нами Приамурского края», в которой пишет: «Для ограждения северных окраин и в первую очередь Камчатки от мирного захвата иностранцами, преимущественно японцами, необходимо настойчиво заняться заселением этих районов русскими, чему должно предшествовать подробное изучение местных условий заселяемых мест, с соблюдением со стороны новоселов интересов старожилов... Оставлять эту окраину в зависимости от удалённого Владивостока нельзя, и её нужно выделить вместе с остальными северными уездами в отдельную область во главе с губернатором, обеспечив при этом областную администрацию, как надёжными средствами надзора, так и передвижения».

26 мая на пароходе «Эйтин» из Владивостока прибыл первый отряд Камчатской экспедиции Русского Географического общества, снаряженной на средства Ф. П. Рябушинского. Экспедиция состояла она из шести отрядов: ботанического, метеорологического, этнологического, зоологического, геологического.

В конце мая на транспорте «Люцун» прибыл второй отряд экспедиции Рябушинского.

1909

17 июня Петропавловский уезд получил статус самостоятельной области. Были утверждены законы об административном переустройстве Приморской области. Из уездов: Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского и Командорских островов была образована Камчатская область, входящая в состав Приамурского генерал-губернаторства во главе с губернатором.

30 августа к обязанностям губернатора приступил Василий Власьевич Перфильев, исполняя эту должность до августа 1912 г. В. В. Перфильев, уроженец Забайкальской области, окончил Харьковский университет, окончил курс наук в Военно-медицинской академии, получил степень лекаря и прибыл в Хабаровск в 1893 г. на должность врача для командировок, затем исполнял ординаторские обязанности в Хабаровском военном полугоспитале. В 1897 г. его назначили делопроизводителем канцелярии Приамурского генерал-губернатора и произвели в коллежские асессоры. Позже он был назначен правителем канцелярии Приамурского генерал-

губернатора, в 1909 г. он заведовал путевой канцелярией у генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера.

В 1909 г. Петропавловск «представлял собой длинную улицу, на которой стояли семьдесят небольших деревянных домов, самой непричудливой архитектуры, построенных без всякой системы, много лавок, среди которых большинство принадлежало китайцам и японцам. В городе было две церкви, городская школа с семьюдесятью шестью учащимися, единственное на полуострове двухэтажное здание больницы на шесть кроватей с амбулаторией и аптекой, дом КТПО и торгового дома "И. Я. Чурин и К°", пристань на сваях, построенная КТПО. Все здания в городе построены из американского и японского леса, за неимением в окрестностях собственного строевого леса», — писал в своём «Отчёте по рекогносцировочным исследованиям в 1909 г. рек Авачи, Быстрой, Большой» инженер П. Крынин.

В Петропавловск доставлены: шесть лошадей и столько же телег, вагонетки, рельсы для узкоколейки. Всё это требовалось для перевозки стройматериалов. Город продолжал быть деревянным, поэтому потребовались ручная пожарная машина, десять огнетушителей, шланг, крючья, бочки для воды на колесах, ведра, ломы.

1910

24 апреля Синод утвердил устав Православного Камчатского братства во имя Нерукотворного образа Всемилостивого Спаса, общество содействия успешному распространению православия среди коренных жителей Дальнего Востока и Камчатки, укрепления православной веры и ограждения края от неправославного влияния.

Делами братства заведовал братский совет в составе десяти человек, находящийся во Владивостоке. Братство имело отделения в европейской части России. Его членами могли быть миряне и духовенство. Братство находилось под покровительством наследника цесаревича Алексея Николаевича. Основатель братства — иеромонах Нестор, миссионер Корякской походной миссии, приехавший на Камчатку в мае 1907 г. после окончания реального училища и миссионерских курсов при Казанском духовном училище.

В уставе говорилось, что «братство состоит из почётных попечителей, учредителей и членов почётных и действительных. Почётными попечителями признаются лица, оказавшие делу распространения православного просвещения в Камчатской области выдающиеся услуги, а также жертвователи, внёсшие единовременно в пользу братства не менее трёхсот рублей».

Летом прибыл третий (этнологический) отряд экспедиции РГО под руководством В. И. Иохельсона.

8 августа из Владивостока на военном транспорте «Шилка» приехал приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, совершавший инспекционную поездку.

В трёх верстах от города у подошвы горы Зеркальце построены первые здания сельхозфермы: жилой дом, скотный сарай, сарай для фуража и инвентаря. При ферме и городском училище устроены опытные огороды, на которых посадили кусты ягоды и фруктовые деревья, доставленные из Южно-Уссурийского края.

1910

10 ноября в Петропавловске введена в строй первая на Камчатке радиотелеграфная станция, имевшая связь с Николаевском-на-Амуре. Начата постройка воздушной телеграфной линии от Петропавловска до Тигиля. К декабрю её довели до Большерецка.

Начали работать научно-промышленный музей и общественная библиотека.

1911

4 января вместе с аппаратурой сгорела недавно построенная радиотелеграфная станция. Из-за сильной пурги и отдаленности от города и недостатка пожарных средств спасти их не удалось. Вместо сгоревшего построено новое железобетонное.

В 1911 г. при Петропавловском городском училище открыли двухгодичные педагогические курсы, готовящие учителей народных школ.

В городе проживало 924 чел., летом население увеличивалось до 1 200 чел., «ввиду временного пребывания торговцев, рабочих, промышленников».

1912

25 марта губернатором Камчатской области становится действительный статский советник Николай Владимирович Мономахов. Он получил воспитание в Первом военном Павловском и Михайловском артиллерийском училищах. С 1906 г. вице-губернатор, затем губернатор Вологодской губернии, с июля 1910 г. — вице-губернатор Приморской области.

18 апреля подписан акт о приёмке здания для почтово-телеграфной конторы на ул. Большой.

21 декабря открылось отделение Православного Камчатского братства. На общем собрании прихожан председателем отделения был избран настоятель Петропавловского собора протоиерей Даниил Шерстенников, благочинный камчатских церквей.

23 декабря торжественно освящена и открыта второклассная учительская церковно-приходская школа. Занятия в ней начались ещё 2 сентября. Заведующий — Д. Шерстенников.

В 1912 г. организована ветеринарная лаборатория во главе с ветеринарным инспектором С. М. Грюнером. В Петропавловске насчитывается триста шестнадцать домов, из них сто тридцать пять нежилых, две церкви. На Большой — центральной улице города появилось керосинокалильное освещение. Для освещения казённых зданий использовали четыре керосиново-калильных фонаря «Солнце» силою в две тысячи свечей.

Вышла книга протоиерея Д. Шерстенникова «Памятники и надписи как достопримечательности города Петропавловска-на-Камчатке».

Население города насчитывала 1 680 чел.

В Петропавловск пришло охранное судно «Адмирал Завойко», предназначенное для областной администрации. Построено на Охтинском заводе Вильяма Крайтона. Длина 58,6, ширина 8,5, осадка 3 метра, водоизмещение 577 тонн, скорость хода 11, 5 узлов, дальность плавания 2 500 миль, экипаж 57 чел. В апреле 1921 г. судно отправлено с оружием и продовольствием для партизанам Камчатки (командир А. И. Клюсс). В апреле 1923 г. переименовано в «Красный вымпел», переведено в класс сторожевых кораблей. В 1928—1929 гг. корабль принимал участие в ряде гидрографических экспедиций. Первый корабль Тихоокеанского флота. Был штабным кораблём, базой для подготовки личного состава, с 1940 г. — учебный корабль. В годы Второй мировой войны прокладывал подводные кабели, обеспечивал стоянки подводных лодок, участвовал в боевых действиях в Корее. 20 июля 1958 г. решением Военного совета Тихоокеанского флота «Красный вымпел» объявлен мемориальным кораблём-музеем и поставлен на вечную стоянку в бухте Золотой рог во Владивостоке.

1913

1 января Петропавловское городское училище преобразовано в высшее начальное училище.

26 апреля утверждён герб Петропавловска: «В серебряном щите три чёрные сопки с исходящим пламенем. Вокруг гербового щита — два золотых якоря, соединённых Александровскою лентой, наверху — золотая трёхбашенная корона».

27 октября из Владивостока пришли ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач», отправлявшиеся в очередную экспедицию в Арктику.

В 1913 г. на братской могиле павших в 1854 г. по проекту областного инженера К. А. Заранека построена часовня. Прежний храм перенесён на место пришедшего в негодность зимнего собора.

В городе издается первая камчатская газета «Петропавловский листок объявлений».

1914

1 июня открылась типография, приобретённая для канцелярии губернатора. Здесь печаталась газета «Камчатский листок», отчёты губернатора, некоторые книги. Редакция газеты размещалась в доме А. П. Журавского на Второй улице.

14 августа построена первая коммунальная электростанция мощностью 12 кВт.

8 октября завершено сооружение грунтовой дороги от Петропавловска до селения Завойко (ныне Елизово).

В 1914 г. построено здание для литературно-музыкально-драматического общества, вскоре переименованное в «Театр имени С. М. и Н. В. Мономаховых. На правом берегу реки Поганки сооружена железобетонная сейсмическая станция 2-го разряда из железобетона. Здание с каркасом из балок с арматурой из железа и проволоки состояло из аппаратной и прихожей. Привезён и установлен гранитный памятник английскому мореплавателю Клерку.

1915

Население города насчитывает 1 189 чел.

1916

Учреждена Петропавловская и Камчатская епархия. Епископом назначен Нестор.

1917

Март. После отречения императора Николая II Камчатская область управлялась Комитетом общественной безопасности. С марта 1918 по июль 1918 г. — Советом солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, с июня 1918 г. по январь 1920 г. — комиссаром от правительства А. В. Колчака, с января 1920 г. по октябрь 1921 — Военно-революционным комитетом, с октября 1921 г. по 10 ноября 1922 г. — особоуполномоченным в Охотско-Камчатском крае правительства братьев Меркуловых. 10 ноября 1922 г. восстановлена советская власть в лице областного народно-революционного комитета. В ноябре 1922 г. область переименована в Камчатскую губернию, включавшую шесть уездов (Анадырский, Чукотский, Гижигинский, Охотский, Командорский и Петропавловский) и входила в состав Дальневосточной области.

5 ноября выборы в первую Петропавловскую городскую Думу.

1918

28 февраля вышел в свет первый номер газеты «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов г. Петропавловска» (в дальнейшем областная газета «Полярная звезда», «Камчатская правда»).

1 сентября избрана вторая Петропавловская городская Дума.

1919

19 августа избрана третья Петропавловская городская Дума.

1920

20 июня избрана четвёртая Петропавловская городская Дума.

1923

10 февраля решением Камчатского губернского революционного комитета утверждено новое наименование городских улиц.

1924

По пстановлению Президиума ВЦИК город стал называться «Петропавловском-Камчатским».

ИСТОЧНИКИ

1. *Витер И. В.* Хроника строительства Петропавловска. 1740—1923. — Петропавловск-Камчатский, 1998.

2. *Витер И. В., Смышляев А. А.* Город над Авачинской бухтой (история города Петропавловска-Камчатского). — Петропавловск-Камчатский, 2000.

3. Документы архивов: Российского Государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского Государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Государственного архива Камчатского края (ГАКК).

4. *Мартыненко В. П., Захарова Н. И.*, Петропавловск-Камчатский. Краткая хроника событий (1917—1988) // Камчатка. Лит.-худ. сб. — Петропавловск-Камчатский, 1990. — С. 138—149.

5. *Мартыненко В. П.* Петропавловск-Камчатский. Историческая хроника. 1703—1917 // Камчатка. Лит.-худ. сб. — Петропавловск-Камчатский, 1988. — С. 162—185.

6. Петропавловск-Камчатский. 1740—1990. История города в документах и воспоминаниях. — Петропавловск-Камчатский, 1994.

7. Петропавловск-Камчатский. Историко-географический атлас. — Петропавловск-Камчатский, 1994.

8. Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. 1799—1815. Сб. док. — М., 1994.

9. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. — М., 1984.

10. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. — первой половине XIX в. Сб. док. — М., 1989.

11. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1857 гг. // Морской сборник. — 1869. — № 6—8.

12. *Тимофеев Д. Н.* Хронологическая таблица событий в истории освоения Камчатки // Краеведческие записки. Вып. 3. — Петропавловск-Камчатский, 1973. — С. 149—154.

Камчатскій Листокъ

ФОТОГРАФІЯ

Удостоенная на Хабаровской выставки

Похвальнаго отзыва.

Принимаетъ всѣвозможные фотографическіе заказы.

Ввиду значительнаго повышенія цѣнъ на фотографическія пластинки, бумагу и химическіе продукты цѣны Фотографіи слѣдующіе:

	12 ш.	6 ш.
Визитные	8	5
Открытки	8	5
9 X 12	10	8
Кабинетныя Глянцевыя	15	8
Тоже матовыя	18	10
Группы 18 X 24	36	20
Тоже 24 X 30	50	36

Открытки мѣстныхъ видов. 33 к. за ш.

При заказѣ уплач задатокъ, половину.

Съ почт. фот. Е. Колмаковъ.

Торговля Федора Ивановича Сунинтунъ

Въ г. Петропавловскѣ. Большоя улица

Отдѣленія: Въ бухтѣ барона Корфа, сел. Мильково и Алюторкѣ.

Торговля всевозможными товарами: Русскими, европейскими, американскими, китайскими, и японскими.

Цѣны внѣ конкуренціи.

Торговля І. А. Лазарева

Большая улица домъ А. П. Кантора

Большой выборъ Дѣтскихъ игрушекъ. Всевозможные бакалейные товары, галантерея и проч.

Покупаю и продаю мѣха.

Торговля Лютинцзинъ

Большая улица домъ Русанова

Продажа галантерейныхъ, мануфактурныхъ и бакалейныхъ товаровъ.

Съ послѣднимъ пароходомъ получены разныя матеріи

Отдѣленіе. селеніе Ключевское, Петропавловскаго уѣзда.

Рекламные объявления на последних страницах

8 Камчатскій Листокъ

Торговля В. А. Огородникова

г. Петропавловскъ. Большая улица.

Послѣднимъ пароходомъ получены: Дѣтскія игрушки, Елочные украшенія, окорока, колбаса, сосиски, серебрянныя вещи и другіе товары.

Портной П. Д. Протопоповъ.

Довожу до свѣдѣнія г. г. заказчиковъ, что мною принимаются заказы на шитье **МУЖСКАГО** и **ДАМСКАГО** верхняго платья. Исполненіе скорое и аккуратное

Вторая улица домъ Рязанцева

Съ почтеніемъ П. Д. Протопоповъ.

„Петропавловская Общедоступная Библіотека Читальня“.

Въ цѣляхъ приведенія въ порядокъ мѣстной общедоступной библіотеки покорнѣйше просятъ лицъ имѣющихъ на рукахъ библіотечныя книги; озаботиться возвратомъ таковыхъ не позднѣе с. м. Выдача впредь книгъ изъ Библіотеки, съ установленнымъ порядкомъ пользованія ими, будетъ производиться съ 1-го Января.

„Жертвуемыя въ пополненіе Библіотеки книги будутъ приниматься отъ каждаго съ благодарностью“.

Квасо-медовареное Заведеніе.

Довожу до свѣдѣнія населеніе Камчатки, что мною получено разрѣшеніе, варить пиво—медъ, крѣпостью въ 1½ градуса каторый продаю по 30 коп. за бутылку.

Доставляю на домъ и высылаю въ округъ по полученіи задатка въ половинномъ размѣрѣ.

Разрѣшенія на вывозъ не требуется.

г. Петропавловскъ 3-я улица собственный домъ. Т. Е. Головань.

КИТАЙСКІЙ МАГАЗИНЪ Чжангоукдэ

Въ г. Петропавловскѣ. Большая улица

Розничная торговля всевозможными товарами:

Русскими, Китайскими и японскими

Мануфактурными, галантерейными, бакалейными и табачными. Чай байховый, кирпичный зеленый и черный.

Драматическое Общество

Устраиваетъ на праздникахъ Рождества Христова:

25 Декабря въ зданіи Канцеляріи Камчатскаго Губернатора „Дѣтскую Елку“. Начало въ 4 часа дня.

26 Декабря въ театрѣ „Имени С. М. и Н. В. Мономаховыхъ“ Спектакль. Представлено будетъ 1 „ГОСТЬ“ драма въ 2 д. соч. Брандеса. 2. „ДАМА въ МАСКѢ“, Маскарадная исторія въ 1 д. соч. Иваньшина. Начало въ 8 час. вечера.

городской газеты «Камчатский листок» за 1916 г.

С. В. ГАВРИЛОВ

ПЕТРОПАВЛОВСК. ГОД 1928-й

Первое января 1928 г. пришлось на воскресенье. Несмотря на такое сочетание, это был обычный рабочий день. Привычные ныне долгие новогодне-рождественские каникулы в СССР не практиковались, да и наступление самого Нового года, не говоря уже о Рождестве, в двадцатые годы не отмечалось как пережиток «тёмного прошлого». Хотя недавно было торжественно отмечено десятилетие со дня Октябрьской революции, это «тёмное прошлое» нет-нет да напоминало о себе. Например, в виде двуглавого имперского орла на страницах расчётных книжек, использовавшихся Петропавловским агентством Госбанка, недавно переименованном в приходно-расходную кассу. Удивлённому населению разъяснили: так как заготовка ценных бумаг обходится государству очень дорого, то пока Госбанк находит возможным использование их старых образцов. На них царский герб зачеркивался или на него налагалась советская печать.

Имелось и ещё одно напоминание о былой эпохе: городской базар, выстроенный в 1913 г. к трёхсотлетию Дома Романовых. Под деревянным навесом в ряд располагались несколько прилавков и лавок китайских торговцев. На навесе — даты основания города и окончания строительства «1741—1913».

Год начался с объявления месячника «с целью выявления лучших работников из среды молодёжи и создания стимула к поднятию производительности труда в учреждениях и предприятиях города». Для руководства конкурсом окружное (в то время Петропавловск являлся административным центром Камчатского округа, входившего в состав Дальневосточного края) профсоюзное бюро (окрпрофбюро) утвердило комиссию в составе Савельева, Моисеевой, Борисова, Бурнатова, Левина, Ерахтина и Житникова.

Заседавший в первый день января горсовет (председатель Ларин, секретарь Лимберг) признал нецелесообразным организовывать в городе стройконтору, проект которой предложил окружной инженер. Горсовет утвердил тарифы на электроэнергию. Вскоре ожидался пуск первой городской электростанции. Оборудование для неё заказали в США. Стоимость постройки станции, затраты на прокладку электросетей и покупку оборудования превысили пятьдесят тысяч рублей, или почти четверть годового бюджета города. Рабочие и служащие, получавшие жалование по девятому

разряду, должны были в месяц платить «с лампочки»: в шестнадцать свечей (одна свеча равна 1,23 ватта) — 1 руб. 60 коп., в пятьдесят свечей — 5 руб. Более высокооплачиваемые рабочие и служащие платили больше: за шестнадцать свечей — 2 руб., за пятьдесят — 6 руб. Государственные, советские и общественные организации платили за то же, соответственно, 3 руб. 35 коп. и 10 руб. 50 коп. Для частников тариф устанавливался на 20 % выше.

Лампочки имелись на складе коммунального треста «Камчхоз»: в двадцать пять свечей по 1 руб. и по пятьдесят свечей — по 1 руб. 50 коп. Набор арматуры для проводки одной лампочки стоил 5 руб. 50 коп. «В домах, где будет установлено не менее десяти точек горения», трест обязался установить счётчики.

Камчатское племенное хозяйство при опытном поле (на сельхозферме) было готово бесплатно предоставить быков владельцам коров для случки. «Условие: на приводимых для случки коров обязательно предоставить администрации... удостоверение о их здоровье».

В час дня городской радиолюбитель с позывным RK 254 поймал на свой одноламповый сверхрегенеративный приёмник неизвестную широковещательную радиостанцию, работавшую в диапазоне от тридцати до сорока метров. «Слышимость этой станции довольно сносная, но сильно мешают различные шумы и трески, происходящие в атмосфере. Музыку слышно лучше, чем речь». Но всё же отдельные английские слова любитель разобрал. По имевшемуся в его распоряжении «Путеводителю по эфиру» на 1927—1928 гг. он опознал «лучшую в мире» американскую станцию, расположенную близ Нью-Йорка. Вечером он же поймал три любительские станции с Новой Зеландии и одну с Гавайских островов. Хорошо была слышна каждый день, кроме среды, краевая Хабаровская радиостанция.

В конце декабря 1927 г. окрпрофбюро получило из культотдела ВЦСПС первый в городе громкоговорящий радиоприёмник. Пока его передали на городскую радиостанцию «для установления возможности связи со станциями, работающими на длинных волнах». После диковинный аппарат намеревались поставить в Межсоюзном рабочем клубе (бывшем Народном доме). Культотделу окрпрофбюро следовало выяснить потребность в подобных радиоприёмниках «для членской массы» и организовать их массовую выписку с материка.

5 января, в четверг, заседало окружное бюро ВЛКСМ. Слушали дела комсомольцев М. Гуськова, Д. Дмитриева и В. Новограбленова,

учинивших 31 декабря пьяный дебош. Первый, родившийся в 1909 г., кандидат в члены коммунистического Союза молодёжи, ранее уже подвергался «союзным взысканиям». При вступлении в Союз он скрыл своё социальное происхождение: вместо «прочего» в анкете сын бывшего спекулянта указал, что он рабочий. Из комсомола его исключили. Второго провинившегося наказали строгим выговором с предупреждением об исключении и занесением в личное дело, а также «с опубликованием в печати». Такая же участь (благодаря чему мы сейчас и знаем об этой истории) постигла и третьего виновного, камчадала, родившегося в 1906 г., члена Союза с 1924 г.

Ковш начал затягиваться молодым льдом. В городе шли работы по электрификации: натягивали провода, вводили проводку в здания. Началось строительство нового пирса: в дно Ковша забивали длинные деревянные сваи.

7 января изменён порядок оплаты за жильё граждан, помещавшихся в коммунальных зданиях. Теперь платить надо было не в Госбанк, а поставщикам услуг или на дому специальному сборщику по особой квитанции. «Жильцы приглашаются не затруднять сборщиков платежей».

В городе ощущался «дровяной» кризис. Топлива не хватало. Зато в избытке имелся каменный уголь, запасённый в порту для пароходов, но его тонна стоила 56 руб., что было дороговато для низкооплачиваемых тружеников.

Из-за недостатка дров городские учреждения перешли на топку печей углём, доставлявшимся в мешках или ящиках. Недешёвое топливо сваливалось на снег и дорогу, бралось небрежно, рассыпалось и затаптывалось, особенно в ненастье. Затем разносилось на обуви по помещениям, превращаясь сначала в грязь, а затем в пыль.

8 января по случаю «десятилетия ВЦСПС» (профсоюзов) состоялось массовое лыжное катание. Все желающие к одиннадцати утра собрались у здания окружного бюро ВКП(б). Спортивный праздник прошёл под лозунгом «Все на катание! Весело. Полезно. Приятно».

В этот же день Межсоюзный рабочий клуб провёл «литературный суд» над пьесой А. В. Луначарского «Королевский брадобрей».

10 января, во вторник, в управлении погранотряда ОГПУ заседал пленум секции народного просвещения. Были прослушаны доклады комиссии по постановке военного обучения в школе-девятилетке, заведующего городской частью народного обра-

зования и о деятельности городского оборонно-спортивного общества «Осоавиахим». Пленум создал комиссию по проверке работы библиотеки.

В половине десятого ощущалось небольшое землетрясение продолжительностью в одну минуту. Были заметны два толчка, причём от первого «затрещали балки потолка».

Одновременно с началом работ городских школ политграмоты в помещении окрбюро ВКП(б) разворачивался окружной кабинет агитационно-пропагандистской и политико-просветительской работы (агитпроп). Идея таких кабинетов имела всего лишь двух-трёхлетнюю историю. Даже на материке они появились только-только. Твёрдые организационные формы работы агитпропа ещё не установились. Для кабинета уже имелось необходимое оборудование, помещение для него привели в порядок. Оставались сложности с подбором специальных грамотных работников, а также справочной литературы и руководящих материалов.

Кабинет быстро стал органом, занимавшимся инструктивно-учётной и методической работой по вопросам агитации и пропаганды, проводимой парторганизацией в своих рядах и вне их на Камчатке. Внедрение коммунистических в головы обывателей идей шло через политзанятия, инструктажи, семинары и курсы.

В кабинете имелись три отдела: организации и руководства агитпропработой и текущими кампаниями; клубной работы в городе и сельских избах-читальнях; школ политграмот и кружков самообразования. Штатных сотрудников пока не имелось, предполагалось, что работать будет городской актив, секретари партийных и комсомольских организаций, «культработники». К дежурству по кабинету и его «декорированию» привлекались все партийцы и комсомольцы. «Принять участие в работе кабинета — задача каждого заинтересованного в партработе товарища!»

11 января морской прилив подмочил в складе Совторгфлота мешки с сахаром и мукой. Убыток оценён в двести рублей. Товар принадлежал Петропавловскому кооперативу, просившего выдать его сразу по прибытию на пароходе. Но продукты оказались заложены другими грузами, поэтому агентство не смогло это сделать вовремя. По мнению кооператоров, убытки теперь им должен был возместить Совторгфлот.

В самом кооперативе было, что улучшать. Для торговли мясом выделили тесное помещение. В нём также складывали шкуры убитых коров, пустую тару да ещё стояла бочка с салом. «Необходимо из мясной всё лишнее убрать, чтобы дать возможность

трём-четырём покупателям свободно подходить к прилавку без риска вымазаться в сале».

12 января работник городской радиотелеграфной станции, комсомольский активист Г. Сычёв через газету «Полярная звезда» предложил организовать городской радиолюбительский кружок: «У нас, на Камчатке, данные для радиолюбительского движения теперь имеются. Недавно начала работать мощная Хабаровская широковещательная станция. Слышимость её на трёхламповый приёмник вполне приличная, это говорит за хороший приём на одноламповый (некоторыми любителями уже производится)... В целях продуктивной работы кружку надо опасаться таких "радиолюбителей", которым только лестно повертеться в кружке, послушать громкоговоритель, но совершенно не интересующихся творческой работой; затем опасаться и таких, для которых кружок есть средство построить приёмник для личного пользования, а после этого их и в кружок не заманишь».

Надо заметить, что подобные полезные предложения городской общественности (читатель это увидит ещё не раз) «проводились в жизнь» довольно быстро. Потому неудивительно, что радиокружок появился уже в начале февраля. Радио — эта, по словам «вождя мирового пролетариата» В. И. Ленина, «газета без бумаги и расстояний», прочно входило в камчатский быт. Его влияние на настроения тогдашнего общества можно сравнить с ролью, которую в наше время играет Интернет.

13 января для членов профсоюза в Межсоюзном рабочем клубе показывали кинокартины «Гарпун» (из жизни голландских китобоев, в восьми частях) и «Празднование седьмой годовщины Октября в Ленинграде».

Посредине улицы Ленинской валялся полузанесённый снегом навес со шпилем и вывеской одной из городских контор, оторванный ветром около месяца назад от здания треста «Камчхоз», в котором контора арендовала помещение.

14 января, в субботу, в клубе прошёл закрытый профсоюзный семейный вечер. Приглашённые пускались по специальным билетам.

15 января, в воскресенье, состоялось «первое катание женской лыжной секции Осоавиахима». Женщин заранее просили «аккуратно собраться» в десять утра у здания радиостанции. «Руководителем секции изъявил согласие быть тов. Новограбленов И. Т.».

Капитан порта Пестов приглашал на сдельную работу плотников для работы по сооружению нового деревянного причала.

16 января Авачинская губа затянулась льдом, город окутался плотным туманом. В семь часов утра температура воздуха составляла минус четырнадцать градусов.

18 января завершилась фотовыставка, устроенная Камчатским краеведческим обществом. Она открылась в день десятилетия Октября, то есть 7 ноября 1927 г. Выставку посетили более четырёхсот человек, в ней приняли участие двадцать два самодеятельных фотографа. «Если в прошлом, ещё не так давно, наши фотолюбители плохо владели аппаратом, не знали, с чего начать, давали плохие снимки, то теперь от этого почти не осталось и следа. Многие снимки (особенно у тт. Ткачука и Матулиса) настолько художественно-выдержаны, технически отделаны и содержательны, что им позавидовал бы любой фотопрофессионал». Оба любителя получили похвальные отзывы.

Упали надои на сельхозферме. Лицам, имевшим малолетних детей, получавшим ранее по две бутылки молока, теперь полагалось по одной, и то через день. «Если молока недостаёт, — задавался вопросом горожанин, укрывшийся под псевдонимом «Это я», — почему же тогда некоторым товарищам уделяют молока по три и больше бутылок, в то время как у них нет детей или есть, но взрослые? Выходит, что и в доставке молока большую роль играет кумовство, а ведь с кумовством у нас ведётся борьба. Не следует ли и на эту сторону кумовства обратить, кому следует, внимание?»

19 января владелец дома № 16 на улице Набережной, что на Култучном озере, дал объявление о сдаче комнаты одинокому жильцу или жиличке.

В шесть часов вечера в кабинете агитпропа собралось Камчатское краеведческое общество. Правление и ревизионная комиссия огласили отчёт о работе за прошедший 1927-й год, затем состоялись перевыборы правления и ревкомиссии. Общество провозгласило: «Основным лозунгом в работе всех государственных, хозяйственных и общественных организаций на ближайшее время выдвинут лозунг: “Лицом к туземцу”. Помочь им в этом своими знаниями, своей научно-исследовательской работой, проводимой в туземной среде, краеведческое общество должно и сможет».

В клубе показывали кинофильм из «азиатской жизни» под названием «Долина слёз». Картина «рисует борьбу с ханами. Артисты играют замечательно, красивые виды».

20 января объявлено обязательное постановление окрревкома «О ветеринарно-карантинных пунктах». Прибывавшие в порт пароходы с домашними животными должны были осматриваться

до подхода к пристани. Затем животные направлялись для прохождения карантина на выделенный для этой цели Артюшкин полуостров, расположенный на перешейке между Тарьинской и Богатырёвской бухтами. Карантин занимал пространство «от восточной его оконечности до озера». Отныне там запрещались сенокошение и пригон местных животных.

Тогда же объявлено ещё одно обязательное постановление: «О порядке убоя животных для питания». Убой рогатого скота, лошадей и свиней в черте города отныне запрещался. Делать это можно было только в особо отведённом месте. Зимой разрешалось убивать и разделывать мелких животных на дворах на снегу «с непременным условием, чтобы после убоя отбросы тщательно были убраны». Виновные в нарушении постановления подвергались штрафу до десяти рублей или принудительным работам на срок до двух недель.

21 января, суббота. В пять часов вечера состоялось траурное заседание по случаю четвёртой годовщины со дня смерти В. И. Ленина. В школе-девятилетке своими воспоминаниями делился участник похорон вождя. «Он просто, задушевно, с волнением, языком простолюдина рассказал об этом. На глаза навёртывались слёзы. “Мы, — говорит, — свово вождя хороним! Округ пятьсот тыщ народу проходило у катафалка Ильича каждый день”. Первую телеграмму в Петропавловске о смерти В. И. Ленина в 1924-м году в два часа ночи по местному времени пришлось принимать мне, тогда ещё молодому радисту-комсомольцу. От волнения руки отказывались писать. Никто ещё кроме меня не знал этой трагической вести, — записал в свой дневник Г. Сычёв. — Вечер в школе закончился пением революционных песен и декламацией, посвящённой траурному дню. Впервые сегодня в городе за всё время его существования и Камчатки зажглась “лампочка Ильича”. Пустили новую электростанцию на постоянном токе. Многие жители уже провели электричество себе».

22 января в три часа дня в ленинском уголке управления погранотряда собрались женщины, желавшие заниматься в стрелковой секции окрбюро Осоавиахима. В восемь часов вечера в рабочем клубе прошёл живой журнал «Красный север», также посвящённый четвёртой годовщине со дня смерти В. И. Ленина и Кровавому воскресенью (памяти событий 1905 г. в Петербурге, окончившихся расстрелом рабочей демонстрации).

В «живом журнале» участвовал смешанный великорусский и неаполитанский оркестр, на сцене разместилось более тридцати музы-

кантов. Их выступление произвело большое впечатление, особенно музыкальная картина «9-е января 1905 г.». «Когда барабан имитировал орудийные выстрелы, прямо мороз по коже пробегал».

23—24 января Петропавловская школа-девятилетка имени десятой годовщины Октябрьской революции устроила публичный учёт успеваемости, дисциплины и общественно-школьной работы. Ввиду важности обсуждаемых вопросов приглашались родители учащихся и представители общественно-политических организаций.

24 января Петропавловское агентство Совторгфлота провело в своих складах на пристани аукционную продажу продуктов: солонины, консервированных супов и прочего. «Качество продуктов можно осмотреть на складах в рабочее время».

25 января, в среду, заседал школьный совет. Он рассмотрел итоги второй четверти 1927/28 учебного года. Докладывал заведующий школой В. Луговой. В школе не было привычных для нас классов. Ученики делились по группам. Младшие — с первой по четвёртую, старшие — с пятой по восьмую. Самая старшая — девятая группа — именовалась «ремесленной»: при школе работала ремесленная мастерская. Жизнь учебного заведения отражала стенная газета «Школьный луч».

26 января отчитались о работе городские пионеры. Первый Петропавловский отряд юных пионеров появился в 1924 г. Тогда он состоял из десяти человек. В январе 1928 г. отрядов было уже два, в каждом по сорок ребят. «В смысле руководства со стороны партии и комсомола и со стороны родительского состава дело обстоит довольно хорошо. Но плохо дело обстоит с клубом. Клуб играет большую роль в работе отрядов, особенно в зимнее время. У нас клуба нет, и это отражается на работе. Недостатком в нашей работе нужно отметить плохую связь с родителями», — отметили юные ленинцы.

Второй отряд образовался в первых числах мая 1927 г. и приступил к подготовке Международной детской недели, начало которой намечалось на 15 мая. «План быстро составили и начали вести подготовку к празднику: начали репетиции пьески, разучивание песен, декламаций, вольных движений... В неделю в отряд вступило пять человек», — рассказывал пионер Володя Зорин. За лето ребята совершили три экскурсии в деревни Елизово, Сероглазку и Паратунку. Всё остальное время работа шла внутри отряда. Дети собирались, вожатый «делал беседу», пели, играли, занимались гимнастикой, участвовали в разных кампаниях, «которые проводили партия и комсомол».

26 января окружная типография, нуждавшаяся в разборщике шрифтов, дала необычное для нас по форме объявление: «Желающие принять на себя эту работу приглашаются заявить о том в типографию ежедневно с девяти до трёх часов дня».

29 января правление Межсоюзного рабочего клуба приступило к составлению календарного плана спектаклей, вечеров на февраль-июнь 1928 г. Все организации, предполагавшие показывать в клубе какие-либо постановки, должны были передать свои заявки не позднее 4 февраля.

В конце января состоялось заседание Камчатского краеведческого общества. В правление выбраны девять человек: председатель М. И. Каплан, его заместитель П. Т. Новограбленов, секретарь Кренберг, Бонкман, Павленко, Вдовин, Н. Кузнецов, Ларин, В. Ф. Комаров. Кандидаты к ним: Голованов, Успенский, Жедяевский. Утверждён размер годового членского взноса: три рубля, для красноармейцев — двадцать копеек.

В музей общества поступили сборы растений от Б. и Я. Ростовых с Командорских островов. Ботаник общества их обработал и составил гербарий. В него вошли восемьдесят пять видов. Одно растение из семейства крестоцветных оказалось новым для флоры островов. Общество объявило Ростовым за эти сборы благодарность.

В январе горсовет утвердил размер платы за обучение детей в школах. Родители, получавшие жалование до ста пятидесяти рублей в месяц, от платы освобождались, получавшие до двухсот рублей, платили один процент, от двухсот до двухсот пятидесяти — полтора процента, свыше трёхсот — три процента.

Председатель горсовета И. Е. Ларин убыл в отпуск. Его обязанности возложены на члена президиума совета А. Л. Бурнатова.

1 февраля для предоставления приезжавшим в город крестьянам удобного ночлега, окркрестком при помощи госучреждений и городских организаций открыл «заезжий дом». В Петропавловске не было гостиниц и постоялых дворов. Всякий приезжий попадал в весьма сложное положение — податься ему было некуда. Летом приезжавшие в город крестьяне устраивались в палатках, благо на улице было тепло. А что делать зимой? Если нет знакомых, приходилось отправляться «к китайцам, к спекулянтам».

Гостям «заезжего дома» предоставлялись: койка с чистым постельным бельём, бесплатно чай с сахаром. Имелся красный уголок и справочный стол, обслуживаемые дежурным. Обещалось, что вскоре «будет проведён ряд бесед на темы, интересующие крестьянство. Чтение бесед будет сопровождаться картинками».

Гостям полагался бесплатный вход клуб на постановки и киносеансы. За ночлег и пользование всеми услугами взимались по пятьдесят копеек в сутки с человека. Дом располагался по адресу: Советская площадь, дом местхоза, № 21.

Вскоре появились и первые отзывы крестьян о работе дома: «Открытие… является очень полезным, так как таковой стал единственным убежищем для нас. При входе… бросается в глаза, несмотря на небольшое помещение, чистота и опрятность. Всё хорошо обставлено, постели в опрятности, в одной из комнат стоит стол, на котором разложены газеты, журналы и книги, где мы можем узнать кое-что полезное для нас. По стенам висят портреты советских вождей… Сказать можно только хорошее и благодарить учреждения и общественные организации за открытие ещё одного культурного очага в Петропавловске».

Вот так в городе возникло ещё одно «культурное учреждение», которое должно было «проводить культурную революцию среди крестьян».

С 1 февраля ликвидировалась бильярдная при клубе Союза совторгслужащих (ССТС) — так теперь назывался бывший Межсоюзный рабочий клуб. Все лица, имевшие задолженность по бильярду, приглашались внести таковую не позднее 7 февраля члену правления клуба Э. К. Трутце. С не погасивших задолженности её намеревались взыскать судебным порядком с «опубликованием фамилий должников в газете на “чёрной доске”».

Бильярд разобрали и сложили на чердак. На это событие автор, укрывшийся под псевдонимом «Клык моржовый», откликнулся стихотворением «Биллиардное»:

Играли ночью, играли днём,
Бродили тенью за шаром.
Был оживлён народом рабочий клуб —
И мат, и стук, и лязг зубов,
И дым столбом, и вонь кругом царила в нём.
Вой побеждённых, в искусстве острамлённых,
Игроцкое страдание, и тут же ликованье
Того, кто победил, последний шар сразил…
Хвала и честь, почёт и лесть
Царю киёв, царю шаров…
Закрыта ночью, закрыта днём,
Укором мрачным торчит засов.
На чердаке, в пыли, в тряпье,
В тиши и тьме лежат кии, лежат шары…

Но оживляется Народный дом — рабочий клуб —
Дела идут: и драмкружок, и хоркружок,
И музкружок, и физкружок ведут работу.
И ни киям, и ни шарам не будет
Там почёт и место.
Для них — увы! Где ни взгляни повсюду тесно.
Одно им место — глухой чердак.
Да будет вечно так!

Но уже 12 февраля правление клуба объявляло о желании продать или сдать в аренду два стола с шарами и киями. Для переговоров предлагалось обратиться к тому же члену правления Э. К. Трутце. Посещение, занимаемое бильярдной ранее, намечали использовать как фойе и для кружковой работы.

2 февраля при клубе открылись курсы кройки и шитья. Желающих посещать их нашлось много — более пятидесяти человек. Их разделили на две группы: «А» и «Б». «Метод преподавания на первый месяц был самый примитивный». Условия учёбы оказались неважными. Собирались в детсаде, учились шить на низких детских столах и таких же стульчиках. В этот же день в клубе установлен недавно обещанный громкоговоритель.

В начале февраля музею Камчатского краеведческого общества, размещавшемуся в школе-девятилетке, поступили в дар от члена общества П. Г. Охапкина предметы охоты и быта аборигенов Пенжинского района. Среди них железное копьё из селения Иткана, удочки для ловли мальмы и хариуса с верховьев реки Парень, изделия из травы.

4 и 5 февраля в клубе ССТС в восемь часов вечера прошли киносеансы «Фальшивая дорога» (драма в шести частях) и «Судья острова Майя» (драма в восьми частях). «Цены обыкновенные». Клуб организовывал при кружке физкультуры лыжно-конькобежную команду. Записывал желающих член правления Борисов. Организационное собрание спортсменов прошло в субботу 4-го числа в три часа дня в помещении бывшей бильярдной.

5 февраля состоялось первое совещание городского советского и профсоюзного актива. Слушали доклад о том, кто такие «активисты» и какие задачи перед ними стоят. Это заинтересовало присутствующих, постановивших устраивать такие совещания почаще. Агитпроп разработал их программу на первые четыре месяца. В неё вошли вопросы экономии и улучшения деятельности госаппарата, разъяснение сути займов индустриализации страны, устройство быта.

В библиотеку краеведческого общества поступили новые издания: «Экономическая жизнь Дальнего Востока», шестой и седьмой выпуски, со статьёй члена общества Ничипуренко «Моржовый промысел на Чукотке»; работа профессора Гапонова «Ископаемые диатомитовые водоросли полуострова Камчатки», написанная на материалах обработки глин нефтеносных участков по реке Богачёвке Кроноцкого района; брошюра Шаврова «О населении северной части полуострова Камчатки». Этот материал автор недавно излагал на одном из собраний местных краеведов, а вот теперь он был уже издан.

5 февраля при окрбюро ВЛКСМ создан комитет смотра пионерских организаций. Председатель: Кузнецов, члены Борисов, Ворошилов, Павленко, Топольский, Бакалов, Масюк, Житников. Основные задачи смотра: выявление всех «пионердостижений», перенесение передового опыта работы в отряды, выяснение конкретных причин слабости работы и борьба с ними; привлечение общественного внимания к работе пионеров; усиление партийно-комсомольского руководства пионерской организацией.

Разработана «Памятка пионеротряду к смотру»: «1. На ближайшем отрядном сборе обсудите вопрос о смотре и составьте план смотра. 2. Начните смотр достижений в своей стенной газете и “Полярной звезде”. 3. В каждом звене обсудите свои достижения и опишите их. 4. Соберите все материалы работы отряда (с диаграммами, фотографиями) и приготовьте это всё к выставке».

Пикор (пионерский корреспондент) Вера рассказывала в «Полярной звезде» о том, как руководят первым городским отрядом юных пионеров имени Дзержинского. Этим занимались «старшие товарищи» — партийцы через комсомольскую ячейку, а та уже непосредственно управляла отрядом через «партпредставителя». Тот должен был проводить беседы, посещать занятия и заседания совета отряда. «Но вся беда в том, что прикреплённый товарищ очень загружен другой работой и потому мало уделяет внимания отряду. Если у нас проходит отрядный сбор, то случается, что партприкрепленец не бывает на сборе.

Нам очень хотелось, чтобы ячейка партии выделила более свободного товарища, а то многие пионеры даже не знают наших партийных руководителей». Вожатый отряда со всеми нуждами и за материалами обращался в партячейку, выписавшую для отряда разную детскую литературу: журналы «Вожатый», «Пионер», а для октябрят — «Красную звёздочку». Партийцы приобрели и пионерское знамя.

Пикор Валя Ларин поделился тем, как в отряде проходят беседы: «Проводятся в большинстве случаев самим вожатым или вожатым в звеньях. Иногда беседы проходят скучно, и ребята на такой беседе не слушают и начинают волынить. Но бывают беседы очень интересные, к которым ребята относятся хорошо и после беседы задают вопросы, на которые вожатый отвечает. Ребята беседами интересуются, но не все такие, которые хорошо слушают беседу, есть "волынщики", но им делают замечания, после которых некоторые молчат, а другие продолжают волынить. В будущем нужно проводить беседы не длиннее минут тридцати, и такие, чтобы в них было меньше непонятных слов. Кроме того, надо, чтобы для проведения бесед привлекались другие товарищам из комсомольцев, партийцев, докторов, учителей, а то вожатый сам всё время один "беседует"».

Пикор Витя из второго городского отряда имени Будённого рассказал о пионерских играх: «У нас… на отрядовых сборах проводят игры, и если на занятиях проводятся только беседы, то занятие уже кажется неинтересным и скучным. Есть игры, которые интересуют всех ребят, и мы играем весело. А есть такие игры, которые ребят не интересуют: игра "Вожатый говорит". Получается так: одни стоят, не играют, а другие играют. "Кошка-мышка" и "Эстафета" — эти игры всем нравятся, но есть "старики", которым никакие игры не нравятся. На улице мы почти никогда игры не проводили. Многие ребята после разных игр на боре бегут скорей на лёд. Вожатый это видит, но организовать всех ребят не может. Теперь у нас новый вожатый — Шура Мамцов. Надеемся, что он будет проводить разные игры на свежем воздухе».

Пионер Алёша из отряда имени Дзержинского отметил, что военизация у них проводится плохо. «Несколько раз хотел придти военный товарищ из пограничного отряда для проведения бесед, но до сих пор так и не пришёл. Было лишь несколько экскурсий в красную казарму… Рассматривали винтовки, противогазы, военные журналы. Красноармейцы показали, как они стреляют из винтовки. Водили нас на кухню. У них всё чисто и опрятно. Шинели и винтовки всегда стоят наготове, в случае тревоги они сразу в пять минут уже готовы. Нам надо учиться военному делу, знакомиться с противогазами, чтобы в случае, если капиталисты пустят газы, мы сумеем противогазами пользоваться сами и показать другим…»

9 февраля «Полярная звезда» сообщила о раскрытии и ликвидации оппозиционной группы в городе. Еще в январе стало известно, что в рядах партийной оппозиции во главе с Л. Д. Троцким

в центре произошёл раскол — два её основных участника — Зиновьев и Каменев — отмежевались от Троцкого, высланного из Москвы, и подчинились решениям XV партсъезда, обратившись с покаянным письмом в главную партийную газету «Правду».

«Душой» местной оппозиции оказался некто Григорьев, ведший «подрывные беседы» в фининспекции. Во второй половине октября 1927 г. оппозиционеры собирались на пароходе «Астрахань». Пока несогласных с «линией ВКП(б)» всего лишь исключали из партии и снимали с руководящей работы. Их физическим устранением занялись немногим попозже...

В это же день на заседании правления краеведческого общества было решено разбить все его работы по отделам. Социально-политический отдел возглавил М. И. Каплан, экономический — В. Ф. Комаров, историко-этнографический — М. А. Жедяевский, естественно-географический и музейно-библиотечный — П. Т. Новограбленов, издательский — Э. М. Брикман, фотосекцию — В. Ф. Ткачук. Казначей общества — Ф. Л. Слободчиков, секретарь — М. Э. Кренберг. Правление рекомендовало всем членам общества обращаться к этим товарищам за содействием и справками во время своих работ. Президиуму поручалось вести работу по открытию отделений общества в наиболее значительных местах округа.

Рабочий сельхозфермы Бурдик поделился в «Полярной звезде» своими соображениями по поводу поведения собственного руководства: «Заведующий опытным полем Чистяковский выехал с поля в восемь часов утра, а вернулся в час ночи. За это время он так изъездил коня (лучший на поле — “Орлик”), что прямо удивительно. В другой раз он вернулся без седёлки, а чересседельник был завязан через спину». Седелку нашли лишь через день против клуба ССТС. «Казалось бы, — недоумевал труженик, — товарищ Чистяков должен показывать пример рабочим, а тут выходит наоборот».

Имелся и ещё один «лошадиный инквизитор», как назвал его автор следующей заметки: «Есть у нас в городе китаец по фамилии Ильин. Он имеет три лошади. При малейшей остановке лошади и даже в том случае, когда бедное животное надрывается под тяжестью, он с невероятным остервенением беспощадно избивает неповинное животное не кнутом, не прутьями, а толстой палкой... Эта зверская расправа происходит очень часто на глазах детей. Ильину неоднократно и в серьёзной форме делали замечание проходившие граждане, но не помогает...»

11 февраля, в субботу, в клубе ССТС отшумел музыкально-вокальный вечер Осоавиахима. В программу вошли: шутка в трёх картинах «Авио-сон» с участием Гарсова, Зойлы, Кренберга и Ткачука, «политоперетка» в одном действии «Деспот пирует» в исполнении десятка любителей, лубок «У самолёта», сочинённый Гарсовым, хор под управлением Курилова, «итальянский» оркестр под руководством Трутце, частушки, а также «буфет, танцы, оркестр. Начало ровно в $8^1/_2$ часов вечера». Стоимость билетов: с первого по четвёртый ряды — рубль пятьдесят, с пятого по десятый — рубль, остальные — по полтиннику.

Горсовет принял бюджет Петропавловска на 1928 г. в сумме 331 262 руб. Утверждена смета на планировку улиц, площади Советской, ремонт мостов через городские ручьи, на проводку освещения в сумме 10 000 руб. Разрешён вопрос о строительстве двухэтажного дома за 23 704 руб., отпущены средства на расширение и дооборудование детсада.

Горожанин И. Пименов рассказал в «Полярной звезде» о незавидной участи многочисленной семьи сапожника Буркова, квартировавшей на Второй улице. Больной глава семейства лечился во Владивостоке. Его хворая жена, «изнеможденный вид которой от недоедания, от повседневной работы и болезни представляет движущегося покойника. Вокруг этой жертвы суровой судьбы копошатся, как муравьи, шесть малолеток, из коих старшему одиннадцать лет. Несчастные детишки, исхудалые, грязные, в оборванных рубашонках, вьются в тряпье убогого ложа больной матери, крестьянки, неразвитой деревенской женщины».

Ни продуктов, ни денег это несчастное семейство не имело. Помогали сердобольные соседи. На вопрос: на какие средства существует семья, мать с трудом ответила: «На двадцать шесть рублей от собеса». «Можете ли вы на дому стирать бельё, когда немного поправитесь или шить на своей машинке?» «Не могу, потому что в глазах туман какой-то мешается, да и сил нет, в голове непонятное...» Автор заметки возмущался тем фактом, что при наличии городского общества взаимопомощи, Добровольного общества «Друг детей», окружного отдела народного образования, «под боком в окружном центре бедствует в кошмарном состоянии полуголодная семья малолеток, будущих советских граждан».

Тут же газета разъясняла, что дополнительные виды соцобеспечения выдаются застрахованным гражданам, пенсионерам и безработным. Система соцстраха на Камчатке начала действовать с 1 августа 1927 г. Выплаты производились по категориям: 1) «на

приданное ребёнку» при рождении — сорок пять рублей, 2) на кормление ребёнка в течение первых девяти месяцев его жизни — двенадцать рублей в месяц, 3) пособие на погребение: старше десяти лет — шестьдесят семь, не достигших десятилетнего возраста — тридцать три рубля семьдесят пять копеек. Первые два пособия предназначались только лицам, получавшим зарплату не свыше двухсот семидесяти рублей в месяц.

12 февраля намечалось лыжное катание женской группы в районе радиостанции.

16 февраля продолжался ремонт пристани в порту. Шёл он медленно из-за отсутствия квалифицированной рабсилы и недостатка материалов. Окрревком предложил Совторгфлоту завершить работы до середины апреля, к подходу первых пароходов новой навигации. Для предотвращения портовой Кошки от размыва перед краевым центром — Хабаровском — был поднят вопрос о выделении портоуправлению необходимых на это средств, а также о расширении пристани, устройстве новых складов и засыпке части Ковша для расширения портовой территории. Это могло защитить хранящие в складах грузы от порчи их морской водой.

16 февраля правление клуба ССТС утвердило новый состав редколлегии «живого журнала» «Красный Север»: председатель Ткачук, члены Стратулат, Зырянов, Трутце, Борисов и Недбайло.

Радиолюбители, получив необходимые детали из Владивостока, собрали двухламповый коротковолновый приёмник. Он сразу же заработал, что в любительской практике бывало нечасто. Аппарат смонтировали без использования пайки, он питался от батареи с напряжением сорок пять вольт. С его помощью слушали Нью-Йорк, Австрию, Англию, Японию и Мексику. Из советских станций — Иркутск, Читу, Томск, Владивосток и даже маломощный, всего лишь десятиваттный, Наяхан. 13 февраля на пятидесяти пятиметровой волне поймали Москву. «Действительно, настало время, когда радио не знает границ. Товарищи, кто следующий? Ведь мы слышим сердце СССР — Москву!»

18 февраля, в субботу, в клубе ССТС демонстрировался двухсерийный фильм «Отпрыск благородного рода».

В середине февраля заработало уличное освещение. Вскоре выяснилось, что воронкообразные абажуры над лампами слишком глубоки. Свет падал лишь возле столба в округе не более двадцати сажен. В промежутках между столбами оставалось темно, как раньше. Уличное освещение включалось в пять часов утра. Горожане предлагали заменить воронкообразные абажуры плоскими, а свет

включать часом позже: «Час экономии в несколько десятков лампочек для нашего небогатого города имеет большое значение».

Открылись бухгалтерские курсы, которые посещали от восьми до десяти слушателей. Основной сложностью при проведении занятий оказалось отсутствие удовлетворительного помещения, где можно было бы повесить классную доску.

Горсовет признал необходимым все поступления от эксплуатации подведомственной ему жилой площади направить на капитальный ремонт зданий. Отделу благоустройства предложено с наступлением весны завершить работы по устройству городского водопровода, «добиваясь полного выполнения плана по улучшению водопроводной магистрали».

19 февраля фотограф Колмаков дал объявление о приёме заказов «на изготовление камчатских видов для альбомов и открыток, увеличение портретов. По желанию всё в красках... Заказчики вносят задаток и при получении пробной карточки уплачивают всю сумму. Ввиду неуплаты некоторыми лицами задолженности по фотографии — кредит не допускается».

При клубе ССТС работал пушной кружок. К середине апреля здесь «изучили» лисицу-сиводушку, чернобурку, белого и голубого песца, соболя и выдру. Слушателей научили раскладывать лисиц по сортам. «Занятия проходят весело, много задают вопросов, преподаватели рассказывают хорошо, что удовлетворяет слушателей». Последние желали открытия «более обширного кружка», который смог бы охватить больше любителей пушного дела.

Продолжился аукционный торг «со значительной скидкой» по продаже шёлковых и полушёлковых тканей, игрушек и прочих товаров, не проданных 11 и 12 февраля.

Главным событием февраля стало празднование десятилетия Красной Армии. Согласно советской легенде, она «родилась в боях под Псковом и Нарвой» 23 февраля 1918 г. Её создателем ещё совсем недавно считался нынче прочно впавший в немилость бывший наркомвоенмор товарищ Троцкий.

К юбилею опубликованы лозунги ЦК ВКП(б). Вот некоторые из них: «Октябрьская революция создала свою Красную Армию — вооружённую опору диктатуры пролетариата. Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия!», «Красноармеец и краснофлотец — верные стражи советской страны, стоящей социализм. Привет бойцам и командирам Красной Армии и Флота!», «Мы создали армию, которая первый раз в истории знает, за что она борется!» «Рабочий и крестьянин! Держи крепче связь с Красной

Армией!» «Привет военным специалистам старой армии, отдавшим свои знания и энергию делу строительства Красной Армии!», «Наш красноармеец — не прежний солдат, затыканный, запуганный, являющийся простой машиной в руках начальства. Наш красноармеец — полноправный гражданин республики», «Хотим мира, чтобы строить социализм», «Империалисты готовят войну, чтобы сорвать наше строительство. Будем готовы к отпору врагам!»

19 февраля опубликован «План проведения десятилетия Красной Армии». Основным задачами юбилея стали: создание общественного мнения вокруг праздника, укрепление связи шефа — профсоюзов — с подшефными — погранотрядом; ознакомление населения с историей Красной Армии; разъяснение международного положения СССР и вытекающей отсюда военной опасности и необходимости укрепления обороны страны; укрепление рядов Осоавиахима и оживление его работы.

21 февраля, во вторник, в шесть часов вечера прошло торжественное собрание партийных и комсомольских ячеек, профсоюзных организаций с докладом «Десять лет Красной Армии». После собрания своими воспоминаниями делились участники гражданской войны, велась подписка на военную литературу и запись в военные кружки. В кабинете агитпропа окрбюро ВКП(б) открылся военный уголок, проработавший до 5 марта.

22 февраля город украшался красными флагами и лозунгами, вроде «Да здравствуют честные воины гражданской войны за Советы на Камчатке!» Вечером началось торжественное заседание в погранотряде с чествованием ветеранов армии, участников партизанского движения на Камчатке и кавалеров первого и пока единственного советского ордена Красного Знамени. Таковым был Сергей Степанович Мальков, удостоенный высокой награды за бой с «Земской ратью» белого Приамурского правительства генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса 14 октября 1922 г.

В городе насчитывалось шестнадцать ветеранов Красной Армии: Георгий Петрович Амброзевич, крестьянин, Пётр Игнатьевич Березуцкий, рабочий-колёсник, Фёдор Михайлович Бобраков, машинист, Эмиль Мартынович Буман, учитель, Алексей Андреевич Васильев, крестьянин, Николай Иванович Васин, крестьянин, Александр Ильич Голубев, рабочий, Александр Александрович Домманн, служащий, Ефим Ефимович Захаров, токарь Иван Захарович Каратаев, окружной военком, Яков Афанасьевич Мухин, крестьянин, Семён Иванович Никифоров, служащий, Георгий Андреевич Пьянков, служащий, Степан Денисович Самойленко, крестьянин,

Иван Семёнович Стрекалов, крестьянин, Франц Константинович Юхно, рабочий-шорник.

23 февраля, четверг, объявлен нерабочим днём. Отовсюду звучали многочисленные поздравления, в том числе стихотворные, вроде сочинения «Красная Армия»:

Из бодрых крестьян и рабочих ты слита,
Надежда, оплот мятежей всенародный.
Как солнцем, бессмертною славой облита,
Стоишь на защите Республик Свободных.
Идейною спайкой, сильна ты сознаньем,
Гроза неизбежна — как сила стихии.
Горишь, как и все мы, единым желаньем,
Таишь в себе буйные силы лихие.
Буржуй, устрашась большевистской заразы,
Готовится бешено к яростной схватке —
Для нас изобрёл ядовитые газы,
Дредноуты строит и авиаматки.
Но мы, твои братья, сегодня клянёмся,
Лишь клич боевой пролетит над страною,
Мы встанем на помощь мильонной стеною.
И все, как один, за винтовку возьмёмся.

С десяти часов утра до двух дня трудовые коллективы посещали с экскурсиями погранотряд (желающие собирались в группы в клубе ССТС). В три часа дня — торжественный обед в погранотряде. В восемь вечера клуб ССТС устроил большой концерт.

Его «гвоздём» стала постановка «Амбы» — «капитальной современной революционной пьесы из эпохи гражданской войны». Замысел пьесы, отрежиссированной Е. М. Стратулатом, сводился к следующему: «В голодные чёрные дни, когда люди ели мёрзлый картофель, когда бродила по залитой кровью земле нищета, холод и лишенья, когда со всех сторон на ступал враг и жизнь Советов была поставлена на карту — в эти дни, в неимоверных трудностях и препятствиях куётся Красная Армия, куётся её дисциплина в крепятся ряды бойцов. Этой работе мешают оставшиеся демократические настроения, слабые, расхлябанные люди, под эту работу роют подкоп контрреволюционные шпионы-наймиты империализма, но творческая работа побеждает».

В пьесе присутствовали три центральных фигуры: организатор красноармейских частей, начальник дивизии Шторм, «работающий в атмосфере недоверия, малодисциплинированности, расхлябанности», Лена, комиссар «железного полка», занимавшаяся

вместе со Штормом укреплением молодых частей Красной Армии («Лена — закалённый, испытанный боец, завоевавший неограниченный авторитет среди красноармейцев») и Артём Жмутский — шпион, контрреволюционер, тёмный авантюрист, ведший работу по разложению красноармейцев.

Зрителям пьеса понравилась. Отмечались её хорошая подготовка и глубокая проработка типов, обеспечившие несомненный успех. Подкачал, разве что, Глаголевский, исполнитель роли Шторма, не сумевший вполне овладеть ею и не давший «яркого выражения замысла автора». Зойла (Зырянова), игравшая Лену, вполне справилась с ролью. Сильное впечатление на зрителей произвёл Тимов, воплотивший образ злодея Жмутского. «Хорошей игрой выделяются также Орёл — начальник разведки (Панов, чуть не взявший аплодисменты публики), Егор — адъютант командира батальона (Студецкий), Юзефь — сестра Жмутского (Казаченко)».

Празднества завершились в воскресенье 26 февраля проведением стрельб и военной игры. Смотр стрелковой подготовки трудящихся Петропавловска начался в половине десятого утра в Ковше у пристани под руководством Самойленко. В два часа дня состоялась военная игра, сейчас бы сказали, что «реконструкция»: бой с белогвардейцами и взятие города партизанами. Центральным местом «боя» стала площадь Свободы. Организовали это действо Стратулат, Борисов и тот же Самойленко.

Школа-девятилетка праздновала юбилей по особому плану. Всем этим действом руководила окружная юбилейная комиссия.

Тронутые всеобщим вниманием воины-пограничники послали приветствие окружному бюро профсоюзов: «В день десятилетия РККА пограничники шлют шефу — камчатским профсоюзам — красноармейский привет. Профсоюзы в годы гражданской войны были главной силой, укрепляющей мощь Красной Армии. В годы мирной передышки профсоюзы были впереди в деле материальной и моральной помощи Красной Армии. Сейчас, когда мировой империализм готовится вцепиться в Советский Союз, ваше шефство над нами укрепляет нашу боевую мощь. Перед угрозой войны пусть каждый член профсоюза будет готов влиться в наши ряды. В тесном единении с пролетариатом мы непобедимы!»

25 февраля устроен «вечер смычки членов коллектива и членов их семей» группкома № 3 (культработников). Здесь демонстрировались достижения музыкального и хорового кружков, объявлены итоги шахматного турнира и вручён приз Э. К. Трутце. Дополнили программу монодекламация, чтение, куплеты под гитару,

чай и закуска. Плясали до часу ночи. Чувствовалась непринуждённость и веселье. «Помещение было украшено занавесками, гирляндами и комического содержания лозунгами».

26 февраля в четыре часа дня в помещении окрбюро ВКП(б) прошло женделегатское собрание с повесткой: 1) что такое советская власть, 2) как обслуживает горсовет нужды женщины-работницы (слушали отчёт секции здравоохранения). Кроме делегаток приглашались все желающие. «Явка делегаткам обязательна, и без опаздывания».

В конце февраля окрбюро ВЛКСМ слушало дело Семёна Андреевича Зорина, родившегося в 1906 г., сотрудника погранотряда. Его «привлекли» за «несерьёзное, легкомысленное отношение к вопросам брака». В течение года он дважды женился и столько же раз развёлся. Первоначально дело разбиралось «группой содействия партии» при управлении отряда, исключившей Зорина из комсомола. Но затем это решение было отменено и Зорину вынесен строгий выговор с предупреждением. 9 февраля дело разбирали на открытом заседании окружной конфликтной комиссии. Присутствовало до двухсот пятидесяти человек (не каждый киносеанс собирал такое количество зрителей), в прениях выступило двадцать человек. Постановили: «Поступки тов. Зорина и им подобные, имеющиеся в организации и в среде молодёжи, как подрывающие стройку нового коммунистического здорового быта и авторитет комсомольской организации, окрбюро строго осуждает и предупреждает тов. Зорина, что при повторении подобных поступков Зорин поставит себя вне рядов комсомола».

Пришло телеграфное распоряжение об увеличении месячных пособий по безработице: первой категории (высококвалифицированных работников со специальным образованием) до сорока, второй (квалифицированных рабочих) — до тридцати, третьей (неквалифицированных) — до двадцати трёх рублей.

Краевой финотдел сообщил из Хабаровска, что в первом тираже розыгрыша займа индустриализации, состоявшегося 14 января в Москве, по сто рублей выиграли две петропавловские организации: коллектив работников просвещения и медико-санитарных трудящихся, а также горожанка П. М. Проскурякова. Выигрыши вскоре должна была выдать Петропавловская расчётная контора Госбанка СССР, «о чём последует особое извещение».

При клубе ССТС организовался шахматно-шашечный кружок под руководством Комарова. Шла запись в кружок радиолюбителей «у товарища В. Флетчер (на почте) в часы занятий, можно по

телефону». Собралась инициативная группа по открытию столовой при клубе ССТС «на кружковых началах».

1 марта оглашено обязательное постановление окрревкома «Об объявлении в пределах Никольской и Петровской гор, верховьев Фермерского и Култучного ключей и двухсот пятидесятисаженной полосы вдоль берега Авачинской бухты — защитными». Здесь запрещалась любая рубка леса.

В клубе ССТС состоялось торжественное заседание, посвящённое мартовскому восстанию в Корее в 1919 г. Собрались почти все корейцы Петропавловска со своими семьями и детьми. После заседания был показан «живой журнал»: небольшая инсценировка из революционной борьбы корейского пролетариата, национальные танцы и песни. Клубную работу среди восточных рабочих возглавлял Е. М. Стратулат. Он предполагал проводить такие «живые журналы» ежемесячно, принимал меры к созданию при клубе библиотечки на корейском языке, а также налаживал работу и среди китайских рабочих.

Группа последних уже готовила к постановке национальный спектакль, намеченный к показу на субботу 24 марта. «Пьеса проработана и составлена коллективно участниками-инициаторами постановки. Участвующие относятся с большим увлечением к работе, внося в репетиции всю страстность и напряжённость классовой борьбы, в чём и состоит сущность пьесы, рисующей борьбу рабочих против мандаринов и генералов, продающих оптом и в розницу свою родину и кровь рабочих Китая иностранным капиталистам. В день спектакля зрители посредством либретто будут в общих чертах ознакомлены с содержанием пьесы», — рассказывал Е. М. Стратулат.

Он же извещал об установлении твёрдого расписания работы драмкружка при клубе ССТС: репетиции с понедельника по четверг с восемнадцати до двадцати часов, общекружковая работа со среды по пятницу с восьми утра до четырёх дня. «Индивидуальных повесток и приглашений не будет. Регулярное непосещение занятий кружка повлечёт за собой исключение из членов кружка».

2 марта горсовет снизил квартплату для снимавших чердачные и полуподвальные помещения до тридцати копеек за квадратный метр в месяц. За воду из городского водопровода с населения взимался рубль с семьи в месяц. Тонна воды в порту стоила для советских пароходов сорок копеек за тонну, для иностранных — шестьдесят. Учреждения платили за воду два рубля в год на каждого сотрудника.

3 марта, в воскресенье, в четыре часа дня в агитпропкабинете развернулась дискуссия на тему «Коммунистическая этика и быт». Основной докладчик — Кузнецова. Присутствовали в основном партийцы и комсомольцы.

Прошли конкурсные стрельбы из револьвера «Наган» в погранотряде. Участники показали следующие результаты: начальник отряда Краузе на дистанции двадцать пять метров выбил «сверхклассную норму» в пятьдесят четыре очка из семи патронов, его адъютант Сильвестров — пятьдесят три очка, казначей отряда Кварт показал «второй класс» — сорок семь очков.

4 марта спортобщество «Динамо» начало «длительный» стрелковый конкурс из револьверов «Наган» и малокалиберных ружей «Монтекристо». Конкурс был рассчитан на два месяца до 1 мая. Установлены три приза. К участию допускались только члены «Динамо». Конкурсную комиссию возглавил начальник погранотряда Краузе.

Окрревком отказал окружной детской комиссии в разрешении открыть в городе игру «Лотто».

В краеведческом обществе зачитан доклад М. А. Жедяевского «Коряки северной Камчатки», иллюстрированный фотографиями на экране «из жизни и быта этих кочевников».

Вечером наблюдалось сильное извержение газов и паров из Мутновского вулкана.

6 марта в шесть вечера в агитпропкабинете началось первое камчатское окружное комсомольское совещание. На него прибыли делегаты от деревенских ячеек ВЛКСМ, всего двадцать шесть человек. Совещание открыл секретарь окрбюро ВЛКСМ Вдовин, выступивший с речью.

Окружная организация ВЛКСМ включала пятьсот десять человек, в том числе девятнадцать кандидатов. Они объединялись четырьмя городскими и тридцатью семью деревенскими ячейками. За 1927 г. в комсомол вступили сто человек. В молодёжном союзе состояли сто тридцать шесть девушек.

8 марта в клубе ССТС отшумел «грандиозный вечер-кабаре в пользу МОПР. «Масса номеров на сцене. Буфет с напитками. Столики, музыка. Бочка счастья (лотерея. — *С. Г.*). Игры».

9 марта горсовет предложил отделу благоустройства не позднее начала июня закончить полное оборудование городской площади Свободы. Совет отвёл участок под жилой дом на ул. Ленинской горожанину Машихину. Предварительно было отклонено ходатайство Кредитного товарищества об отдаче ему этого же участка

под склад и контору. При этом руководствовались «исключительно необходимостью борьбы с жилищным кризисом в городе».

Объявлено, что постройка новой городской бани будет завершена к 1 мая.

10 марта в школе-девятилетке ученики седьмой и пятой «А» группы поставили «закрытый вечер». Его цель — «сплочение и смычка». Группы разбились на комиссии, которые и вели подготовку к вечеру. Хозяйственная комиссия собрала с учеников на организацию буфета более шестнадцати рублей. Вечер начался показом пьес «Богатырский сон» и «Полевой суд», затем пели, декламировали и угощались, танцевали и играли. Все присутствовавшие были очень довольны. Один из участников говорил: «Такое хорошее начало остаётся только приветствовать, и хочется, чтобы этот вечер был не последний. От седьмой группы приношу благодарность пятой “А” за то, что приняла наше приглашение о совместной постановке этого вечера».

11 марта, в воскресенье, в клубе ССТС прошёл вечер памяти (шестьдесят семь лет со дня смерти) украинского поэта Тараса Шевченко. Многочисленным зрителям были представлены: «Заповедь» в исполнении хора под управлением Курилова, «Слово о Шевченко», произнесённое Павленко, драма в пяти действиях «Невольник», сочинённая Крапивницким, концертное отделение и танцы. Режиссировал вечер Бадах.

13 марта группком № 3 (кульработников) подвёл итоги работы за январь-февраль. По намеченному на плану: распределены обязанности между членами культкомиссии; организован хоровой кружок; приведён в порядок красный уголок; налажен учёт работы кружков и посещаемости уголка; выпущено два номера стенгазеты: к 21 января и 23 февраля; выписаны газеты и журналы; проведён шахматный турнир членов коллектива. Из всех организованных кружков (музыкального, хорового, фото и шахматного) регулярно пока работал только музыкальный, объединявший шестерых членов самого коллектива, пятерых членов их семей и ещё пятерых посторонних приглашённых. Музкружок под руководством Дьячкова разучил четырнадцать номеров, провёл четыре публичных выступления: три в клубе и одно на семейном вечере коллектива. Остальные кружки оказались «нежизненными», и группком решил их ликвидировать, рекомендовав участникам записаться в соответствующие при клубе ССТС. От организации стенкоровского кружка и кружка военных знаний культкомиссия отказалась из-за отсутствия руководителей.

14 марта отмечено трёхлетие Камчатского краеведческого общества. Три года назад при партпрофклубе был открыт кружок изучения Камчатки. В 1926 г. на заседании, посвящённом первой годовщине начала работы кружка, секретарь окрбюро ВКП(б) Д. С. Бузин говорил: «Советская власть и партия придают большое значение вопросам краеведения, и в этом деле они организуют трудовую интеллигенцию, имевшую намерение отдать своё внимание этим вопросам».

В 1928 г. количество членов общества достигло ста пятидесяти человек, сеть его корреспондентов раскинулась по всему округу, установлена связь с Центральным бюро краеведения в Ленинграде. Одной из главных заслуг общества стало то, что оно сумело собрать в одном месте музейные экспонаты и книги о Камчатке. Общество не пользовалось никакими субсидиями, живя за счёт членских взносов и разных поступлений. Тем не менее, оно смогло подготовить ламутско-русский, корякско-русский и русско-чукотский словари, инструкцию о землетрясениях, устав и отчёт о собственной деятельности, провести исследования Авачинского и Корякского вулканов, группы вулканов Ключевского дола, некоторых групп горячих ключей, обследовать кочевья северной Камчатки. Правление общества располагало полной сводкой месторождений угля, нефти, слюды, золота и прочих полезных ископаемых на полуострове. Имелись рукописи о горячих ключах и вулканах с их историей и описаниями.

«Краеведение, изучая производительные силы нашего округа, помогает укреплению его хозяйства. Вступайте в члены краеведческого общества!»

17 марта пущена новая городская электростанция. Она сооружалась при участии многих организаций, особенно окружного финотдела. На станции установили приводной двигатель «Фербенкс Морзе» мощностью восемьдесят лошадиных сил. Этого хватало для одновременного питания двух тысяч лампочек по двадцать пять свечей. Счётчики предполагалось установить на каждые пять лампочек. «Первый год эксплоатации будет довольно дорого себе стоить, но как только станция получить максимальное количество абонентов и сможет продать возможно большее количество своей энергии, это даст возможность безубыточно эксплуатировать станцию. Камчхоз широко пойдёт навстречу населению путём предоставления длительной рассрочки по внутренней электропроводке, которая переходит в собственность приобрёвшего её гражданина. Лампочка Ильича пробивает свой свет на нашу

далёкую окраину. Лампочка Ильича подымает на целую голову выше в культурном отношении наш далёкий край».

Камчхоз предупреждал, что потребителям следует заменить лампочки, рассчитанные на напряжение сто десять вольт, двухсотдвадцативольтовыми. Они продавались на складе треста. Лица и учреждения, получившие у треста теперь уже ненужные стодесятивольтовые лампочки во временное пользование, должны их сдать на склад в течение недели. «Горожане, у коих введена электропроводка, должны подать в Камчхоз письменное заявление о том, какого числа они включаются в электросеть, какое количество у них лампочек и по сколько ватт».

17 марта в пять вечера в клубе ССТС прошло общегородское собрание членов Международной организации помощи рабочим (МОПР) с повесткой дня: «Пять лет организации и День Парижской коммуны».

22 марта стало известно, что пароход Совторгфлота «Эривань» выйдет из Владивостока 20 марта на Усть-Камчатск. На обратном пути планировался его заход в Петропавловск. 26-го числа должен был выйти второй пароход, теперь прямо на Петропавловск.

Окружной аптечный склад, размещавшийся на улице Ленинской, № 23, начал продажу медикаментов. Торговля шла ежедневно, кроме дней отдыха, с девяти утра до часу дня.

«Полярная звезда» сообщила о раскрытии ОГПУ контрреволюционного заговора в Шахтинском районе Донбасса. Это громкое дело вскоре окрестили «шахтинским», иначе — «донбассовщиной». По версии властей, «цель заговора — катастрофический срыв советской промышленности, ослабление обороноспособности Советского Союза». Организация же инженеров-вредителей «поддерживалась и финансировалась иностранными империалистами». Процесс по «шахтинскому делу» стал первым публичным в стране. Тут же вспомнили о недавних, якобы, поджогах на Сормовском заводе, в Брянске, Баку...

Открытый судебный процесс по делу начался 20 мая. Дело рассматривало специальное присутствие Верховного Суда СССР под председательством А. Я. Вышинского, ректора Первого Московского государственного университета. В организованном вредительстве обвинялись пятьдесят два человека, в том числе три германских специалиста.

23 марта с десяти утра окружной военком Коротаев выдавал лицам начальствующего состава запаса, прошедшим переучёт, новые учётно-воинские документы. В этот день завершили работу

курсы комсомольских секретарей и деревенских пионерских работников. Делегаты начали разъезжаться по домам.

Трест «Камчхоз» получил разрешение на заготовку дров в лесном массиве в районе шестнадцатой версты Елизовского тракта.

В клубе ССТС открылось новое помещение — комната отдыха с громкоговорителем.

Окрревком отпустил горсовету из своего резервного фонда двадцать пять тысяч рублей на производство мясных заготовок для городского населения.

24 марта, в субботу, клуб имени Дзержинского при погранотряде устроил вечер-спектакль. Демонстрировались пьеса в трёх действиях «Выигрыш» и водевиль «Именинница». Затем начались танцы и «бочка счастья». Работал буфет с горячими закусками. Весь сбор от вечера поступил на нужды культпросветработы в отряде и спортивному обществу «Динамо». Приглашение на вечер завершалось призывом: «Идите все!!!»

Между прочим, «бочкам счастья» вскоре пришёл конец — постановлением Наркомфина СССР было запрещено проведения в СССР любых лотерей без особого постановления Совнаркома.

В этот же день в клубе ССТС прошел первый китайский «живой журнал». Во время инсценировки на сцене произошло короткое замыкание проводов. Публика в панике с криками «пожар» бросилась, было, к выходу, но неисправность быстро отыскали и устранили, после чего представление продолжилось.

25 марта, в воскресенье, в кабинете агитпропа ожидалась дискуссия на тему: «Политика коммунистической партии и советской власти в вопросах заработной платы (почему не все рабочие и служащие получаю одинаковую зарплату)». Но докладчик Савельев серьёзно заболел, и дискуссию перенесли на 6 мая. Теперь должен был докладывать некто «товарищ Градусов». Но и у него дело не заладилось, и действо вновь отложили, теперь до 13 мая.

26 марта Петропавловск-Камчатский городской Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов второго созыва принял обязательное постановления № 3 «О санитарной охране бань, парикмахерских, торговых магазинов, лавок, мест общественных собраний, столовых, пекарен». В соответствии с ним, содержателям бань, например, полагалось: поддерживать помещение в чистоте, удалять слизь с полы и скамей, красить последние, устанавливать в достаточном количестве плевательницы и ящики для окурков. Содержатели должны следить за недопущением нетрезвых посетителей, а также с сыпью и язвами на теле и лице. Стир-

ка белья «как в общих банях, так и в номерах» запрещалась. При бане полагалось иметь жалобную книгу, куда посетители могли вписывать «санитарную неисправность».

26 марта принято обязательное постановление № 4 «О прекращении стрельбы в городе Петропавловске». Его нарушителям полагался штраф до ста рублей или отправка на принудительные работы на срок до месяца. В это же день принято ещё одно обязательное постановление — № 5: «О борьбе с хулиганством». Согласно документу, «лиц, появившихся в пьяном виде в общественных местах, органы милиции немедленно удаляют как по собственной инициативе, так и по заявлению администрации общественных мест. За неподчинение распоряжению милиции нарушители препровождаются в милицию для составления протокола. Воспрещается производить на улицах, в публичных и общественных местах шум и крик, произнесение бранных и нецензурных слов, отправление естественных надобностей в неустановленных для того местах, приставание, бесцельные озорные действия, как-то: стрельба и пугание оружием». Виновные подлежали штрафу до двадцати пяти рублей или принудработам до двух недель.

27 марта принято ещё одно обязательное постановление горсовета, на сей раз «О санитарном состоянии г. Петропавловска-Камчатского». Постановление запрещало загрязнять улицы и площади сливанием и выбрасыванием мусора, навоза и других нечистот, а также закапывать и выбрасывать в этих местах трупы животных, птиц и всякого рода отбросы и нечистоты. Домовладельцы и арендаторы должны были содержать участок улицы перед домом во всю ширину при рядной и до половины при двухрядной застройке, а также прочищать против своих участков ручьи и канавы от мусора. Площадь Свободы и улица Советская убирались городским отделом благоустройства.

В каждом дворе должны быть устроены для свалки отбросов и мусора особые места, которые должны очищаться по мере надобности, а содержимое вывозится в специально отведённое свалочное место. Его определили на «Сухом озере», что по Халактырской дороге. Запрещалось загрязнять питьевые источники, в том числе полосканием и стиранием белья, замачиванием кож, бочек. Всех собак с 1 мая следовало вывести из черты города и содержать в особых местах на привязи до 15 октября. С 15 октября по 1 мая их разрешалось держать привязанными внутри дворовых оград. Все охотничьи и комнатные собаки должны были находиться внутри дворов и выпускаться на улицу только в присутствии

хозяев и в намордниках. Все бродячие собаки подлежали уничтожению. Выпускать свиней, коров и лошадей на улицу запрещалось. Пасти их можно только в особо отведённых местах.

Виновные в нарушении этого постановления штрафовались на двадцать пять рублей или подвергались принудительным работам на срок до семи дней.

30 марта в шесть часов вечера в помещении агитпропкабинета открылся второй Петропавловский районный съезд Советов. Вступительное слово произнёс председатель Петропавловского райисполкома Козлов: «По поручению третьего пленума райисполкома первого созыва разрешите всю власть в районе передать хозяину района — второму райсъезду Советов!»

В конце марта открылась рабочая столовая, организованная «кружком улучшенного питания» для членов клуба ССТС и их семейств. Столовая отпускала обеды и ужины, а также принимала «столовников» на месячный пансион стоимостью пятьдесят шесть рублей. Один обед обходился в рубль двадцать копеек, ужин — в восемьдесят копеек.

За март окрстрах выплатил застрахованным горожанам: по временной нетрудоспособности 846 руб. 60 коп., роженицам — 204 руб., 05 коп., на приданное ребёнку — 135 руб., на кормление ребёнка — 276 руб., на погребение — 67 руб. 50 коп., по безработице — 897 руб. 25 коп., пенсий инвалидам и членам семей умерших — 953 руб. 22 коп.

Продолжался стрелковый конкурс спортобщества «Динамо», Пограничник Самойлов и динамовец Бетев выбили «второй класс» с результатом сорок одно и сорок пять очков соответственно из малокалиберного ружья «Монтекристо». Из револьвера «Наган» стоя на дистанции двадцать пять метров старший врач погранотряда Гончаров выбил тоже «второй класс» — сорок восемь очков за семь выстрелов.

1 апреля открылся молодёжный шахматный турнир. Большую помощь в его организации оказал руководитель шахматного кружка В. Ф. Комаров. Участвовали четырнадцать человек. Первенствовали Ю. Брагин, выигравший все двенадцать партий, Г. Архангельский, проигравший только одну, и Г. Бонда. «Шахматы всегда являлись любимым развлечением выдающихся мыслителей... Карл Маркс, Карл Либкнехт и В. И. Ленин проявляли большую любовь к шахматам... Молодёжь через шахматы — вперёд за завоевание лучших человеческих качеств, так необходимых нам в нашей жизни и борьбе!»

Началась кампания подготовки к выборам нового состава городского совета. Председателем избирательной комиссии утверждён Масюк. В этот день прошли первые предвыборные собрания: «неорганизованных граждан» в клубе ССТС, «восточных организованных и неорганизованных рабочих» в школе первой ступени, женских коллективов водников, полиграфов, работпроса, местрана, связи в агитпрокабинете окрбюро ВКП(б), женщин коллективов нарпита, коммунальщиков, совторгслужащих, медсантруда, рабземлеса в пограничном клубе имени Дзержинского. 5 апреля собирались коллективы работпроса, медикосантруда, связи, коммунальщиков и совторгслужащих, 7-го числа — военнослужащие погранотряда.

Собрания признали работу прежнего горсовета удовлетворительной. В качестве достижений отметили постройку бани, электростанции, освещение улиц, хорошую постановку санитарного дела. Недочёты: «мясной» и «дровяной» кризисы, отсутствие плановой культурно-воспитательной работы. Восточные рабочие говорили о нецелесообразности созыва объединённого собрания двух национальностей с разными, непонятными друг другу языками (корейским и китайским).

«Самый важный и серьёзный вопрос — это намечение кандидатур на самом собрании. К выдвижению кандидатур надо подходить очень осторожно». Нужно выдвигать работоспособных, авторитетных и желающих работать в горсовете товарищей. Каждого надо подвергать обсуждению присутствующих».

Перевыборы горсовета пересеклись с «пасхальной кампанией». Окрсовет Союза безбожников создал комиссию про проведению последней в составе представителей комсомола, профбюро под председательством члена окрсовета Мариманова. «Мы должны в нынешний год к пасхальной кампании привлечь внимание всей общественности, всего населения, заинтересовать их нашей программой, дав им ясное представление происхождения церковной Пасхи. К Пасхе был приурочен выпуск первого номера «Безбожной стенгазеты», которая должна «осветить сущность этого праздника». Методическими пособиями для школьных работников и членов Союза безбожников являлись центральные журналы «Безбожник» и «Антирелигиозник».

Образцом местной антирелигиозной пропаганды является следующая газетная заметка: «Блуждающий по городу от безделья рыжебородый монах принял “святое крещение“ в Ковше. В то время, когда избиратели шли на выборные собрания, этот рыжий

детина обнажил свой живот и в брюках прыгал с льдины в воду. Перед каждым омовением он напевал какие-то псалмы и усердно крестился. На льдины из воды он взбирался при помощи верёвки, которая была привязана к его брюкам (за верёвку тянули ребятишки). Так продолжалось раза три. Такие ванны полезны и особенно после госспиртовской ванны, в которой этот монах изрядно искупался (еле держался на ногах)».

А вот заметка «Поп-звонарь» некоего «Фомы неверующего»:

«После своего приезда петропавловский поп Леонтий, кончив обедню, вышел на амвон, склонил смущённо голову и повёл перед молящимися такую речь:

— Православные! Был я в матушке-России, в Чернигове, Киеве и разных городах. Там — другая жизнь. Там нет неверующих, все осознали, что есть всевышний, в церквах божьих народу полно, очереди стоят, а у нас на Камчатке забыли про господа. Верьте только одному богу и больше никому...

И попу в том числе, граждане, не верьте. Тоже бывали мы и в Киеве, и в Чернигове, и по всей матушке-России, а такого вруна, как о. Леонтий, ещё не встречали».

Пример творчества некоего «Дона Педро» на эту же тему под названием «Шалости грузчиков»:

«У амбара возле пристани Совторгфлота — кучка любопытных людей. Все боязливо вглядываются за угол амбара.

— Наверное, убили...

— Ишь, весь в крови...

— И чего милиция смотрит?

Любопытство взяло своё, и зеваки двинулись к амбару. Зрелище оказалось весьма занимательное. Растянувшись, на траве во весь рост лежал поп в изодранной рясе. Рыжая борода и волосы живописно окаймляла его одутловатое лицо.

— Батюшки! Крови-то сколько... крови... и лицо в крови, и волосы в крови...

— Да это не кровь, а масляная краска!

И верно — всё лицо и волосы попа были покрыты густым слоем ярко-красной масляной краски.

— Храпит... жив, братцы!

“Покойник” действительно неистово храпел, выпуская по временам из носа пузыри из сопли. Вокруг него на три сажени разносился запах перегорелого спирта.

Оказывается, грузчики решили пошутить над блуждающим попом — напоили его допьяна, а потом... выкрасили в красный

цвет. Ну, и шутники эти грузчики. А попа, всё-таки, всё равно в красный цвет не перекрасить, зря краска пропала».

Выборы в горсовет проводились в соответствии с инструкцией, утверждённой ВЦИК СССР 28 сентября 1926 г. В них не могли принимать участие так называемые «лишенцы», то есть лица, лишённые избирательных прав согласно пунктам «В» статьи 69-й и «А» статьи 10-й Конституции РСФСР. «Лишенцами» становились бывшие офицеры, служащие полиции, тюремного ведомства, корпуса жандармов, лица, некогда принадлежавшие «к классу эксплуататоров» (помещики и буржуазия), служители религиозных культов. Таковых в Петропавловске к началу апреля насчитывалось пятьдесят пять человек. Среди них: Константин Фёдорович Октябрьский, бывший коммерсант, ныне торговец и рыбопромышленник, Викул Сергеевич Попов, торговец, Пётр Владимирович Проскуряков, бывший управляющий торговой фирмы «Чурин и К°», Павел Ефимович Петраш, священник, Андрей Михайлович Пименов, бывший пристав, начальник уездной полиции, ныне не служащий домовладелец, Дмитрий Сергеевич Плотников, бывший офицер, теперь занимавшийся частными работами, Иван Гаврилович Подпругин, торговец (скупщик рыбы), Яков Григорьевич Конев, бывший коммерсант, ныне сторож Совторгфлота, Фома Александрович Прытков, бывший жандарм, теперь работник сельхозфермы, Николай Прокопьевич Поляков, бывший офицер, сейчас служивший в Госторге. В «лишенцы» попали тридцать четыре торговца азиатского происхождения: Сунь-мен-пан, Цзин-чжун-ци, Юй-чже-фуй, Ли-шихуа, Ван-яо-тит и другие. Двоих горожан лишили избирательных прав по приговору нарсуда как совершивших уголовные преступления и получивших небольшие сроки лишения свободы (И. Г. Лядов и П. Ф. Сёмкин).

Отдельно был составлен список «лиц, материально зависящих от лиц, лишённых избирательных прав». В него вошли двенадцать домохозяек, в том числе Варвара Алексеевна Подпругина, Агафья Фёдоровна Полякова, Валентина Георгиевна Конева, Екатерина Христофоровна Гао-чжи-дзян и сыновья дьякона К. К. Гарднера Пётр и Василий, также занимавшиеся своим хозяйством.

«Лишенцы» могли быть восстановлены в правах при условии, если они в течение не менее пяти лет занимались производительным и общественно-полезным трудом и доказали свою лояльность к советской власти. Восстановление проводилось по постановлению городской, областной или краевой избирательной комиссии, утверждавшемуся соответствующим исполкомом.

8 апреля городская избирательная комиссия объявила: «Подпругина А. К., как ошибочно занесённая в список как лишённая избирательных прав, восстанавливается в этих правах. Рубцов Е. В., Рубцова Е. С. и Рубцов В. С., как имеющие торговое предприятие, лишаются избирательных прав». Впрочем, уже 15 апреля постановлением горизбиркома Екатерина Семёновна Рубцова была восстановлена в правах, согласно её заявлению.

Выдвижение кандидатур проводилось персонально. Избрали одиннадцать депутатов и четверых кандидатов к ним, в том числе двух женщин. Из числа депутатов половина — «партийно-комсомольского состава».

1 апреля Камчхоз, «желая добиться стопроцентного снабжения электроэнергией граждан города», уменьшил стоимость установки «одной точки горения» по двум вариантам. Первый: трест отпускает арматура и устанавливает её за свой счёт, за что взимает в течение пяти лет за одну лампочку пятьдесят копеек в месяц. Через пять лет арматура переходит в собственность граждан. Второй вариант: если горожане делают проводку сами, то трест продаёт набор арматуры и взимает за присоединение к линии девять рублей девять копеек. Допускается рассрочка до полугода. Одновременно объявлялось, что арендная плата за счётчики будет взиматься ежемесячно: за самый мощный счётчик на двадцать ампер — по восемьдесят копеек. «В настоящее время пересматриваются таксы на электроэнергию полампочно и с киловатт-часа в сторону их максимального снижения».

6 апреля на город обрушилась мощная пурга. Тяжёлый, мокрый снег вывел из строя электро- и телефонную проводку. Несколько дней отсутствовало электроосвещение. Пришлось переносить подготовленный краеведческий вечер на 15-е число.

Камчхоз наметил сдать в мае вновь построенную коммунальную баню в аренду. Трест также сдавал «подрядно-ассенизационные работы в городе». Желающие приглашались на переговоры до 15 апреля.

10 апреля Камчхоз получил из бюджета города десять тысяч рублей на заготовку дров. Ссуду следовало погасить к 15 сентября.

12 апреля ввиду большого «запаса электроэнергии», образовавшегося после пуска новой электростанции, Камчхоз приступил к проработке вариантов её полного использования путём завоза в город электромоторов для различных мастерских, электрических утюгов и прочих электроприборов (видимо, от этой даты нам следует отсчитывать время появления на Камчатке того, что

ныне называется электробытовой техникой. Ранее электроэнергия использовалась исключительно для освещения).

13 апреля пришёл первый пароход навигации — совторгфлотовская «Эривань».

14 апреля, учитывая ошибки мясозаготовки, приведшей к «кризису на мясо» в городе зимой 1927/28 г., Петропавловский кооператив сделал заказ на материк о поставке ему ста пятидесяти голов скота и заключил договоры о поставке на месте. Уже с первым пароходом открывающейся навигации ожидались пятнадцать «голов». Так что мясо вскоре должно было появиться в надлежащем количестве. А пока цены на него росли. В феврале у кооператива они увеличились с полутора рублей до рубля девяносто копеек за килограмм. Частники брали до двух с половиной рублей за килограмм.

Юношеская секция дала в клубе ССТС «антирелигиозную» пьеску «Святой отец». Прошла хорошо, но впечатление несколько «смазали» сами юные актёры, которые смеялись во время действия. Хотя, впрочем, и зрители не могли удержаться от смеха, глядя на них — дело в том, что ремесленная группа школы-девятилетки, ставившая пьеску, состояла из одних юношей, которым пришлось играть женские роли, нарядившись в платья и юбки. Затем показали номер «Радиовещание». На сцене поставили усилитель, аккумулятор, вместо радиолампы — обычную электрическую. Самодеятельный артист изображал разговор в эфире: свистел, хрипел, завывал, изображая всяческие помехи. Публика хохотала до слёз.

15 апреля в клубе ССТС состоялся ранее отменённый краеведческий вечер с программой: оперетка-шутка в одном действии «Лесные жители» (постановка М. Кренберга), трагедия на тундре «Чукотский гость» в одном действии (постановка Е. Стратулат), концертное отделение: музыкальный квартет, итальянский квинтет, краеведческий лубок, балет-лубок, частушки о Камчатке и некая «Песнь о великом походе». Работал буфет, играл духовой оркестр. Ответственный распорядитель вечера — Житников, конферансье Гарсов.

Обе пьесы «местного творчества» прошли с успехом. Особенно понравились публике «Лесные жители», где участвовали Медведь, Мотылёк, Иван-Чай, Шикша, Морошка, Чавыча, Краевед и Камчадал. Оригинальные костюмы в обеих пьесах и удачная игра вызвали дружные аплодисменты. Написанные специально для этого вечера Житниковым и Степановым яркие, «местного колорита» декорации значительно способствовали успеху вечера. Программа

затянулась до двух часов ночи. «Публика жалуется также на убийственные антракты. Плохо дело с вешалкой: в своих галошах не всем удалось уйти из клуба. Пьяных было мало, несмотря на пасхальное настроение».

На вечере отличился некто «Васька Новограбленов». Вот что рассказал об этом очевидец его очередных «подвигов» П. Житников. Началось с малого — Новограбленова попросили снять с головы фуражку: клуб, как-никак. Разразилась перебранка. Вызвали милиционера. «Милиционер говорит тихо и вразумительно, "Васька" кричит, брызжет слюной. Милиционер махнул рукой, ушёл. Через некоторое время буфет, переполненный публикой, оглашается зычным раскатистым матом.

Мужчины морщатся, женщины разбегаются из буфета. У буфетчика встревоженное лицо. Это опять тот же "Васька" Новограбленов ведёт перебранку с пьяными матросами и Новградским. Дело доходит чуть ли не до револьвера. Открыли двери, хотели "выставить", но по каким-то обстоятельствам не "выставили". Виновата здесь, очевидно, чрезмерная мягкосердечность милиционеров.

Милиция должна усилить борьбу с такими хулиганами, решительно и быстро переселять их из общественного места, как клуб, в арестное помещение. Иначе это хулиганьё, чувствуя полую безнаказанность, окончательно обнаглеет, и не будет от него никакого спасенья. О самом же "Ваське" надо сказать, что ему давно нет места в комсомоле. Это не комсомолец, а типичный хулиган».

Вот такая «самая печальная и типичная фигура хулигана. Молодой, а ранний, комсомолец, а сорвиголова». Следует добавить, что этого «Ваську» комсомольское окрбюро наказало строгим выговором «с занесением» ещё 5 января. Как тут не вспомнить классическое: «А Васька слушает, да ест».

19 апреля завершилась «курортная кампания», начавшаяся 5 марта. Суть её заключалась в том, что профсоюзам следовало определить лиц, которым нужно предоставить путёвки на курорты и в санатории страны. Согласно положению, путёвки делились в следующей пропорции: восемьдесят процентов для рабочих, двадцать — для служащих. Для Камчатки, ввиду отсутствия на ней больших производственных предприятий, было сделано исключение: эта пропорция составила шестьдесят на сорок. Отборочно-курортная комиссия при окрпрофбюро распределила путёвки в пропорции 61,5 на 38,5 %, отобрав тринадцать человек. На курорт Олентуй ехали: Студецкий (типография), Степан Ким (Авиахим), Пискун (окроно), Бергау (радиостанция), на курорт Дарсун: Клоч-

ков (топография), Хабаров (окрревком), Выборов (окроно). Выделены путевки также на курорт Кульдур, в грязелечебницу Сад-Город, туберкулёзный санаторий во Владивостоке. На случай выбытия кого-либо из потенциальных курортников назначен резерв из «кандидатов».

Правление клуба ССТС обращалось ко всем лицам с просьбой передать за плату или безвозмездно сценическую литературу (пьесы, драмы, оперетки, водевили, инсценировки).

20 апреля в Ковш втянулась «Индигирка», дошедшая из Владивостока за пять суток. Это был своеобразный рекорд: обычно старые пароходы тратили на таке плавание гораздо больше времени. Пароход установил и второй рекорд, привезя для маленького города сразу восемь тонн почты.

22 апреля, в воскресенье, в девять часов утра открылось катание на санках, ледянках, нарточках с Петровской горы. Прошли состязания на скорость спуска. Победителю достался приз — часы.

Вечером в клубе давали китайский спектакль «Конец Свентуна» — революционную пьесу в шести действиях. «Пьеса идёт в новых костюмах. Участвуют тридцать человек. Режиссёр Чжан-ли-жен. Весь сбор пойдёт на усиление работы среди восточных рабочих».

Приехавший в город из Ключей некто Пахомов во время перерыва и в ходе пьесы выкрикивал «разные слова» и надевал на голову совершенно незнакомой женщины кепку. «Недаром гражданин Пахомов несколько раз сидел в исправительно-трудовом доме».

26 апреля заседало правление краеведческого общества. Оглашена приветственная телеграмма от Центрального бюро краеведения, поздравлявшего камчатцев с трёхлетием. Председатель общества М. И. Каплан сообщил о намерении организовать отделение общества и музея в Усть-Камчатске. Вернувшийся из поездки по полуострову Кузнецов рассказал о своих наблюдениях. Решено просить учителя школы в селении Камаки записать народные сказки, предания, обычаи и передать их в общество.

29 апреля горизбирком опубликовал объявление: «Товарищи! В пять часов вечера по пушечному выстрелу — все на выбора!» Выстрел последовал со сторожевика «Красный вымпел», стоявшего в Ковше.

Состоялось общее собрание восточных рабочих, посвящённое Первомаю. Присутствовали тридцать три китайца и тридцать семь корейцев. Доклад делался на их родных языках. По докладу задано шесть вопросов и выступили пять человек. В резолюцию, среди прочего, записали: «Для дальнейшей работы в борьбе за

освобождение восточных рабочих от ига мирового капитала усилить культурно-воспитательную работу среди себя... Сплотиться вокруг Осоавиахима для усиления обороноспособности СССР как первого в мире пролетарского государства».

Объявлен порядок первомайских торжеств. Планировалось, что с пяти часов вечера 30 апреля начнутся общие собрания профколлективов по предприятиям и организациям с докладами «О Первом мае». Докладчиков выделяло окрбюро ВКП(б). Затем будут выступать участники первомайских собраний в дореволюционное время. В шесть вечера в клубе ССТС начнётся бесплатный киносеанс для детей, а в восемь вечера — для взрослых трудящихся. 1 мая в одиннадцать часов в школе-девятилетке будет детский утренник, в двенадцать дня Осоавиахим проведёт соревнования по стрельбе. Правление клуба ССТС обеспечит приём радиоконцерта Хабаровской широковещательной станции. В семь вечера в клубе откроется общегородской митинг, в восемь — «Первомайский рабочий вечер», бесплатно.

30 апреля постановлением Далькрайтруда и Далькрайпрофа объявлено праздничным нерабочим днём.

Петропавловский районный пушной питомник обещал выплатить лицу, представившему гнездо живых соболят, пятьсот рублей. «Гнездо считается из трёх соболят. За каждого добавочного молодого соболя, сверх трёх, будет доплачиваться дополнительно сто рублей. Питомником заведовал шведский учёный Ренэ Малэс, прибывший на Камчатку в составе экспедиции Королевского географического общества ещё летом 1920 г.

Окрбюро ВКП(б) разъяснило гражданам, обращавшимся в партийный комитет по вопросам взаиморасчётов с бывшей столовой, работавшей в здании окрбюро. Партийцы объяснили, что он никакого отношения к столовой не имели, а сдавали в своём здании помещение в аренду представителю коллектива столующихся. «Поэтому все претензии должны направляться коллективу бывших столовников или в нарсуд».

Впрочем, услуги желавшим столоваться могла оказать «общественная столовая с крепкими напитками» частника Керенца (какникак, НЭП на дворе), расположенная неподалёку от Култучного озера. Правда, усидеть в ней мог не каждый: «Начиная с часу дня уже раздаётся в столовке бойкое хлопанье бутылочных пробок. К трём часам — концу обеда в столовой (хочется сказать — таверна) стоит непроницаемый табачный дым, тяжёлые испарения человеческих тел, запах винного перегара. В воздухе при извест-

ной наблюдательности можно заметить там и здесь вырисовывающиеся контуры свободно висящего топора. Пользуясь правом свободного гражданского существования, в столовке свил себе прочное гнездо великолепный русский мат...»

В ночь на 1 мая совершена кража со взломом в Петропавловском кооперативе. Похищены деньги из кассы и различные предметы. Через сутки милиция задержала Марка Фёдоровича Малахова, Макара Дмитриевича Яцика и Петра Алексеевича Сидоренко, изобличила их и привлекла к уголовной ответственности. У задержанных найдена часть похищенных денег.

Привлекали воришек и электролампочки наружного освещения. Две лампочки выкрутили возле здания окрбюро, одну у клуба ССТС. Были потери и в других местах.

1 мая в клубе ССТС состоялся общегородской митинг, собравший четыре сотни трудящихся совместно с пограничниками и краснофлотцами сторожевого судна «Красный вымпел». После выступлений представителей партийных, советских и профессиональных организаций было внесено предложение о посылке приветственных телеграмм Германскому Союзу красных фронтовиков и политзаключённым корейской тюрьмы в Сеуле, подшефной Камчатскому окрбюро МОПР. Также предложено переименовать Никольскую улицу в Первомайскую. Об этом постановлено просить городской совет.

В заключение митинга принята резолюция, «отмечающая наши успехи в социалистическом строительстве, которые приводят в бешенство мировых капиталистов. Но на все попытки империалистов помешать нашей мирной хозяйственной и культурной стройке, трудящиеся города ещё больше сплотятся вокруг ВКП(б), чтобы с удвоенным упорством и самоотверженностью продолжать свою работу на пути за новыми победами на фронте хозяйственного и культурного строительства у нас здесь, на Камчатке, — далёкой окраине СССР».

После митинга состоялся рабочий вечер. На нём показаны пьесы «Радио-май» и «Буржуй», а также «разнообразный дивертисмент». «Нельзя не отметить тёплого отношения со стороны командования “Красного вымпела”, ознаменовавшего праздник пушечным салютом в двадцать один выстрел и пуском ракет, не говоря уже о том, что краснофлотцы принимали участие в программе первомайского вечера».

Праздник Первомая прошёл хорошо, подкачала одна Сероглазка. Некий «Участвующий» поведал об этом так: «Сероглазкинцы

настолько обленились, что за малочисленностью не состоялось даже торжественное заседание, которое заменили одним докладом о Первомае. Вечером — спектакль, который прошёл оживлённо (закончился в час ночи)». Здесь же автор просил помощи: «Кстати, о нашей избе-читальне. Она плохо приспособлена для спектаклей. Шеф (город. — *С. Г.*)! Помоги оборудовать избу-читальню!»

2 мая постановлением ВЦИК СССР установлено, что, начиная с 1928 г., День Интернационала (1 мая) празднуется два дня. Производство работ в эти дни воспрещается на всей территории СССР, исключение составляют только непрерывные производства. В 1928 г. 2 мая праздновалось в счёт 24 мая, теперь отменённого церковного праздника Вознесения.

Праздничные дни с их многочисленными сценическими представлениями вызвали в среде «культурных» петропавловцев пересуды, общий смысл коих сводился к тому, что «надо улучшить наш театр». Вот что по этому поводу писал один из любителей театрального искусства:

«Прежде всего, кто играет? Приглядываясь к сцене, можно увидеть на ней наших “классиков”: тт. Гарсов и Зойла, дальше идёт “любимец публики” тт. Ткачук, Тамов, Кренберг и “вечный любовник” тов. Решетников. Всё это имеющие стаж любители. Из молодёжи на сцене выступают не мало, сегодня один, завтра другой, и так без конца. Увидали — человек стоит около клуба, а там идёт репетиция и не хватает артиста или сбежал кто. Хватают беднягу, и вот он назавтра на сцене, на мученье себе и публике отчубычивает какую-нибудь роль. Что же получается? А то, что “старички” реже и реже показываются на сцене, не каторжные, мол, будя, попили нашей кровушки (Гарсов только по особому заказу в особо торжественные дни). Молодёжь в драмискусстве не подвигается совершенно, так как случайные выступления, естественно, дать им ничего не могут.

Как идёт игра? Я не спец, не тонкий ценитель этого благородного искусства, но надо отдать должное — новички играют плохо, больше — играют скверно. И главное то, что игра не улучшается.

Что ставят? А что попало под руку. Старое приелось, нового много, но ничего нельзя выбрать для нашей сцены. И идёт, идёт... мало хорошего идёт. Такие постановки не учат, а мучат.

Кстати, откуда взялись все пьесы в нашем клубе? Вопрос об их приобретении решается просто: едет кто на материк, заказы дают. Привозит, но что? Скажем, я “ни уха, ни рыла” не понимаю в этом деле, что я выберу? Что дадут. А дадут то, что не имеет спроса, дрянь.

Ну, а костюмы, грим, парики? Печально, товарищи. Не чищено, в пыли, в беспорядке свалено в кучи, портится. Приличного костюма на сцене не увидишь, и получается, что на артиста надо наклеивать вывеску, чтобы публика могла понять, почему, например, Чемберлен (премьер-министр Великобритании, большой недруг СССР. — *С. Г.*) выходит на сцену в рыбацких резиновых сапогах... Нам надо ставить вопрос о приглашении специального режиссёра рублей за двести».

3 мая Петропавловская фактория Акционерного Камчатского общества (АКО) прекратила торговлю «вследствие учёта товаров и имущества». Учёт завершился аж 10-го числа.

Опубликовано расписание движения пароходов Совторгфлота по северным линиям на навигацию 1928 г. Всего флот планировал выполнить двадцать девять плаваний.

Городской отдел благоустройства провёл аукцион по продаже строительных материалов от разобранных дореволюционных базарных лавок. Желающие могли осмотреть выставленное на продажу у пристани Совторгфлота.

Правление клуба ССТС, откликаясь на критику и предложения «театралов», пригласило на работу постоянного режиссёра Бадах. Ожидалось, что «в связи с этим все клубные капитальные постановки войдут в плановый порядок. Предположено ставить три клубных спектакля в два месяца». Далее мы увидим, что это предположение вполне оправдалось.

Можно было считать, что драмкружок при клубе окончательно сформировался. В него дополнительно вступили двадцать восемь человек, и теперь в кружке насчитывалось сорок любителей сценического искусства. Старостой кружка выбран Ткачук, реквизиторами Глаголевский и Колоколов, суфлёрами — Зырянов и Житников. При кружке организована секция по изучению теории драматического искусства.

10 мая опубликовано расписание рейсов японского парохода «Муроран-мару № 5», принадлежавшего компании «Курибаяси Сиосен Кабусики Кайша» из порта Муроран. Агентировал судно в Петропавловске Совторгфлот. Пароход делал семь рейсов из Хакодате, заходя в Петропавловск, на западное и восточное побережья полуострова.

13 мая в четыре часа дня в окрбюро ВКП(б) состоялось очередное делегатское собрание. Обсуждали учение В. И. Ленина о союзе рабочего класса с крестьянством и работу ячейки № 3 ВКП(б). Приглашались и все желающие.

14 мая, в понедельник, вечером в фойе клуба ССТС собрались стенкоры и рабкоры, и «друзья» газеты «Полярная звезда». Повестка собрания: о работе газеты, об организации городского стенкоровского кружка при клубе, прочее.

15 мая в клубе ССТС заседал профсоюз нарпита. В числе прочего обсуждали работу газеты «Полярная звезда». Отметили, что по сравнению с прошлыми годами она изменилась: увеличился формат, улучшилась содержание, особенно в части работы с сельскими корреспондентами, появились иллюстрации. Тираж вырос с четырёхсот до восьмисот экземпляров, подписная плата для крестьян снижена до пятидесяти копеек в месяц (для рабочих и служащих — рубль двадцать, «неорганизованных граждан» — восемьдесят, красноармейцев — двадцать пять копеек). Но есть и недостатки: газета не окупается, плохо доставляется в село, плохо налажено взаимодействие с рабочими корреспондентами. Собрание приняло резолюцию: «Всем, как один, подписаться на газету, участвовать активно в газете и оказывать ей финансовую поддержку, сообразуясь с возможностями союза». Затем выбран уполномоченный союза по «вербовке» подписчиков.

В середине мая горсовет предоставил клубу ССТС для организации «клуба восточных рабочих» помещение местхоза, ранее сдававшееся прачечной «Гигиена».

Отмечены серьёзные недостатки в работе электростанции: после пурги от наружной проводки остаются одни «макароны» — провод рвётся, путается под ногами, а случись это ночью во время работ станции, могут быть и жертвы. Почти ежедневно случаются «шалости»: свет неожиданно тухнет и иногда весьма надолго. 16 мая станция дала энергию с часовой задержкой (говорили, что монтёр уехал на охоту). В середине мая произошло короткое замыкание, в результате которого чуть было не сгорело здание окрбюро ВКП(б). К счастью, пожар быстро потушили, пострадала лишь часть потолка.

17 мая в шесть часов вечера в кабинете агитпропа краеведческое общество слушало доклад Чистовского «Урожай 1927 г. в Камчатском округе».

За последнее время собрание общества значительно пополнилось: житель деревни Голыгиной Притчин на древнем стойбище «Старое жильё» нашёл орудия труда каменного века: топор, наконечники стрел, каменный нож. Д. В. Новиков передал предметы каменного века, найденные им возле устья реки Хайрюзово. Пришёл первый выпуск труда академика В. Л. Комарова «Флора Кам-

чатки». Два года Комаров работал на полуострове в качестве руководителя ботанического отдела знаменитой экспедиции Рябушинского (1908—1909 гг.). Ещё в 1912 г. он опубликовал интересное «Путешествие в Камчатке», в котором описал её природу и население. Выход в свет «Флоры Камчатки» был воспринят как «большой праздник для ботаников Дальнего Востока».

19 мая, в субботу, в ближайшем к городу селе Халактырке инспекция по прямым налогам провела аукционный торг имущества, оставшегося после смерти крестьянина Г. С. Степанова-Степахина. На продажу выставлялись: тёлки пёстрой масти одного года и двух лет, двухмесячный телок красной масти, жеребец, пять собак, четыре курицы и пять петухов. Общая сумма оценки — четыреста пять рублей.

Субботним вечером отшумел вечер в пользу Российского общества Красного креста (РОКК). При участии лучших драматических сил города показана пьеса в четырёх действиях «Консул Гранат». В главных ролях: Гарсов, Ткачук, Зойла, Кренберг, Топольский, Глаголевский, Комарова, Золотарёв, Могилевская, Курилов. Во время вечера играл духовой оркестр. Гостям вечера предложены: буфет с напитками, горячими и холодными закусками, «универсальный базар», живые цветы, «конфетти-почта» и «танцы до утра». Состоялся аукцион.

20 мая производилось «окуривание» членов Осоавиахима. Предварительно председатель химсекции Гончаров провёл беседу «Действие газа на организм и способы противодействия ему». Окуривание состоялось в «смертной камере» горбольницы. «Каждый гражданин, действительно считающий себя членом Осоавиахима, должен принять газовое крещение».

24 мая стало известно, что президиум Осоавиахима СССР начал подготовку уникальной воздушной экспедиции: перелёта по маршруту Петропавловск — Ленинград. В начале мая его участники и гидросамолёт «Советский Север» отправятся из Одессы во Владивосток на пароходе. Во Владивостоке они ожидаются в двадцатых числах июня. Здесь гидросамолёт будет перегружен на другой пароход и прибудет в Петропавловск в начале июля.

25 мая на пароходе «Муроран-мару» в Петропавловск прибыл японский консул Д. Отани в сопровождении секретаря М. Мацуды. Пароход встречали ответственный секретарь президиума окрревкома А. Янушкевич и начальник административного отдела округа Н. Фролов. В кают-компании судна состоялся обмен приветствиями, после чего консул отправился в здание консульства.

27 мая оба прибора городской сейсмостанции показали колебания почвы, начавшееся около девяти вечера и продолжавшееся более полутора часов. Сила толчков не превышала двух баллов.

28 мая председатель окрревкома В. Ф. Богатырёв принял японского консула. Беседа между ними шла минут двадцать и касалась, главным образом, вопросов японской рыбной промышленности в водах Камчатки. В январе этого года между СССР и Японией была подписана восьмилетняя рыболовная конвенция. Согласно конвенции, СССР предоставил японским подданным право ловить, собирать и обрабатывать все виды рыбы и продуктов моря, кроме котиков и морских бобров, вдоль побережий Японского, Охотского и Берингова морей, за исключением рек и бухт. Это право осуществлялось только путём получения рыболовных участков, сдаваемых с публичных торгов во Владивостоке в феврале каждого года.

В. Ф. Богатырёв заявил, что японские рыбопромышленные предприятия, являясь концессионными, не смогли бы на чужой территории успешно работать, если бы не согласовали своих действий с местными властями. Последние в пределах законности охотно оказывают этим предприятиям содействие. «Да и вообще, интересы японских граждан на Камчатке никем не ущемлялись».

29 мая в три часа ночи снова легко трясло, теперь на протяжении нескольких минут.

30 мая гормилиция составила протоколы на корейского подданного Ем Якова, китайских подданных Ян-юн-чен, Цзи-ши-янь, Чжан-лу-сан, Сун-мин-ко, Чжан-хуан-ши, Ян-вэе-чжан, Сю-э-цин, Ван-тян-сю и Ли-цю-тан за несвоевременную явку для продления вида на жительство. На С. Ф. Севельева, С. Г. Василевского и А. В. Фесенко — за пьянство и хулиганство. На Ф. Ф. Слободзян — за невыписку жильцов. На китайских поданных Гао-хай-ван, Ван-вин-сын, Гао-чжен-цзян и советского гражданина В. С. Рубцова — за нарушение правил торговли.

1 июня городской отдел благоустройства провёл «устные» торги на сдачу в аренду на три года городских сенокосных участков.

В городе объявлен «двухнедельник чистки», в течение которого все общественные, частные учреждения и отдельные граждане были обязаны привести в надлежащее санитарное состояние дворы, очистить помойные ямы и уборные, вывезти нечистоты на свалку с последующей дезинфекцией чёрной карболкой, раствором извести, смолой и дёгтем.

Врач горбольницы Гончаров разъяснял: «С наступлением весны, по мере таяния снега, всё больше и больше вылезают наружу

всевозможные отбросы и нечистоты, накопившиеся за зиму. Отбросы эти не только оскорбляют взор своей неблаговидностью, но действую на обоняние, невольно заставляя зажимать нос при обходе задних дворов. Ручьи талой воды смывают со склонов нечистоты и несут их в колодцы, отравляя питьевую воду. Начинают усиливаться желудочно-кишечные заболевания…»

Весна проявила себя и с ещё одной стороны: установленные зимой столбы электроосветительной сети начали наклоняться под тяжестью проводов. Возникла опасность их падения на дорогу или телефонно-телеграфную сеть.

3 июня в школе-девятилетке объявлено «Днём леса». Ученики убрали школьный двор от мусора и приготовили лунки для посадки деревьев. Руководитель праздника учитель Корнеенко сделал небольшой доклад, после чего приступили к посадке. Каждое дерево получило своего «шефа», который отныне должен был присматривать за ним.

Клуб ССТС дал украинский спектакль «Суета», сочинение Карпенко-Карого, в четырёх действиях при участии артистки А. М. Брославской. «Пьеса ставится в Петропавловске первый раз. Начало в восемь с половиной часов. Цены местам обыкновенные».

Жители города украинского происхождения давно мечтали о национальном театре. «Такой театр, несомненно, нужен, интересен, полезен массовому зрителю. Устроенный у нас в Петропавловске в марте месяце текущего года спектакль в день памяти Т. Г. Шевченко, прошедший с большим успехом, при переполненном зале, об этом красноречиво говорит».

7 июня в клубе ССТС доктор Гончаров прочитал лекцию «Половая гигиена женщины».

10 июня отчиталась секция народного образования при горсовете. В ней состояли семь членов совета и столько же привлечённых, в основном работников образования. Много сил потратили они на ликвидацию неграмотности: теперь в городе не имелось таковых в возрасте моложе тридати пяти лет. Школа малограмотных выпустила в 1928 г. двадцать четыре человека.

По докладу секции решили подыскать более подходящее помещение для музея краеведческого общества и определить при нём специального работника. К недостаткам музея отнесены: обслуживание исключительно школы-девятилетки, в которой он располагался, отсутствие работы с населением и научных исследований.

Пароход «Муроран-мару» задерживался с очередным заходом в Петропавловск. Причиной этого стала забастовка японских

моряков и портовиков. На «Муроран-мару» ожидалось поступление большого количества товаров и продуктов, купленных АКО в Японии.

12 июня в Петропавловск пришёл первый теплоход АКО — будущий «Охотск», пока ещё носивший английское название «*Apex*». Местные шутники тут же прозвали его «Арехом». На его палубе оживление: здесь собрались представители различных организаций на редкое торжество — передачу судна из американских рук в советские. Привёл теплоход американский экипаж. В кают-компании висел плакат с изображением голов американского и советского капитанов и надписью по-английски: «Интернациональное объединение моряков». Во время торжественного обеда советский капитан обещал, что экипаж справится с теми задачами, которые ему поручило АКО. Его американский коллега радовался тому, что судно доставлено в порт в целости и успешно передано советской стороне. 19 июня «Охотск» под командованием опытного капитана С. И. Кострубова вышел в первый рейс на Камчатке — в Усть-Камчатск. Вернувшись оттуда, судно должно было отправиться во Владивосток. Теплоход был построен в США в 1917 г. Капитан Кострубов отзывался о нём неплохо, говоря, что это «ценное приобретение для разрешения намеченных заданий АКО».

14 июня правление краеведческого общества обсуждало вопрос об организации исследовательских и массовых экскурсий на летний сезон. В начале года было запланировано путешествие в долину реки Тигиль для ботанических работ, на вулкан Баккенинг для решения вопроса о его сходстве с вулканом Мон Пеле на острове Мартинике, затем на Налычевские горячие ключи для их описания. Массовые экскурсии предполагались на Корякский и Авачинский вулканы для ознакомления членов общества со строением вулканов и их деятельностью.

На заседании выяснилось, что послать ботаника на север Камчатки в этом году нельзя. Исследование растительного покрова долины Тигиля отложено до следующего года. Экскурсии на Бакеннинг и Налычевские горячие ключи решено выполнить. Поднят вопрос об исследовании Мутновского вулкана, извергавшегося в 1927 г. Организацию массовой экскурсии на Корякский вулкан и руководство ею решено поручить Пономарёву, а на Авачинский — Матулису, поднимавшимся на них в прошлом году. Кроме того, решено организовать массовые экскурсии на остров Топорков и в деревню Налачево на древние юртовища. Уткину

и Жедяевскому назначено обследовать древние юртовища в районе Синицинского озера.

На время отъезда секретаря общества М. Э. Кренберга на материк обязанности секретаря возложены на М. А. Жедяевского.

В середине июня городские комсомольцы решили провести «манёвры». Группа молодёжи во главе с М. Аристовым ранним тихим утром притащила к зданию окрбюро ВКП(б) ржавую старинную пушку, установила её на самом высоком месте. Аристов зарядил её порохом и произвёл холостой выстрел, перепугавший всех городских собак и курей и поднявший на ноги обывателей и даже экипажи стоявших в ковше пароходов. После этого была взорвана консервная банка, тоже начинённая порохом. От взрывной волны вылетели несколько стекол в окнах зданиях гормилиции и окрбюро. Так было дано начало комсомольским «манёврам», после коих Аристов получил прозвище «камчатский пушкарь».

Качество драматических постановок за последнее время заметно улучшилось. Это отмечали все зрители, в том числе весьма искушённые, прибывавшие с материка. Последние постановки («Консул Гранат», «Суета») отличались большой подготовленностью, продуманностью и хорошим исполнением. «Суета» признавалась особенно содержательной и выдержанной идеологически. Произошёл крутой поворот — «от театральной халтуры мы идём к законченности и художественности постановок, от дёрганья зрителя и порчи его нервов — к доставлению ему эстетического удовлетворения». Такие успехи напрямую связывались с недавно начавшейся деятельностью режиссёра Бадах.

Утверждён состав президиума переизбранного горсовета: Масюк, Слободзян, Ливанчун, Шпаков, Святой, Ларин, Мутовина, Васильева. Обязанности председателя горсовета до приезда Ларина выполнял Масюк. Ответственный секретарь президиума совета — Шпаков.

Президиум горсовета отклонил представление Камчхоза о сдаче новой бани в арендное пользование. Тресту предложено срочно составить смету на эксплуатацию бани и представить её на рассмотрение.

Город начал подготовку к открытию первого Камчатского окружного съезда Советов. Намечалось: иллюминировать здания окрбюро, окрревкома, горбольницы, клуба, арку на пристани и площадь Свободы, окультурить парк на Никольской сопке, провести туда электричество и установить сцену, вымостить и спланировать улицу Ленинскую, привести в порядок памятники старины.

Объявлено, что вследствие работы до десяти часов вечера пароходных радио, клубный громкоговоритель будет вещать, начиная с этого времени.

15 июня окрбюро ВКП(б) объявило о начале работы комиссии по набору в учебные заведения на материке. Пришла развёрстка на Урало-Сибирский коммунистический университет, Владивостокскую совпартшколу, Владивостокский рабфак. Условия приёма: в университет зачисляли лиц, работавших на производстве с физическим трудом не менее трёх лет с таким же партстажем, в возрасте от двадцати четырёх до тридцати двух лет, прошедших политподготовку в совпартшколе второй ступени. Предпочтение отдавалось лицам, служившим в Красной Армии и имевшим опыт гражданской войны. В совпартшколу брали членов ВКП(б) со стажем не менее двух лет или комсомольцев со стажем не менее трёх лет в возрасте от девяти до тридцати пяти лет, рабочих и крестьян, проявивших активность в партийной и советской работе, «хорошо грамотных, обладающих политподготовкой в объёме нормальной школы политграмоты». На рабфак зачисляли рабочих и крестьян в возрасте от восемнадцати лет, окончивших школу первой ступени.

16 июня в два часа дня открылась городская коммунальная баня. Она работала шесть дней в неделю, кроме понедельника, с двух дня до десяти вечера, а в воскресенье — с семи утра до двух дня. Женские дни — вторник и пятница.

17 июня клуб ССТС организовал первую загородную прогулку-экскурсию. Её сопровождал духовой оркестр и «буфет на воздухе». Отдыхающие развлекались футбольным матчем, игрой в городки и лапту.

18 июня в шесть часов вечера в клубе ССТС состоялась очередная беседа на фотокурсах на тему «Наводка на фокус».

20 июня открылись детские ясли.

23 июня, в субботу, самодеятельные артисты школы-девятитилетки устроили вечер с постановкой пьесы «Книги доконали». Режиссировала постановку Зойла. Сбор от вечера направлен на усиление средств РОКК.

Школа выпустила воспитанников ремесленной группы. На вечере мастеру группы Андрею Яковлевичу Кочеткову был вручён серебряный портсигар с памятной надписью. «Он был тронут до слёз. Пригласил всех ремесленников на стакан пива. Сообща прокутили девяносто пять рублей. Домой вернулся в половине шестого», — записал в дневник выпускник ремесленной группы Г. Сычёв, получивший специальность столяра-краснодеревщика.

29 июня в клубе ССТС прошло организационное собрание городской добровольной пожарной дружины. Сельхозсекция горсовета провело общий сбор горожан-владельцев рогатого скота по вопросу о найме пастуха.

В Ковш зашла масса мойвы. Вода от её присутствия казалась чёрной. Ловили все, кому не лень и кто чем мог: вёдрами, самодельными сачками, решётами, ящиками.

30 июня городская сейсмостанция в девятнадцатый раз отметила колебания земной тверди с 21-го числа. Все они были незначительными, не превышая двух баллов. Только 22 июня прошло в полном покое. 27 июня сейсмостанцию посетил профессор И. А. Преображенский, отметивший особенности камчатских землетрясений: волны сравнительно большого периода.

К концу июня порт посетили уже шесть пароходов срочных рейсов. Почту привезли только два. Такое положение вещей считалось ненормальным, о чем окрревком сообщил крайисполкому в Хабаровск.

На пароходе Совторгфлота «Астрахань», пришедшем из Японии, проводил досмотр сотрудник Петропавловской таможни Блажевич. По-мнению моряков, к делу он подошёл по чиновничьи. По установленным традициям и правилам моряки имели право покупать за границей вещи для личного потребления. «Доблестный таможенник обобрал почти всю команду... Не учтёшь никакими процентами и не взвесишь ни на каких весах возмущение против нашего аппарата и нашей законности. Для укрепления нашей законности нужен, во всяком случае, не головотяпский и не чиновничий подход».

А вообще-то, надо заметить, что «астраханцы» особым благочестием не отличались. Милиция составила протоколы на восьмерых из них. «Некоторая часть моряков прибывающих в наш порт пароходов ведёт себя в городе отвратительно-разнузданно. Блуждание пьяными "в дымину" по улицам, распевание похабных песен, матерщина, приставание к женщинам — это только и можно видеть и слышать от такой части моряков. Надо бы таким морякам взять пример с других своих товарищей, разумно использующих пребывание в городе — работой в клубе и т. д.»

В продажу поступили новые краеведческие издания: отчёт о деятельности местного общества и подготовленные им словари: русско-чукотский и русско-корякско-ламутский с наиболее употребительными разговорными фразами. Продавался и устав общества. Желающие приобрести отправлялись к казначею Слободчикову.

Горбиблиотека получила в июне новые номера журналов: «Авиация и химия», «Наука и техника», «Охотник», «Пушное дело», «Радио всем», «Радиолюбитель», «Советское фото», «Хочу всё знать», «Шахматы», «Печать и революция».

Летом 1928 г. через Петропавловск в различные районы Камчатского округа проследовал ряд экспедиций. Такой научной активности полуостров уже давно не испытывал. В Охотском море работала биологическая и гидрологическая экспедиция профессора Дерюгина, профессор Дальневосточного госуниверситета Овсянников изучал леса долины реки Камчатки, старший геолог Дальневосточного отделения Геологического комитета профессор Преображенский отбыл на пароходе «Индигирка» в бухту Корфа во главе разведочной партии на выход углей, горный инженер Власенко отправился на сбор геологических коллекций на Чукотку, на Карагинском острове трудился сотрудник Тихоокеанской научно-промысловой станции Разумовский...

2 июля слушавший «Шахтинское дело» Верховный суд СССР внимал последнему слову обвиняемых. Вскоре последовал приговор, по которому часть их была оправдана, часть подверглась заключению, а некоторых расстреляли. Весь процесс широко обсуждался в печати, как центральной, так и местной.

В музей краеведческого общества поступила в дар от Н. И. Кузнецова ламутская осенняя беговая нарта, доставленная уполномоченным по Уст-Камчатскому району Горбуновым. К нарте приложены бич, зубчатый гребень-удило и подковообразное приспособление, крепившееся между оленями для того, чтобы они не толкали друг друга во время езды. От жителя селения Хайрюзово Зищева поступили орудия каменного века: два наконечника дротика и три наконечника стрел, относящиеся к палеолиту.

По обязательному постановлению горсовета от 26 марта № 5 за пьянство и хулиганство составлен протокол на горожанина Александра Степановича Суворова.

8 июля, в воскресенье, в пять часов вечера открыта водная станция физкультурного кружка при клубе ССТС. Лозунг дня: «Все на воздух, все на воду!»

10 июля, во вторник, в клубе ССТС состоялась выставка рукоделия кружка кройки и шитья. Показывали последние работы кружковцев — преимущественно дамские платья. Они отличались «художественностью и выдержанностью стиля». Судя по всему, занятия доставляли кружковцам удовольствие. Общий успех надо было отнести на и счёт мастерства руководителя Добровольской.

Поздно вечером на электростанции произошёл пожар: в выхлопной трубе плохо отрегулированного двигателя вспыхнула несгоревшая нефть. «Какой-то товарищ, не узнав, в чём дело, стал трезвонить в церковный колокол. Народу набежало много, началась паника...» На раскалённую трубу лили воду, остановили мотор. Пламя погасили. После пожара ОГПУ выставило у станции охрану, арестовало заведующего, моториста, монтёра и завхоза. А то, как же? Чем не вредительство, не местное «Шахтинское дело»?

12 июля на пароходе «Муроран-мару» уехал учиться на материк «начальник Камчатки» секретарь окрбюро ВКП(б) Никита Иванович Кузнецов. Он проработал на полуострове более двух лет, убыл с разрешения Далькрайкома ВКП(б). «Сожалея об отъезде тов. Кузнецова», местные партийцы отмечали, что «нельзя не приветствовать его стремление получить ещё большую теоретическую ленинскую закалку».

14 июля на вечере Осоавиахима в клубе ССТС целомудренная публика во время танцев увидела (многие впервые) фокстрот, который «к великой части танцевавших пар, к счастью только двух... был исполнен без лишних экивоков, а одной девицей, так даже не без кокетливой грации. Тем не менее, публика, как будто, фокстротом была несколько смущена, и по окончании такового со стороны последней послышались возгласы: “Фокстрот — довольно!”»

16 июля, в понедельник, в агитпропкабинете заседали делегаты. Слушали доклады «Шахтинское дело и задачи рабочего класса» и «Об участии женщин в неделе обороны страны».

Второй доклад тоже был актуален: в июле по всему СССР шла «Неделя обороны страны» под лозунгом: «Копейками, рублями — создадим железный фонд обороны СССР!», «Внёс ли ты свою лепту в фонд обороны страны?»

Откликнувшаяся на призывы крепить оборону первого в мире пролетарского государства, городская партчейка № 4 собрала десять рублей и вызвала «на взнос» все остальные ячейки. Окружной военком Коротаев внёс три рубля и призвал начальника админотдела Фролова последовать его примеру. Житников сдал десять рублей и вызвал сослуживцев Усова, Лимберга, Янушкевича, Фомина и Шеина — на ту же сумму, «можно и больше». Рафаил Подгур дал пять рублей и вызвал Суконного, Борисова, И. Т. Новограбленова, Клементовича и Мосевича. Комсомольцы города решили, наряду с устройством сборов и походов с определёнными задачами, «влиться в обязательном порядке в состав отряда при Осоавиахиме».

Читатель, наверное, заметил, что в городишке, населённом всего-то парой тысяч граждан (по переписи 1926 г. — 1 691 человек) уж больно часто проходили всякие собрания да совещания. В настоящем очерке упомянута лишь примерно четвёртая их часть. Своеобразная реакция на это положение вещей содержится в заметке известного нам «Клыка моржового», написанной в духе популярных тогда юмористических рассказов А. Аверченко и М. Зощенко:

«Вообще, с собраниями, граждане, не везёт. А вот тут, поди-ж ты, собрались, совторгслужащие собрались, граждане... Ну, хорошо-с. Собрались. Как водится, допрежь всего президиум выдвигать зачали. Ах, граждане, какая это была волнующая минута, и какое оживление совместно с активностью развернулось.

С поначалу рёв страшенный со стороны аудитории поднялся. Такой рёв, быдто на скотобойне во время убоя на мясо. Который с собачкой пришедши, буквально слюной всех обрызгал. Опять же, и гражданин в панаме в роль вошёл — двумя руками голосовал, а чтобы незаметно было — на одну руку панаму нанизал. Выбрали всё-таки. Три человека выбрали.

Первый вопрос, граждане, был — итоги профсоюзной дискуссии. Ну, думаем, какие тут тебе итоги поводить, ежели духота на улице стоит и пот в ботинки проскальзывает.

Дали докладчику пятнадцать минут, — укладывайтесь, товарищ. Докладчик, действительно, уложился. Только не слышно его было, граждане.

Семечки аудитория всё лузгала и ходей (китайцев. — *С. Г.*) ругала. Ах, какие плохие семечки, граждане, нынче продают, не то, чтобы пережаренные али сырые, а просто зёрнышки какие-то неаппетитные и хиной отдают.

Однако же не все семечки грызли. Один, например, молодой гражданин с большой лысиной к дамочкам подсел и, по всей видимости, по анекдотной части с ними упражнялся.

Весёлый, каналья, этот лысый — рассмешил дамочек всё-таки. Даже и я по своей скромности два раза в кулак хихикнул.

К этому времени и докладчик кончил. После него трое что-то спрашивали, а докладчик опять чего-то говорил.

По всем признакам, вопросы и ответы были, однако же точно никто этого не определил. Дальше прения начались. В прениях, граждане, никто не выступал, потому с семечками заминка маленькая вышла — догрызть не успели.

После прений — с резолюцией возня началась. Тот, который сбоку сидел, семечки поспешно выплюнул и басом рявкнул:

— Принять к сведению!

После него один гражданин на букву “Е” добавление какое-то ничтожное внёс, а другой гражданин на букву “Ф” по добавлению выступил. Тут оно и началось. Спор начался, граждане. Спорили, однако, недолго, потому как который добавление вносил, ушёл орехи кедровые покупать, а враг его по добавлению комара на носе пытался изловить.

Резолюцию всё-таки приняли. К следующему вопросу поплыли — выбора в группком. Конечно, группком, граждане, это не ВЦИК. Здесь и думать много не надо, кого выбирать. Сидят, например, два высоких молодых человека, а среди них ягодка — дамочка молоденькая в красном платочке. Который слева сидел, в любезности ударился:

— Я, — грит, — мадам, вашу кандидатуру выдвигаю, потому как я к вам очень даже неравнодушен.

И действительно — выдвинул. Дамочка в румянец вдарилась и эдак шаловливо ему рот своей ручкой прикрыла. А который справа сидел, тоже начал её кандидатуру выкрикивать. Тут, граждане, настоящее побоище произошло. Который слева — на правого глаза ревнивые скосил, а дамочка с левого ручку свою перенесла на правого и давай бить его по нахальной морде.

Другие тоже зачали выкрикивать разные кандидатуры. И такой, граждане, шум поднялся и неразбериха организационная, ажно председатель за свою личность испугался. Одним словом, — капуста. Групком всё-таки выбрали. По ходу повестки были ещё вопросы, а только оживления, граждане, уже не наблюдалось.

Некоторые даже по домам разошлись. А который с блондинкой сидел у двери, под ручку к перешейку направились. Вообще, граждане, собрания сейчас надо на воздух переносить, в кустики куда-нибудь. И, по возможности, при луне. Луна, граждане, настроение создаёт. А ежели настроение есть — можно и до петухов заседать».

А вот что по этому поводу записал в дневник Георгий Сычёв: «...У самого голова пухнет от всяких собраний и заседаний. В окружкоме ВЛКСМ не считаются, что работаю и учусь. И вообще, на комсомольцев-учащихся нагружают столько, что они не могут нести нагрузки без ущерба для учёбы. Поэтому учатся все гораздо хуже, нежели беспартийные. Последние же смеются над нами за неуспеваемость, козыряют своими успехами. И, что плохо, ведут агитацию против вступления молодёжи в комсомол».

Но собрания и заседания продолжались, в том числе и по поводам весьма значимым.

17 июля торжественно отмечался десятилетний юбилей советской медицины. Городскую больницу украшал подсвеченный государственный герб, на фасаде здания висел лозунг, незыблемо свидетельствовавший о том, что только «Советское здравоохранение является залогом оздоровления труда и быта трудящихся». Приёмная комната больницы красиво декорирована свежими ветками зелени. По стенам развешаны плакаты, лозунги и портреты творцов пролетарского здравоохранения и вождей, вдохновителей и руководителей Октябрьской революции.

Старший врач М. Р. Гаскин в своей речи отметил, что «советская медицина за десять лет при невероятно трудных условиях сделала несомненные шаги по пути восстановления и создания нового, ещё небывалого у нас и невиданного совершенно за рубежом здравоохранения».

18 июля, напившись, устроили драку в столовой комсомольцы второго судна АКО — шхуны «Чукотка» Михаил Виннер, к тому же секретарь ячейки, и Павел Брюква. Пришлось вызывать милицию. Вопрос об их поведении разбирался на судовой ячейке и в окрбюро ВЛКСМ. Постановили: обоим вынести строгий выговор с предупреждением об исключении из комсомола при повторном нарушении дисциплины и с занесением в личное дело.

19 июля правление клуба ССТС предупредило, что, начиная с этого дня, на киносеансы не члены клуба допускаться не будут до разрешения противоречия, сложившегося во взаимоотношениях с фининспекцией. Причиной этого заявления стало извещение инспекции о том, что за киносеансы следует вносить налоги и сборы, а также приобрети патент. Для покрытия этих затрат требовалось увеличить стоимость билетов. Правление клуба считало, что это приведёт лишь к убыткам. А вот если показы будут идти только для членов клуба, то есть станут закрытыми, то платить налоги и сборы не потребуется.

22 июля об итогах 1927/28 учебного года рассказал горожанам заведующий школой-девятилеткой В. Луговой. Учебных дней в году было двести четырнадцать. Из двухсот восьмидесяти пяти учащихся переведены в следующие группы сто шестьдесят три. На осень назначено испытание сорока восьми. Оставлено «на второй год» семьдесят четыре ученика или почти четверть их состава. На новый 1928/29 учебный год школа намеревалась принять в первую группу тридцать пять ребят.

Количество второгодников впечатляло: в некоторых группах их насчитывалось до половины состава. Один из обывателей озада-

ченно спрашивал: «Этот факт заставляет нас поставить вопрос перед всеми преподавателями и групповодами школы: где же они были и что делали, если их годичная работа дала такие результаты?» Позиция, узнаваемая и в наше время: если дети плохо учатся, то виноваты в этом, конечно же, педагоги. Правда, один из родителей называл другую причину: нет учебников. Об этом же говорил и учитель П. Т. Новограбленов, так что ребятам, чтобы готовиться к урокам, «нужно бегать друг к другу по сугробам».

26 июля по поручению правления краеведческого общества к Налачевским ключам выехал П. Т. Новограбленов. Он намеревался снять план ключей, нанести их на карту, определить температуру источников, физические и химические свойства и вод, а также собрать близлежащие растения.

29 июля продолжился сбор средств на оборону СССР. Лилечка Букаемская внесла три рубля и вызвала Нону Успенскую, Майю Селиванову, Клару Фролову и Розиту Яковенко. А вот те, «кто не внёс по вызовам»: городские партячейки № 1, 2 и 3, начальник административного отдела Фролов, Усов, Шеин, Суконов, И. Т. Новограбленов, сотрудники окрфинотдела и Госбанка, Володя Сосновский, Серёжа Шмелёв, Матулис, Лиза Улатова, Вася Новограбленов...

31 июля в начале двенадцатого ночи в городе ощущалось средней силы плавное землетрясение, продолжавшееся с перерывом немногим более десяти секунд.

В июле в здании Петропавловского кооператива открылся киоск Акционерного общества «Всесоюзное контрагентство печати». В его задачу входила выписка из Москвы всевозможной литературы для её распространения. Через киоск можно было получить любые газеты и журналы, выходившие на территории СССР. Книги продавались по ценам издательств, газеты и журналы — по ценам редакций.

Комиссия по проведению недели РОКК обратилась к горожанам с призывом создать бельевой мобилизационный фонд. «Международные события почти ежедневно говорят нам о предстоящей войне, войне никогда не виданной... Поэтому выявится такая потребность в белье, как для раненых, так и для находящихся в строю бойцам, которую государство удовлетворить не сможет... Необходимо на Камчатке создать бельевой мобилизационный фонд. Жертвуйте каждый, что может — простыню, наволочку, полотенце, рубашку, кальсоны, носовой платок, можно жертвовать и полотном...»

2 августа на заседании правления клуба ССТС заслушано сообщение о работе кружка «улучшенного питания». Председатель

бюро кружка Каширников подробно рассказал о начале и текущей работе кружка. Правление клуба отметило «хороший охват столовников и приличную постановку в деле питания». Кружку предложено увеличить количество членов, желающих получать питание в столовой, отремонтировать занимаемое помещение, а на время ремонта столовой разрешило занять помещение фойе. Имеющуюся прибыль следовало использовать на снижение стоимости обедов и улучшение питания, также проработать вопрос об организации «полного пансиона», включавшего завтрак, обед и ужин.

Заслушав заявление ответственного дежурного на вечере отдыха о скверном поведении матроса шхуны «Чукотка» Ковальчука, выразившемся в грубом отношении к дежурному и несоблюдении порядка, правление запретило матросу посещать клуб в течение трёх месяцев.

На этом же заседании «раз навсегда» постановили: буржуазный танец фокстрот «совершенно не допускать в стенах рабочего клуба, а товарищам, участвовавшим в этом танце на одном из вечеров в клубе, вынести порицание».

3 августа около половины второго дня из Большерецка в Петропавловск прилетел долгожданный гидросамолёт «Советский Север» трансарктической экспедиции. Примерно в час дня летательный аппарат вынырнул из облаков. «Мощное сооружение человеческой мысли, продукт гигантской деятельности мозговых клеток покорителя природы, завоевателя воздушной стихии — человека» — сделал несколько кругов и сел на воду. Отважных лётчиков торжественно встречали на пристани представители всех организаций города и почти всё население. Грянул оркестр. Состоялся «летучий» митинг, а в пять вечера в клубе ССТС начался товарищеский обед, на котором участники рекордного перелёта поделились своими впечатлениями. На обеде по инициативе лётчиков был организован сбор в фонд обороны страны, давший триста тридцать девять рублей. Сам экипаж внёс двадцать пять рублей.

Старший пилот Н. Н. Родзевич рассказал о гидроплане. Тот поднимал 427 пудов (7 тонн), мог держаться в воздухе до девяти часов, развивал скорость 180 вёрст в час. Из Большерецка в Петропавловск летели малой скоростью — 120 вёрст в час, поднимались на высоту 6 875 метров. После отдыха экипаж намечал отправиться в Усть-Камчатск, затем в Олюторку и далее на север.

4 августа началась экскурсия-экспедиция краеведческого общества на Авачинский вулкан. Её цели: производство наблюдений, ознакомление широких масс горожан с явлениями вулканизма

и развитие альпинизма. Участвовали шесть человек вместе с проводником: Слободчиков, Жедяевский, Каплан, Марушин, Блажевич и Дьячков. Быстрее всех поднялся проводник камчадал И. М. Дьячков — за пять часов. На вершине вулкана пробыли около четырёх часов, примерно столько же времени занял спуск. Экскурсия длилась три дня.

12 августа, в воскресенье, с трёх часов дня за Култучным озером шумело массовое гуляние горожан. Состоялись спортивные состязания по волейболу и футболу, бегу и стрельбе, небольшое представление — «инсценировка на воздухе». Играли струнный и духовой оркестры, работал буфет «по дешёвке».

Шёл сбор средств в помощь пострадавшим от наводнения в Дальневосточном крае. Медработник В. Ц. Пересвет-Солтан сдал три рубля. Некто Бобраков по вызову Васильева внёс пять рублей и в свою очередь вызывал Юхно, Чикалина, Лимберга и Уткина. Городские комсомольские ячейки провели трудовой субботник по погрузке и засыпке портовой полосы камнем. Заработанные ими сто восемьдесят рублей также направлены в пользу пострадавших.

Во второй половине августа выявилось несколько заболевших ангиной, главным образом, детей. Заболеванием протекало тяжело, один ребёнок скончался. По городу поползли панические слухи о начавшейся эпидемии дифтерии. Горбольница обследовала восемнадцать ребятишек и ни у одного не обнаружила возбудителя дифтерии, но выявило много стрептококков. Причиной смерти ребёнка стало заражение крови. Проверили всех детишек селения Авачи — сорок человек. У них также найден стрептококк, но дифтерийная палочка отсутствовала.

18 августа райгормилиция во исполнение решения народного суда выставила на продажу дом, принадлежавший Виктору Григорьевичу Орехову. Его оценили в две с половиной тысячи. Желающие принять участие в торгах должны были предъявить справку коммунального отдела местхоза о том, что они не владеют какими-либо строениями и внести залог в десять процентов от суммы оценки.

Пришёл пароход «Индигирка», доставивший делегатов на первый окружной съезд Советов.

21 августа постановлением окрбюро Осоавиахима за работу в организации знаком активиста награждён горожанин Бобраков.

В этот день открылся первый окружной съезд Советов — «верховный орган окружной власти». Анонимный автор откликнулся на это событие стихами:

Город весь в гирляндах смольных
Смотрит в зелень зеленью полей,
Утонул в плакатах беспокойных,
Захлебнулся в радости нарядных кумачей...
Ночь пугливо жмётся синим мраком
И уходит нехотя в предутренний туман,
Потому что заискрился звёздным маком
Разноцветный электрический фонтан.
Опоясаны дома и улицы в плакаты,
Небо пронизал знамённый красный цвет —
Город ждёт — приедут делегаты
На Камчатский Первый Съезд...
Съезд пришёл, пришёл хозяин многоликий
На шестой рабочий шумный год
Подвести рукою грубой, непривычной
Тонкий тщательный итог.
Юрты знают, знают сёла, что сегодня —
Этот праздник многих страдных лет.
Оттого потоком бурностройным, бурноволным
Льётся Съезду пламенный привет.

В четыре часа дня у здания окрбюро ВКП(б) начался многолюдный митинг и состоялась демонстрация, посвящённая открытию съезда. С приветствиями выступили представители парторганизаций и делегатов. В демонстрации участвовали погранотряд, отряд Осоавиахима, санкружок, профсоюзы. Собралось много народу, — по меньшей мере, половина населения Петропавловска. Затем демонстрация направилась к клубу ССТС, где её приветствовали делегаты съезда, потом двинулась на площадь Свободы, после чего вернулась обратно.

Заседания съезда открыл председатель окрревкома В. Ф. Богатырёв, напомнивший о понесённых на пути к светлому будущему жертвах: «Задела своим крылом гражданская война и трудящихся Камчатки. Погиб партизан Рябиков, погибли Елизов, Кручина, Мандриков. Я предлагаю почтить их память вставанием». Все встают, оркестр играет похоронный марш.

24 августа после окончания вечернего заседания делегатов съезда пригласили в «красную казарму» познакомится с жизнью пограничников. Принимавший гостей командир Мухин провёл экскурсию: «Это, товарищи делегаты, красный уголок, который мы называем “Ленинской кузницей”... В казарме красного бойца порядок — основное правило... Мы говорим — винтовка является женой красноармейца... Мишенью при стрельбе дробинками служит портрет Чемберлена...»

Противогаз, надетый на делегата-чукчу Матлю пограничником Бобраковым, прикрывшим его после предварительно демонстрации пробкой, был поспешно сброшен под громкий хохот окруживших Матлю соплеменников. «Как много книг! Все книги!», — воскликнул чукча Неунге, зашедший в библиотеку.

После товарищеского ужина начались танцы. В. Ф. Богатырёв ловко плясал по-русски, начальник милиции Н. П. Фролов выделывал ногами такие кренделя, что заразил всех танцевальным настроением. Распорядитель АКО М. Д. Шеин, взявшись за руки с чукчей Печуче, выделывал замысловатые фигуры. Аборигены тоже показали свои национальные танцы. Комаров и Голованов с Топольским отплясывали ничуть не хуже чукчей, коряков и эскимосов. Всё это сопровождалось смехом и улыбками делегатов. Завершил вечер просмотр «немого» фильма «Октябрь», сопровождавшийся игрой на гармошке. Разошлись полвторого ночи, усталые и довольные.

Впрочем, нашлись и такие несознательные, кто называл делегатов съезда, приехавших из самых отдалённых уголков округа, «сопливыми и грязными». «Какая-то собака из контрреволюции или кулачья подбивает их на такое дело», — вечером занёс в свой дневник Г. Сычёв.

29 августа, в среду, в клубе ССТС состоялся вечер воспоминаний по поводу японской аннексии Кореи. Присутствовали более двух десятков «восточников», делившихся своими мнениями и воспоминаниями. Все присутствующие подписались на издававшуюся во Владивостоке корейскую газету «Авангард», орган Владивостокского окружкома ВКП(б). Выделены четыре человека для написания письма с целью «усиления нашей связи с трудящимися Кореи». Его намеревались прочесть на общем собрании соотечественников.

В четыре часа пополудни делегатам съезда показана массовая инсценировка «Взятие Петропавловска красными», посвящённая событиям ноября 1922 г., хотя никакого «взятия» тогда не было. По словам жителя города, родившегося в 1903 г., бывшего очевидцем тех событий, «некоторые баталии прошли натурально, другие были далеки от истины».

30 августа открылась отчётная выставка поделок воспитанников детского сада, приуроченная к окончанию годовой работы.

Сентябрь начался двухдневным празднованием четырнадцатого по счёту Международного дня юношества (МЮД).

Эй, молодёжь, под знамёна!
Враг нам не страшен теперь —
Бодро с бурлящею силой
Спешим мы встретить свой праздничный день.
День этот МЮДом зовётся —
празднует вся молодёжь
Каждый год в сентябре в воскресенье...

К празднику ячейки и отряды юных пионеров выпустили стенгазеты, горбиблиотека устроила выставку литературы по юношескому движению, в комсомольских ячейках прочитаны доклады на тему «Четырнадцатый МЮД и наши очередные задачи» и прошёл сбор «интернационального гривенника».

1 сентября в клубе ССТС состоялось торжественное заседание, затем были киносеанс и факельное шествие молодёжи по городу.

2 сентября с утра начались физкультурные выступления, вечером в клубе шумела «красная вечёрка».

11 сентября заседали комсомольцы ячейки АКО. Утвердили план работы на сентябрь и октябрь, добавив к нему два пункта: устройство экскурсии и доклад по итогам первого съезда Советов. Выделены представители: в РОКК — Малькова, в Осоавиахим — Ламберт. За бездеятельность снят с агитпропработы Булатов, он же исключён из бюро ячейки, а взамен избрана Богатырёва. Решено принять участие в очередной «комсомольской вечёрке», для чего выделена особая комиссия.

12 сентября в магазине АКО торговали доставленной из Хакодате японской соей, предназначенной для восточных рабочих, которых Петропавловске имелось более двухсот человек. Привезённые тридцать бочек были распроданы не как обычно, «по бутылкам» стоимостью 50 коп., а оптом. Оказалось, что так были снабжены не рабочие, а китайцы-торговцы, перепродававшие сою вдвое дороже. Корейские труженики высказывали недовольства по адресу аковцев.

18 сентября вновь «отличились» моряки «Чукотки». Два пьяных матроса шарахались по улицам, приставали к женщинам, грозили ножами прохожим. На улице они Ленинской затеяли скандал, где и были задержаны милицией.

На собрании работников просвещения зачитан доклад о втором займе индустриализации. Сказанное заинтересовало присутствующих и вызвало много вопросов к докладчику. В принятой резолюции собрание «одобрило политику советской власти, обращающейся к трудящимся массам за помощью в деле изыскания

средств на социалистическое строительство». Тут же началось оформление займа: за несколько минут двадцать человек подписались на четыре тысячи шестьсот рублей.

О том, как проходила такая подписка в коллективах, на примере связистов изложено одним из участников: «К шести часам члены коллектива подходят... Пора открывать собрание. Косыгин стучит по столу карандашом и объявляет собрание открытым. Избранный председателем тов. Кузнецов зачитывает повестку дня и предоставляет слово тов. Сковородько.

Докладчик долго слушателей не задерживает, знакомит с задачей и содержанием второго займа, как идёт его реализация в центральных губерниях. “Я думаю, — говорит докладчик, — что мы, живущие на далекой окраине нашего Союза, знаем значение займов и в грязь лицом не ударим”.

Тов. Ерахтин (начальник окружного управления связи. — *С. Г.*) знакомит собрание с тем циркуляром, который им получен из округа связи. В циркуляре указано, что нет ещё ни одного связника, чтобы подписался меньше чем на месячный оклад содержания. Уверен, что и мы последуем их примеру.

Прения кончились. Ерахтин, засучивая рукава, берёт лист, размахнулся, поставил “триста”. Совсуненко говорит: “Мало, тов. Ерахтин, нужно больше”. “Триста” исправляется на “четыреста”. А вслед за тов. Ерахтиным зарябили цифры: сто двадцать пять, сто пятьдесят, сто семьдесят пять, и никто меньше месячного оклада не подписывается. К концу собрания красовалось две с половиной тысячи. Так прошёл первый день подписки у связников».

20 сентября окружной административный отдел поставил в известность граждан о том, что сход на берег с пароходов в иностранных портах без его разрешения запрещён. Нарушителям грозило наказание по 84-й статье Уголовного Кодекса РСФСР.

24 сентября в помещении Камчхоза на улице Ленинской, 5 состоялись закрытые торги на сдачу в аренду на год новой бани. «Баня останется за тем лицом, которое даст наивысшую ставку сверх оценочной арендной платы пять тысяч рублей». Уже 11 октября новый арендатор сообщил новый порядок работы бани: теперь она работала с девяти утра до двенадцати ночи ежедневно, кроме понедельника. Общая для восточных рабочих по средам, женская по пятницам, остальные дни для европейских рабочих и служащих.

Вскоре один из горожан, уже вполне проникнутый духом пролетарского интернационализма, нашёл в этом объявлении элементы расового разделения, наподобие американского «для чёрных

и цветных». Прочитав «объявление бани, в котором говорится, что для восточных рабочих баня открыта в такой-то день, а для европейцев в такой-то день... я пришёл к выводу, что в вопросе посещения бани мы далеко от американцев не ушли. Там баня для негров отдельная от европейцев, а у нас в Петропавловске по бедности одна баня, только для восточников (читай негров) посещение в такой-то день, а для европейцев — в другие дни. Ничего. Так будем итти, можем догнать и Америку, темп роста у нас большой. Только хотелось бы спросить арендатора бани, а если восточник не имеет возможности в тот день, когда она открыта для них, сходить, неужели он должен быт немытым?» Вот такой благородный гнев. Только почему-то горожанин не учёл того обстоятельства, что банное объявление подписал «артельный уполномоченный Чжан-мин-тан», который, вполне возможно, и не хотел мыться в один день с «европейцами».

25 сентября горбольница ввела новый порядок приёма. Четверг выделен как операционный день, когда утренний приём не производится. «Во избежание заноса инфекции (заразы) в родильное и хирургическое отделение, посещение больных этих отделений ни в коем случае не допускается».

27 сентября комиссия по подготовке первого окружного съезда Советов приступила к составлению фотоальбома, посвящённого недавнему событию. Председатель комиссии А. Янушкевич обращался ко всем фотографам-любителям с просьбой прислать в орготдел окрисполкома имевшиеся у них фотоснимки на эту тему.

Объявлен приём в учебно-показательную ремесленную мастерскую при школе-девятилетке. Туда брали молодых людей в возрасте от шестнадцати до двадцати лет, окончивших первую ступень единой трудовой школы.

Продолжалась подписка на заём индустриализации. Сумма подписки уже превысила сорок девять тысяч рублей и продолжала расти. Пионерская организация города подписалась на одну облигацию и приглашала последовать этому примеру школу-девятилетку и пионерские отряды Тигиля, Усть-Камчатска и Усть-Большерецка.

1 октября по решению горсовета ликвидирован коммунальный трест «Камчхоз». Вместо него создан городской отдел местного хозяйства (местхоз).

Изменён порядок оплаты коммунальных услуг. Теперь плату за квартиру, отопление, электроосвещение взыскивал сборщик местхоза. Получая деньги, сборщик выписывал квитанцию. При

отказе квартиронанимателя платить он выдавал ордер и брал расписку о его вручении. В случае длительной неуплаты причитающихся платежей по всем видам услуг начислялась пеня.

В двадцатых числах октября началась «кампания самокритики в профсоюзных массах». Кое-кто понял её неправильно. Так, медсантрудовцы почему-то занимались не само, а просто критикой, в первую очередь неправильности торговли АКО: продажи товаров с чёрного хода, по записочкам, по знакомству. По мнению одного из членов союза, это было «как при губернаторе».

В Петропавловской фактории АКО обследовательской комиссией в одном скобяном отделении за четыре месяца было обнаружено четыре сотни записок, по которым отпускался товар. По этому поводу местные остряки даже сочинили стишок:

Члены комиссии весьма озадачены.
Назначение завов стараясь понять:
Управлять ли они предназначены,
Продавцам ли записки писать?
Предлагаем дело направить,
Поступивши с факторией так —
За прилавок часть завов поставить,
Часть же направить за штат.

Стишок сопровождался карикатурой с изображением человека в пенсне и с бородкой, очень похожего на директора-распорядителя АКО М. Д. Шеина.

В проведении кампании самокритики значительное место отводилась «Полярной звезде» и её рабкорам:

В самокритике роль нашей газеты растёт.
Но не всем она мила.
Прочитает иной и скорей отвернёт
Своё возмущённое рыло!
«Ну и времячко стало... Позор!
За мелочи — тянут к ответу.
И даже — простите — какой-то рабкор
Про меня нацарапал в газету...»

25 октября все до одного полиграфисты пришли слушать доклад «О самокритике». После услышанного долго молчали, соображая, «о чём бы ярче сказать». Первым слово взял Королёв, перечисливший недостатки типографии. Затем Зиновьев отметил, что типография не дорожит средствами. Студецкий напирал на отсутствие правильной калькуляции работ и потерю по этой причине заказчиков. Клочков отметил, что часто приходится править уже

готовый набор. «Моисеева крыла общие недостатки, как невыполнение администрацией постановлений производственного совещания».

26 октября на самокритику собралось сорок коммунальщиков. Здесь вопросы и выступления разделились на две группы. Первая — от желающих разобраться, понять, усвоить цели и методы кампании: «Могут ли замечаемые и критикуемые недостатки устраняться на местах?», «Должен ли администратор, когда к нему обращается рабочий, растолковывать и объяснять?», «Можно ли в газету писать о недостатках и будет ли она такой материал размещать?», «Можем ли мы замечания администрации делать, когда видим недостатки?» Вторая — заданная, чтобы «побузить»: «Какая разница между фабрикантом, рабочим и спецом?», «Есть ли у нас барин и рабочий?», «Есть ли у нас низший и высший класс?»

27 октября школа-девятилетка торжественно праздновала столетие со дня рождения писателя-демократа Н. Г. Чернышевского, правда, с небольшим опозданием: родился он не в октябре, а 24 июля 1828 г. Учитель Гурьянов прочёл доклад о жизни «видного писателя и деятельного революционера, который был предан делу революции — делу борьбы за освобождение трудящихся от ига тех начал, которые порабощали и угнетали трудящийся народ». После доклада были показаны музыкальные номера и декламации. Вечер завершился играми и танцами.

При досмотре идущего в Хакодате парохода «Хуашан» сотрудники Петропавловской районной таможни (управляющий Выборнов) и ОГПУ конфисковали «меховую рухлядь»: пыжики, оленьи, нерпичьи, заячьи, собачьи шкуры, оленьи выпоротки и камусы у девятнадцати китайских подданных. На них наложили штрафы в двойном размере от стоимости изъятого.

28 октября в десять часов утра в агитпропкабинете началась первая однодневная шахматная олимпиада. Её устроитель — бюро шахматного кружка. Все желающие участвовать приносили свои доски и фигуры.

30 октября в музей краеведческого общества от окрисполкома поступили экспонаты, привезённые делегатами недавнего съезда Советов. Из долины реки Анадырь — ковёр, кухлянка и летние торбаса. От коряков селения Кахтана — ковёр, сумка и корзина из морской травы. Кустари-чукчи с побережья Берингова пролива поделились образцами своей продукции — шахматами из моржового клыка, фигурки которых изображали северных животных: белого медведя, песца, тюленя, зайца, северного оленя, моржа.

Горсовет, внимание

Я требую немедленной починки тротуаров.

Горсовет, слушай

У нас заглохла физкультура, а я желаю заняться ей и развить свою мускулатуру.

Запишите это в наказ

Горсовет, внимание

Я решительно заявляю — нам нужен Детский Клуб

Горсовет, внимание

Необходимо усилить борьбу с хулиганством в городе

Горсовет, слушай

— Тротуары все вычистили, а их опять пургой замело.

— Вот поэтому-то и город от нечистот не чистят — все равно снегом заметет.

ПРИМЕЧАНИЕ: После некоторого обсуждения, супруги решили включить в свой наказ пункт об улучшении санитарного состояния города

Клуб ССТС

7 апреля 1928 г.

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

ПРОГРАММА ВЕЧЕРА

1. Лесные жители — оперетка-шутка в 1 действии. Постановка М. Кренберг.

1. ЧУКОТСКИЙ ГОСТЬ — трагедия на тундре — в 1 действии. ПОСТАНОВКА Е. Скрипуцкого

1. Концертное отделение: а) Музыкальный квартет (рояль, скрипки, кларнет, ...) б) Итальянский квинтет. в) Краеведческий бок. г) Балет-лубок д) Частушки о Камчатке е) Песнь о великом походе.

Обе постановки идут при новых, специально написанных к вечеру декорациях и занавесе работы т. т. Житникова и Степанова.

Зрительный зал декорирован.

Буфет. Духовой оркестр. Танцы.

Начало в 8 час. вечера.

Предварительная продажа билетов в кассе Клуба ССТС с 5 часов вечера.

Ответств. распорядитель Житников.

Конферансье вечера Гарсов.

Наказы избирателей горсовету и объявление о краеведческом вечере.
Из газеты «Полярная звезда» за 1928 г. (из фондов ККОМ)

1 ноября в здании окрисполкома выступил с докладом «Исследование горячих ключей в верхнем течении реки Налычевой летом 1928 г.» натуралист П. Т. Новограбленов.

2 ноября постановлением окрсовета Осоавиахима создана отборочная комиссия по приёму и отправке курсантов в военную авиашколу. Желающие стать военлётами должны были до 15 ноября подать заявление и ознакомиться с условиями приёма.

6 ноября вечером по профколлективам прошли семейные вечера с воспоминаниями о былых схватках за светлую новь. Клуб ССТС дал бесплатный киносеанс.

7 ноября — одиннадцатая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции — главного государственного праздника Страны Советов. С утра улицы города запрудили толпы гуляющих. С лаем проносились собаки, на нартах трепетали красные флажки — это из окрестных деревень на праздник приехали крестьяне. В двенадцать часов дня на площади Свободы начался многолюдный митинг. В восемь вечера в клубе открылось торжественное заседание. В программе: доклад об одиннадцатой годовщине Октября и десятилетии комсомола. Помещение набито битком. На скамьях расположились представители профессиональных и общественных организаций, пограничники, крестьяне. На сцене в президиуме сидят руководители округа и города — товарищи Зыкин, Ларин, Краузе, Сидоров, Ивашкин, Биссенек, Янушкевич. С приветствием выступил И. Е. Ларин. «Зал громко аплодировал искренней речи старого большевика Камчатки, организатора борьбы за социалистические начала». Затем произнёс речь Н. Д. Зыкин, новый ответственный секретарь окрбюро ВКП(б). Он вспомнил о прошлых боях. После доклада все отправились на факельное шествие в исполнении комсомолии, затем смотрели в клубе «живой журнал».

8 ноября с девяти утра затрещали выстрелы: за Никольской горой начались стрелковые состязания. Погода стрельбе не благоприятствовала: шёл снег, дул порывистый ветер. Состязания затянулись: пришлось выжидать на линии огня, когда ветер немного стихнет. Первые места заняли: трёхлинейная винтовка — Петров («Динамо»), малокалиберная винтовка «Монтекристо» — Трофимов («Динамо»), револьвер «Наган» — Коровин (погранотряд).

В двенадцать дня на площади начались физкультурные игры и под занавес торжеств — вечером в клубе показ пьесы «Разлом».

В фойе школы, украшенном гирляндами и флажками, лозунгами и плакатами, гостей праздника встречала стенная газета

«Школьный луч» с красивым заголовком и интересными заметками. В семь вечера председатель ученического комитета Кочетков открыл торжественное собрание. Слово для доклада предоставлено товарищу Чен, который ясно и кратко изложил значение этого великого дня для мирового пролетариата. Далее выступала Голубецкая с рассказом о камчатском комсомоле. Затем демонстрировалась пьеса «Ловушка», прошли декламация, физкультурные номера, балет, выступление великорусского оркестра и хода под руководством учителя А. К. Чмутова. Вечер закончился комсомольским угощением и танцами.

11 ноября городская библиотека начала перерегистрацию читателей. Через неделю зарегистрировались двести восемьдесят пять человек. Ещё двести сорок, взявшие книги, пока не прибыли. Совсем недавно библиотека получила три с половиной сотни экземпляров новой литературы.

Типография предлагала изготовить желающим блокноты и записные книжки разного размера и в различных обложках, альбомы для стихов и открыток, служебные записки, накладные и квитанционные книжки, обложки «Дело», конторские и кассовые книги, художественные открытки, разные папки и общие тетради. «Прочно, аккуратно, быстро, дёшево!»

15 ноября в здании окрисполкома прошёл доклад членов краеведческого общества М. А. Жедяевского и В. Ф. Комарова «Поездки на Тимоновские горячие ключи и к вулкану Баккенинг». Интересный рассказ сопровождался показом диапозитивов.

Общество получило из Москвы от Наркомпроса триста рублей на научные исследования. Его библиотека пополнилась «Описанием земли Камчатки» С. П. Крашенинникова на русском и французском языках, «Чукчами» Богораза, «Коряками» Иохельсона, обе на английском. Книги прислала Академия наук СССР. В музей поступили орудия каменного века от учителя Нижнекамчатской школы Киянченко, гербарий от лесовода Корясенко из долины реки Камчатки, гербарий и образцы угля от профессора Преображенского из бухты Корфа, гербарий с Чукотки из бухты Лаврентия от доктора Кагана. Мильковский крестьянин Плотников прислал ножку чирка с японским кольцом, из залива Кресты доставлен толковый русско-эскимосский словарь, составленный эскимосом Айваковым.

20 ноября, во вторник, в семь часов вечера в клубе ССТС торжественно заседал окружной комитет РОКК по поводу десятилетнего юбилея своей деятельности.

2 декабря состоялся вечер, посвящённый «Десятилетию отдела работниц». В шесть часов вечера в старательно декорированном клубе ССТС открылось торжественное заседание. С приветствием к женщинам выступили ответственный секретарь окрбюро ВКП(б) Н. Д. Зыкин, председатель окрревкома В. Ф. Богатырёв, представители общественных организаций. Затем перед собравшимися прошли агитационный парад «Синей блузы», украинская комедия «Солоха» и дивертисмент. Хорошо подобранные и исполненные номера доставили публике большое удовольствие. Вечер завершился танцами. Среди прочего, уже привычного, женщинам показывали со вкусом устроенный уголок матери и ребёнка, где они могли наглядно видеть, как надо ухаживать за детьми.

7 декабря в помещении окрревкома ВКП(б) собрались городские комсомольцы. Повестка дня: «О культурно-массовой работе».

9 декабря в клубе ССТС работала конференция слушателей школ-кружков политграмоты, завершившаяся вечером «За учёбу». Участникам показали инсценировки, физкультурные упражнения, выступления синеблузников.

10 декабря редакция «Полярной звезды» провела общегородское собрание рабкоров. В числе прочего обсуждался вопрос о создании при газете литературного кружка. С приходом нового редактора А. Янушкевича газета изменилась: стала «толще», начала выходить два раза в неделю, а в воскресенье — с приложением. В наступающем году редакция обещала открыть новые рубрики: «Партжизнь», «Не правда ли, граждане», «За новую жизнь», «Наши предложения», а также ежемесячные литературную, в том числе и детскую, антирелигиозную, краеведческую, юмористическую станицы. Годовая подписка для горожан с января 1929 г. стоила тринадцать рублей. Среди годовых подписчиков обещали устроить лотерею.

22 декабря при школе-девятилетке организован шахматный кружок. В него записалось двадцать девять человек. Выбраны бюро и руководитель — педагог П. Т. Новограбленов. Бюро составили три ученика: Е. Богатырёва, Брагин, Мейта.

1929-й год подходил к концу, жизнь города продолжалась...

При написании очерка использованы материалы газеты «Полярная звезда», органа Камчатского окрбюро ВКП(б), окрревкома и окрпрофбюро, и дневник жителя г. Петропавловска-Камчатского, почётного полярника СССР Георгия Петровича Сычёва (1903—1974), хранящиеся в фондах Краевого государственного бюджетного учреждения «Камчатский краевой объединённый музей».